

А. С. ГРИБОЕДОВ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

А. С. ГРИБОЕДОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ
БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ
ТРЕТЬЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

А. С. ГРИБОЕДОВ

СОЧИНЕНИЯ В СТИХАХ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1987

ББК 84.Р1
Г 11

Вступительная статья
В. П. МЕЩЕРЯКОВА

Составление, подготовка текста и примечания
Д. М. КЛИМОВОЙ

Редактор Л. С. Гейро

Г $\frac{4702010100-026}{083(02)-87}$ 426—86

А. С. ГРИБОЕДОВ. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Александр Сергеевич Грибоедов для России — писатель поистине хрестоматийный. Вряд ли найдется в наше время человек, который, даже ухитрившись не прочитать «Горе от ума», не употреблял бы в разговоре грибоедовских афоризмов, давно превратившихся в пословицы.

И вместе с тем едва ли есть в истории русской литературы и общественного движения другая такая фигура, чья жизнь и творчество послужили почвой для стольких недоумений, гипотез и просто спекулятивных заключений.

«Схема биографии Грибоедова,— констатирует академик М. В. Нечкина,— стала застывать и костенеть на рубеже XX в. и в первое его десятилетие. 〈...〉 Грибоедовская тема уже обжилась в школьном преподавании 〈...〉 и постепенно сложился, а потом застыл убогий биографический трафарет, почти лишенный элементов истории». [1]

На первый взгляд, в данном случае биография художника не так уж и важна. Ведь Грибоедов остался в памяти потомков автором одной пьесы, созданной почти за два года до восстания 14 декабря 1825 года. Он был одним из тех немногих, кого привлекали к следствию по делу заговорщиков, но выпустили на свободу. «Горе от ума», воспринимавшееся декабристами как художественный манифест их движения, впоследствии в течение многих десятилетий интерпретировалось как повествование о несостоявшейся любви. Только в начале XX столетия возник вопрос: каковы были взаимоотношения Грибоедова с декабристами, являлся ли он их единомышленником и участником общего дела или относился к нему скептически?

Виднейший специалист по истории декабризма М. В. Нечкина в трех изданиях своей капитальной монографии «Грибоедов и декабристы» (последнее вышло в 1977 году) и других своих трудах убедительно пока-

---

[1] Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982. С. 85.

зала тесные и многообразные связи писателя с декабристским движением на всех этапах его развития. В работах ученого автор «Горя от ума» предстал как проницательный и энергичный деятель политического процесса, вовлекшего в себя самых мужественных и честных граждан первой четверти XIX века.

Но прошло время, и декабризм Грибоедова вновь был поставлен под сомнение. До некоторой степени это даже закономерно. В жизни и творчестве Грибоедова до сих пор немало «белых пятен», вследствие чего и возникает возможность различных толкований его биографии, политических воззрений и смысла отдельных моментов знаменитой комедии.

Напомним вкратце основные вехи творчества великого русского писателя и дипломата, чтобы попытаться разрешить хотя бы часть тех загадок, которые порождают все новые и новые недоразумения.

Итак, согласно общепринятой версии, А. С. Грибоедов родился в 1795 году, в Москве, в родовитой дворянской семье. В 1802 или 1803 году, то есть семи или восьми лет от роду, поступил в московский Благородный университетский пансион, а с 1806-го по 1812-й учился в Московском университете, где в эту же пору получали образование и многие будущие декабристы. В 1808 году Грибоедов был произведен в кандидаты словесных наук, а в 1810-м — в кандидаты прав! Но юноше и этого мало, он продолжает вперять в науки «ум, алчущий познаний».

В 1812 году, как и большинство его сверстников, Грибоедов, охваченный патриотическим подъемом, добровольно вступает в ополчение и вскоре переводится корнетом в Иркутский гусарский полк. Однако Грибоедову не суждено было принять участие в боевых действиях — помешала болезнь. Дальше Брест-Литовска его полк не пошел, и в 1815 году корнет Грибоедов вышел в отставку, поселился в Петербурге и посвятил себя театру.

Уже первая комедия, переведенная им с французского (1815), была встречена публикой приветственно. Грибоедов пробует свои силы и как критик и как поэт, но главная его страсть — драматургия. В 1817 году вместе с П. А. Катениным написал он не увидевшую света комедию «Студент», пародировавшую М. Н. Загоскина и круг «арзамасского братства»; в содружестве с другими авторами участвовал в создании комедий «Своя семья, или Замужняя невеста» (1818), «Притворная неверность» (1818), «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (1824). Грибоедов проявил себя как мастер изящной «светской комедии», его заметили в литературно-театральных сферах, но, по словам Пушкина, лишь «несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем, как о человеке необыкновенном». [1]

---

[1] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 265.

А среди его знакомых были люди самые разные. Тут и «молодые вольнодумцы» П. Я. Чаадаев, С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкин, М. Ф. Орлов, братья Муравьевы и многие из числа тех, кто в пасмурный зимний день 14 декабря 1825 года вышел на Сенатскую площадь, дабы свергнуть самодержавие.

Не чуждался Грибоедов и светских знакомств. Одно из них во многом определило его дальнейшую жизнь. В ноябре 1817 года Грибоедов в качестве секунданта принял участие в дуэли графа А. П. Завадовского с В. В. Шереметевым, закончившейся смертью последнего. Это трагическое событие глубоко потрясло Грибоедова и побудило его бросить рассеянную светскую жизнь. Дуэль при Александре I квалифицировалась как уголовное преступление, хотя до суда обычно и не доходило, но лица, замешанные в поединке, подвергались различным наказаниям. Грибоедов, который незадолго до злополучного поединка вступил в дипломатическую службу, был сослан на Кавказ секретарем Персидской миссии при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом генерале А. П. Ермолове. В беспрерывных странствиях по «немирному» краю и Персии нередко рискуя жизнью, провел Грибоедов почти пять лет, ревностно исполняя свои служебные обязанности и работая над комедией, обессмертившей его имя.

Возвратиться в Россию драматургу-дипломату удалось только в 1823 году, да и то лишь ненадолго, в отпуск. Грибоедов приехал в Петербург с рукописью «Горя от ума», произведением, которое вскоре стало событием культурной жизни страны. Но пьеса, разошедшаяся по России в сотнях списков, до 1833 года не появлялась в печати полностью. Грибоедов при жизни увидел опубликованной только часть ее да побывал на любительском представлении своей комедии.

В этот период пребывания в столице Грибоедов вновь попадает в среду «молодых вольнодумцев», будущих участников декабрьского восстания. Это — В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев, А. И. Одоевский, А. А. Бестужев... Грибоедов, конечно же, полностью был осведомлен об их настроениях и замыслах. Недаром в январе 1826 года по царскому повелению он был доставлен в Петербург и находился под арестом вплоть до лета. Существует ряд показаний «злоумышленников», которые признали, что Грибоедов являлся членом тайного общества, посягнувшего на основы монархии. Но Грибоедов решительно отвергал все предъявленные ему обвинения, многие из подследственных высказались в его пользу, да и заступничество влиятельной родни помогло. Грибоедова освободили «с очистительным аттестатом».

И снова Кавказ, Персия, снова дипломатические труды, для которых не хватало ни дня ни ночи. Их результатом был чрезвычайно нужный России Туркманчайский мир, заключенный в феврале 1828 года. В марте Грибоедов привез в Петербург трактат о мире и был принят императором, наградившим его и чином, и орденом, и деньгами. Но на аудиенции во

дворце дерзкий поэт отважился просить за сосланных друзей... Реакция царя была незамедлительной — Грибоедова отсылают подальше от двора, правда замаскировав опалу. Дипломат был назначен министром-резидентом в Персии.

Летом 1828 года Грибоедов покинул столицу, отправившись навстречу своей гибели. Тегеранская катастрофа, инспирированная европейскими державами, не желавшими терять свое влияние на Востоке, произошла 30 января 1829 года. Вскоре персидский шах отправил в Россию искупительную миссию, которую возглавлял внук шаха Хосров-Мирза. Помимо официальных извинений и заверений в том, что смерть русского посла является следствием трагических случайностей, Хосров-Мирза вручил Николаю I один из самых знаменитых драгоценных камней мира, трехгранный алмаз «Шах» — «цену крови» Грибоедова.

«Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни,— писал Пушкин.— Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна». [1]

Вот та, поневоле краткая, «летопись жизни» Грибоедова, творчество и дипломатическая деятельность которого исследуются во множестве трудов (только о Грибоедове-дипломате написаны три книги). И все же многое и в биографии драматурга и в его творчестве остается загадкой.

Начнем с первой, с даты рождения писателя.

1

Когда же все-таки родился А. С. Грибоедов? В «Краткой литературной энциклопедии» сказано: «4 (15) января 1795 года (по другим данным 1794)». В школьных учебниках и в календарях чаще фигурирует первая дата.

В послужных списках Грибоедова за 1813 и 1814 годы указано, что корнету Грибоедову «от роду» в первом случае 20 лет, а во втором — 21 год. Следовательно, он родился в 1793 году. В паспорте, выданном будущему драматургу в 1816 году, сказано иное: «от роду 22 года». Значит, год его рождения — 1794-й?

А по исповедным книгам московской церкви Девяти мучеников, что на Пресне, получается, что в 1805 году Александру Грибоедову было 10, в 1807-м соответственно — 12, а в 1810-м — 15 лет. Таким образом, год рождения — 1795-й?

Начиная же с 1818 года (в июне этого года Грибоедов был назначен секретарем Персидской миссии) в его послужных списках указывается, что он рожден в 1790 году. Списков этих сохранилось шесть (1818, 1819, 1820, 1826, 1828 и 1829), и везде «точка отсчета» одинакова.

---

[1] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 265.

Самые противоречивые сведения о годе рождения автора «Горя от ума» содержатся и в научной литературе. В «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара (1838) статью о Грибоедове до ее опубликования просматривали ближайшие друзья драматурга — С. Н. Бегичев, А. А. Жандр и В. Ф. Одоевский,— и означенный здесь 1793 год рождения не вызвал у них возражений. Но впоследствии Бегичев заявил, что Грибоедов родился в 1795 году. А известный историк М. И. Семевский подчеркивал, что Грибоедов, «как известно, родился в 1794 году». [1]

В 1874 году Н. П. Розанов тщательно проштудировал метрические книги всех московских церквей с 1790 по 1796 год, однако ни в одной из них записи о рождении Грибоедова не обнаружил. Он лишь выявил, что мать писателя, Н. Ф. Грибоедова, в 1790 году еще числилась девицей, проживающей в родительском доме. Так вроде бы отпала эта дата как год рождения драматурга.

Поиски продолжались и в конце XIX и в начале XX столетия, но положительных результатов все не было. Только в 1954 году А. И. Ревякин, еще раз просмотрев церковные ведомости, нашел запись о том, что 4 июля 1792 года была крещена сестра поэта Мария. Находка позволила вычислить дату венчания родителей Грибоедова — 1791-й. Ревякин отыскал и другую запись, гласящую, что 13 января 1795 года у отставного секунд-майора С. И. Грибоедова родился сын Павел.

Оперируя этими данными, Ревякин заключил: Грибоедов не мог родиться в 1790 году (мать не замужем), не мог он родиться и 4 января 1793 года, так как это означало бы, что он появился на свет через шесть месяцев после сестры. Сбрасывалась со счетов и версия 1795 года (в январе этого года родился Павел Грибоедов). Поэтому, считал Ревякин, из всех предполагаемых дат рождения, по методу исключения, остается 4 января 1794 года, что, кстати, подтверждается и паспортом 1816 года.[2]

Прошло почти четверть века, и ученый отказался от своих выводов. В написанной им «Истории русской литературы XIX в.» (1977) говорится, что наиболее вероятной датой рождения А. С. Грибоедова следует считать 1790-й. Во втором же издании учебника (1981) автор признал, что вообще все названные даты «не имеют ⟨...⟩ неоспоримой ⟨...⟩ достоверности» (с. 169).

Немало и других исследователей пытались обнаружить документ о рождении А. С. Грибоедова, но все так же безуспешно. Многолетние поиски не привели к однозначному результату.

И не могли привести. По той причине, что подобного документа и не существовало. В жизни Грибоедова многое окутано тайной. Однако если часть загадок объясняется просто плохой сохранностью архивов Грибое-

---

[1] «Москвитянин». 1856, № 12. С. 317.

[2] См.: Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Потемкина. Т. XLIII, вып. 4, 1954. С. 113.

дова и его окружения, то одна из них — год рождения драматурга — его родителями была создана, им самим поневоле поддерживалась, а потомками оберегалась еще долгие годы.

И расшифровывать эту загадку следует отправляясь не от документа, а от косвенных свидетельств друзей и знакомых Грибоедова.

В 1835 году в свое время довольно близкий к Грибоедову и печально знаменитый впоследствии издатель «Северной пчелы» Ф. В. Булгарин выпустил в свет роман «Памятные записки титулярного советника Чухина...». В романе под именем Александра Сергеевича Световидова был выведен А. С. Грибоедов (на этот счет есть свидетельство В. Ф. Одоевского). [1] Булгарин был хорошо осведомлен о многих подробностях жизни драматурга и малую толику своих познаний использовал в этом романе. «В юности Световидова,— писал Булгарин,— *пример родителей и недостаток нравственного воспитания* едва не увлекли его на стезю порока и едва не свергнули в бездну разврата, если б сила ума его и характера не удержала его».

Примечательно, что Булгарин дает свою хронологию жизни героя. Световидов — Грибоедов *«с двенадцатого года...* брал частные уроки у профессора университета, *на пятнадцатом* стал слушать университетские лекции, а *на осьмнадцатом* выдержал экзамен на степень кандидата...» [2] Все эти этапы ученических лет соответствуют действительности при том условии, что точкой отсчета является 1790 год.

Разумеется, только на этом основании считать, что Грибоедов родился в 1790 году, невозможно. Все же это роман, а не документ. Но ведь и в «Воспоминаниях...» о Грибоедове (1830) Булгарин употребил довольно странную формулировку: «Грибоедов родился около 1793 года». О дате рождения Грибоедова — и все какими-то полунамеками — говорили и другие современники.

И Пушкин в «Путешествии в Арзрум» (1836) несколько страниц посвятил Грибоедову. Внимание читателя может привлечь такая фраза: «Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств». Может быть, здесь подразумевалось участие Грибоедова в дуэли Шереметева с Завадовским, у которого он был секундантом (ноябрь 1817 года)? Клеветнические слухи о неблаговидном поведении Грибоедова в этой истории долгое время омрачали его жизнь. Нет, это не так. О поединке Пушкиным специально сказано: «...даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении».

Говоря о «следствии пылких страстей», Пушкин несомненно имел в виду нечто иное. Предположение подкрепляется и следующей фразой:

---

[1] См.: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913. Т. I, ч. II. С. 398.

[2] Полн. собр. соч. Фаддея Булгарина. СПб., 1843. Т. III. С. 28. Курсив мой.— *В. М.*

«Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда с своею молодостию и круто поворотить свою жизнь». Сопоставление этих двух суждений наводит на мысль, что в первом подразумевается что-то такое, что *изначально* заставляло Грибоедова держаться в тени «облаков», возникших помимо его воли. Слова многозначительные, но все же туманные.

Нужны более веские и определенные доказательства. И они есть. Еще при жизни Грибоедова и по его настоянию В. С. Миклашевич, гражданской женой Жандра (ни от Жандра, ни от Миклашевич Грибоедов не имел тайн), был начат роман «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия», оконченный только в 1836 году. Романом заинтересовался Пушкин, собиравшийся даже написать к нему эпиграфы, но не успевший выполнить обещания. Опубликовано «Село Михайловское» только в 1864—1865 годах, когда Миклашевич уже не было в живых.

Сразу же после выхода романа в свет читатели начали узнавать в его многочисленных персонажах реальных лиц. И Жандр, на глазах которого писался роман, неоднократно свидетельствовал, что все персонажи срисованы с натуры, называл и прототипов отдельных героев. В одном из писем Жандр подчеркивал, что Миклашевич *«не выдумывала ничего:* в ее книге нет ни одного лица, которое не жило бы во время происшествия и не действовало так, как она его описала». [1]

Заручившись этим свидетельством и отметив, что Жандр и Миклашевич свято чтили память Грибоедова и никогда не решились бы бросить на нее хоть малейшее пятно, выделим особо тот пласт романа, в котором действуют Грибоедов, А. И. Одоевский и Рылеев. Они, как указывал тот же Жандр, представлены в образах Рузина, Заринского и Ильменева, причем с большой долей сходства.

Особенно важны для нас те страницы «Села Михайловского», что посвящены взаимоотношениям Рузина — Грибоедова с родителями. Здесь подробно рассказано о том, что «сынок Пелагеи Матвеевны (матери Рузина.— *В. М.*) также шел в приданое», а Рузин-старший принял это условие, польстившись на богатство и родственные связи невесты.

Очень любопытен диалог Ильменева с молодым Рузиным. «А который тебе год, скажи-ка, милый Валерий? — *Матушка мне считает восемнадцать лет; но я не верю женской хронологии, а думаю, что мне гораздо больше*».[2] Реплика Рузина повисает в воздухе, если не принять в расчет, что она была нужна автору как своего рода «опознавательный знак», намек на реальность описываемого.

В дальнейшем это сообщение никак не используется и в ходе повествования никакой роли не играет. Но ведь даже и малоопытный

---

[1] «Историч. вестник». 1900, № 7. С. 199. Выделено А. А. Жандром.
[2] Миклашевич В. С. Село Михайловское. СПб., 1865. С. 249. Курсив мой.— *В. М.*

писатель не станет вводить детали, которые впоследствии не реализуются. Кроме того, известно, что в рукописи «Село Михайловское» прочли такие квалифицированные читатели и редакторы, как Греч, Жуковский и Пушкин. Кто-нибудь да должен же был обратить внимание автора на «избыточность» данной фразы. Однако этого не произошло. Видимо, для них в этой реплике не содержалось ничего странного.

Ясно, что Булгарин, Пушкин и Миклашевич говорят об одном и том же, разве что с разной степенью определенности. Но в то время, когда еще живы были мать, сестра и жена Грибоедова, говорить открыто, что он был рожден до брака его родителей, разумеется, не представлялось возможным.

Подобные соображения были существенны и для Д. П. Смирнова, дальнего родственника Грибоедова и его первого биографа, собравшего много ценных сведений об авторе знаменитой комедии. Публикация одной из неизданных при жизни Смирнова его работ о Грибоедове включает и письмо исследователя в дирекцию Публичной библиотеки в Петербурге (1857).

Смирнов запрашивал, может ли он сдать на хранение в библиотеку запечатанное в конверт «сочинение» о Грибоедове, содержание которого он не мог и не хотел объявить как современникам, так и «даже слишком близким после меня нисходящим линиям». [1] Однако дирекция не пошла навстречу такому желанию, и «сочинение» оказалось утраченным при пожаре.

Сын Смирнова Ю. Д. Смирнов спустя тридцать лет сообщил, что располагает копиями работ отца, но также воздержался от публикации части из них по соображениям, которые он находил «неудобным высказать в настоящее время». [2] И копии остались неизвестны литературоведам и историкам.

Очень похоже, что Смирнов и его сын имели в виду тайну происхождения Грибоедова, в силу чего и не решались обнародовать это «сочинение».

Здесь уместно будет присовокупить ко всему сказанному и еще один факт из семейной хроники Грибоедовых, на наш взгляд имеющий прямое отношение к исследуемой загадке. Уже в конце XIX века в прессе промелькнуло сообщение о том, что, со слов московских старожилов, А. Ф. Грибоедов (дядя драматурга) «развесил 〈...〉 в огромной зале своего хмелитского дома портреты трех своих сестер-красавиц, а Настасью Федоровну не удостоил этой чести за то, что она была дурнушка». [3] Факт очень примечательный, но думается, что интерпретация его

---

[1] См.: Ежегодник императорских театров. Вып. XVIII. Сезон 1907—1908 гг. С. 179.

[2] См.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 391.

[3] «Московские ведомости». 1895, № 4 (1554).

неверна. Подобному «остракизму» обычно подвергались те из родственников, кто запятнал фамильную честь недостойным поступком. А именно Настасья Федоровна, как мы теперь знаем, перед родней была сильно виновата.

Напомним еще раз, что послужные списки Грибоедова начиная с 1818 года, с того порубежного года, когда он, по словам Пушкина, решил «расчесться единожды навсегда с своею молодостию и круто поворотить свою жизнь», отсылают нас к 1790 году.

На эту же дату косвенно указывает и сам Грибоедов. В. В. Кожинов обратил внимание, что в письме от 4 января 1825 года Грибоедов печально сообщал Бегичеву: «Нынче день моего рождения, что же я? На полпути моей жизни скоро буду стар и глуп, как все мои благородные современники».[1] Исследователь замечает: «...по традиции, освященной Данте, половиной жизни считается тридцатипятилетие».[2] А Данте Грибоедов знал хорошо.

Можно, конечно, возразить, что вряд ли кто придерживается в подобных случаях столь точной хронологии, что Грибоедов имел в виду тридцать лет, что это просто совпадение с датой, выдвигаемой нами в качестве подлинной... Но не слишком ли много совпадений?

Основной массив косвенных и прямых данных отвергает показания исповедных ведомостей (кстати сказать, очень неточных, возраст исповедуемых там писался со слов и порой расходился с настоящим на два-три года), на которые так охотно ссылаются «сторонники 1795 года». Считать 1790 год истинным годом рождения драматурга мешало до сих пор не столько отсутствие точного документа, сколько стремление «выпрямить» биографию великого писателя.

Увы! Живая жизнь далеко не всегда согласуется с приличиями и правилами, как бы строго ни охраняли их блюстители морали. И как раз в XVIII столетии, этом «золотом веке дворянства», подобные ситуации не редкость. Далеко за примерами ходить не стоит. Бабушка Александра Сергеевича Марья Ивановна Розенберг (в первом замужестве Грибоедова) в 1797 году по именному указу Павла I утвердила в правах сына Федора, рожденного ею до замужества.[3] Настасья же Федоровна, видимо, почла за лучшее вообще не предавать случившееся огласке, в надежде на то, что время все сгладит.

И последнее. Кое-что проясняет и грибоедовский портрет, на котором он изображен «в отроческом возрасте» (этим изображением открывается книга «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». Под ред. Н. К. Пиксанова, примеч. И. С. Зильберштейна. М., 1929). Кем и когда написан портрет — неизвестно.

---

[1] Грибоедов А. С. Соч. М.; Л., 1959. С. 555.
[2] «Рус. литература». 1975, № 2. С. 147.
[3] См.: Шторм Г. П. Потаенный Радищев: 2-е изд. М., 1968. С. 178.

Худощавый — уже не мальчик, еще не совсем юноша... Серьезный, пытливый взгляд, книги на столе, уголок географической карты, через распахнутую дверь видна аллея тополей. Конечно, трудно определить возраст по картине. И все же что-то поддается расшифровке.

Судя по костюму, портрет написан в интервале 1805—1807 годов. В этом убеждает сравнение портрета с модными журналами и другими живописными работами той же поры, время создания которых мы знаем точно. Именно так датируется грибоедовское изображение и в сводном каталоге иконографии Литературного музея Пушкинского Дома АН СССР. Если бы Грибоедов родился в 1795 году, то на портрете он должен был бы выглядеть значительно моложе. Здесь ему никак не меньше пятнадцати-шестнадцати лет, а ведь должно бы быть десять-одиннадцать. [1] Итак, множество косвенных данных свидетельствует, что Грибоедов родился ранее «официально» принятой даты. Но почему же нет ни одного прямого указания ни в письмах, ни в мемуарах? Ведь во все времена сплетни распространялись быстро и широко и нередко оставляли глубокий след в людском сознании.

Ответить на этот вопрос можно по-разному. Вариант первый: никто не знал подлинного отца Грибоедова — Настасье Федоровне удалось сохранить его имя в тайне. Допустим, что так, сколь это ни маловероятно... Но тогда неясно, почему никто из пишущих об этом вообще ни единым словом, хотя бы в прикровенной форме, не коснулся такой немаловажной подробности? Скорее всего, потому, что случай был из ряда вон выходящим, а следовательно, и настолько щекотливым, что и без уточнения обстоятельств все знали, о чем шла речь. Другими словами, никто не упомянул об отце Грибоедова по той причине, что это положило бы тень на все дворянское сословие, ибо он был даже не «неровня» Настасье Федоровне, а еще ниже.

Наверное, не стоит даже и пытаться выяснить его имя — никаких отправных точек для поисков в этом направлении нет. Да и не в имени дело, а в самом факте...

Так и получается, что определение истинного года рождения Грибоедова становится задачей не формальной. Ее решение помогает понять, что заставило Грибоедова в 1818 году «круто поворотить свою жизнь». Испытавший сильное потрясение после смерти Шереметева, Грибоедов решил отрешиться от праздно-рассеянной светской жизни, начать все сызнова и в качестве первого шага указал подлинный год своего рождения. Это была нравственная акция: он сам себе доказывал свою твердость в неукоснительном следовании истине, которой он перед судом собственной совести впредь решился не изменять. Это с современной точки

---

[1] Более развернутое обоснование 1790 года как подлинной даты рождения А. С. Грибоедова см. в моей статье «Загадка Грибоедова» («Новый мир». 1984, № 12).

зрения человек, рожденный вне брака, в социальном плане ничем не отличается от прочих граждан. В начале XIX столетия все это выглядело иначе и влекло за собой печальные последствия. И надо было обладать немалым мужеством, чтобы не отрицать свое «незаконное» рождение.

Верно определив искомое, мы начинаем глубже осмыслять и другие эпизоды биографии и творческой деятельности автора «Горя от ума».

Тогда становится понятно, каким образом Грибоедов не только был однокашником по Благородному университетскому пансиону Д. В. Дашкова, Н. И. Тургенева, А. И. Якубовича, С. П. Трубецкого, зачисленных в пансион в 14—16 лет, но и учился не менее успешно, чем эти талантливейшие юноши, и, выделяясь даже в их рядах, получал награды.

Тогда в ином свете предстают и московские наблюдения над миром фамусовых, молчалиных и скалозубов, делавшиеся человеком с определенным житейским и нравственным опытом.

И пусть мы расстаемся с легендой о мальчике-вундеркинде, пусть и «Горе от ума» станет плодом мысли зрелой и души возмужавшей, взамен мы познаем подлинную житейскую драму.

«Облака», затмившие личную сферу жизни Грибоедова, распространили свою «тень» и на другие ее области. В частности, именно семейные обстоятельства помешали драматургу примкнуть к движению «молодых вольнодумцев» на ранней стадии развития заговора.

Одной из первых тайных декабристских организаций был Союз спасения, возникший в 1816 году в Петербурге. С большинством его членов (а их и всего-то насчитывалось около трех десятков) — Н. М. Муравьевым-Апостолом, Трубецким, Чаадаевым, А. Н. Муравьевым, Якушкиным — Грибоедов был коротко знаком или дружен. Членом Союза спасения (по другим данным — более позднего Военного общества) стал и Бегичев. А вот Александр Сергеевич, отлично осведомленный об образе мыслей заговорщиков и разделявший их убеждения, в члены Союза принят не был.

Рожденный, по словам Пушкина, «с честолюбием, равным его дарованиям», Грибоедов «долго был опутан 〈...〉 сетями мелочных нужд и неизвестности». [1] Словно наверстывая упущенное в студенческие годы и во время армейской службы в провинции (ведь он разменивал уже третий десяток), Грибоедов предавался светским удовольствиям и явно бравировал своим «гусарским» поведением. Его частенько видели в ресторациях, клубах и в маскараде в обществе записных гуляк и бретеров (П. П. Каверин, А. П. Завадовский и др.), почти каждый вечер бывал он за кулисами театра и в театральном салоне князя А. А. Шаховского. Д. И. Завалишин вспоминал, что Грибоедов тогда воспринимался как человек, «принесший из военной жизни репутацию отчаянного повесы, дурачества

---

[1] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 265.

которого были темою множества анекдотов, а из петербургской жизни — славу отъявленного и счастливого волокиты, наполнявшего столицу рассказами о своих любовных похождениях, гонявшегося даже и за чужими женами, за что его с такой горечью и настойчивостью упрекал в глаза покойный Каховский».[1]

Вот, в частности, какова причина «изоляции» Грибоедова от политических единомышленников. С их точки зрения, он не удовлетворял тем требованиям, что предъявлялись членами Союза спасения к нормам бытового поведения людей своего круга. Члены Союза спасения ко всему относились серьезно, даже ригористично. Грибоедов их модели поведения во многом не соответствовал.

Существовало и еще одно обстоятельство, которое также не улучшало репутацию Грибоедова в глазах членов Союза спасения. Ранней весной 1817 года в костромском имении Н. Ф. Грибоедовой начались волнения крепостных, длившиеся почти три года. Событие приняло широкую огласку, его взял под наблюдение сам царь, о костромском бунте грибоедовских мужиков упоминал впоследствии в своих мемуарах Якушкин.

А Грибоедов? Он не только не вмешался в тяжбу матери с ее «крещеной собственностью», но и в дружеском кругу предпочитал не затрагивать эту тему. Письма драматурга этого периода информируют нас о том, что, даже и не находя общего языка с родительницей, он старался ни в чем не прекословить ей.

Он знал, какие страдания выпали на долю Настасьи Федоровны в связи с его «незаконным рождением», и не решался спорить с ней, почитая себя не вправе доставлять матери, столько вытерпевшей из-за сына, хотя бы малейшие огорчения. Члены же Союза спасения, несомненно, воспринимали его молчание как симптом политической индифферентности и, естественно, считали, что Грибоедову не место в их рядах.

Что это было именно так, доказывает похожая история с Пушкиным. Видимые, так сказать, наружные грани поведения поэта в юношеские годы и в период южной ссылки осуждались даже ближайшими друзьями его. Их недовольство вызывали «чрезмерная подвижность пылкого нрава» Пушкина, его неосторожные реплики в общественных местах, «проказы». По воспоминаниям Пущина, декабристы желали, чтобы поэт «не переступал некоторых границ и не профанировал себя». [2] И Пушкин тоже не был принят в тайное «братство».

«Для современников молодости Грибоедова и Пушкина,— писал Завалишин,— они были совсем иные люди, чем для следующих поколе-

[1] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 265.

[2] Пущин Н. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 71. Несколько далее мемуарист еще раз отметил, что заговорщиков останавливало почти то же, что его самого «пугало»: «...образ его (Пушкина.— *В. М.*) мыслей всем хорошо был известен, но не было полного к нему доверия» (с. 72—73).

ний, которые смотрят на них сквозь призму последующих разъяснений из произведений и действий и еще чаще судят на основании позднейшей уже их деятельности».[1]

Это замечание весьма существенно, особенно по отношению к первому периоду жизни Грибоедова в Петербурге. Но ведь и принадлежность драматурга к декабристскому движению в 1824—1825 годах некоторым исследователям сейчас также кажется по меньшей мере проблематичной. Например, В. И. Левин заявил, что, «несмотря на огромное доверие, которым пользовался Грибоедов у декабристов, он не только не принадлежал к ним, но даже и не ведал, что живущий вместе с ним Одоевский (Александр.— *В. М.*) являлся членом этого общества».[2] Для доказательства этого постулата приводится развернутое сопоставление политических взглядов автора «Горя от ума» и... Чацкого. Находя сходство в «отрицательной» части их убеждений, Левин показывает, что позитивные программы героя комедии и ее автора далеко не идентичны. Шаткость таких построений, когда на основании слов героя стараются охарактеризовать мировоззрение писателя, очевидна.

Не так давно в «декабризме» Грибоедова усомнился и А. А. Лебедев. В письме драматурга к Жандру от 18 декабря 1825 года [3] есть слова, которые многими исследователями истолковывались как доказательство осведомленности Грибоедова, находившегося в тот момент в ставке Ермолова в станице Екатериноградской, о готовящемся перевороте. Грибоедов писал: «Какое у вас движение в Петербурге!! А здесь... Подождем». По этому поводу Лебедев саркастически замечает: «Последняя фраза очень нравится тем из исследователей Грибоедова, которые полагают своей задачей доказательство несомненной причастности Грибоедова к декабристскому движению или хотя бы горячего сочувствия Грибоедова этому движению. При этом начало письма 〈...〉 обязательно опускается. А ведь упомянутая фраза вообще не может быть верно истолкована вне определенного контекста, хотя бы контекста остального содержания письма и характерного высказывания относительно важности любования «эпистолиею». Да и что же сказано у Грибоедова в итоге всех рассуждений? „Подождем“».[4]

Здесь справедливо говорится о «контексте», в котором должна быть прочитана спорная фраза. Действительно, в начале письма Грибоедов, отвечая на не дошедшее до нас письмо Жандра, говорит, что корреспондент не одинок, что у него есть спутница жизни, есть друзья (А. Одоевский и сам Грибоедов). «И когда мы не вместе, есть о ком думать. 〈...〉 Да хотя

---

[1] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 140—141.

[2] Изв. ОЛЯ АН СССР. 1970. Т. 29, вып. I. С. 35.

[3] С. А. Фомичев по автографу этого письма устанавливает иную, более раннюю дату написания его — 12 декабря (см.: Фомичев С. А. Грибоедов в Петербурге. Л., 1982. С. 198, примеч. 20).

[4] Лебедев А. А. Грибоедов: Факты и гипотезы. М., 1980. С. 52.

бы у нас только и назначения было, чтобы тебе ко мне писать, а мне любоваться твоею эпистолиею, так есть за что благодарить бога. Как ты решил? Все равно, а я нынче весь день был занят твоими портретами. Вижу, что правда и огорчительная насчет Кат⟨енина⟩ и Кандида (лицо неустановленное.— *В. М.*)».[1]

А. А. Лебедев как будто забывает, что Грибоедов употребляет условную конструкцию: «Да хотя бы у нас только и назначения было...» К тому же и упоминание о Кандиде и Катенине, о которых Жандр сообщил огорчительную правду, придает письму оттенок намека на какие-то серьезные проблемы. Так можно ли видеть в этом послании всего лишь дружеское утешение слегка захандрившему Жандру и придавать выделенной Лебедевым фразе смысл, зачеркивающий остальное содержание письма? Не стоит упускать из виду и того, что мимолетность упоминания о петербургских ожидаемых событиях явно была нарочитой. Грибоедов знал, что большинство писем перлюстрируется, и, естественно, побоялся доверить бумаге пространное откровенное высказывание о делах, которые были прямой «государственной изменой». Лебедев считает, что «подождем» свидетельствует об уклонении Грибоедова от участия в заговоре. Но это по крайней мере натяжка. Что же иное мог сказать Грибоедов, удаленный на тысячу верст от столицы, в которой назревали события? При всем желании, если бы даже он тут же помчался в Петербург на перекладных, он успел бы прибыть туда не ранее чем через три недели (ровно столько понадобилось на путешествие Грибоедова с фельдъегерем из Грозной в столицу зимой 1826 года).

Кроме того, совершенно упускается из виду еще одно немаловажное обстоятельство. В середине декабря того же года (так определил время мемуарист, на которого мы ссылаемся ниже) Грибоедов после обеда у Ермолова сказал своему соседу по столу Реброву: «„В настоящую минуту идет в Петербурге страшная поножовщина"; это крайне встревожило Реброва...»[2] Это уже не недомолвка в письме, здесь вещи называются своими именами. Высказывание Грибоедова совершенно точно прокомментировано Нечкиной: «Почему Ребров был так встревожен и удивлен этими словами Грибоедова? Потому, что в тот момент, когда Грибоедов произнес их, никто на Кавказе еще не знал и не мог знать о происшествиях в Петербурге,— сообщения о них дошли до ермоловского корпуса много позднее. Сразу догадаться, узнав о смерти императора (Александра I.— *В. М.*), что в связи со сменой самодержцев на престоле последует попытка революционного переворота, вооруженного выступления, мог лишь тот, кто был в предварительном порядке осведомлен о планах выступления от самих членов тайной организации. Иное объяснение этому факту дать невозможно».[3]

[1] Грибоедов А. С. Соч. С. 576.
[2] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 152.
[3] Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 457.

Сомнение может вызвать лишь один нюанс: неужели заговорщики были столь неосторожны, что уведомляли соратников о своих планах и даже предполагаемом дне восстания письменно, пренебрегая угрозой прочтения писем властями? Да, так оно и было. Известно, например, что И. И. Пущин писал в Москву С. М. Семенову о начале восстания, приглашал приехать в Петербург к тому же сроку и Пушкина. Тот же Пущин сообщал 12 декабря находившемуся в Москве М. А. Фонвизину: «Когда вы получите сие письмо, все будет решено. Мы всякий день у Трубецкого и много работаем. Нас здесь 60 членов. Мы уверены в 1000 солдатах». [1] Надо полагать, что подобные письма рассылались и по другим адресам прочими декабристами или теми, кому они доверяли, причем большинство писем, конечно же, шло «с оказией». Грибоедов же, имевший опыт дипломатической службы и хорошо знавший, что любой документ может попасть в чужие руки, был осторожнее прочих и не откровенничал в переписке.

Нам сейчас остается только гадать, кто уведомил Грибоедова о назревавшем восстании: Бестужев, Кюхельбекер, Одоевский или тот же Жандр? Драматург, предупрежденный Ермоловым об аресте, успел сжечь компрометирующие его бумаги.

Кстати, почему Ермолов, пусть и испытывавший, несомненно, расположение к Грибоедову, все же решился на такой шаг, который, случись что-нибудь непредвиденное, угрожал бы ему самому? Только из дружбы к подчиненному и только из рыцарских побуждений (хотя и эти чувства вовсе не учитывать нельзя)? Но думается, что у Ермолова были для этого основания и посерьезнее.

Чтобы понять, чем мог руководствоваться в те дни всесильный наместник Кавказа, нам придется вернуться на полгода назад и проанализировать небольшое стихотворение, адресованное неизвестным автором некоему «Г.......ву». Познакомимся вначале с текстом.

С глубоким трепетом волненья
Я зрю тебя идущим в путь!
Тебе неведомо сомненье,
И страха тайное смущенье
В твою не проникает грудь.

Иди ж, свободой вдохновленный!
Иди принять судьбу свою!
А я, от вас отъединенный,
Ваш подвиг славный воспою.

Молю тебя: когда в содружном
Кругу ты примешь свой обет,
Друзьям и северным и южным
Мой братский передай привет.

---

[1] Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. С. 96.

Впервые опубликовавший это стихотворение в 1926 году Н. Л. Бродский писал: «Кому оно адресовано, трудно сказать, даже имея весь список декабристов, фамилии которых начинались с соответственной буквы». Затруднялся он определить и автора, подчеркнув лишь, что «по настроению, устремленному вперед, на путь грядущей борьбы, на исполнение «обета», в ожидании «судьбы», это стихотворение могло быть написано только до 14 декабря 1825 года». [1]

Полностью соглашаясь с Бродским в том, что послание «Г.......ву» могло появиться только лишь до 14 декабря, попробуем все же выяснить хотя бы, кому оно было адресовано. Известно, что для Николая I после окончания следствия по делу декабристов был составлен «Алфавитный список о всех прикосновенных к этому делу», [2] причем «Алфавит» был настолько подробен, что в него включили «несколько имен личностей, или не выясненных следствием, или вовсе не существовавших, мифических...». [3] Тем более трудно допустить, чтобы человек, общавшийся с участниками двух тайных обществ, не попал в поле зрения Следственного комитета.

Итак, фамилий, начинающихся на «Г» и оканчивающихся на «В», в «Алфавите» шесть: артиллерийский офицер Глебов, коллежский секретарь М. Н. Глебов, «отставной гусар» Голубков, подполковник Гвоздев, поручик А. С. Гангеблов и А. С. Грибоедов. Первые пять имен отпадают, ибо никто из них не был осведомлен о существовании двух тайных обществ и большинство оказались втянутыми в орбиту следствия случайно.[4] Остается один Грибоедов.

Как раз летом 1825 года он уезжал из Петербурга и встречался в Киеве с рядом лиц, принадлежавших к Южному обществу. Правда, тут мы сразу же сталкиваемся с противоречием. Как увязать скептицизм Грибоедова, о котором не раз говорили современники, с утверждением: «тебе неведомо сомненье»? Но разве не бывает так, что в кругу чрезмерно горячих энтузиастов человек спорит с их идеями, а в беседе с сомневающимися (автор стихотворения от «братьев», как он сам признает, «отъединен») те же мысли поддерживает? Ведь именно в эту пору (7 декабря 1825 года) Грибоедов писал Бегичеву: «Люди не часы; кто всегда похож на себя и где найдется книга без противуречий?» [5]

Судя по тому, что мы знаем о взаимоотношениях Грибоедова с декабристами, обстоятельства складывались примерно таким образом. По

---

[1] «Каторга и ссылка». 1926, № 1/22. С. 143.

[2] См.: «Рус. старина». 1898. Т. 11. С. 362.

[3] Восстание декабристов. Л. 1925. Т. VIII. С. 11.

[4] Подробнее об этом см. в моей книге: «А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие» (Л., 1983. С. 71—73). Здесь же (с. 75) мной высказано предположение, что наиболее вероятным автором этого стихотворения являлся А. А. Жандр.

[5] Грибоедов А. С. Соч. С. 574.

всей видимости, Грибоедов не во всем разделял планы Северного общества. Чтобы убедить его в масштабности заговора, петербургские декабристы сообщили драматургу о существовании Южного общества и о планируемом союзе с ним. Грибоедов поделился сведениями с автором стихотворения, которому он полностью доверял (или тот и сам был обо всем осведомлен),— в противном случае эта тема не фигурировала бы в стихотворении. А она обозначена совершенно четко («...когда в содружном Кругу ты примешь свой обет, Друзьям и северным и южным Мой братский передай привет»).

Надо полагать, что сообщение о возможности слияния сил для Грибоедова было весомым аргументом и он взял на себя миссию содействия объединению северных и южных «братьев». И, приняв такое решение, он уже не колебался. Вот почему в стихотворении и сказано: «Тебе не ведомо сомненье, И страха тайное смущенье В твою не проникает грудь». Если бы в Киеве Грибоедов получил весомые доказательства и серьезности намерений, и единодушия Северного и Южного обществ, он, вероятно, стал бы одним из активных деятелей общества объединенного. Однако этого не случилось. Северные и южные не нашли в тот момент общего языка.

Несомненно одно. Грибоедов был «полностью», как свидетельствовал Жандр, осведомлен обо всех планах заговорщиков, разделял их основные идеи, а декабристы видели в нем человека, который мог бы склонить на их сторону такого видного военачальника, как Ермолов, располагавшего реальными силами, которые могли бы сделать восстание выходящим далеко за пределы столицы.

В этой связи становятся понятными противоречия в показаниях подследственных о принадлежности Грибоедова к тайному обществу. Речь идет прежде всего об ответах Е. П. Оболенского. «В ⟨...⟩ покаянном показании Оболенский не сказал всего — он знал больше, нежели говорил. Почему он поместил Грибоедова в списке Южного общества, посредником между которым и Северным обществом был, кстати говоря, именно Оболенский? Значит, что-то, связанное с поездкой Грибоедова в Киев, было ему известно. Почему потом Южное общество он заменил Северным? В показаниях он не сказал об этом ни слова». [1]

Показания Оболенского имели под собой определенную почву. Следственный комитет интересовало, не искал ли Грибоедов, по поручению руководителей Северного общества, свидания с кем-либо из членов Южного и не устанавливалась ли тем самым связь с Ермоловым. А Ермолов и его мобильная, обладавшая боевым опытом армия представляли немалую угрозу для Зимнего дворца. Рылеев на этот вопрос ответил, что слышал о поездке Грибоедова в Киев от Трубецкого, но соратники из Южного общества, желавшие вовлечь поэта в заговор, «не успели в том».

---

[1] Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. С. 472—473.

Трубецкой также подтвердил версию Рылеева, выдвинув, правда, несколько иные мотивы: члены Южного общества действительно «испытывали» Грибоедова, но не обнаружили того образа мыслей, какого им бы хотелось.

«...Члены Васильковской управы и Трубецкой,— справедливо замечает Нечкина,— так упорно отрицали совершенно ничтожный для их «силы вины» факт, что они хотели принять в общество еще одного члена — Грибоедова, но из этого ничего не вышло. Признайся они в этом — за этой ниточкой потянулся бы большой план революционного выступления...» [1]

Все сказанное позволяет объяснить смысл «ипохондрии», овладевшей посланцем Северного союза после посещения Киева. 12 сентября 1825 года Грибоедов писал Бегичеву: «Скажи мне что-нибудь в отраду, я с некоторых пор мрачен до крайности.— Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется. Тоска неизвестная! воля твоя, если это долго меня промучит, я никак не намерен вооружиться терпением; пускай оно остается добродетелью тяглого скота. Представь себе, что со мною повторилась та ипохондрия, которая выгнала меня из Грузии, но теперь в такой усиленной степени, как еще никогда не бывало. ⟨...⟩ Ты, мой бесценный Степан, любишь меня тоже, как только брат может любить брата, но ты меня старее, опытнее и умнее; сделай одолжение, подай совет, чем мне себя избавить от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди».[2]

Все вышесказанное позволяет характеризовать Грибоедова как безусловного единомышленника «молодых вольнодумцев». Остается открытым лишь один вопрос: принадлежал ли Грибоедов и формально к тайному обществу? Жандр говорил о «полной» степени его участия в заговоре. Рылеев лаконично констатировал: «Он наш». Однако сам Грибоедов ни в чем не признался, а друзья его не выдали. Так и остается эта проблема не до конца решенной, хотя в работах М. В. Нечкиной и приведено множество косвенных фактов, свидетельствующих об организационной принадлежности Грибоедова к Северному обществу.

Сомнения эти, как нам представляется, могут быть устранены свидетельством Завалишина, который в своей неопубликованной работе «Грибоедов и его „Горе от ума“» сообщал о принадлежности драматурга к северным «братьям» как о факте самоочевидном, не нуждающемся в доказательствах. «Это было,— вспоминал Завалишин,— у А. И. Одоевского. Собрались пять-шесть членов Тайного Общества ⟨...⟩ Разговор перешел естественно на необходимость освобождения крестьян, причем Грибоедов особенно нападал на тех лжелибералов, которых весь либера-

---

[1] Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. С. 536.
[2] Грибоедов А. С. Соч. С. 569—570.

лизм заключается в болтании заученных либеральных фраз...»[1] Указаны и имена четырех из присутствующих: это сам мемуарист, Одоевский, Каховский и Грибоедов. В черновом варианте «Воспоминания о Грибоедове» (в рукописи статья называлась «По поводу юбилея Грибоедова», 1879) указаны и еще два декабриста из числа тех, кто постоянно собирался у Одоевского. «...Я был и свидетелем его сношений с членами Тайного Общества и, конечно, единственным лицом, с которым в здании Главного штаба Грибоедов мог говорить вполне откровенно и о последних событиях и о своих отношениях к лицам, участвовавшим в них (так как не раз мы с ним обедали у Одоевского впятером, он, я, Рылеев, Оболенский и хозяин), и, следовательно, отношения эти были и мне коротко известны».[2] Симптоматично, что в печатном тексте «Воспоминания...», опубликованном в том же году, эта фраза дана в несколько иной редакции, а фамилии Рылеева и Оболенского не упомянуты.

В пользу достоверности свидетельства Завалишина говорит и то обстоятельство, что он относится к Грибоедову, как и к большинству декабристов, с которыми тесно общался, с плохо скрытой (а иногда и подчеркнутой) антипатией. Мемуарист не столько возвеличивает личность автора «Горя от ума» и его творение, сколько старается низвести их до обыденного уровня. Поэтому свидетельство его становится особенно ценно, поскольку Завалишин просто констатирует факт, который, как он полагал, не требует никакой аргументации.

Возможно, что он намеревался рассказать об этом более подробно в статье «Воспоминания о Грибоедове и Пушкине», но, к сожалению, написал только ее вступительную часть, прервав работу в самом начале, хотя и не преминул подчеркнуть, что считает «не лишним, из всего мне известного, сообщить по крайней мере то, что может сообщено быть в настоящее время».[3] И хотя «Записки декабриста Д. И. Завалишина» во многом грешат предвзятостью и чрезмерно высокой оценкой собственной персоны, память его хранила многие чрезвычайно важные детали общения заговорщиков в конце 1824 — начале 1825 года, причем публикация его воспоминаний постоянно была сопряжена с многочисленными затруднениями. Так, в письме к Семевскому от 25 февраля 1881 года Завалишин сообщал: «Особенно могут представить интерес те статьи, которые были посыланы в разные издания и были даже и набраны, но не печатались по препятствиям от цензуры или по неустойчивости и изменении настроений редакций...»[4]

---

[1] Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), ф. 542; карт. 86, ед. хр. 15, л. 1.

[2] ГБЛ, ф. 542, карт. 86, ед. хр. 10, л. 1 об.

[3] ГБЛ, ф. 542, карт. 86, ед. хр. 14, л. 1.

[4] Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), ф. 265, оп. 2, № 1059, л. 19 об.

И заключительный штрих к политическому портрету Грибоедова... Ускользнув из когтистых лап «правосудия», Грибоедов буквально через три недели после освобождения почему-то счел нужным опубликовать в газете очерк «Загородная поездка» («Северная пчела». 1826, № 76, 26 июня) и поведать в нем о прогулке в Парголово.

Все уже знали, что следствие над узниками Петропавловской крепости подходит к концу, все ждали приговора со страхом и смятением, втайне надеясь на милосердие царя. Те же чувства испытывал и Грибоедов. В подобных условиях появление в газете такого «легкомысленного» произведения, приличествующего иным, не столь мрачным временам, представляется по меньшей мере странным. Да к тому же и напечатана «Загородная поездка» была без подписи автора. [1] Для чего это понадобилось Грибоедову?

Но стоит вчитаться в очерк внимательно, как начинаешь понимать, что появление «Загородной поездки» в печати было для Грибоедова насущной необходимостью.

Он спешил объясниться с друзьями, торопился, пока существовала хоть малейшая возможность выразить свое отношение к их делу и свое представление о главной причине, определившей неуспех восстания. Мастерски пользуясь эзоповым языком, Грибоедов обращал свое слово ко всем, кто мог его понять, надеясь, что и до узников (пусть лишь до немногих!) дойдет его послание.

Очерк начинается с того, что автор изъявляет желание удалиться куда-нибудь подальше от «центра отменно мелкой, ничтожной деятельности, кипящего муравейника» — Петербурга.

После этой «интродукции» следует открытый текст: «В сообществе равных нам, высших нас, так точно мы, ни ими, ни собой недовольные, возносимся иногда парением ума над целым человечеством, и как величественна эта зыбь вековых истин и заблуждений, которая отовсюду простирается далеко за горизонт нашего зрения».

Здесь дается оценка деятельности декабристов, оценка их звездного часа. Их «парение ума» (обратим внимание, что Грибоедов, как и в своей комедии, оперирует нравственно-философской категорией — «ума») имеет глобальные масштабы, поднимает их «сообщество» над целым человечеством. Пусть их действия и оказались «заблуждением», пусть они и зыбки, но тем не менее — величественны! Величественны настолько, что лишь потомкам дано оценить их всесторонне, для современников это пока задача непосильная. Грибоедов не скрывает, что им владеют смятение и тоска, что и настоящее и ближайшее будущее окрашены для него в мрачные тона. «Дым от выжженных и куриввшихся корней носился по дороге». Но это совсем не сладкий «дым отечества»! Это чад несбывшихся

---

[1] Обоснование авторства Грибоедова см. в моей книге: «А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие». С. 163—166.

надежд... «И чем ближе к Петербургу, тем хуже: по сторонам предательская трава; если своротить туда, тинистые хляби вместо суши».

В «Загородной поездке» Грибоедов указал и на причину провала восстания, лежавшую, по его глубокому убеждению, в изолированности декабристов от народных масс. «Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! ⟨...⟩ Народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами».

Вслед за указанием на отторженность дворян от народа следует сценка с народным театром. Автор дает понять, что упоминается произведение с героической тематикой — широко распространенная в среде «простолюдинов» народная драма «Лодка», заканчивающаяся разгромом помещичьей усадьбы «разбойниками». По цензурным условиям Грибоедов избегает подробного описания наблюдаемого зрелища (о концовке вообще не упоминается), ограничиваясь намеком, что некогда народная вольница способна была потрясать царские престолы. «Былые времена! как живо воскрешает вас в моей памяти эта народная игра...», когда удальцы, «по словам Шардена, в роскошном Фируз-абате угрожали блестящему двору шаха Аббаса», а затем «возвращались домой, где ожидали их любовь и дружба; их встречали с шумною радостью и славили в песнях».

В определенной мере идеализируя прошлое, Грибоедов тем самым подчеркивал социальное неблагополучие современности. Ссылаясь на Шардена, автора десятитомного «Путешествия в Персию», изданного в Париже в 1811 году и служившего в первой трети XIX века основным источником сведений об этой стране, Грибоедов тем самым вводил в повествование намек на запретное в ситуации лета 1826 года имя Степана Разина. У Шардена есть упоминание о том, что разинцы в 1699 году разорили Фируз-абат (Ферах-Абад). Так проницательный читатель с помощью отсылки к Разину подводился к выводу, что народ прославляет в песнях только того, кого считает своим.

В настоящее же время, констатировал Грибоедов, между дворянством и народом лежит глубокая пропасть. Дворяне не в состоянии понять чаяния народа, им чужды и его обычаи, и даже одежда. Да и народ стал иным. Не зря в начале «Загородной поездки» упомянуты белолицые красавицы и «торопливость их услужников», которые хотя и не относятся к числу «поселян», однако же вышли из этого сословия и даже живут неподалеку от церкви (иными словами, давал понять Грибоедов, который чтил древние храмы как колыбель национальной культуры, народные святыни и те находятся в забвении).

Проблема народа и взаимоотношений его с дворянством для Грибое-

дова в эти дни была центральным пунктом его горьких дум. Именно о народе и об изолированности от него образованного меньшинства мучительно размышлял он после своего освобождения. «Жизнь народа, как жизнь человека, есть деятельность умственная и физическая,— говорил Грибоедов.— Словесность — мысль народа об изящном. Греки, римляне, евреи не погибли оттого, что оставили по себе словесность, а мы... мы не пишем, а только переписываем! Какой результат наших литературных трудов по истечении года, столетия? Что мы сделали и что могли бы сделать!..» [1]

Таким образом, мысль Грибоедова все время обращена к одной и той же проблеме: что можно было бы сделать и что сделано. Эта проблема и составляет идейный стержень «Загородной поездки». Наблюдая «смелые черты и вольные движения» крестьянских мальчиков, рассказчик сравнивает их со «слушателями-наблюдателями». «Им казалось дико все, что слышали, что видели; их сердцам эти звуки невнятны, эти наряды для них странны». Весьма примечательно, что Грибоедов, упоминающий о своей принадлежности к «поврежденному классу полуевропейцев», тут же и отделяет себя от них (*им* казалось... *их* сердцам... для *них*...).

Мучительно переживавший крах восстания, который, по справедливому определению Нечкиной, для него был «не только горем личной дружбы, но исторической катастрофой»,[2] Грибоедов — писатель и гражданин не мог не выразить своих дум и чувств. В «Загородной поездке» все сказано между строк, но сделано это столь искусно, что цензура беспрепятственно пропустила очерк в печать.

А Грибоедов не только изъяснил причину неуспеха восстания и излил душу друзьям, но и мимоходом намекнул на свои связи с Южным обществом. С этой целью он снабдил очерк подзаголовком «Отрывок из письма южного жителя». Если бы подзаголовку не придавалось какого-то специального смысла, он бы вообще не понадобился. Кроме того, как уже отмечалось в научной литературе, эпитет «южный» не приложим к автору «Горя от ума». Его следовало бы назвать «кавказским» или «восточным» жителем, так как под югом в начале XIX века подразумевали Новороссийскую губернию и Крым.[3]

Номер «Северной пчелы», в котором появилась «Загородная поездка», вышел в свет, когда до казни пятерых и отправки остальных декабристов на каторгу оставалось две с половиной недели. В обстановке смятения и нервозности «недреманное око» властей проглядело анонимную статью с невинным заглавием.

---

[1] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 30.
[2] Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. С. 596.
[3] См.: Фомичев С. А. Заметки о грибоедовской текстологии. // А. С. Грибоедов: Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 202—205.

А Грибоедов, быть может первым среди тех, кто пережил 14 декабря, понял, что в корне изменить государственную систему без народа невозможно. Иное дело, что, осознав это, он не сумел, как Радищев, признать необходимость такой революции, в которой народным массам отводилась решающая роль. Грибоедов, как считает В. Н. Орлов, «ощутив слабость дворянских революционеров и обдумывая вопрос о решающей роли народа в истории ⟨...⟩ тем не менее, подобно Пушкину, остался в кругу идей просвещенного дворянства».[1]

Как бы то ни было, политические взгляды Грибоедова, формировавшиеся в процессе общения с «молодыми вольнодумцами», не только были близки к программе декабристов, но — в главном — были даже и глубже. Недаром Пушкин называл Грибоедова «одним из самых умных людей в России». [2]

Политическая деятельность Грибоедова даже и современникам была почти неизвестна, о его участии в движении декабристов знал лишь узкий круг друзей, которые и впоследствии не хотели компрометировать уже официально сложившуюся репутацию дипломата.

Но вот и литературная слава Грибоедова оказалась весьма своеобразной. И в прошлом и в наши дни его воспринимают прежде всего как «автора одной книги», как «литературного однодума». Пусть даже автора шедевра, но все же одного шедевра!

А между тем так просто не бывает. Любой шедевр возникает в результате определенного количества «проб пера», как итог усвоения художественных традиций.

2

В русской драматургии Грибоедов имел таких предшественников, как Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов, А. А. Шаховской. К началу XIX века в России уже сложился тип стихотворной комедии, движущей пружиной которой являлась прежде всего любовная интрига, но одновременно с тем (пока еще на периферии комедийного действия) решались, или по крайней мере ставились, социальные проблемы. Высшим достижением драматургии в этом плане был «Недоросль» Фонвизина. «Горе от ума» блестяще завершило эту линию развития русской комедии.

В начале своего творческого пути Грибоедов тяготел к легкой, так называемой «светской», комедии, далекой от обличения социального зла. Первый опыт драматурга представлял собой широко практиковавшийся тогда перевод-переделку с французского. Трехактная комедия Крезе де Лессера «Семейная тайна» (1809) [3] была превращена переводчиком

---

[1] Орлов В. Н. Грибоедов. М., 1952. С. 141.

[2] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 160.

[3] Она в свою очередь восходила к более раннему образцу — комедии Муасси «Новая школа жен» (1758).

в одноактную, что, естественно, повлекло за собой некоторые изменения в сюжете и композиции. Появились и стихи, отсутствующие в оригинале. Грибоедов сохранил французские имена, но ввел в пьесу отдельные эпизоды, скорее относившиеся к московскому или петербургскому, чем к парижскому быту. В них уже угадывается будущий мастер, но пока это лишь отдельные штрихи.

...со стороны об этом думать можно,
Что светских девушек образованье ложно,
Невинный вымысел, уловка матерей,
Чтобы избавиться от зрелых дочерей;
Без мыслей матушка проронит два-три слова,
Что дочка будто ей дарит рисунок новый;
Едва льзя выпросить на диво посмотреть.
Выносят наконец ландшафт или портрет,
С восторгом все кричат: «Возможно ль, как вы скрóмны!» —
А, чай, работали художники наемны.
Потом красавица захочет слух прельщать —
За фортопьяны; тут не смеют и дышать,
Дивятся, ахают руке столь беглой, гибкой,
Меж тем учитель ей подлаживает скрыпкой;
Потом, влюбленного как в сети завлекли,
В загоне живопись, а инструмент в пыли.

«Молодые супруги» — типично светская комедия. Конфликт в ней основан на любовных недоразумениях, ни о каких социальных противоречиях нет и помина. Так, по крайней мере, воспринимает ее читатель в наши дни. В 1815 году светская комедия на фоне совсем недавно воспринимавшихся с огромным энтузиазмом классицистических трагедий, учивших предпочитать государственное личному, выглядела иначе. «Молодые якобинцы», которые всего лишь год-два назад принимали участие в великих событиях, решавших участь европейских народов, уже начали понимать, что в политической атмосфере России повеяло холодом. Либеральный царь превращался в «кочующего деспота». Передовая молодежь, осознавшая тщету своих надежд на преобразование общественного строя «сверху», учится отделять официальное, казенное от интимного, человеческого. И в этом смысле «светская» комедия, зовущая зрителя отрешиться от псевдовозвышенных идей и страстей, выглядела как своеобразная фронда, оппозиция официальной идеологии.

Существовали и другие обстоятельства, способствовавшие успеху драматургического опыта Грибоедова. Комедия Крезе де Лессера была уже известна петербургским театралам в переводе активно пишущего в эти годы для сцены А. Г. Волкова. Его перевод, называвшийся «Урок женам, или Домашняя тайна», был близок не столько к духу, сколько к букве подлинника. Пьеса Волкова шла на петербургской сцене в 1812 и в

1814 годах, и даже в 1816 году, когда грибоедовские «Молодые супруги» уже пользовались популярностью и прочно вошли в столичный репертуар, волковский «Урок женам» давали дважды.

Волков уже имел определенные литературные навыки. Грибоедов впервые приобщался к драматургии — и тем не менее его перевод намного экономнее и изящнее. Более того. Несомненно, прав был Загоскин, который считал, что перевод Грибоедова «гораздо лучше» самого первоисточника. «Действие идет быстро; нет ни одной ненужной и холодной сцены: в ней (комедии Грибоедова.— *В. М.*) все на своем месте».[1]

Важно и то, что в первом опыте Грибоедова уже заявлены те принципы драматургического стиля, которые впоследствии найдут блестящую реализацию в «Горе от ума»: «...быстрая смена голосов, подхватывание реплик, сочетание иронической окраски речи персонажей с интимно-лирической, тяготение к афористическим высказываниям, к смысловым, ситуационным и интонационным контрастам или противопоставлениям». [2]

Не мудрено, что «Молодые супруги» полюбились зрителям, и даже самым взыскательным. Так, в литературно-театральном кружке «Зеленая лампа», в котором было много декабристов, считали, что «Молодые супруги» имеют «много достоинств по простому, естественному ходу, хорошему тону и истинно комическим сценам».[3] И в 1822 году Бестужев находил в «Молодых супругах» «живость стихов» и подчеркивал, что в авторе видно «большое дарование для театра».[4]

Вдохновленный успехом, Грибоедов задумывает создать произведение, в котором отразились бы центральные коллизии эпохи. Было ли это «Горе от ума» или что-то другое, с полной уверенностью сказать трудно. Споры о том, когда была начата знаменитая комедия, ведутся до сих пор. Одни исследователи относят начало работы над ней к 1816-му, другие к 1819-му, третьи отодвигают его к 1820-му, а то и к 1822 году.[5]

В пользу 1816 года говорит свидетельство Бегичева, мемуариста очень осторожного и точного. «...План этой комедии,— вспоминал Бегичев,— был сделан у него в Петербурге 1816 года, и даже написаны были несколько сцен...» [6]

«Горе от ума» еще только оформлялось в сознании автора, но основные идеи, образы и ситуации уже заявляли о себе в новых произве-

---

[1] «Северный наблюдатель». 1817, № 15. С. 55.

[2] Степанов Л. А. Драматургия Грибоедова//История русской драматургии XVII — первой половины XIX века. Л., 1982. С. 298.

[3] Декабристы и их время. М., 1928. Т. 1. С. 25.

[4] «Полярная звезда... на 1823 год». Спб., 1822. С. 34.

[5] См.: История русской литературы: В 4-х т. Л., 1981. Т. 2. С. 224; Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. С. 214; Петров С. М. «Горе от ума». Комедия А. С. Грибоедова. М., 1981. С. 17.

[6] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 26.

дениях. Некоторые черты образа Чацкого в известной степени предваряются автохарактеристикой Рославлева из «Притворной неверности» (1818), переведенной Грибоедовым с французского вместе с Жандром. Рославлев говорит о «любезниках»,

...которых нынче тьма:
Без правил, без стыда, без чувств и без ума,
И в дружбе, и в любви равно непостоянны.
Вот люди!.. И для них мои поступки странны,
Я не похож на них, так чуден всем кажусь.
Да, я пустых людей насмешками горжусь...

Роднит Рославлева с Чацким и высокий накал его чувств («...любить, как ты,— говорит ему Ленский,— на бешенство похоже»).

В «Притворной неверности» угадывается и общая коллизия «Горя от ума»: «странный» молодой человек выглядит чужим в обществе, хотя причина конфликта порождена отнюдь не социальными противоречиями. Все тревоги пылкого Рославлева и чрезмерно рассудочного Ленского в итоге, как и полагалось по законам жанра, оказывались ложными, самодовольный и ограниченный Блёстов оставался одураченным, а влюбленные обретали счастье.

Наметки характеров, глубоко разработанных в «Горе от ума», можно видеть и в комедии «Студент», сочиненной Грибоедовым вместе с Катениным в 1817 году. Полемически заостренная пьеса возникла как ответ на выпад Загоскина в адрес Грибоедова.[1] Для нас, однако, важнее другое. Элементы реалистического изображения характеров (самодур Звездов, отчасти предваряющий Фамусова, близкий к Молчалину Полюбин) дают основание предполагать, что бóльшую долю работы выполнил Грибоедов, а это, в свою очередь, позволяет теснее сблизить «Студента» с «Горем от ума».

На первых порах Грибоедов охотно вступал в кратковременные творческие содружества с драматургами — Катениным, Жандром, Шаховским, Н. И. Хмельницким. Позднее, в «Горе от ума», он иронизировал над подобными союзами:

...вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.

Да и содержание таких водевилей казалось ему тривиальным уже в 1818 году.

Вот лес и вот вода,—
Так главное готово.
На завесе река,

[1] Подробнее об этом см. в моей книге «А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие». С. 41—51.

Пусть будет же: «Ока».
Готово и названье
Благодаря реке:
«Пирушка на Оке».
Иль: «За Окой гулянье»;
И песнями начать,
И плясками кончать!

(«Проба интермедии»)

Было в этом совместном «сочинительстве» и полезное для Грибоедова. Сотрудничая с Шаховским и Хмельницким («Своя семья, или Замужняя невеста», 1817), Грибоедов учился у более опытных соавторов постижению законов сцены, оттачивал речевое мастерство, вырабатывал изящество и легкость стиха.

Грибоедов начинал чувствовать, что он уже «встал на ноги». Вот почему он счел возможным опубликовать пять сцен, написанных им для «Своей семьи...», в «Сыне отечества» (1817, № 48) еще до постановки пьесы в театре и появления ее полного текста в печати. Действительно, в сценах, принадлежащих Грибоедову, царит свободная раскованность живой разговорной речи, так свойственной «Горю от ума». Старая барыня обличает «невежество» молодежи:

...и родственников даже —
Вот посещают как: сам барин дома спит,
Карету и пошлет, а в ней холоп сидит,
Как будто господин; обрыскает край света,
Швыряет карточки!..

С каждым новым произведением Грибоедов двигался вперед. Это, хотя и post factum, замечали уже современники. Например, Кюхельбекер записал в своем дневнике 9 августа 1833 года: «... С наслаждением прочел я несколько явлений из комедии «Своя семья», написанных Грибоедовым: в этом отрывке виден будущий творец „Горя от ума“!» [1]

Современный исследователь также усматривает в ранних произведениях драматурга истоки художественного мастерства, достигнутого в «Горе от ума». «Чрезвычайно важна для понимания поэзии Грибоедова,— пишет И. Н. Медведева,— изначальная ⟨...⟩ склонность его к так называемому вольному стиху, разностопному ямбу, имитирующему свободную речь с переменной, разговорной интонацией».[2]

---

[1] А. С. Грибоедов в русской критике. М., 1958. С. 39.
[2] Медведева И. Н. Творчество Грибоедова//А. С. Грибоедов. Соч. в стихах. Л., 1967. С. 31 (Б-ка поэта. Б. С.).

Вольный стих, в XVIII веке закрепленный за басенным жанром, в начале XIX столетия становится достоянием и легкой комедии. Это была заслуга прежде всего Шаховского, у которого Грибоедов учился непринужденному изяществу стиля. Правда, преувеличивать значение «школы» Шаховского не стоит: даже симпатизируя автору, Грибоедов видел несовершенство его пьес. Уже и в 1817 году он иронизировал над шаблонностью характеров в комедии Шаховского «Пустодомы», а семью годами позднее отмечал, что в «Послании Вольтера, или Шестьдесят лет антракта» драматург улавливает «прозаическое сходство», но не создает подлинного образа фернейского философа.

Художниками, в которых Грибоедов видел не пример для подражания (его талант был слишком самобытен, чтобы грешить эпигонством), а эстетические вершины прошлого и настоящего, произведения которых помогали осознать законы изображения глубинной психологии человека, являлись для него Шекспир и Гёте.

В мемуарах Р. М. Зотова репертуар русского театра и литературные вкусы 1810-х годов охарактеризованы следующим образом: «Мы 〈...〉 были слишком пристрастны к французской школе и покорялись великим образцам — Корнелю, Расину, Мольеру. Мы уже поздно познакомились с Шекспиром и Шиллером, не смея еще быть русскими».[1]

Грибоедов еще в бытность на военной службе понял ограниченность классицизма, проявившуюся в том, что Корнель, Расин, Мольер, кумиры театра начала XIX века, «вклеили свои дарования в узенькую рамочку трех единств» и «не дали воли своему воображению расходиться по широкому полю».[2] И тогда же будущий писатель восхищался «Фаустом» Гёте, знал почти наизусть Шиллера и Шекспира. Самостоятельно выработанные эстетические представления Грибоедова опережали свое время.

И в 1820-е годы эстетическая эволюция Грибоедова не повторяет всеобщей. Речь идет об отношении к Байрону. Для литераторов-декабристов английский поэт был образцом сочетания художника и общественного деятеля в одном лице. Именно с этой точки зрения оценивал Байрона Рылеев («На смерть Байрона», 1824):

Был, к удивленью века, он
Умом Сократ, душой Катон
И победителем Шекспира.

Чрезвычайно высоко ставил Байрона и Бестужев. «Я не знаю человека,— писал он Пушкину,— который бы лучше его, портретнее его очеркивал характеры, схватывал в них новые проблески страстей и страстишек». [3]

---

[1] Записки Рафаила Михайловича Зотова//«Историч. вестник». 1896, № 7. С. 49.

[2] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 26.

[3] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. XIII. С. 149.

Каково же было удивление Бестужева, когда при первой встрече с Грибоедовым тот не согласился с его восторженной оценкой и заявил, что Байрон по силе таланта во многом уступает Гёте. Автор «Фауста», подчеркнул Грибоедов, «объясняет своею идеею все человечество; Байрон, со всем разнообразием мыслей,— только человека». Когда же Бестужев продолжал сопоставление Байрона и Гёте, вспомнив Шекспира, у которого каждая пьеса «сохраняет единство какой-нибудь великой мысли, важной для истории страстей человеческих...», Грибоедов закончил спор, заметив, что не признает суда над поэзией, «где красоты ставятся в рекрутскую меру».[1]

В этой беседе выявляется не только отношение Грибоедова к ведущим художникам прошлого и современности, в ней, в сущности, обнаруживается точка зрения Грибоедова на романтизм в целом. Еще в 1816 году он зарекомендовал себя как противник «туманной» поэзии, в которой на первом плане «тощие мечты любви идеальной», а «натуры ни на волос» (статья «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады „Ленора“»). В 1824 году (летом этого года и состоялась беседа Грибоедова с Бестужевым) односторонность романтического подхода к изображению сложной и противоречивой психологии современного мыслящего человека была для него совершенно ясной. Шекспир и Гёте, по мнению Грибоедова, вплотную приблизились к тому, что позднее назовут типизацией, тогда как Байрон применял лишь одну из моделей мироощущения, причем индивидуалистическую.

Но и отдавая должное гению Гёте, Грибоедов все же не боялся отступать от правил, на соблюдении которых настаивал автор «Фауста». Гёте считал недопустимым нарушать границы между жанрами, смешивать «возвышенное» и «низменное». Он полагал, что «одно произведение искусства следовало бы отделять от другого непроницаемым заколдованным кругом, и каждое произведение искусства следовало бы сохранять в его собственном виде, с его собственными особенностями, как это делали древние, благодаря чему они стали и были такими художниками».[2] Грибоедов же создал пьесу, названную им комедией, но которая одухотворена ощущением подлинного драматизма, проистекающего из разлада между действительностью и идеалом.

Грибоедов осознал, что каждый подлинный художник создает новые жанры и собственную поэтику. Свои мысли по этому поводу Грибоедов сформулировал в письме к Катенину в январе 1825 года: «Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытвержденного, приобретенного пóтом и сидением искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушки-

---

[1] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 99.
[2] Гёте и Шиллер. Переписка. М., 1937. Т. 1. С. 370.

ным преданиям, нежели собственной творческой силы,— тот, если художник, разбей свою палитру, и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем спорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? nygae difficiles.[1] Я как живу, так и пишу свободно и свободно».[2]

Пушкин не знал этого письма, но с гениальной проницательностью высказал тому же Бестужеву свое мнение о «Горе от ума», подчеркнув: «...драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным».[3]

Отвергая «узенькие рамочки» классицизма, Грибоедов тем не менее не побоялся сохранить пресловутые «три единства», поскольку они, как нельзя лучше для его замысла, позволяли уплотнить время, сконцентрировать действие, поставить в центр событий «драму идей». Соблюдена и классическая расстановка сил: незадачливый любовник (Чацкий), недалекий отец (Фамусов), «счастливый» любовник (Молчалин), влюбленная девушка (Софья), устраняющая препятствия субретка-резвушка (Лиза). Действие, как и положено, основано на цепи случайностей. Даже заглавие пьесы выдержано в духе классицистского канона (нравоучительный афоризм).

Все так, и все иначе. Все традиционное иронически переосмысливается Грибоедовым. Интригу движет не любовь, а полярность мировоззрений. Герои то и дело «выламываются» из привычного амплуа (вспомним, как разносторонни и Фамусов и Молчалин, как многолик Чацкий, неоднозначны даже второстепенные персонажи). Привычный круг действующих лиц чрезвычайно расширен за счет фигур, которые не появляются на сцене («народ действующих лиц», по определению Вяземского [4]), но активно участвуют в событиях. Наконец, и заглавие вопреки строгой логичности классицистского театра может быть истолковано двояко («ум» приносит «горе» и Чацкому и фамусовскому обществу). Разнокачественные жанрово-стилистические стихии в «Горе от ума» незаметно переходят одна в другую, образуя в результате новое единство, которое следовало судить уже по новым законам нарождающегося реалистического искусства.

Все это сбивало с толку современников, привыкших к тому, что позиция автора должна быть недвусмысленной, а комедийное действие «не имеет права» отягощаться философскими раздумьями и лирикой. Комедии Грибоедова, считали многие, не хватает легкости, недостает «действия». Даже Катенин, который, по словам самого Грибоедова, способствовал «зрелости... дарования» автора «Горя от ума», и тот судил о пьесе с нормативных позиций, считая, что «эта фантасмагория не те-

---

[1] замысловатые пустяки (лат.).
[2] Грибоедов А. С. Соч. С. 558.
[3] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 138.
[4] Вяземский П. Фон-Визин//«Современник». 1837, № 1. С. 68.

атральна».[1] В отсутствии четко обдуманного плана и движения «Горе от ума» будут обвинять на протяжении многих лет.

Смысл этого заблуждения был раскрыт еще Кюхельбекером, на глазах которого рождалась комедия. «В «Горе от ума»...— записал Кюхельбекер в своем дневнике в 1833 году,— вся завязка состоит в противоположности Чацкого прочим лицам; тут, точно, нет никаких намерений, которых одни желают достигнуть, которым другие противятся, нет борьбы выгод, нет того, что в драматургии называется интригою. Дан Чацкий, даны прочие характеры, они сведены вместе, и показано, какова непременно должна быть встреча этих антиподов,— и только. Это очень просто, но в сей-то именно простоте — новость, смелость, величие того поэтического соображения, которого не поняли ни противники Грибоедова, ни его неловкие защитники».[2]

К словам Кюхельбекера остается добавить немногое. Мнимая приверженность Грибоедова к «незыблемым» правилам классицизма на деле обозначала ту высшую степень поэтической свободы, какая доступна лишь большому художнику, уверенному в том, что он избирает единственно верный путь.

В «Горе от ума» конфликт между «антиподами» представлен как непримиримое столкновение «века нынешнего» с «веком минувшим», как борьба двух общественных лагерей, сложившихся после Отечественной войны, причем длительный и сложный этот процесс изображен столь концентрированно, что введение в пьесу новых персонажей и событий только ослабило бы эффект правдоподобия.

В основе любого художественного произведения лежат нравственный и эстетический идеалы, во имя которых творит создатель. Вряд ли стоит останавливаться на том, что отвергает Грибоедов в «Горе от ума». Сложнее обозначить то, что он защищает, какой мерой измеряет возможности положительного героя.

Для этого необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать ту образовательно-эстетическую программу, которую наметил себе и неукоснительно выполнял Грибоедов. От русского писателя он требовал досконального знания всех сфер национальной духовной культуры. «Чтобы совершенно постигнуть дух русского языка, надобно читать священные и духовные книги, древние летописи, собирать народные песни и поговорки, знать несколько славянских, русских, богемских и польских грамматик и рассмотреть столько же словарей; знать совершенно историю и географию своего отечества. *Это первое и необходимое условие*».[3] Устойчивый интерес ко всем проблемам истории и народности в высшей степени показателен для драматурга. Так, к 1818 году относятся его «Заметки о Петре I»,

---

[1] Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. Спб., 1911. С. 78.
[2] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 259—260.
[3] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 55.

в которых присутствуют размышления о «естественном» пути развития России. Стремление познать древнейший период отечественной истории во всех деталях проявилось в «Desiderata». Заметки Грибоедова по вопросам медиевистики и сегодня позволяют назвать его эрудированным и проницательным комментатором «Слова о полку Игореве». Грибоедов едва ли не первым в русской литературе воспроизводит содержание народной драмы «Лодка» (в очерке «Загородная поездка»), использует народный раешный стих («Лубочный театр»). Духом русского фольклора проникнут и лишь начатый «Домовой».

Разыскания в области национальной исторической жизни и национального искусства с неизбежностью влекли за собой обоснование понятия народности в качестве основного эстетического и нравственного критерия искусства. Высказав в 1816 году свои теоретические соображения по поводу народности в статье «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады „Ленора“», Грибоедов воплотил свое представление о народности и в художественной практике, в «Горе от ума».

Народ как таковой (за исключением Лизы, в которой проглядывают и условные черты субретки) в комедии не присутствует. Он остается за сценой и лишь упоминается в монологах Чацкого, но именно в народной среде обнаруживает писатель те моральные нормы, которыми оцениваются и личность и общество в целом.

Фамусовское общество так же противопоставлено народу, как сам Чацкий «соратникам» Фамусова. Московское дворянство (а Москва всегда воспринималась как исконно русский город) оказывается абсолютно лишенным связей с родной почвой. Европейское для него во всем, начиная с покроя фрака и кончая стилем поведения и языком, выше русского:

Как европейское поставить в параллель
С национальным? — странно что-то!..

Если народ характеризуется Чацким как «умный», «бодрый», то фамусовское общество поражено недугом ленивой безмятежности или суетливого беспокойства. Оно либо живет вообще бездумно, либо довольствуется случайно подхваченными, непрочувствованными обрывками чужеземных идей («английская складка» князя Григория, «итальянская» ария Евдокима Воркулова, «отрывок» Ипполита Удушьева, смесь французского с нижегородским, принятая повсеместно). Фамусову, этому «идеологу» московского дворянства, в книге прошлого дороги те страницы, на которых Чацкий видит лишь позорные примеры «пылкого раболепства». Для самого же Грибоедова понятия «народный» и «мудрый» почти идентичны. «Истинно русская, мудрая голова»,— аттестовал он Ермолова в письме к Кюхельбекеру.[1]

---

[1] Грибоедов А. С. Соч. С. 572.

В фольклорной традиции народ искони назывался «добрым». Фамусовское общество и в этом плане проигрывает по сравнению с народом. В заключительном монологе Чацкого оно обрисовано как

Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,

как сборище

Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором.

Грибоедову, как и многим декабристам, были дороги старинные русские обычаи и даже одежда. Чацкий полностью разделяет вкусы автора, а для Фамусова и его присных все это — звук пустой. «Французик из Бордо» в московских гостиных чувствует себя «маленьким царьком», находя «такой же толк у дам, такие же наряды», как и у себя дома.

Таким образом, народный ум в пьесе Грибоедова противопоставлен дворянскому «здравому смыслу», а «осознание того, что подлинные ценности — в этом разуме, обуславливает новый «ракурс» эстетического восприятия жизни — с позиций народности, что позволяет Грибоедову (наряду с Крыловым и Пушкиным) открыть реалистическую эру в русской литературе».[1]

Безумие мира Фамусовых особенно страшно тем, что народ — ведущая сила нации — унижен, забит и поруган. Общая направленность пламенных тирад Чацкого, обличающего порядок, при котором процветают одни «знатные негодяи», не может не восприниматься как решительное отрицание главной опоры царизма — института крепостничества. Именно социальная острота «Горя от ума» и сделала его художественным манифестом декабризма. И как своеобразный комментарий к речам Чацкого звучит экспромт Грибоедова, не предназначавшийся для печати:

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»...

Осуждение *неразумной* крепостнической морали лежит и в основе незавершенных произведений: драмы «1812 год» и трагедии «Грузинская ночь». В «Грузинской ночи», содержание которой известно нам лишь в пересказе современника и в нескольких небольших отрывках, как и в

---

[1] Фомичев С. А. Автор «Горя от ума» и читатели комедии// А. С. Грибоедов: Творчество. Биография. Традиции. С. 19.

«1812 годе», намечена была проблема столкновения личности с бесчеловечным строем. Тема неволи должна была стать ведущей и в незавершенном стихотворении «Кальянчи».

Проблема свободы в «Горе от ума» исследуется с различных точек зрения, в том числе и в философском аспекте. В итоге автор приходит к горькому выводу: даже самый умный и просвещенный человек, чуждый предрассудков, не может быть свободен в обществе, которое основано на угнетении. Но эта мысль не заслоняет главного в Чацком, его бунтарства. И декабристы и последующие поколения передовых общественных деятелей России видели в Чацком первого по времени борца с самодержавием, запечатленного средствами искусства. «Чацкий,— писал А. И. Герцен в статье «Еще раз Базаров» (1868),— если б пережил первое поколение, шедшее за 14 декабрем в страхе и трепете, сплюснутое террором, выросшее пониженное, задавленное,— через них протянул бы горячую руку нам. С нами Чацкий возвращался на *свою* почву».[1]

Подобное восприятие Чацкого закономерно, ибо драма героя не есть драма отдельного человека в сфере личного. Это драма личности, исполненная идейного смысла. Чацкий, утверждал И. А. Гончаров, «неизбежен при каждой смене одного века другим. Положение Чацких на общественной лестнице разнообразно, но роль и участь все одна, от крупных государственных и политических личностей, управляющих судьбами масс, до скромной доли в тесном кругу».[2] Гончаров не пророчествовал, а только констатировал уже известное. С Чацкого в русской литературе начинается галерея образов специфически русского типа правдоискателей, которых ум и сердце заставляют воевать с рутиной и неправдой. Не случайно Достоевский отмечал «беспрерывную повторяемость» этого типа в нашей литературе.[3]

Драма Чацкого возникла на русской почве, но вместе с тем она отражала и более широкий, общеевропейский процесс. Герой Грибоедова воспитывался на идеалах века Просвещения и верил в то, что разум и гуманные чувства могут преобразовать мир. Отсюда и его пылкая несдержанность в речах, обращение с проповедью к тем, кто не может услышать ее. Действительность показала несостоятельность просветительства, бесперспективность рационалистического мышления эпохи Просвещения.

И все же пафос комедии оптимистичен. «Чацкого роль — роль страдательная: оно иначе и быть не может,— писал Гончаров.— Такова роль всех Чацких, хотя она в то же время и всегда победительная. Но они

---

[1] Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1960. Т. 20, кн. 1. С. 342—343.

[2] Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1980. Т. 8. С. 43.

[3] См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1980. Т. 20. С. 229.

не знают о своей победе, они сеют только, а пожинают другие — и в этом их главное страдание, то есть в безнадежности успеха».[1] Этого не мог знать Чацкий, но об этом догадывался его создатель. И в связи с этим гипотеза современного исследователя, полагающего, что смысл фамилии главного героя происходит от слова «чаять» (надеяться), а не от «чада» развеянных надежд, кажется наиболее близкой к замыслу Грибоедова.[2]

Итак, страдание, выпавшее на долю Чацкого, залог лучшей участи грядущих поколений. Но почему же тогда «Горе от ума» названо комедией? Так ли уж смешон Чацкий, даже «рассыпающий бисер» перед гостями Фамусова? Чем вознаграждается «добродетель» и как наказывается «порок» — одно из обязательных условий комедийного жанра? Безусловно, в «Горе от ума» немало образов, выписанных с эпиграмматической резкостью и ярким комизмом, но все же назвать пьесу комедией в чистом виде как-то затруднительно.

И у самого автора на сей счет имелись некоторые сомнения. «Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его»,— писал он о своем задушевном создании. Едва ли следует понимать слово «поэма» буквально. Скорее всего, это просто вольное поэтическое определение, но тем не менее подобная оговорка симптоматична. Лирическое звучание, которое и в окончательном варианте текста весьма ощутимо, по всей вероятности, прежде ощущалось еще сильнее. А это могло по тем временам заметно осложнять воплощение пьесы на сцене. Грибоедов хорошо знал возможности современного ему театра. Вследствие этого признавался он: «...ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было».[3]

Грибоедову волей-неволей пришлось приноравливаться к театральным традициям хотя бы внешне. Да и о цензуре не следовало забывать. Подзаголовок «комедия» заранее как бы смягчал возможные придирки казенных Аристархов. Помилуйте, мог возражать им автор, здесь речь идет о влюбленном молодом человеке, попавшем в смешное положение,—

---

[1] Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 39.

[2] См.: Эльзон М. Д. «Чад» или «чаять»?: (о смысле фамилии Чацкий).//«Рус. литература». 1981, № 2. С. 182.

[3] Эти признания Грибоедова содержатся в отрывке, традиционно печатающемся под названием «Заметка по поводу комедии „Горе от ума“», причем комментаторы считают, что она могла представлять собой набросок предисловия к неосуществленному изданию «Горя от ума» (см., например, Грибоедов А. С. Соч. С. 697). На наш взгляд, это скорее отрывок из письма, адресованного близкому другу. В «Предисловии» Грибоедов едва ли стал бы так пренебрежительно отзываться о публике и столь прямолинейно «рекламировать» собственное произведение.

сатирические же картины московского света не что иное, как порождение его воспаленного ума. Конечно, цензоры не были столь уж наивны, но все-таки хоть какую-то возможность оправдания это давало.

Однако главная причина определения жанра пьесы как комедии заключается, как нам представляется, в ином. Грибоедов употребил слово «комедия» исходя из дантовской традиции. Ведь пафос «Божественной комедии» Данте сводится к поискам нравственного идеала, к стремлению познать подлинную сущность добра и зла. Дантовская картина бытия лишена эпической объективности, личность автора в ней на первом плане. Теми же чертами отмечена и комедия Грибоедова. Не случайно и Белинский прибег к параллели между Грибоедовым и Данте, назвав «Горе от ума» «истинной divina comedia» («божественной комедией»). Критик видел «высочайший образец такой комедии» в «Горе от ума», «этом благороднейшем создании гениального человека, этом бурном, дифирамбическом излиянии желчного, громового негодования при виде гнилого общества ничтожных людей, в души которых не проникал луч божьего света, которые живут по обветшалым преданиям старины, по системе пошлых и безнравственных правил...», подчеркивая, что «из-за животных, искаженных лиц, выведенных в комедии, мерещатся вам другие лица, прекрасные и человеческие, и смех ваш отзывается не веселостью, а горечью и болезненностию...».[1]

И не только Белинский трактовал понятие «комедия» подобным образом. Вспомним и Бальзака, назвавшего цикл своих романов и повестей «Человеческая комедия».

Композиционно-жанровые новации Грибоедова даже литераторами не сразу были поняты. «... Как показала история русского театра, понадобилось время, которое заполнилось теми произведениями поэзии, которых родоначальником был Грибоедов, чтобы можно было удивляться прежним недоумениям. Так и бывает с искусством, опережающим свою эпоху».[2]

Лишь одна сторона художественных завоеваний драматурга сразу же стала предметом почти единодушного восхищения — язык комедии. Грибоедову удалось донести до читателя и зрителя живой многоцветный и непринужденный современный разговорный язык. Прошло несколько десятилетий, и Гончарову пришлось констатировать, что «грамотная масса» «испестрила грибоедовскими поговорками разговор» и «буквально истаскала комедию до пресыщения».[3] Да и современная Грибоедову критика (О. М. Сомов, В. Ф. Одоевский и др.) подчеркивала, что драма-

---

[1] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. V. С. 61, 60.
[2] Медведева И. Н. Указ. соч. С. 55.
[3] Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 19.

тург «соблюл в стихах всю живопись языка разговорного»,[1] сохранил в речах персонажей «колорит русский».[2]

Борьба за подлинно русскую речь, освобожденную от «вычур» и «слов кудрявых», ведется в «Горе от ума» по нескольким направлениям. Против забвения дворянством родного языка выступает Чацкий, не приемлющий аристократического «смешенья языков». Но при этом героя никак нельзя обвинить в узколобом национализме.[3] Для Чацкого русская речь — важное средство связи с народной почвой. Сознавая оторженность дворянства от народа, он хочет сделать первый шаг на пути сближения сословий; чтобы народ «хотя по языку» не считал дворян «за немцев».

Язык Чацкого являет образец свободного и многоаспектного владения устной и письменной русской речью. В его монологах почти не встречается иностранных слов, кроме тех случаев, когда они подвергаются ироническому анализу. На примере Чацкого Грибоедов как бы демонстрирует, насколько богат, гибок и разнообразен русский язык, доказывает, что с его помощью можно выразить самые сложные понятия, отнюдь не обедняя их смысла.

Важным стилеобразующим средством в «Горе от ума» является использование просторечной и сниженно-бытовой лексики. В устах Фамусова и Хлёстовой отдельные словечки и обороты повседневно разговорного просторечия не только доказывают их особый «московский отпечаток», но и передают их принадлежность к прошлому, которое они считают «золотым веком» дворянства. У Скалозуба, Молчалина, Репетилова и других «соратников» Фамусова язык тоже индивидуализирован, но не настолько, чтобы отдельный персонаж мог чем-то выделиться в своем кругу. Языковая система фамусовского лагеря — это система нивелировки языка, поскольку его представители не выходят за пределы одних и тех же понятий, суждений, оценок.

---

[1] «Сын отечества». 1825, № 10. С. 194.

[2] «Московский телеграф». 1825, № 10. Приложение «Антикритика». С. 4.

[3] В связи с неприятием Чацким «иностранных образцов» следует отметить, что часто вспоминаемые слова героя:

> Ах! если рождены мы всё перенимать,
> Хоть у китайцев бы нам несколько занять
> Премудрого у них незнанья иноземцев —

не раз служили поводом для заключения, что Грибоедов вообще не признавал ничего нерусского и склонен был вместе с Чацким «мечтать о премудром незнанье иноземцев» (см.: Пиксанов Н. К. Грибоедов: Исследования и характеристики. Л., 1934. С. 151; Данелия С. И. О философии Грибоедова. Тбилиси, 1940. С. 18—26). Несостоятельность такой точки зрения и каламбурный смысл реплики Чацкого убедительно раскрыты М. В. Нечкиной в ее книге «Грибоедов и декабристы» (с. 389—391).

Блестящая непринужденность, афористичность стиля «Горя от ума» освещались не раз в работах многих исследователей. Реже вспоминают о том, что «беглость» языка комедии опиралась на бытовое просторечие, почти сливающееся с народной речью, что «через подлинно народную мудрость своего стиха Грибоедов связан с народными истоками, с народной пословицей и поговоркой. Народность стиха Грибоедова, так же как и народность басен Крылова 〈...〉 в глубоком и органическом усвоении самого духа народной речи».[1]

В «Горе от ума» Грибоедов выступил и как реформатор стиха. Вольный ямб, прежде являвшийся в основном достоянием басенного жанра, Грибоедов употребил в драматургии. Но это не было простым переносом размера из одной стихии в другую. «Драматическая форма, тем более в ее реалистической разновидности, требовала от стиха не просто передачи разговорных, живых интонаций, но и правдивого выражения конкретных психологических ситуаций и не менее того выражения характера героя. В комедии Грибоедова благодаря гению ее создателя эти требования нашли свое высокохудожественное воплощение. И это оказалось чрезвычайно важным шагом вперед и в развитии жанра стихотворной комедии, и в развитии и становлении вольного ямба».[2]

3

Итак, «Горе от ума» постепенно завоевало всеобщее признание, превратилось в «образцовое сочинение», оттеснив остальные драматические произведения Грибоедова на задний план. Что ж, этого следовало ожидать: все-таки ни одна из созданных им пьес не достигает художественных высот «Горя от ума». Но вот и стихотворениям Грибоедова не слишком повезло. Современники их почти не заметили — их манера казалась либо безнадежно устаревшей (особенно по сравнению с тем же «Горем от ума»), либо слишком уж непривычной, непохожей на манеру других поэтов той поры.

В первой книжке «Мнемозины» (1824) Грибоедов опубликовал «Давида». Стихотворение это выделяется на фоне поэтической продукции 1820-х годов своей нарочитой архаичностью. Тогда так уже перестали писать, «заржавелая славянщизна» была уже уделом «пиитов», не сумевших «стать с веком наравне». А Грибоедов применяет лексику, которую использовали разве что во время Тредиаковского, и... создает типично «декабристское» произведение. Новые идеи облекаются в ветхую форму.

---

[1] Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. М., 1966. С. 22.

[2] Маймин Е. А. Русский вольный ямб и стих «Горя от ума»// А. С. Грибоедов: Творчество. Биография. Традиции. С. 83.

Посмотрим, как разрабатывают поэты-декабристы тему избранной личности, призванной осуществить героическое деяние для общего блага.

Рылеев:

Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

С. И. Муравьев-Апостол:

Задумчив, одинокий,
Я по земле пройду не знаемый никем;
Лишь пред концом моим,
Внезапно озаренным,
Познает мир, кого лишился он.

В «Давиде» герой тоже возвышаем над толпой, отмечен «елеем благости небесной». Но о жертвенности он и не помышляет. Это герой побеждающий и торжествующий.

Но я мечом над ним взыграл,
Сразил его и обезглавил,
И стыд отечества отъял...

Даже если бы мы ничего не знали об образе мышления Грибоедова, то уже лишь на основании содержания «Давида» можно было бы с уверенностью предположить: так писать мог только один из «молодых якобинцев», и, по всей вероятности, один из самых решительных.

Библейские образы в поэзии тех лет встречаются довольно часто. Вспомним хотя бы пушкинские строки:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Это написано в ноябре 1823 года. Месяцем позже Грибоедов создаст «Давида». Оба поэта обращаются к теме пророка, но как по-разному они ее воплощают.

У Пушкина встречается всего одно архаическое слово — «бразды». Все остальное вполне современно, интонация стиха плавна и отчетлива, каждое слово сцеплено с другим, последующее вытекает из предыдущего.

Иное у Грибоедова. Лексические единицы словно изолированы друг от друга, во всяком случае между отдельными предложениями чувствуются смысловые «пробелы».

Неславен в *братии измлада,*
Юнсйший у отца я был,
Пастух родительского стада;
И *се!* внезапно богу сил
Орган мои создали руки,
Псалтырь устроили персты.
О! кто до *горней* высоты
Ко господу *воскрилит* звуки?..

При почти равном объеме текстов количество архаизмов у Грибоедова превышает пушкинское почти в десять раз! Грибоедову словно изменяет версификаторский талант. В чем же дело? Объясняется это рядом причин.

«Давид» — очень близкое по содержанию и даже по количеству слов переложение 151-го псалма царя Давида. Грибоедовское стихотворение отличается от псалма изменением смысла. Герой Грибоедова, как уже отмечалось, по духу близок к вдохновенным персонажам декабристской поэзии, восстающим на борьбу за общее благо.

Поэт ориентировался на такого читателя, который не только помнил Библию, но и был бы способен наполнить с детства привычные слова и образы новым смыслом. Но Грибоедову мало было простой аллюзионности, он желал поднять современность до мифологических высот.

В стихах Грибоедова, пишет А. В. Десницкий, «речь производит впечатление творимой заново, сочетания слов новы, несмотря на то, что слова-то как раз употреблены почти что „замшелые"», поэтому «естественно, что у читателя возникает не один оттенок, не одно понимание мысли автора, а некая многозначность, настолько широкая, что только вдумавшись, разобравшись, читатель выделит при чтении из этой многозначности то, что хотел сказать автор. Такая речь настолько своеобразна и оригинальна, что становится речью «одного человека», «речью Грибоедова»...»[1]

Замечено очень точно. Современники Грибоедова его поэзии не приняли. От чтения его стихов скулы болят, говорил Ермолов. Можно, конечно, сказать, что суждение Ермолова еще не окончательная истина: все же он был в первую очередь полководцем, а не поэтом. Но вот и поэты новой формации (А. А. Дельвиг, В. И. Туманский и Пушкин) не признают достоинств поэзии Грибоедова. Они даже считают, что его влияние портит «вкус» Кюхельбекера. Библия, писал Туманский Кюхельбекеру, «не-

---

[1] Десницкий А. В. Стихотворения Грибоедова.//Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 43, 1947. С. 18.

смотря на бесчисленные красоты, может превратить муз в церковных певчих. Какой злой дух в виде Грибоедова удаляет тебя в одно время и от наслаждений истинной поэзии и от первоначальных друзей своих...».[1] А ведь эти строки написаны еще до знакомства с «Давидом», только на основании чтения стихов и писем Кюхельбекера, в которых друзья безошибочно разгадали влияние идей и стиля Грибоедова. Так оно и было. «Пророчество» Кюхельбекера по настроению и лексике созвучно грибоедовскому «Давиду», а впоследствии Кюхельбекер даже написал под его влиянием монументальную поэму с тем же названием.

Грибоедов попытался объяснить характер своего творчества в так называемой «Заметке по поводу комедии „Горе от ума“», но при жизни автора «Заметка...» не увидела света. «В превосходном стихотворении,— писал он,— многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком,— но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной — дар, искусство; с другой — восприимчивость, внимание». В этих строчках звучит горькое сожаление об отсутствии просвещенного друга-читателя, который мог бы чувствовать в унисон с автором, читателя, который способен понимать художника-новатора.

И в «Отрывке из Гёте» («Полярная звезда на 1825 год»), представляющем собой свободно переведенный «Пролог в театре» (из «Фауста»), Грибоедов не просто доказывал, что «поэту трудно сохранить свободу творческого замысла в условиях требований театра».[2] Задача его была шире. Здесь Директор выражает общее расхожее мнение:

Побольше пестроты, побольше новизны —
Вот правило, и непреложно.
Легко мы всем изумлены,
Но угодить на нас не можно.

Казалось бы, здесь тоже говорится о «новизне», привлекающей зрителя. Однако это новизна мишурная, пестрая, неглубокая. Она выражается во внешних эффектах и не претендует на отмену «непреложных правил».

О сущности творчества рассуждает Поэт:

Когда созданья все, слаба их мысль обнять,
Одни другим звучат противугласно,
Кто съединяет их в приятный слуху гром
Так величаво! так прекрасно!
И кто виновник их потом

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XIII. С. 81—82.
[2] Медведева И. Н. Указ соч. С. 500.

Спокойного и пышного теченья?
Кто стройно размеряет их движенья
И бури, вопли, крик страстей
Меняет вдруг на дивные аккорды?

Здесь также содержится ключ к стихотворениям Грибоедова. Он находил необходимым сочетать мотивы, размеры и даже слова, которые многим казались абсолютно разнородными. Романтизм на русской почве только что набирал силы, и «возвышенное» еще не уживалось с «низменным». Последнее уже незаметно становилось достоянием искусства, но не допускалось в соседство с первым. Грибоедов же был уверен, что задача поэзии в том, чтобы «в гимн единый» слить «красу небес с землею». Именно в этом направлении двигалось его собственное творчество. Так, в наброске драмы «1812 год» наряду с «тенями... исполинов» русской земли — Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра — возникли сцены «ужасных смертей», «зверского распутства, святотатства и всех пороков».

Минуя классицизм, ненадолго соприкоснувшись с романтизмом, Грибоедов, учась у Шекспира, предвосхищал многие открытия реализма.

Грибоедов-реалист громко заявляет о себе в «Хищниках на Чегеме» (1826). Легкая, свободная ритмика, вполне современная лексика,— ничего общего с тяжеловесной торжественностью «Давида».

Так что же, Грибоедов отказался от прежней поэтики, осознал ее бесперспективность и стал искать новых путей? Нет. Стоит внимательно вчитаться в оба стихотворения, как становится видно, что поэт лишь углубляет возможности своего творческого метода.

Прежде всего осталась неизменной задушевная мысль автора: сила духа превыше «крепости телесной». Эта идея отчетливо заявлена и в «Давиде» и в «Хищниках...».

В обоих произведениях незыблемой осталась и другая тенденция: пренебрегая внешними описаниями, проникнуть в психологию персонажа. В первом случае Грибоедов скупыми, нарочито архаичными словами и тяжеловесной конструкцией фразы передает всепоглощающую цельную страсть героя, принадлежащего глубокой древности. В «Хищниках...» объектом изображения является не чувство одного персонажа, а коллективное народное мироощущение, стоящее на той ступени социального развития, которая близка к уже забытой развитыми народами «естественности».

Грибоедов признавал право за каждым народом жить своим обычаем. «Теперь...— с горькой иронией писал он в письме к другу,— меня несколько занимает борьба горной свободы с барабанным просвещеньем

⟨...⟩ будем вешать и прощать и плюем на историю».[1] В «Хищниках...» морально-оценочные категории отсутствуют. Это объясняется выбором объекта изображения. Героя-личности здесь нет вообще. Перед нами коллективный герой, народ в целом, единый организм, внутри которого пока нет непримиримых противоречий.

Отсутствует в «Хищниках...» и неизбежная для «ориентальной» литературы экзотика. Между тем и до конца 1830-х годов в русской литературе кавказская тема для большинства писателей представлялась неразрывно связанной именно с экзотикой, с морализаторством, с противопоставлением необузданной (а потому неразумной и дикой) вольности более развитой европейской цивилизации. Вот, например, как изображался «сын вольности» в стихотворении С. Стремилова, в общем далекого от официозного осуждения «абреков»:

На снежном подножьи кавказских вершин
Угрюм, одинокий стоит исполин.
Он буркой косматой одет;
Вокруг него блещет туманный рассвет;
На шашке булатной покоится длань;
Могущ он и грозен, как смертная брань.
Свинцовая дума в морщины чела
Всей тяжестью смело, глубоко легла...
Как громом убита, окрестность молчит;
От ужаса мерзнет,— от страха дрожит,
Грабитель чеченец — сын вольных долин,
Черкес — ураган закубанских стремнин,
Эльбрус и Бештау, Казбек, Арарат —
Над всеми скользил исполина булат!
Над вами он молнией неба сверкал,
На вас он карающим громом упал...[2]

И дело не в несопоставимости масштабов дарования Стремилова и Грибоедова, а в сущности подхода к теме. Только Грибоедов (а несколько позднее и Пушкин) поднялся до мысли, что мораль одного народа нельзя оценивать мерилами нравственности, принадлежащей другому времени и иной цивилизации. Грибоедов, замечает Г. А. Гуковский, «понял ⟨...⟩ что самая мораль, самая психика горцев иная, ибо и жизнь этого народа иная, чем жизнь, породившая психику его, Грибоедова. И он не осуждает горцев — он *объясняет* их. Отсюда и характернейшие черты его стихотворения, преодолевающие романтическую идеализацию постольку, поскольку Грибоедов преодолевает романтический субъективизм...».[3]

---

[1] Грибоедов А. С. Соч. С. 574.
[2] «Московский наблюдатель». 1836, ч. 9, № 13. С. 427—428.
[3] Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 317

Отметим и еще одно весьма важное свойство стихотворений Грибоедова. Грибоедов-поэт оставался прежде всего драматургом. Отсюда и «драматургическая» форма его стихов. И «Давид» и «Хищники...» — речь, обращенная к читателю или слушателю. В той же монологической манере написаны и «Прости, отечество!», и «А. Одоевскому», и «Освобожденный», доминирует она и в «Кальянчи». Однако повествование от первого лица не есть еще прерогатива одной драматургии. Лирика также постоянно пользуется этим приемом, вот только то, что называется в драматургии ремарками, в лирике звучит сильнее (пейзаж, натюрморт и т. д.). У Грибоедова же описания сведены до минимума, он мыслит как драматург, для которого важен не интерьер, а движение событий. Например, в «Освобожденном» первые четыре строки представляют собой предельно лаконичное изображение ландшафта. Поэт даже и не стремится найти какие-либо запоминающиеся приметы картины, которую он рисует. Он нарочито дает абстрактные черты «идеальной» природы, почти символы, наподобие тех, что у Шекспира обозначались как «лес», «замок», «берег моря».

Луг шелко́вый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!

Экспрессивность восприятия передана при помощи восклицательных знаков, сами по себе эти постоянные эпитеты, почти стертые от частого употребления, едва ли могли пробудить настроение, потребное автору. Вот почему нить рассказа тотчас же передается в руки повествователя, который воспринимает «типовой» пейзаж с необычной остротой человека, вырвавшегося на волю из темницы:

Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?..
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.

Незаметно авторское «я» вырастает до масштабов почти общечеловеческих. В «Освобожденном» Грибоедов, выражая свои чувства, одновременно создает и обобщенную картину мира. Подобная тенденция характерна и для других стихотворений Грибоедова. Он как бы хотел слить воедино возможности драматургии, стремящейся к воспроизведению общечеловеческих ситуаций и характеров, и поэзии, в которой на первом плане стоит авторское «я».

«Конечно, перенесение драматургической техники в стихотворения без той поддержки, которую оказывают зрителю артист, режиссер, постановочные средства и т. п., дает не совсем то впечатление, на которое рассчитывает автор. Конечно, использование намека, а не полного развития мотива, чрезмерная инверсированность, краткость и т. п. создают впечатление каких-то обрывков, названий, вместо показа, начатых и брошенных сюжетных линий, какого-то даже хаоса. Но среди этого хаоса, как среди хаоса строящегося здания, вы всегда отчетливо ощущаете ведущую основную мысль творца. Эта ведущая мысль способна все озарить ясным светом разрешения любых затруднений; это вспышки ума, мгновенные, сконцентрированные, как разряды грозовой энергии, как блеск молний».[1]

Стихотворения Грибоедова — прежде всего экспериментальные произведения. Он искал новых путей, стремился выразить собственное понимание века. Этот эксперимент не был доведен до конца. Поэтому, сознавая, что поэзия Грибоедова не исчерпывает смысла его творчества, мы тем не менее должны признать, что каждое стихотворение поэта добавляет какой-то штрих к его нравственному и художественному портрету.

Ю. Н. Тынянов в «Смерти Вазир-Мухтара» создал трагический образ скептика, изверившегося в людях и исчерпавшего свое дарование. Подобная интерпретация Грибоедова — человека и писателя произрастает в определенной степени из тех строк письма драматурга к Бегичеву (9 сент. 1825), в котором он восклицал: «Ну вот почти три месяца я провел в Тавриде, а результат нуль. Ничего не написал. Не знаю, не слишком ли я от себя требую? умею ли писать? право, для меня всё еще загадка.— Что у меня с избытком найдется что сказать — за это ручаюсь, отчего же я нем? Нем как гроб!!!»[2] Разумеется, жизнь Грибоедова, как и жизнь большинства мыслящих людей его поколения, отмечена печатью трагизма. Но из этого вовсе не следует, что Грибоедов-художник остановился в своем развитии.

В том же письме он упоминает о своих «замыслах беспредельных», которые надеется осуществить со временем. И действительно, отрывки «Грузинской ночи» и планы «1812 года» и «Родамиста и Зенобии» свидетельствуют о том, что драматург намеревался создать произведения, в центре которых стоит народ и его роль в истории и которые свидетельствуют о нереализованных творческих возможностях огромного масштаба.

---

[1] Десницкий А. В. Указ. соч. С. 32.
[2] Грибоедов А. С. Соч. С. 566.

Анализировавшая наброски «Родамиста и Зенобии» Нечкина приходит к выводу, что «Грибоедова после восстания декабристов глубоко тревожил основной вопрос — причины их неудачи; он несомненно противопоставлял заговор аристократии — восстанию народа. 〈...〉 Ясно, что общественная мысль Грибоедова — в русле развивающегося передового движения 〈...〉 Декабристские идеи времени живут в его сознании и после восстания, однако не стоят, а живут в движении, развиваясь дальше, не пребывая на старой ступени и не откатываясь назад».[1] Безвременная гибель не позволила Грибоедову создать новые произведения, которые обещали составить значительную страницу в истории русской литературы. Но и то, что он сделал, дает основание поставить Грибоедова в когорту художников мирового значения.

В. П. Мещеряков

---

[1] Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. С. 617—618.

I

ГОРЕ ОТ УМА

Комедия в четырех действиях, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казенном месте.
София Павловна, дочь его.
Лизанька, служанка.
Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.
Александр Андреевич Чацкий.
Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.
Наталья Дмитревна, молоденькая дама } Горичевы.
Платон Михайлович, муж ее }
Князь Тугоуховский и
Княгиня, жена его, с шестью дочерями.
Графиня бабушка Хрюмина.
Графиня внучка.
Антон Антонович Загорецкий.
Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.
Г-н Н*.
Г-н Д*.
Репетилов.
Петрушка и несколько говорящих слуг.
Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.
Официянты Фамусова.

Действие в Москве, в доме Фамусова.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, оттудова слышно фортопияно с флейтою, которые потом умолкают. Л и з а н ь к а середи комнаты спит, свесившись с кресел. Утро, чуть день брезжится.

Л и з а н ь к а

(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказ.
Ждем друга — нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. Сказать им...

(Стучится к Софии.)

Господа,
Эй! Софья Павловна! беда.
Зашла беседа ваша за ночь;
Вы глухи? — Алексей Степаноч.
Сударыня!..— И страх их не берет!

(Отходит от дверей.)

Ну, гость неприглашенной,
Быть может, батюшка войдет!
Прошу служить у барышне влюбленной!

(Опять к дверям.)

Да расходитесь. Утро.— Что-с?

(Г о л о с С о ф и и)

Который час?

Л и з а н ь к а

Всё в доме поднялось.

С о ф и я

(из своей комнаты)

Который час?

Л и з а н ь к а

Седьмый, осьмый, девятый.

С о ф и я

(оттудова же)

Неправда.

Л и з а н ь к а

(прочь от дверей)

Ах! амур проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что́ бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю: будет гонка,
Заставлю их играть.

(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Л и з а и Ф а м у с о в.

Л и з а

Ах! барин!

Ф а м у с о в

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку.)

Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортопияно;
Для Софьи слишком было б рано??.

Л и з а

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Ф а м у с о в

Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так верно с умыслом.

(Жмется к ней и заигрывает.)

Ох! зельи, баловницы.

Л и з а

Вы баловник, к лицу ль вам эти лицы!

Фамусов

Скромны, а ничего кромé
Проказ и ветру на уме.

Лиза

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Фамусов

Почти.

Лиза

Ну, кто придет, куда мы с вами?

Фамусов

Кому сюда прийти?
Ведь Софья спит?

Лиза

Сейчас започивала.

Фамусов

Сейчас! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

Фамусов

Вишь, прихоти какие завелись!

Лиза

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Фамусов

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-от не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти, разбудите, боюсь.

Фамусов

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза

(как можно громче)

Да полноте-с!

Фамусов

(зажимает ей рот)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь!

Лиза

Боюсь, чтобы не вышло из того — — — — —

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, сударь, вам знать, вы не ребенок,
У девушек сон утренний так тонок,
Чуть дверью скрыпнешь, чуть шепнешь:
Всё слышат.

Фамусов

Всё ты лжешь.

(Голос Софии)

Эй, Лиза!

Фамусов

(торопливо)

Тс!

(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)

Лиза

(одна)

Ушел ——— Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

ЯВЛЕНИЕ 3

Лиза, София со свечкою, за ней Молчалин.

София

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза

Конечно, вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

София

Ах! в самом деле рассвело!

(Тушит свечу.)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Лиза

Тужите знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню что врала;
Ну что же стали вы? поклон, суда́рь, отвесьте.
Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:
Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходня, метут и убирают.

София

Счастливые часов не наблюдают.

Лиза

Не наблюдайте, ваша власть,
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

София

(Молчалину)

Идите, целый день еще потерпим скуку.

Лиза

Бог с вами-с, прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

ЯВЛЕНИЕ 4

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

Фамусов

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

Молчалин

Я-с.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты?
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пору вместе свел?

София

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг, нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок! —

София

Позвольте, батюшка, кружится голова,
Я от испуги дух перевожу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.—

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!

Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристает, другий, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут...

София

(сквозь слезы)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин,—
Монашеским известен поведеньем...

Лиза

Осмелюсь я, суда́рь...

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по ле́там,
А пуще дочери, да сами добряки.
Дались нам эти языки!
Берем же побродяг и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему,
И танцам! и пенью́! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.

Ты, посетитель, что? ты здесь, суда́рь, к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари,
В Москву переведен через мое содейство,
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть!
Шел в комнату, попал в другую!

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя чтобы случайно.

София

Вот в чем, однако, случай весь:
Как давеча вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног ————

Фамусов

Пожалуй, на меня всю суматоху сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог! —

София

По смутном сне безделица тревожит;
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.

(Садится.)

София

Позвольте... видите ль... сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.

Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умен,
Но робок... Знаете, кто в бедности рожден...

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало всё: луга и небеса.—
Мы в темной комнате. Для довершенья чуда
Раскрылся пол — и вы оттуда
Бледны как смерть и дыбом волоса!
Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери,
Нас врозь — и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему — вы тащите с собой.
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!..—
Проснулась.— Кто-то говорит,—
Ваш голос был; что́, думаю, так рано?
Бегу сюда, и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон; как погляжу,
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно.
Дался́ им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил, зачем же? — говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да! их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным делам!

(Встает.)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее,
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее.
Повыкинь вздор из головы,
Где чудеса, там мало складу.—
Поди-ка, ляг, усни опять.

(Молчалину.)

Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нес их для докладу,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, суда́рь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накоплялось их.
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.)

ЯВЛЕНИЕ 5

София, Лиза.

Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва не хороша.

София

Что мне молва? Кто хочет, так и судит,
Да батюшка задуматься принудит:
Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор...
Ты можешь посудить...

Лиза

Сужу-с не по рассказам;
Запрет он вас; добро еще со мной;
А то, помилуй бог, как разом
Меня, Молчалина и всех с двора долой.

София

Подумаешь, как счастье своенравно!
Бывает хуже, с рук сойдет;
Когда ж печальное ничто на ум нейдет,
Забылись музыкой, и время шло так плавно;
Судьба нас будто берегла;
Ни беспокойства, ни сомненья...
А горе ждет из-за угла.

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни вó веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звездами да с чинами,
А при звездах не все богаты, между нами;
Ну, разумеется, к тому б
И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он бáлы;
Вот, например, полковник Скалозуб:
И золотый мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду,—
Мне всё равно что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать речист, а больно не хитер;
Но будь военный, будь он статский,
Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!
Не для того, чтоб вас смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится...

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы? — Слезами обливался,
Я помню, бедный он, как с вами расставался.
— Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь.—
А он в ответ: «Недаром, Лиза, плачу,—
Кому известно, что́ найду я, воротясь?
И сколько, может быть, утрачу!» —
Бедняжка будто знал, что года через три...

София

Послушай, вольности ты лишней не бери.
Я очень ветрено, быть может, поступила,
И знаю, и винюсь; но где же изменила?
Кому? чтоб укорять неверностью могли.
Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюбленным,
Взыскательным и огорченным!!.
Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.
Вот об себе задумал он высоко — — — — —
Охота странствовать напала на него,
Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать и ездить так далёко?

Лиза

Где носится? в каких краях?
Лечился, говорят, на кислых он водах,
Не от болезни чай, от скуки,— повольнее.

София

И верно, счастлив там, где люди посмешнее.
Кого люблю я — не таков:
Молчалин за других себя забыть готов,
Враг дерзости,— всегда застенчиво, несмело,
Ночь целую с кем можно так провесть!
Сидим, а на дворе давно уж побелело.
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Из глубины души вздохнет,
Ни слова вольного, и так вся ночь проходит,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит.—
Смеешься! можно ли! чем повод подала
Тебе я к хохоту такому?

Лиза

Мне-с?.. ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодый француз сбежал у ней из дому.
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить
И через три дни поседела.

(Продолжает хохотать.)

София
(с огорчением)

Вот так же обо мне потом заговорят.—

Лиза

Простите, право, как бог свят,
Хотела я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

ЯВЛЕНИЕ 6

София Павловна, Лиза, Слуга, за ним Чацкий.

Слуга

К вам Александр Андреич Чацкий.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 7

София Павловна, Лиза, Чацкий.

Чацкий

Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног.

(С жаром целует руку.)

Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж, раде? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто не прошло недели,
Как будто бы вчера вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели,
Ни на́ волос любви! куда как хороши!
И между тем не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Верст больше седьмисот пронесся,— ветер, буря,
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы раде? в добрый час.
Однако искренно кто ж радуется эдак?
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу! нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами.—

София

Всегда, не только что теперь,—
Не можете мне сделать вы упрека.
Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужи, из далёка —
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете!
Ах! боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам.
Или ваш батюшка с мадамой, за пикетом,
Мы в темном уголке, и кажется, что в этом.
Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик, дверь...

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,
В седмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

Чацкий

Помилуйте, не вам,— чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался — успел, а тот дал промах.
Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё Английского клоба
Старинный, верный член до гроба?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю, как его зовут,
Куда ни сунься: тут как тут,
В столовых и в гостиных?
А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем:
За ширмами, в одной из комнат, посекретней,
Был спрятан человек и щелкал соловьем,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой.
Жить с ними надоест, и в ком не сыщем пятен?
Когда ж постранствуешь, воротишься домой,
И дым отечества нам сладок и приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чацкий

А тетушка? всё девушкой, Минервой?
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?

Ах! к воспитанью перейдем.
Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки,
Числом поболее, ценою подешевле?
Не то чтобы в науке далеки;
В России, под великим штрафом,
Нам каждого признать велят
Историком и геогра́фом.
Наш ментор, помните,— колпак его, халат,
Перст указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья!—
А Гильоме, француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще? —

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Что ж? он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
А Гильоме...— Здесь нынче тон каков:
На съездах на больших, по праздникам приходским
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским? —

София

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

София

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий

По крайней мере, не надутой.
Вот новости! — я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен
И говорлив; а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало, песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристает: пожалуйте списать.
А впрочем, он дойдет до степеней известных,
Ведь нынче любят *бессловесных*.

София

(в сторону)

Не человек, змея!

(Громко и принужденно.)

Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве, может быть?

Чацкий

Когда всё мягко так? и нежно, и незрело?
На что же так давно? вот доброе вам дело:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лицо святейшей богомолки!..—
И все-таки я вас без памяти люблю.—

Минутное молчание.

Послушайте, ужли слова мои все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так,— ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду;
Велите ж мне в огонь — пойду как на обед.

София

Да, хорошо — сгорите, если ж нет?

ЯВЛЕНИЕ 8

София Павловна, Лиза, Чацкий, Фамусов.

Фамусов

Вот и другий.

София

Ах, батюшка, сон в руку.

(Уходит.)

Фамусов

(ей вслед вполголоса)

Проклятый сон.

ЯВЛЕНИЕ 9

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую София вышла).

Фамусов

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

Обнимаются.

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
Рассказывай, чай у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

Садятся.

Чацкий

(рассеянно)

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам, молодым людя́м, другого нету дела,
Как замечать девичьи красо́ты;

Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдован!

Чацкий

Ах! нет: надеждами я мало избалован.

Фамусов

«Сон в руку» — мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал...

Чацкий

Я? — Ничуть.

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, всё пустое.

Чацкий

Я верю собственным глазам;
Век не встречал, подписку дам,
Что б было ей хоть несколько подобно!

Фамусов

Он всё свое. Да расскажи подробно,
Где был? Скитался столько лет!
Откудова теперь?

Чацкий

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.

(Встает поспешно.)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях.)

Как хороша!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Фамусов

(один)

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват! Какого ж дал я крюку!
Молчалин давеча в сомненье ввел меня.
Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель;
Отъявлен мотом, сорванцом;
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Фамусов, Слуга.

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь,
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же.— На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй — ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день... Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать ни сесть.

Но память по себе намерен кто оставить
Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить,
Богат, и на богатой был женат,
Переженил детей, внучат,
Скончался — все о нем прискорбно поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему,—
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши в четверг, одно уж к одному,
А может, в пятницу, а может, и в субботу,
Я должен у вдове, у докторше, крестить.
Она не родила, но по расчету
По моему: должна родить.

ЯВЛЕНИЕ 2

Фамусов, Слуга, Чацкий.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка.

Чацкий

Вы заняты?

Фамусов

(Слуге)

Поди.

Слуга уходит.

Да, разные дела на память в книгу вносим,
Забудется того гляди.—

Чацкий

Вы что-то не весёлы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашел загадку,
Не весел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне вприсядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас;
Я только что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может, нездорова.

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна,—
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни;
По крайней мере искони
Отцом недаром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя.
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам,
Весь в орденах, езжал-то вечно цугом,
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то что ныне,
При государыне служил Екатерине.

А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся — тупеем не кивнут.
Вельможа в случае — тем паче;
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб.
На куртаге ему случилось обступиться,
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкой:
Был высочайшею пожалован улыбкой,
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдруго́редь — уж нарочно —
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? по-нашему — смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
За то, бывало, в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович. Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович. Шутка!
В чины выводит кто? и пенсии дает?
Максим Петрович. Да. Вы, нынешние,— нутка!

Чацкий

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда — тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век покорности и страха,
Всё под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю,
Его не возмутим мы праха;
Но между тем кого охота заберет,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?

А сверстничек, а старичок
Иной, глядя на тот скачок
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай приговаривал: ах! если бы мне тоже!
Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.

Ф а м у с о в

Ах! боже мой! он карбонари!

Ч а ц к и й

Нет, нынче свет уж не таков.

Ф а м у с о в

Опасный человек!

Ч а ц к и й

Вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк шутов.

Ф а м у с о в

Что говорит! и говорит, как пишет!

Ч а ц к и й

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Ф а м у с о в

Он вольность хочет проповедать!

Ч а ц к и й

Кто путешествует, в деревне кто живет.

Ф а м у с о в

Да он властей не признает!

Ч а ц к и й

Кто служит делу, а не лицам.

Ф а м у с о в

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чацкий

Я наконец вам отдых дам.

Фамусов

Терпенья, мочи нет, досадно.

Чацкий

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу,
Уж так и быть, я не поплачу.

Фамусов

И знать вас не хочу, разврата не терплю.

Чацкий

Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чацкий

На что ж? я их не оскорблю.

Фамусов

(скороговоркой)

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них порядка жди.

Чацкий

Я перестал...

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чацкий

Длить споры не мое желанье.

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье! —

Слуга

(входит)

Полковник Скалозуб.

Фамусов

(ничего не видит и не слышит)

Тебя уж упекут
Под суд, как пить дадут.

Чацкий

Пожаловал к вам кто-то на́ дом.

Фамусов

Не слушаю, под суд!

Чацкий

К вам человек с докладом.

Фамусов

Не слушаю, под суд, под суд!

Чацкий

Да обернитесь, вас зовут.

Фамусов

(оборачивается)

А? бунт? ну так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

Фамусов

(встает)

Ослы! сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошел же, торопись.

Слуга уходит.

Пожалоста, суда́рь, при нем остерегись:
Известный человек, солидный,

И знаков тьму отличья нахватал,
Не по летам, и чин завидный,
Не нынче-завтра генерал.
Пожалоста, при нем веди себя скромненько.
Эх! Александр Андреич, дурно, брат!
Ко мне он жалует частенько,
Я всякому, ты знаешь, рад.
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое.
Он, может быть, и рад бы был душой,
Да надобности сам не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня,
Ведь Софья молода. А впрочем, власть господня.
Пожалоста, при нем не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральные идеи эти брось.
Однако нет его! какую бы причину...
А! знать, ко мне пошел в другую половину.
(Поспешно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий

Как суетится! что за прыть!
А Софья? — Нет ли впрямь тут жениха какого?
С которых пор меня дичатся как чужого!
Как здесь бы ей не быть!!...
Кто этот Скалозуб? отец им сильно бредит,
А может быть, не только что отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.
Прошу покорно, здесь теплее;
Прозябли вы, согреем вас;
Отдушничек отвёрнем поскорее.

Скалозуб

(густым басом)

Зачем же лазить, например,
Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу!
Сергей Сергеич, дорогой,
Кладите шляпу, сденьте шпагу,
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

Садятся все трое, Чацкий поодаль.

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть,
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальними,— наследства не делить;
Не знали вы, а я подавно,—
Спасибо научил двоюродный ваш брат,—
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служáщие чужие очень редки,
Всё больше сестрины, свояченицы детки,
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли,
к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском а после в сорок пятом.

Ф а м у с о в

Да, счастье, у кого есть эдакий сынок.
Имеет, кажется, в петличке орденок? —

С к а л о з у б

За третье августа; засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

Ф а м у с о в

Любезный человек, и посмотреть — так хват,
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

С к а л о з у б

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Ф а м у с о в

Вот молодость!..— читать!.. а после хвать!..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

С к а л о з у б

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты,
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

Ф а м у с о в

Да, чем кого господь поищет, вознесет.

С к а л о з у б

Бывает, моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале.

Ф а м у с о в

Помилуйте, а вам чего недостает?

С к а л о з у б

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полком два года поводили.—

Фамусов

В погонь ли за полком?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

Скалозуб

Нет-с, ста́рее меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;
Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу,
Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам
И генеральский чин, а там
Зачем откладывать бы дальше
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь,
В Москве ведь нет невестам перевода,
Чего? плодятся год от года,
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера,
На всё свои законы есть:
Вот, например, у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячки две родовых —
Тот и жених.
Другий хоть прытче будь, надутый всяким чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в се́мью не включат. На нас не подиви,

Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать — изволь;
Дверь отперта для званых и незваных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей-сынков и внýчат,
Журим мы их, а, если разберешь,—
В пятнадцать лет учителей наýчат!
А наши старички?? — Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово — приговор,
Ведь столбовые всё, в ус никого не дуют;
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их... беда.
Не то чтоб новизны вводили — никогда,
Спаси нас боже! Нет, а придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят и... разойдутся.
Прямые канцлеры в отставке по уму!
Я вам скажу, знать время не приспело,
Но что без них не обойдется дело.—
А дамы? — сунься кто, попробуй овладей;
Судьи́ всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай бог терпение,— ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом,
Присутствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочек кто видал,— всяк голову повесь.
Е г о в е л и ч е с т в о король был прусский здесь,
Дивился непутем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам,
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой,
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,

А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

По моему сужденью,
Пожар способствовал ей много к украшенью.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли кряхтят!
С тех пор дороги, тротуары,
Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома новы́, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов

(Чацкому)

Эй, завяжи на память узелок,
Просил я помолчать, не велика услуга.

(Скалозубу.)

Позвольте, батюшка. Вот-с — Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти — так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малы̀й с головой,
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все так же осуждают.

Чацкий

А судьи кто? — За древностию лѐт
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забыты́х газет

Времян Очаковских и покоренья Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что ста́рее, то хуже.
Где? укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?!
Не тот ли, вы к кому меня еще с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменял борзые три собаки!!!
Или вон тот еще? который для затей
На крепостный балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружен умом в зефирах и в амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке —
Амуры и зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется — враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким
и прекрасным,—
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем опасным!! —
Мундир! один мундир! он в прежнем их быту

Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый.
И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть,
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали,—
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали?

Фамусов

(про себя)

Уж втянет он меня в беду.

(Громко.)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Скалозуб, Чацкий.

Скалозуб

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам,
Их золотцу, шитью дивятся будто солнцам!
А в Первой армии когда отстали? в чем?
Всё так прилажено, и тальи все так узки,
И офицеров вам начтем,
Что даже говорят, иные, по-французски.—

ЯВЛЕНИЕ 7

Скалозуб, Чацкий, София Павловна, Лиза.

София

(бежит к окну)

Ах! боже мой! упал, убился! —

(Теряет чувства.)

Чацкий

Кто?

Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чацкий

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откудова?

Чацкий

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза

(хлопочет около барышни)

Кому назначено-с, не миновать судьбы:
Молчалин нá лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он об землю и прямо в темя.

Скалозуб

Поводья затянул. Ну, жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он — грудью или в бок?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же без Скалозуба.

Чацкий

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.

Чацкий бежит и приносит. Всё следующее — вполголоса,— до того как София очнется.

Стакан налейте.

Чацкий

Уж налит,
Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. Смотри:
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чацкий

Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав:
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чацкий

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София

(с глубоким вздохом)

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(Торопко и громко.)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чацкий

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чацкий

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чацкий

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?
Да, правда, не свои беды́ — для вас забавы,
Отец родной убейся — всё равно́.

(Лизе.)

Пойдем туда, бежим.

Лиза

(отводит ее в сторону)

Опомнитесь, куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

София в окошко высовывается.

Чацкий

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.

Чацкий

Желал бы с ним убиться...

Лиза

Для компаньи?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНИЕ 9

София Павловна, Лиза, Чацкий, Полковник Скалозуб, Молчалин (с подвязанною рукою).

Скалозуб

Воскрес и невредим, рука
Ушибена слегка,
И, впрочем, всё фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради бога.

Скалозуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опро́метью вбежали.—
Мы вздрогнули.— Вы в обморок упали,
И что ж? — весь страх из ничего.

София

(не глядя ни на кого)

Ах! очень вижу: из пустого,
А вся еще теперь дрожу.

Чацкий

(про себя)

С Молчалиным ни слова!

София

(по-прежнему)

Однако о себе скажу,
Что не труслива. Так, бывает,
Карета свалится, подымут: я опять
Готова сызнова скакать;
Но всё малейшее в других меня пугает,
Хоть нет великого несчастья оттого,
Хоть незнакомый мне,— до этого нет дела.

Чацкий

(про себя)

Прощенья просит у него,
Что раз о ком-то пожалела!

Скалозуб

Позвольте расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух,—
Жоке́ не поддержал, считал он, видно, мух.
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах, Александр Андреич, вот,
Явитесь вы вполне великодушны:
К несчастью ближнего вы так неравнодушны.

Чацкий

Да-с, это я сейчас явил
Моим усерднейшим стараньем,
И прысканьем, и оттираньем;
Не знаю для кого, но вас я воскресил.

(Берет шляпу и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же, кроме Чацкого.

София

Вы вечером к нам будете?

Скалозуб

Как рано?

София

Пораньше; съедутся домашние друзья
Потанцевать под фортопияно,—
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

Скалозуб

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

София

Прощайте.

Скалозуб

(жмет руку Молчалину)

Ваш слуга.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 11

София, Лиза, Молчалин.

София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор
И, если б не к лицу, не нужно перевязки,
А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех, того гляди, подымет Чацкий вас,
И Скалозуб, как свой хохол закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

София

А кем из них я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу.
Молчалин! будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
При них не смела я дохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть.—

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была в окошко к вам прыгну́ть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно? — пусть шутят их; досадно? — пусть бранят.

Молчалин

Не повредила бы нам откровенность эта.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кобы вы порхнули в дверь
С лицом веселы́м, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим,—
Куда как верится охотно!
И Александр Андреич, с ним
О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитесь-ка в рассказах:
Улыбочка и пара слов,
И кто влюблен — на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ей руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слез,
Боюсь, что выдержа́ть притворства не сумею.
Зачем сюда бог Чацкого принес!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 12

Молчалин, Лиза.

Молчалин

Веселое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее
По должности, тебя...

Лиза

От скуки.
Прошу подальше руки!

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа —
Снаружи зеркальце, и зеркальце внутри,
Кругом всё прорезь, позолота;
Подушечка, из бисера узор;
И перламутровый прибор —
Игольничек и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ и для других причин,
С духами сткляночки: резéда и жасмин.—

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на интересы,
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не сниму;
Приди в обед, побудь со мною,
Я тайну всю тебе открою.

(Уходит в боковую дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 13

София, Лиза.

София

Была у батюшке, там нету никого.
Сегодня я больна и не пойду обедать,
Скажи Молчалину и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.

(Уходит к себе.)

ЯВЛЕНИЕ 14

Лиза

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я в любви до смерти трушу.—
А как не полюбить буфетчика Петрушу!

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Чацкий, потом София.

Чацкий

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто, наконец, ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие маневров и мазурки!
Судьба любви — играть ей в жмурки,
А мне...

Входит София.

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал.

София

(про себя)

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, нýжды нет,
Кого вы любите?

София

Ах! боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие... родные...

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острóта готова,
А сами вы...

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин, например...

София

Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий

(держит ее)

Постойте же.

(В сторону.)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко.)

Оставимте мы эти пренья,
Перед Молчалиным не прав я, виноват,
Быть может, он не то, что три года назад:
Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов,
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иный по армии, иный плохим поэтом,
Иный... Боюсь назвать, но признано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый,
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб кроме вас ему мир целый
Казался прах и суета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем и всем его делам
Душою — вы, вам угожденье?..
Сам это чувствую, сказать я не могу,

Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Не пожелал бы я и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно смирен, все такие не резвы́;
Бог знает, в нем какая тайна скрыта;
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита.
Быть может, качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему:
Не грешен он ни в чем, вы во сто раз грешнее.
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее,
Но вас он сто́ит ли? вот вам один вопрос.
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату,
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остеречься;
Пущусь подалее простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по́ свету, забыться и развлечься.

София

(про себя)

Вот нехотя с ума свела.

(Вслух.)

Что притворяться?
Молчалин давеча мог без руки остаться,
Я живо в нем участье приняла,
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору;
Но, может, истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту.
Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презреньи к людям так нескрыту?
Что и смирнейшему пощады нет!.. чего?
Случись кому назвать его:
Град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет! —

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни — смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это всё относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий

(с жаром)

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел:
При батюшке три года служит,
Тот часто бéз толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит.
От доброты души простит.
И между прочим,
Веселостей искать бы мог;
Ничуть: от старичков не ступит за порог,
Мы рéзвимся, хохочем,
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет...

Чацкий

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!

(В сторону.)

Она его не уважает.

София

Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал,
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль, смысл этого всего?

(В сторону..)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он, наконец: уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит,—
Вот я за что его люблю.

Чацкий

(в сторону)

Шалит, она его не любит.

(Вслух.)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозуб? вот загляденье:
За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой...

София

Не моего романа.

Чацкий

Не вашего? кто разгадает вас?

ЯВЛЕНИЕ 2

Чацкий, София, Лиза.

Лиза

(шепотом)

Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаноч будет.

София

Простите, надобно идти мне поскорей.

Чацкий

Куда?

София

К прихмахеру.

Чацкий

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацкий

Пускай себе...

София

Нельзя, ждем нá вечер гостей.

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой.
Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,
К вам в комнату на несколько минут,
Там стены, воздух — всё приятно.
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты две,
Потом, подумайте, член Áнглийского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.

София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий, потом Молчалин.

Чацкий

Ах! Софья! Неужлú Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нем только мало,
Но, чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

Входит Молчалин.

Вон он на цыпочках, и не богат словами;
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему.)

Нам, Алексей Степаноч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День зá день, нынче, как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положённый час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы не встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная,— притом

Чиновные и должностные —
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы́ дает нельзя богаче,
От Рождества и до поста,
И летом праздники на даче.
Ну, право, что́ бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах — я от веселий прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите, впрочем тут не вижу преступленья;
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделенья,
Переведен сюда...

Чацкий

Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец.
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета́ не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты,
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий

(почти громко)

С такими чувствами! с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

ЯВЛЕНИЕ 4

Вечер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещенных кóмнат, слуги суетятся, один из них, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей,
Столы для карт, мел, щеток и свечей!

(Стучится к Софии в дверь.)

Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.

Расходятся, остается один Чацкий.

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Наталья Дмитревна, молодая дамочка.

Наталья Дмитревна

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу.
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы,
Неужто так меня три года изменили?

Наталья Дмитревна

Я полагала вас далёко от Москвы.
Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Дмитревна

Надолго?

Чацкий

Как случится.
Однако кто, смотря на вас, не подивится?
Полнее прежнего, похорошели страх.
Моложе вы, свежее стали;
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Дмитревна

Я замужем.

Чацкий

Давно бы вы сказали.

Наталья Дмитревна

Мой муж — прелестный муж, вот он сейчас войдет,
Я познакомлю вас, хотите?

Чацкий

Прошу.

Наталья Дмитревна

И знаю наперед,
Что вам понравится. Взгляните и судите.

Чацкий

Я верю, он вам муж.

Наталья Дмитревна

О нет-с, не потому;
Сам по себе, по нраву, по уму.
Платон Михайлоч мой единственный, бесценный!
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно был бы он московским комендантом.

ЯВЛЕНИЕ 6

Чацкий, Наталья Дмитревна, Платон Михайлович.

Наталья Дмитревна

Вот мой Платон Михайлоч.

Чацкий

Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба.

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат.

Чацкий

Платон, любезный, славно.
Похвальный лист тебе: ведешь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:
Московский житель, и женат.

Чацкий

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть-таки занятья,
На флейте я твержу дуэт
А-мольный...

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус! в мужьях всего дороже.

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомянь,
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Наталья Дмитревна

Платон Михайлоч мой к занятьям склонен разным,
Которых нет теперь,— к ученьям и смотрам,
К манежу... иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб?

Наталья Дмитревна

Платон Михайлоч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здоровьем слаб! Давно ли?

Наталья Дмитревна

Всё рюматизм и головные боли.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Будь чаще на коне. Деревня летом — рай.

Наталья Дмитревна

Платон Михайлоч город любит,
Москву; за что в глуши он дни свои погубит!

Чацкий

Москву и город... Ты чудак;
А помнишь прежнее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так...

Наталья Дмитревна

Ах! мой дружочек!
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитревна

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

Платон Михайлович

(хладнокровно)

Сейчас.

Наталья Дмитревна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозный там ветер дует сзади!

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитревна

Мой ангел, бога ради
От двери дальше отойди.

Платон Михайлович

(глаза к небу)

Ах! матушка!

Чацкий

Ну, бог тебя суди,
Уж, точно, стал не тот в короткое ты время!
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович

(со вздохом)

Эх! братец! славное тогда житье-то было.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же, Князь Тугоуховский и Княгиня с шестью дочерьми.

Наталья Дмитревна

(тоненьким голоском)

Князь Петр Ильич, княгиня! боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

Громкие лобызания, потом усаживаются и осматривают одна другую с головы до ног.

1-я княжна

Какий фасон прекрасный!

2-я княжна

Какие складочки!

1-я княжна

Обшито бахромой.

Наталья Дмитревна

Нет, если б видели мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна

Какой эшарп cousin[1] мне подарил!

4-я княжна

Ах! да, барежевый.

5-я княжна

Ах! прелесть!

6-я княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! — Кто это в углу? взошли мы, поклонился.

Наталья Дмитревна

Приезжий, Чацкий.

Княгиня

От-став-ный?

Наталья Дмитревна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И хо-ло-стый?

Наталья Дмитревна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда.— Живее!

Князь

(к ней обращает слуховую трубку)

О-хм!

Княгиня

К нам нá вечер, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитревны знакомого: вон он!

---

[1] Шарф (écharpe) кузен (фр.).— *Ред.*

Князь

И-хм!

(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает.)

Княгиня

Вот то-то детки:
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер?

Наталья Дмитревна

Нет.

Княгиня

Богат?

Наталья Дмитревна

О! нет!

Княгиня

(громко, что есть мочи)

Князь, князь! Назад!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка

Ах! grand'maman![1] Ну кто так рано приезжает?
Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату.)

Княгиня

Вот нас честит!
Вот первая, и нас за никого считает!
Зла, в девках целый век, уж бог ее простит.

Графиня внучка

(вернувшись, направляет на Чацкого двойный лорнет)

Мсьё Чацкий! вы в Москве! как были, всё такие?

[1] Бабушка! (Фр.) — *Ред.*

Чацкий

На что меняться мне?

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком!
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и множество других гостей. Между прочим, Загорецкий. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч. София от себя выходит, все к ней навстречу.

Графиня внучка

(к ней же)

Eh! bon soir! Vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente. [1]

Загорецкий

На завтрашний спектакль имеете билет?

София

Нет.

---

[1] А, добрый вечер! Наконец-то вы! Вы не спешите и всегда доставляете нам удовольствие ожидания (фр.).— *Ред.*

Загорецкий

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другий вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору — всё взято,
К директору — он мне приятель,—
С зарей в шестом часу, и! кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног,
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он хилой,
Мне друг, известный домосед,
Пусть дома просидит в покое.

София

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

Являются еще кое-какие, тем временем Загорецкий отходит к мужчинам.

Загорецкий

Платон Михайлоч...

Платон Михайлович

Прочь!
Поди ты к женщинам, лги им и их морочь;
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат,

(Чацкому.)

рекомендую.
Как эдаких людей учтивее зовут?
Нежнее? — человек он светский,
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоноч Загорецкий.
При нем остерегись: переносить горазд,
И в карты не садись: продаст.

Загорецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы,
Окроме честности есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох, нет, братец! у нас ругают
Везде, а всюду принимают.

Загорецкий мешается в толпу.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Хлёстова.

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе? племянница, мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь — светопредставленье.
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку,—
Вели их накормить, ужо, дружочек мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!

(Села.)

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг,
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все кошечьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое племя!
Черт сущий; в девичей она;
Позвать ли?

София

Нет-с, в другое время.

Хлёстова

Представь: их, как зверей, выводят напоказ.
Я слышала, там... город есть турецкий,
А знаешь ли, кто мне припас? —
Антон Антоныч Загорецкий.

Он выставляется вперед.

Лгунишка он, картежник, вор.

Загорецкий исчезает.

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих ара́пченков на ярмонке достал;
Купил, он говорит, чай в карты сплутовал;
А мне подарочек, дай бог ему здоровье.

Чацкий

(с хохотом Платону Михайловичу)

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загорецкий сам не выдержал, пропал.

Хлёстова

Кто этот весельчак? Из звания какого?

София

Вон этот? Чацкий.

Хлёстова

Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? Какий тут смех?
Над старостью смеяться грех;
Я помню, ты дитёй с ним часто танцовала,
Я за уши его дирала, только мало.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Фамусов.

Фамусов

(громогласно)

Ждем князя Пётра Ильича,
А князь уж здесь! а я забился там, в портретной.
Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?
Нет; кажется, что нет.— Он человек заметной —
Сергей Сергеич Скалозуб.

Хлёстова

Творец мой! оглушил, звончее всяких труб.

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и С к а л о з у б, потом М о л ч а л и н.

Ф а м у с о в

Сергей Сергеич, запоздали,
А мы вас ждали, ждали, ждали.

(Подводит к Хлёстовой.)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Х л ё с т о в а

(сидя)

Вы прежде были здесь... в полку... в том...
гренадерском?

С к а л о з у б

(басом)

В е г о в ы с о ч е с т в а, хотите вы сказать,
Новоземлянском мушкетерском.

Х л ё с т о в а

Не мастерица я полки-та различать.

С к а л о з у б

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Ф а м у с о в

Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу,
Курьезный вист у нас. За нами, князь! прошу.—

(Его и князя уводит с собою.)

Х л ё с т о в а

(Софии)

Ух! я точнехонько избавилась от петли;
Ведь полоумный твой отец:
Дался ему трех сажень удалец,
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам? нет ли?

М о л ч а л и н

(подает ей карту)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Х л ё с т о в а

Спасибо, мой дружок.

(Встает.)

М о л ч а л и н

Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более
наперстка,
Я гладил всё его: как шелковая шерстка!

Х л ё с т о в а

Спасибо, мой родной.

Уходит, за ней Молчалин и многие другие.

ЯВЛЕНИЕ 13

Ч а ц к и й, С о ф и я и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся.

Ч а ц к и й

Ну! тучу разогнал...

С о ф и я

Нельзя ль не продолжать?

Ч а ц к и й

Чем вас я напугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить...

С о ф и я

А кончили бы злостью.

Ч а ц к и й

Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все — народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник знаменитый

Тут был, как громовый отвод.
Молчалин! — Кто другий так мирно всё уладит!
Там моську вовремя погладит!
Тут в пору карточку вотрет!
В нем Загорецкий не умрет;
Вы давеча его мне исчисляли свойства,
Но многие забыли? — да?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 14

София, потом г-н Н*.

София

(про себя)

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть; завидлив, горд и зол!

Г-н Н*

(подходит)

Вы в размышленьи.

София

Об Чацком.

Г-н Н*

Как его нашли по возвращеньи?

София

Он не в своем уме.

Г-н Н*

Ужли с ума сошел?

София

(помолчавши)

Не то чтобы совсем...

Г-н Н*

Однако есть приметы?

София

(смотрит на него пристально)

Мне кажется.

Г-н Н*

Как можно, в эти леты!

София

Как быть!

(В сторону.)

Готов он верить!
А! Чацкий, любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Г-н Н*, потом г-н Д*.

Г-н Н*

С ума сошел!.. Ей кажется, вот на!
Недаром?.. Стало быть... с чего б взяла она!
Ты слышал?

Г-н Д*

Что?

Г-н Н*

Об Чацком?

Г-н Д*

Что такое?

Г-н Н*

С ума сошел!

Г-н Д*

Пустое...

Г-н Н*

Не я сказал, другие говорят.

Г-н Д*

А ты расславить это рад?

Г-н Н*

Пойду осведомлюсь; чай, кто-нибудь да знает.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 16

Г-н Д*, потом Загорецкий.

Г-н Д*

Верь болтуну!
Услышит вздор и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загорецкий

Ну?

Г-н Д*

С ума сошел!

Загорецкий

А, знаю, помню, слышал,
Как мне не знать? примерный случай вышел;
Его в безумные упрятал дядя-плут;
Схватили, в желтый дом, и нá цепь посадили.

Г-н Д*

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загорецкий

Так с цепи, стало быть, спустили.

Г-н Д*

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако чур! секрет.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 17

Загорецкий, потом Графиня внучка.

Загорецкий

Который Чацкий тут? — Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком.—
Вы слышали об нем?

Графиня внучка

Об ком?

Загорецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был.

Графиня внучка

Знаю,
Я говорила с ним.

Загорецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший...

Графиня внучка

Что?

Загорецкий

Да, он сошел с ума.

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в одно вы слово.

ЯВЛЕНИЕ 18

Те же и Графиня бабушка.

Графиня внучка

Ah! grand'maman, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед? —
Послушайте. Вот прелести! вот мило!

Графиня бабушка

Мой *т*руг, мне уши зало*ш*ило:
Ска*ши* покромче...

Графиня внучка

Время нет.
Il vous dira toute l'histoire...[1]
Пойду спрошу.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 19

Загорецкий, Графиня бабушка.

Графиня бабушка

Что? что? уж нет ли здесь по*ш*ара?

Загорецкий

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

Графиня бабушка

Как Чацкого? кто свел в тюрьму?

Загорецкий

В горах изранен, в лоб, сошел с ума от раны.

Графиня бабушка

Что? к фармаз*а*нам в клоб? Пошел он в *п*усурманы?

Загорецкий

Ее не вразумишь.

(Уходит.)

Графиня бабушка

Антон Антоноч! Ах!
И он *пеш*ит, все в страхе, впопыхах.

---

[1] Он расскажет вам всю историю (фр.).— *Ред.*

ЯВЛЕНИЕ 20

Графиня бабушка и Князь Тугоуховский.

Графиня бабушка

Князь, князь! Ох, этот князь, по *п*алам, сам чуть *т*ышит!
Князь, слышали? —

Князь

А! хм.

Графиня бабушка

Он ничего не слышит!
Хоть, мо*ш*ет, видели, здесь полицмейстер *п*ыл?

Князь

Э-хм!

Графиня бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И-хм!

Графиня бабушка

Тесак ему да ранец,
В са*л*ы*т*аты! Шутка ли! переменил закон!

Князь

У-хм!

Графиня бабушка

Да!.. в *п*усурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? Глух, мой отец; достаньте свой ро*ш*ок.
Ох! глухота *п*ольшой порок.

ЯВЛЕНИЕ 21

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Дмитревна, Графиня внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб, потом Фамусов и многие другие.

Хлёстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитревна

Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович

Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов

(входя)

О чем? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл;
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, и ни́весть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я — он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитревна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему.

Графиня внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгну́л!
Чай, пил не по лета́м.

Княгиня

О! верно...

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитревна

Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий

(с жаром)

Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкарточных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге Институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!! — у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два;
А книги сохранят так, для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет. Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы да сжечь.

Загорецкий

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин;
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре.

Хлёстова

Три, суда́рь!

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моем календаре...

Хлёстова

Всё врут календари.

Фамусов

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Хлёстова

Нет! триста,— уж чужих имений мне не знать.

Фамусов

Четыреста, прошу понять.

Хлёстова

Нет! триста, триста, триста.

ЯВЛЕНИЕ 22

Те же все и Чацкий.

Наталья Дмитревна

Вот он.

Графиня внучка

Шш!

Все

Шш!

Пятятся от него в противную сторону.

Хлёстова

Ну, как с безумных глаз
Затеет драться он, потребует к разделке!

Фамусов

О господи! помилуй грешных нас!

(Опасливо.)

Любезнейший! Ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди́ от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.

(Подходит к Софии.)

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.

(Делает знак Софии.)

Гм, Софья! — Не глядит!

София

(Чацкому)

Скажите, что́ вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначащая встреча.
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал округ себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал — и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. Посмотришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...
Он рад, но мы не рады.
Умолк, и тут со всех сторон
Тоска, и оханье, и стон.
Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержен.
Куда деваться от княжен!

Я одаль воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад:
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую —
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какий-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям,
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в параллель
С национальным? — странно что-то!
Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель*?
Ужли *сударыня!!*» — забормотал мне кто-то.
Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«*Сударыня!* Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Ха! ха! ха! ха! ужасно!!» —
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый,
Но все оставили меня.
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург — во всей России то,
Что человек из города Бордо,
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжен вселять участье,
И в Петербурге и в Москве;
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей, по несчастью, голове

Пять-шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять,—
Глядь...

Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам.

ДЕЙСТВИЕ IV

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева на одном же плане комната Молчалина.

Ночь. Слабое освещение. Лакеи иные суетятся, иные спят в ожидании господ своих.

ЯВЛЕНИЕ 1

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди их Лакей.

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка

(покуда ее укутывают)

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцевать.

Графиня бабушка

Поетем, матушка, мне, прафо, не под силу,
Когда-нибуть я с пала та в могилу.

Обе уезжают.

ЯВЛЕНИЕ 2

Платон Михайлович и Наталья Дмитревна. Один Лакей около их хлопочет, другий у подъезда кричит:

Карета Горича.

Наталья Дмитревна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, Попошь, что так уныло?

(Целует мужа в лоб.)

Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа, матушка, дремлю на бáлах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю зá полночь, подчас
Тебе в угодность, как ни грустно,
Пускаюсь по команде в пляс.

Наталья Дмитревна

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.

(Уходит с лакеем.)

Платон Михайлович

(хладнокровно)

Бал вещь хорошая, неволя-то горька,
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж иному на роду...

Лакей

(с крыльца)

В карете барыня-с и гневаться изволит.

Платон Михайлович

(со вздохом)

Иду, иду.

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий и Лакей его впереди.

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

Лакей уходит.

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! обнялись! Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно.
И едешь час, и два, день целый, вот резво́
Домчались к отдыху, ночлег: куда ни взглянешь,
Всё та же гладь и степь, и пусто и мертво!..
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

Лакей возвращается.

Готово?

Лакей

Ку́чера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошел, ищи, не ночевать же тут.

Лакей опять уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетилов

Тьфу! оплошал.— Ах, мой создатель!
Дай протереть глаза; откудова? Приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher! [1]
Вот фарсы мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствия, приметы;
Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою

[1] Мой дорогой! (Фр.) — *Ред.*

И растянулся во весь рост.
Пожалуй смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом
И разразит меня господь...

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье! —

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час? —

Чацкий

Час ехать спать ложиться,
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что́ бал? братец, где мы всю ночь до бела дня
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга...

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцовщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье прийти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! — всю ночь не рыщу напролет.

Чацкий

Вот нынче, например.

Репетилов

Что ночь одна, не в счет,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай, в клубе?

Репетилов

В Английском. Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседанья.
Пожалоста, молчи, я слово дал молчать;
У нас есть общество, и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз...

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб вза́шеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся об камерах, присяжных,
Об Бейроне, ну об матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ,
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало,
Поедем-ка сейчас, мы благо на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!!... уж на меня нисколько не похожи,
Что за́ люди, mon cher! сок умной молодежи!

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно, без прелюдий,
Решись, а мы!.. у нас... решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим — подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим...

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.

Что за́ люди! mon cher! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых, князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со́ смеху морит!
Век с англичанами, вся а́нглийская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другий Воркулов Евдоким;
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нон лашьяр ми, но, но, но».[1]
Еще у нас два брата:
Левон и Боренька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать;
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелоч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты, однако, отыскать
Его *отрывок, взгляд* и *нечто.*
Об чем бишь *нечто?* — обо всем;
Всё знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночный разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? навряд...
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сижу

[1] «Ах! не оставь меня, нет, нет, нет» (ит.).— *Ред.*

И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо — любо:
Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру — простят.

Лакей

(у подъезда)

Карета Скалозуба.

Репетилов

Чья?

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Скалозуб, спускается с лестницы.

Репетилов

(к нему навстречу)

Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях.)

Чацкий

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую.)

Репетилов

(Скалозубу)

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу,
Знакомы вы?

(Ищет Чацкого глазами.)

Упрямец! ускакал!
Нет нýжды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас, без отговорок:

У князь-Григория теперь народу тьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых, напоят шампанским на убой,
А во-вторых, таким вещам научат,
Каких, конечно, нам не выдумать с тобой.

Скалозуб

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикнете, так мигом успокоит.

Репетилов

Всё служба на уме! Mon cher, гляди сюда,
И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как, может быть, никто и никогда;
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я —
К нему в зятья.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!
Он на Фонтанке жил, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку? —
Боялся, видишь, он упрёку
За слабость будто бы к родне!
Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?
Секретари его все хамы, все продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты — души мытарства,
Лохмотьев Алексей чудесно говорит,

Что радикальные потребны тут лекарства.
Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил место Скалозуба, который покудова уехал.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Репетилов, Загорецкий.

Загорецкий

Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
Такий же я, как вы: ужасный либерал!
И оттого что прям и смело объясняюсь,
Куда как много потерял! — —

Репетилов

(с досадой)

Все врозь, не говоря ни слова;
Чуть и́з виду один, гляди уж нет другого.
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.

Загорецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Сейчас столкнулись мы, тут всякие турусы,
И дельный разговор зашел про водевиль,
Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.
Мы с ним... у нас... одни и те же вкусы.

Загорецкий

А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загорецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загорецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загорецкий

А кстати, вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Репетилов

Дичь.

ЯВЛЕНИЕ 7

Репетилов, Загорецкий, Князь и Княгиня с шестью дочерями, немного погодя Хлёстова спускается с парадной лестницы, Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах.

Загорецкий

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я княжна

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я княжна

Про это знает целый свет.

3-я княжна

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачковы.—

4-я княжна

Ах! вести старые, кому они новы́?

5-я княжна

Кто сомневается?

Загорецкий

Да вот не верит...

6-я княжна

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов! что вы!
Да как вы! Можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов

(затыкает себе уши)

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора,
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чацкий!!! Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова

(с лестницы)

Княгиня, карточный должок.

Княгиня

За мною, матушка.

Все

(друг к другу)

Прощайте.

Княжеская фамилия уезжает, и Загорецкий тоже.

ЯВЛЕНИЕ 8

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.

Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Чтó наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил; а впрочем,
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
Изволил вовремя явиться! —
Молчалин, вон чуланчик твой,—
Не нужны проводы, поди, господь с тобой.

Молчалин уходит к себе в комнату.

Прощайте, батюшка, пора перебеситься.

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 9

Репетилов с своим лакеем.

Репетилов

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Последняя лампа гаснет.

Чацкий

(выходит из швейцарской)

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами?
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?
Чье это сочиненье?
Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют —
И вот общественное мненье!

И вот та родина... Нет, в нынешний приезд
Я вижу, что она мне скоро надоест.
А Софья знает ли? — Конечно, рассказали,
Она не то чтобы мне именно во вред,
Потешилась, и правда или нет —
Ей всё равно, другий ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит.
Но этот обморок, беспамятство откуда?? —
Нерв избалованность, причуда,—
Возбýдит малость их и малость утишит...
Я признаком почел живых страстей.— Ни крошки:
Она, конечно бы, лишилась так же сил,
Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

София

(над лестницей во втором этаже, со свечою)

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась! нет ее! неýжели в виденьи?
Не впрямь ли я сошел с ума?
К необычайности я точно приготовлен,
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его

(с крыльца)

Каре...

Чацкий

(выталкивает его вон)

Сс!..
Буду здесь и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,

Чем медлить,— а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется.

(Прячется за колонну.)

ЯВЛЕНИЕ 11

Чацкий спрятан, Лиза со свечкой.

Лиза

Ах! мочи нет! робею!
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница барышня, бог с нею.
И Чацкий как бельмо в глазу;
Вишь, показался ей он где-то здесь внизу.

(Осматривается.)

Да! как же? по сеням бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.

(Стучится к Молчалину.)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

ЯВЛЕНИЕ 12

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин (потягивается и зевает), София (крадется сверху).

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Кто б отгадал,

Что в этих щечках, в этих жилках
Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках!

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто недоест
И недоспит до свадьбы.

Молчалин

Какая свадьба? с кем?

Лиза

А с барышней?

Молчалин

Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволóчим.

Лиза

Что вы, судáрь! да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянет!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.
Мой ангельчик, желал бы вполовину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а свижусь и простыну.

София

(в сторону)

Какие низости!

Чацкий

(за колонною)

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:
Во-первых, угождать всем людям без изъятья —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, суда́рь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалин

Пойдем любовь делить плачевной нашей крали.
Дай обниму тебя от сердца полноты.

Лиза не дается.

Зачем она не ты!

(Хочет идти, София не пускает.)

София

(почти шепотом, вся сцена вполголоса)

Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

Молчалин

Как! Софья Павловна...

София

Ни слова, ради бога.
Молчите, я на всё решусь.

Молчалин

(бросается на колена, София отталкивает его)

Ах! вспомните! не гневайтеся, взгляньте!..

София

Не помню ничего, не докучайте мне.
Воспоминания! как острый нож оне.

Молчалин

(ползает у ног ее)

Помилуйте...

София

Не подличайте, встаньте,
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
Солжете...

Молчалин

Сделайте мне милость...

София

Нет. Нет. Нет.

Молчалин

Шутил, и не сказал я ничего, окро́ме...

София

Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме
И погублю себя и вас.

Молчалин встает.

Я с этих пор вас будто не знавала.
Упреков, жалоб, слез моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;

Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете.

София

Иначе расскажу
Всю правду батюшке с досады...
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите.— Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,
Чем даже днем, и при людя́х, и въяве;
В вас меньше дерзости, чем кривизны души.
Сама довольна тем, что ночью всё узнала,
Нет укоряющих свидетелей в глазах,
Как давеча, когда я в обморок упала,
Здесь Чацкий был...

Чацкий

(бросается между ими)

Он здесь, притворщица.

Лиза и София

Ах! Ах!..

Лиза свечку роняет с испугу; Молчалин скрывается к себе в комнату.

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же, кроме Молчалина.

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх, и стыд,—
За двери прячется, боится быть в ответе.

Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

София

(вся в слезах)

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! боже мой! сюда бежит весь дом!
Ваш батюшка вот будет благодарен.

ЯВЛЕНИЕ 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг со свечами.

Фамусов

Сюда! за мной! Скорей! Скорей!
Свечей побольше. Фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна, страмница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать ни взять она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало, я с дражайшей половиной
Чуть врозь — уж где-нибудь с мужчиной.
Побойся бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий

(Софии)

Так этим вымыслом я вам еще обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеретесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.

Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как недосмотрел? и как ты недослышал?
В работу всех, на поселенье вас.
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в и́збу, марш, за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю;
Еще дни два терпение возьми:
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, суда́рь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий

(после некоторого молчания)

Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё еще мне объяснить хотят,
Растерян мыслями... чего-то ожидаю.

(С жаром.)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал,
близко.
Пред кем я давеча так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,

~~Предъ кемъ я давечь, такъ страстно и такъ низко~~
~~Былъ расточитель нѣжнѣйшихъ словъ!!~~

~~Ночь? накажите вы гораздо справедливымъ.~~

А вы, сударь отецъ, вы ~~[illegible]~~ страстные къ чинамъ
~~Желаю вамъ дремать въ невѣденьи~~
~~Собой и дочерью; желаю быть~~ щастливымъ,

Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.
Другій найдется благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами наконецъ
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена;
Теперь не худо бы было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,

Что всё прошедшее вы обратили в смех?!
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки — всё противно,
Я с вами тотчас бы сношения пресек
И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?..

(Насмешливо.)

Вы помиритесь с ним по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей —
Высокий идеал московских всех мужей.—
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, суда́рь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другий найдется благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами, наконец,
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой — и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь и на отца
И на любовника глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором.
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы пра́вы: из огня тот выйдет невредим,

Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок! —
Карету мне, карету!

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Кроме Чацкого.

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:
Безумный! что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

1822—1824

Горе ~~Уму~~ от Ума

Комедія въ стихахъ въ 4хъ ~~актахъ~~.

(Происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Павла Петровича Фамусова)

Актъ 1й

Гостиная ~~комната~~, въ ней большие часы, справа дверь въ спальню Софіи, откудова слышно фортопияно съ флейтою, которые потомъ умолкаютъ. Лизанька среди комнаты спитъ свѣсившись съ кресел.

(Утро чуть день брезжится.

Лизанька.

(вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ, оглядывается)

Свѣтаетъ!... Ахъ, какъ скоро ночь минула!
~~Ждёшь!~~ друга. Вчера просилась спать: — отказъ.
„Ждемъ друга“, — Нуженъ глазъ, да глазъ;
Не спи,
Караулъ, покудова покатишься со стула.
Теперь вотъ только, что вздремнула,
Ужъ день!... Сказать имъ,

(стучится къ Софіи)

Господа,
Эй Софья Павловна, Бѣда.

Ранняя редакция

(Музейный автограф)

ГОРЕ ОТ УМА

Комедия в стихах в 4-х актах

(Происходит в Москве, в доме Павла Петровича Фа́мусова)

АКТ I

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, оттудова слышно фортепияно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька середи комнаты спит, свесившись с кресел.
Утро, чуть день брезжится.

⟨СЦЕНА 1-ая⟩

Лизанька

(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает!.. Ах, как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать —
отказ.
«Ждем друга».— Нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова покатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!... Сказать им.

(Стучится к Софье.)

Господа,
Эй, Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша за́ ночь.
Вы глухи? Алексей Степаноч.
Сударыня!..— И страх их не берет!

(Отходит от дверей.)

Ну, гость неприглашенный,
Быть может батюшка войдет.
Прошу служить у барышне влюбленной!

(Опять к дверям.)

Да расходитесь. Утро.— Что-с?

(Голос Софьи)

Который час?

Лизанька.

Всё в доме поднялось.

София

(из своей комнаты)

Который час?

Лизанька

Седьмый, осьмый, девятый.

София

(оттудова же)

Неправда.

Лизанька

(прочь от дверей)

Ах! Амур проклятый!
Ни верить не хотят, ни слышать, ни видать.
Ну что бы ставни им отнять?
Переведу часы, заставлю бить их звонко,
И музыку пущу.

(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.)

СЦЕНА 2-ая

Лиза, Фамусов.

Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку.)

Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортопияно;
Для Софьи слишком было б рано?..

Л и з а

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Ф а м у с о в

Вот то-то невзначай, за вами примечай,
Так верно с умыслом.

(Жмется к ней и заигрывает.)

Ох! зельи, баловницы.

Л и з а

Вы баловник, к лицу ль вам эти лицы!

Ф а м у с о в

Скромны, а ничего кроме́
Проказ и ветру на уме.

Л и з а

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Ф а м у с о в

Почти.

Л и з а

Ну кто придет, куда мы с вами?

Ф а м у с о в

Кому сюда прийти?
Ведь Софья спит?

Л и з а

Сейчас започивала.

Ф а м у с о в

Сейчас! А ночь?

Л и з а

Ночь целую читала.

Ф а м у с о в

Вишь прихоти какие завелись!

Лиза

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Фамусов

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-та невелик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти, разбудите, боюсь.

Фамусов

Чего будить? сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза

(как можно громче)

Да полноте-с.

Фамусов

(зажимает ей рот)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь.

Лиза

Боюсь, чтобы не вышло из того — — — —

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, суда́рь, вам знать, вы не ребенок,
У девушек сон утренний так тонок,
Чуть дверью скрыпнешь, чуть шепнешь:
Всё слышут...

Фамусов

Всё ты лжешь.

(Голос Софии)

Эй, Лиза!

Фамусов

(торопливо)

Тс!

(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)

Лиза

(одна)

Ушел — — — — Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

СЦЕНА 3-я

Лиза, София со свечкой, за ней Молчалин.

София

Ну что ж ты, Лиза, хлопотала?

Лиза

Конечно, вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

София

Ах! в самом деле рассвело!

(Тушит свечу.)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Лиза

Тужите знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла,
Вертелась перед ним, не помню что врала,
Насилу вынес бог. Для нашей, сударь, чести,
Ступайте, сердце не на месте,
Смотрите на часы, повыгляньте в окно,
Валит народ по улицам давно,
А в доме стук, ходня, метут и убирают.

София

Счастливые часов не наблюдают.

Лиза

Не наблюдайте, ваша власть,
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

София

(Молчалину)

Идите, целый день еще потерпим скуку.

Лиза

Бог с вами-с, прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

СЦЕНА 4-ая

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

Фамусов

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

Молчалин

Я-с.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пору вместе свел?

София

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас — с прогулки.

Фамусов

Брат Молчалин,
Гуляешь возле женских спален!
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Занятье для девицы;
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы.
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их, чепцов, и шпилек, и булавок!
И книжных и бисквитных лавок! —

София

Позвольте, батюшка, кружится голова,
Я от испугу дух перевожу едва,
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.—

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, и сам встревожен очень,
И без того уж многим озабочен:
По должности, по службе хлопотня,
Друг, недруг ли, всем дело до меня,
Но ждал ли худшего? Чтоб был тобой обманут...

София

(сквозь слезы)

Как, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать,
Старушку золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин —
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я, суда́рь...

Фамусов

Молчать.
Ужасный век! Не знаешь, что начать!

Все умудрились не по лётам.
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались нам эти языки,
Берем же побродяг и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему,
И танцам, и пенью, и нежностям, и вздохам,
Как будто в жены их готовим скоморохам.
Ты, посетитель, что? Ты, сударь, здесь к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари,
В Москву переведен через мое содейство,
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть.
Шел в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя чтобы случайно.—

София

Вот в чем, однако, случай весь.
Как давиче вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног. — — — —

Фамусов

Пожалуй, на меня вину еще всю сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог! —

София

По смутном сне безделица тревожит,
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам ⟨рас⟩сказать?

Фамусов

Ну да.

Фамусов садится.

София

В саду была, цветы бессчетно там пестрели,
Искала я, мне чудилось, траву
Какую-то, не вспомню наяву.
В ирисах, в бархатцах, в левкоях и в синели,
Да где их всех назвать?
Из сил я выбилась и бросила искать,
Приподнялась: вдруг кем-то поневоле
Из саду выхвачена в поле.
Передо мной откуда ни взялся
Премилый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы.
Был робок он сперва, потом в любви клялся,
Потом... невзвидела я света.

Фамусов

Какая небылица эта!
И милый человек, кто он?

София

Я вам докладываю: сон!
Вот после этого: сад, поле, всё пропало.
Мы в комнате, в пустой, вдвоем,
Нам очень грустно, горько стало,
Тужили мы бог ведает о чем.
И тут к приумноженью скуки
От фортопиян и флейты издали
Печальные к нам прорывались звуки,
От них унынье...

Фамусов

Неужлй?
Я тоже слышал, и как ярко.

(Указывает на Лизу.)

К рассвету я не спал, а всё она, штукарка.

София

Так будто бы середь тюрьмы
И я, и друг мой новый
Грустили долго, долго мы.
Он всё роптал на жребий свой суровый,
Что не к добру любовь его манит,
Что небогат и вам не угодит.

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара,
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Всё это сон. Дослушайте, каков.
Как между дум и между слов
Забылись мы, и шли часы, покуда
Пол вскрылся, встали вы оттуда:
Смерть на щеках, и дыбом волоса.
Тут разное смешенье! чудеса!
Полк всяких лиц, раздался шум побоищ,
Свирепые друг друга рвали, жгли,
Вы в пропасть за собой меня влекли,
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!..—
Проснулась.— Вот здесь кто-то говорит:
Прислушалась: ваш голос, что так рано!
Бегу сюда, и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да. Дурен сон; как погляжу,
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и флейты, и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно!
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил за чем же? — говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да, их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным делам!

(Встает.)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее,
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее.
Повыкинь вздор из головы,

Не занимайся этим чадом.
Поди-ка, ляг, усни опять.

(Молчалину.)

Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только к вам их нес с докладом,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, суда́рь, я одного смертельно,
Чтоб множества не накоплялось их.
Дай волю вам, оно бы и засело.
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.)

СЦЕНА 5-ая

София П⟨авло⟩вна, Лиза.

Лиза

Ушли они. Тоскуйте на досуге,
Вот вам и друг, толкуйте-ка об друге:
В глазах темно, и замерла душа,
Грех не беда, молва не хороша.

София

Предвижу я, достанется терпеть!
Мне не страшна людская слава,
Да как теперь успеть
Укрыть себя от батюшкина нрава??
Несправедлив и недоверчив, скор,
Таков всегда, а с этих пор,
Ты можешь посудить, уж будут нам гоненья.

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни во́ веки веков.

Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы он звезду на зяте,
А кто в звездах, не все богате,
Так, видите ль, к тому б
Доходцы были чтоб немалы.
Вот, например, полковник Скалазуб.
И золотый мешок, и метит в генералы.

София

Куда хорош! Толкует всё про честь,
Про шпаги и кресты, крестов не перечесть,
А слова умного не выговорил сроду,—
Мне всё равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, правду молвить, не хитер.
Но будь военный, будь он статский,
Кто ж весел и умен, и ловок, и остер,
Как Александр Андреич Чадский?
Теперь другий вам больше мил,
А помнится, он не противен был.

София

Не потому ли, что так славно
Зло говорить умеет обо всех?
А мне оно забавно?
Делить со всяким можно смех.

Лиза

А чем был плох ваш прежний вкус-то?

София

Чем? Прежде я не знала никого,
С кем сердце не бывает пусто.
Теперь... Молчалин мой! как не любить его?
Как будто свыклись с малолетства.—
Грустна — он без ума помочь мне ищет средства,
Смеюсь, тужу нипочему:
Посмотришь, в том и жизнь и смерть ему.
Беспечна я: он за меня боится,
Задумаюсь — он прослезится.

Лиза

Что ж? Александр Андреич нет?
Не та ж любовь, хоть разного покроя?
Вот с ним-то прямо с малых лет
Росли, резвились, вечно двое.

София

Спроси его, привязан он к чему,
Окроме шутки, вздора?
Всех в прихоть жертвует уму,
Что встреча с ним у нас, то ссора.

Лиза

Где носится из края в край?
Лечился на водах от груди,
От скуки, чай...

София

И верно, рад, где посмешнее люди.
Кого люблю я — не таков:
Не оскорбит, враг острых слов,
Без хитрости, он промолчит день целый,
И словно девушка несмелый.
Мы ночи с ним, как ни на есть,
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Проходит час, другий проходит,
Чуть слова два произнесет,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит.—
Смеешься ты? с ума сошла?
Пора ли хохоту такому!

Лиза

Мне-с ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодый француз сбежал у ней из дому
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить
И через три дни поседела.

(Продолжает хохотать.)

София

(с огорчением)

Вот так же обо мне потом заговорят.

Лиза

Простите, право, как бог свят,
Пыталась я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

СЦЕНА 6-ая

София Па⟨вло⟩вна, Лиза, Слуга, за ним Чадский.

Слуга

К вам-с Александр Андреич Чадский.

(Уходит.)

СЦЕНА 7-ая

София П⟨авло⟩вна, Лиза, Чадский.

Чадский

Чуть свет, уж на ногах! и я у ваших ног.

(С жаром целует руку.)

Вы от меня не ждали этой прыти?
Что ж, раде? Нет? В лицо мне посмотрите,
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто бы не далее недели,
Как будто бы вчера, вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели.
Ни нá волос любви! страх милы! хороши!
И между тем не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Чрез седьмсот верст пронесся, ветер, буря,
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда.

София

Ах! Чадский, я вам очень рада.

Чадский

Вы раде? В добрый час.
Однако искренно, кто ж радуется эдок,
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лизынька

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу! нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут,
Сударыня, скажите сами.—

София

Не только что теперь,
Я никогда не стоила упрека.
Кто только в дверь
Являлся к нам заезжий из далёка:
С вопросом я тотчас, будь он моряк,
Что не встречал ли где вас в почтовой карете?

Чадский

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете...—
Ах! боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям, по столам.
Или ваш батюшка с мадамой за пикетом,
Мы в темном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнём, чуть скрипнет столик, дверь.

София

Ребячество.

Чадский

Да-с, а теперь
В седмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, чуть смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ
Без думы, полноте смущаться.

София

Как не смутиться мне? От вас нет оборон,
Вы обзираете меня со всех сторон.

Чадский

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался: успел, а тот дал промах.
Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чадский

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё Английского клуба
Миритель спорщиков, и спорит так, что любо?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек,
Известен всем, живет на рынках?
Князь? или граф? Кто он таков?
Опустошитель всех столов
На свадьбах и поминках?
А трое из бульварных лиц?
Которые с полвека молодятся,
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко, наш клад,
На лбу написано: театр и маскерад,
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмами в одной из комнат
Был спрятан человек и щелкал соловьем
В знак, что зимою лето помнят.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой.
Жить с ними надоест, и в ком не сыщем пятен?
Когда ж постранствуем, воротимся домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чадский

А тетушка? всё девушкой, Минервой?
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдем,
Что нынче так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки

Числом поболее, ценою подешевле?
В своей земле истопники,
В России под великим штрафом
Нам каждого признать велят
Историком и геогрáфом.
Я не могу забыть учительский халат,
Перст указательный, сияние гуменца,
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что ничего нет выше немца.
А Гильоме? француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще?

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Ну он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
А Гильоме, куда глаза ни обратит,
Кто против легкости волшебной устоит?
Живем мы так давно, так дружно, так семейно
Со всяким вертуном залётным из-за Рейна.
Чтоб не забыть. Здесь нынче тон каков?
На съездах на больших, по праздникам
приходским
Господствует еще смешенье языков
Французского с нижегородским?

София

Смесь языков?

Чацкий

Да двух, без этого нельзя ж.

София

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий

По крайней мере, не надутый.
Вот новости! — Я пользуюсь минутой,

Свиданьем с вами оживлен
И говорлив, а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее. Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало, песенок где новеньких тетрадь
Увидит, скажет тут: «Пожалуйте списать».
А впрочем, быть ему у нас в людя́х известных,
Ведь нынче любят бессловесных.

София

(в сторону)

Не человек! змея!

(Громко и принужденно.)

Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве, может быть,
Когда пора была безвреднейшим забавам?

Чацкий

На что же так давно? Вот доброты черта вам:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холо́дности терплю!
Лицо святейшей богомолки!..—
И все-таки я вас без памяти люблю.

Минутное молчание.

Послушайте: ужли мои слова все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду:
Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София

Да, хорошо — сгорите, если ж нет?

СЦЕНА 8-ая

София П⟨авло⟩вна, Лиза, Чацкий, Фамусов.

Фамусов

Вот и другий.

София

Ах, батюшка! сон в руку.

(Уходит.)

Фамусов

(ей вслед вполголоса)

Проклятый сон.

СЦЕНА 9-ая

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую София вышла).

Фамусов

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

Обнимаются.

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
Рассказывай, чай, у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

Садятся.

Чацкий

(рассеянно)

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам, молодым людя́м, другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Е-чай, надеждами занесся, заколдован!

Чадский

Ах! нет: надеждами я ма́ло избалован.

Фамусов

«Сон в руку» — мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал...

Чадский

Я? — ничуть.

Ф а м у с о в

О ком ей снилось? что такое?

Ч а д с к и й

Я не отгадчик снов.

Ф а м у с о в

Не верь ей, всё пустое.

Ч а д с к и й

Я верю собственным глазам,
Век не встречал, подписку дам,
Чтоб было ей хоть несколько подобно!

Ф а м у с о в

Он всё свое. Да расскажи подробно.
Где был? Скитался столько лет?
Откудова теперь?

Ч а д с к и й

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.

(Встает поспешно.)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте. Через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях.)

Как хороша!

(Уходит.)

СЦЕНА 10-ая

Ф а м у с о в

(один)

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват. Какого ж дал я крюку!
Молчалин давиче в сомненье ввел меня.
Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель,

Отъявлен мотом, сорванцом.
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом! —

(Уход⟨ит.⟩)

Конец первого акта

АКТ II

СЦЕНА 1-ая

Фамусов, Слуга.

Фамусов.

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь,
Читай не так, как пономарь,
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Пожди-ка. На листе черкни на записном
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй, ум вскружится,
Великий пост, и вдруг обед!
Ешь три часа, и в три дни не сварится!
Грибки, да кисельки, щи, кашки в ста горшках.
Отметь: *в четверг я зван на погребенье,*
А вынос у Николы в сапожках.
Ох, род людской! Пришло у нас в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать ни сесть.
Но хочет кто пути пред господом исправить,
Вот благочестия пример
Покойник был. Почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить,
Богат, и на богатой был женат,
Переженил детей, внучат,
Скончался: все о нем прискорбно поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему,—
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши в четверг, одно уж к одному,
А может, в пятницу, а может, и в субботу,
Я должен у вдове, у докторше крестить.
Она не родила, но по моему расчету
Должна родить.

СЦЕНА 2-ая

Фамусов, Слуга, Чадский.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка.

Чадский

Вы заняты?

Фамусов

(слуге)

Поди.

Слуга уходит.

Да разные дела на память в книгу вносим,
Забудется того гляди.

Чадский

Вы что-то невесёлы стали,
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашел загадку:
Невесел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне вприсядку?

Чадский

Никто не приглашает вас;
Я только что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может нездорова.

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чадский

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни,
По крайней мере искони
Отцом меня недаром называли.

Чадский

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А главное, поди-тка послужи.

Чадский

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя,
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал, сто человек к услугам,
Весь в орденах, езжал-то вечно цугом,
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил *Екатерине*!
А в те поры всё важный люд,
Раскланяйся, тупеем не кивнут.
Вельможа — господин тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя, что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
Сгибался вперегиб.
На куртаге ему случилось обступиться,
Упал, да так, что чуть затылка не прошиб;
Старик заохал, голос хрипкой;
Был *высочайшею* пожалован улыбкой,
Изволили смеяться, как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругóреть — уж нарочно —
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? Как по-вашему? по-нашему — смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
Зато, бывало, в вист кто чаще приглашен?

Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович. Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович. Шутка!
В чины выводит кто? и пенсии дает?
Максим Петрович. Да. Вы, нынешние, нутка! —

Чадский

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши,
Как посравнить да посмотреть
Век нынешний и век минувший;
Свежо́ предание, а верится с трудом,
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея,
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда — тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век любви и страха,
Когда всё красилось усердием к царю,
Я не об дядюшке об вашем говорю,
Не возмутим его мы праха.
Однако кто теперь дворцовый Донкишот,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Решится, чтоб смешить народ,
Отважно жертвовать затылком!
А сверстники, а старички,
Глядя́ на смелые скачки,
Уж разрушаясь в ветхой коже,
Чай, молвили еще: ах, если бы нам тоже!
Хоть есть охотнички поподличать везде,
Да нынче смех страшит, и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.

Фамусов

Ах! боже мой! он карбонари!

Чадский

Нет! нынче дурно для дворов.

Фамусов

Опасный человек!

Чадский

Вольнее всякий дышит,
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чадский

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чадский

Теперь кто странствует, в деревне кто живет.

Фамусов

Властей не признает!

Чадский

Кто служит делу, а не лицам.

Фамусов

Строжайше б запретил я этим языкам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чадский

Я наконец вам отдых дам.

Фамусов

Не слушаю, терпенья нет, досадно.

Чадский

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу,
Уж так и быть, я не поплачу.

Фамусов

Знать не хочу, разврата не терплю.

Чадский

Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чадский

На что ж? Я их не оскорблю.

Фамусов

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них тут толку жди.

Чадский

Я перестал...

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чадский

Длить споры не мое желанье...

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье! —

СЦЕНА 3-я

Слуга

(входит)

Полковник Скалазуб.

Фамусов

(ничего не видит и не слышит)

Тебя уж упекут
Под суд, как пить дадут.

Чадский

Пожаловал к вам кто-то нá дом.

Фамусов

Не слушаю, под суд!

Чадский

К вам человек с докладом.

Фамусов

Не слушаю, под суд, под суд.

Чадский

Да обернитесь, вас зовут.

Фамусов

(оборачивается)

А? бунт? я так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалазуб. Прикажете принять?

Фамусов

Ослы! Сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошел же, торопись.

Слуга уходит.

Пожалуй-ста, сударь, при нем остерегись.
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахватал,
Не по летам, и чин завидный,
Не нынче завтра генерал.
Пожалуй-ста, при нем веди себя скромненько.
Эх! Александр Андреич, дурно, брат!
Ко мне он жалует частенько,
Я всякому, ты знаешь, рад.
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое.
Об этом он молчит со мной,
Мне тоже нет нужды большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня,
Ведь Софья молода. А, впрочем, власть господня.
Пожалуй-ста, при нем не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральные идеи эти брось.
Однако нет его! какую бы причину...
А! знать, ко мне пошел в другую половину.

(Поспешно уходит.)

СЦЕНА 4-ая

Чадский

Как суетится! Что за прыть!
А Софья? — видно, нездорова,
С которых пор меня дичатся как чужова!
Как здесь бы ей не быть!!....
Кто этот Скалазуб? Отец им сильно бредит;
А может быть, не только что отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

СЦЕНА 5-ая

Чадский, Фамусов, Скалазуб.

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам, сюда-с,
Прошу покорно, здесь теплее,
Прозябли вы, согреем вас,
Отдушничек отвéрнем поскорее.

Скалазуб

(густым басом)

Зачем же лазить, например,
Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,
Сергей Сергеич, дорогой,
Кладите шляпу, сденьте шпагу,
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалазуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть,
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальными, наследства не делить,
Я сам узнал недавно,
И то уж научил двоюродный ваш брат.
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалазуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
А я так дорожу родством,
Сыщу его на дне морском,
При мне служáщие чужие очень редки,
Всё больше сестрины, свояченицы детки,
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил!

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличились с братом
В 30-м егерьском, а после в 45-том.

Фамусов

Да, счастье, у кого есть эдакий сынок.
Имеет, кажется, в петличке орденок?

Скалозуб

За 3-тье августа, мы брали батарею.
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть так хват,
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко заражен теперешним столетьем.
Представьте, капитан по списку был он третьим,
В отставку вышел вдруг и книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость!.. всё вздор, а после хвать!..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Иным и моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале.

Фамусов

Помилосердуйте, в крестах ли недочет?

Скалозуб

Шесть, седмь их у меня, да если б было десять,
Не худо бы еще один привесить.

Фамусов

В погонь ли за одним крестом?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

Скалозуб

Нет-с, ста́рее меня по корпусу найдутся,
Я с 809-го служу,
Да ищет кто чинов, отроет к ним каналы,

Об них как истинный философ я сужу,
Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам,
И генеральский чин, а там,
Зачем откладывать бы дальше,
Речь завести об генеральше.

Скалазуб

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь,
В Москве ведь нет невестам перевода,
Чего? плодятся год от года,
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалазуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера,
На всё свои законы есть:
Вот, например, у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячки две родовых,
Тот и жених.
Другий хоть прытче будь, надутый книжным чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в се́мью не включат, на нас не подиви,
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.—
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль,
Кто хочет к нам пожаловать — изволь,
Дверь отперта для званых и незваных,
Особенно из иностранных,
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнехонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей — сынков и вну́чат,
Журим мы их, а если разберешь,
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? — Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово — приговор,—

Ведь столбовые все, в ус никого не дуют,
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их — беда.
Не то чтоб новизны вводили — никогда.
Спаси нас боже от крамол, но
Когда к словцу, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и... полно.
Прямые канцлеры в отставке по уму,
Я вам скажу, знать, время не приспело,
А что без них не обойдется дело.
А наши дамы, ась? речистее мужей,
Судьи всему, везде, над ними нет судей,
За картами к таким способны бу́нтам,
Мужчины все от них дрожат,
Скомандовать заставьте перед фрунтом,
Присутствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Настасья Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочки? Кто видал, всяк голову повесь.
Его величество король был прусский здесь,
Дивился непутем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам,
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой,
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица, как Москва.

Скалазуб

По моему сужденью,
Пожар как на заказ пылал.
Способствовал к градскому украшенью,
И образ жизни лучше стал.

Фамусов

Ох! от пожара нам пришлося было туго.

Чадский

(не обращаясь ни к кому)

Да, был нам черный год, не послужило впрок.

Фамусов

(Чацкому)

Эй, завяжи на память узелок,
О чем тебя просил?..

(Полковнику.)

Вот-с: Чадского, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит;
Но захоти — так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой,
И славно пишет, переводит,
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
С меня уж будет.

Фамусов

Не я один, а всякий так же судит.

Чацкий

А судьи кто?! — За древностию лет
В отставке, вечный толк их о придворных штатах,
Сужденья черпают из забытых газет
Годов семьсот осьмидесятых,
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что ста́рее, то хуже.
Нам укажите: где отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не этот ли? грабительством богатый,
Защиту от суда в друзьях нашел, в родстве,
Великолепные соорудил палаты,
Где разливается в пирах и мотовстве
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
(Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?)
Не тот ли? вы к кому меня еще с пелён
Дитёй возили на поклон;
Тот Нестор негодяев старых,
Туда же в самых знатных барах
И повелитель многих слуг:
Они несчастные в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг

На них он выменял борзые три собаки!!!
Или вон тот еще? который для затей
На крепостный балет согнал толпы детей,
От матерей, отцов отторженных и сирых!!
Сам погружен умом в Амурах и Зефирах,
Заставил и Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке: —
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши старики! взыскательные судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется не служащий
И не зависимый от повышенья в чин,
От мест и должностей, иным огнем горящий,
В науки ум вперит иль воспитает жар
В душе к высокому, к искусствам благородным —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прокричат его мальчишкою негодным...
Мундир! один мундир! в летах он молодых
Когда-то прикрывал пристойно и красиво
Ничтожность, пустоту, пороки, глупость их,
И нам за ними путь счастливой!
И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь в ту суетность мне более не впасть,
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали,—
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали?

Фамусов

(про себя)

Уж втянет он меня в беду.

(Громко.)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Ух⟨одит⟩.)

СЦЕНА 6-ая

Скалазуб, Чадский.

Скалазуб

Мне нравится при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским,
к гвардионцам,
Ведь согреваются шитьем их будто солнцем!
А в Первой армии как выправлен солдат!
Мундиры пригнаны по тальям, все в обхват,
И платья нижние облеплены, так узки,
В шагу доходит как ни в чем,
И офицеров вам начтем,
Что даже говорят иные по-французски.

СЦЕНА 7-ая

Скалазуб, Чадский, Софья Павловна, Лиза.

София

(бежит к окну)

Ах! боже мой! упал! убился! —

(Теряет чувства.)

Чадский

Кто?
Кто это?

Скалазуб

С кем беда?

Чадский

Она мертва со страху!

Скалазуб

Да кто? откудова?

Чадский

Ушибся обо что?

Скалазуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза

(хлопочет около барышни)

Кому назначено-с, не миновать судьбы;
Молчалин на́ лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он о́б землю и прямо в темя.

Скалозуб

Поводья затянул. Ну жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он — грудью или в бок.

(Уходит.)

СЦЕНА 8-ая

Те же без Скалазуба.

Чацкий

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.

Чацкий бежит и приносит. Все следующее вполголоса до того, как Софья очнется.

Стакан налейте.

Чацкий

Уж налит,
Дай грудь ей распущу вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. Смотри,
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чацкий

Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав,
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чадский

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София

(с глубоким вздохом)

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(Торопко и громко.)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чадский

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чадский

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чадский

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?
Да, правда, не свои беды́ для вас забавы,
Отец родной убейся, всё равно.

(Лизе.)

Пойдем туда, бежим.

Лиза

(отводит ее в сторону)

Опомнитесь, куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

София в окошко высовывается.

Чадский

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.

Чадский

Желал бы с ним убиться...

Лиза

Для компаньи?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

СЦЕНА 9-ая

София Павловна, Лиза, Чадский, полковник Скалазуб, Молчалин (с подвязанною рукою)

Полковник Скалазуб

Воскрес и невредим, рука
Ушибена слегка,
И, впрочем, всё фамильная тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради бога.

П ⟨олковник⟩ Скалазуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опрóметью вбежали.—
Мы вздрогнули.— Вы в обморок упали,
И что ж? — весь страх из ничего.

София

(не глядя ни на кого)

Я чувствую, что из пустого,
А всё еще теперь дрожу.

Чадский

(про себя)

С Молчалиным ни слова!

София

(по-прежнему)

Я просто вам скажу,
За самое себя не трушу, лошадь скинет,
Убьюсь ли: раз со мной и было, я опять

Потом отважилась скакать,
Но за других во мне души нет,
Из ничего,
И приключится, что хоть вовсе мне чужому.

Чадский

(про себя)

Прощенья просит у него,
Что раз добра была к другому.

П⟨олковник⟩ Скалазуб

Позвольте, расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух,—
Жоке́ не поддержал, считал он, видно, мух.—
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах! Александр Андреич, вот,
К ее искателям кобы себя причли вы? —
Ведь вы на помощь торопливы.

Чадский

Да-с, опыт давича я показал на вас.
Смиренник погубил, а я от смерти спас.

(Берет шляпу и уходит.)

СЦЕНА 10-ая

Те же, кроме Чадского.

София

Вы вечером к нам будете?

П⟨олковник⟩ Скалазуб

Как рано?

София

Пораньше: съедутся домашние друзья,
Потанцовать под фортопияно,—
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязалъ, небольно мнѣ съ тѣхъ поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И еслибъ не къ лицу, ненужно перевязки,
А ~~вотъ~~ то невздоръ, что вамъ ~~[illegible]~~ неизбѣжать огласки.
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~

№3 } На смѣхъ того гляди подымутъ Софью вас,
И Скалозубъ какъ свой хохолъ закрутитъ,
Расскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ,
Шутить и онъ гораздъ, ведь нынче кто не шутитъ!

Софья.

А ты ... дорогу?
~~[illegible]~~
Хочу люблю, хочу скажу.
Молчалинъ будто я себя непринуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
Не смѣла я при нихъ дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть; —
~~[illegible]~~?
~~[illegible]~~

П⟨олковник⟩ Скалазуб

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

София

Прощайте.

П⟨олковник⟩ Скалазуб
(жмет руку Молчалину)

Ваш слуга.

(Уходит.)

СЦЕНА 11-ая

София, Лиза, Молчалин.

София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор
И, если б не к лицу, не нужно перевязки,
А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех, того гляди, подымет Чадский вас,
И Скалазуб, как свой хохол закру́тит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

София

А кем из них я дорожу?
Хочу люблю, хочу скажу,
Молчалин, будто я себя не принуждала?
Вошли вы — слова не сказала,
При них не смела я дохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть.—

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть?!
Готова я была в окошко к вам прыгнýть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно? — пусть шутят их; досадно? — пусть бранят.

Молчалин

Чтоб дорого не заплатить за это.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кобы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим,—
Куда как верится охотно!
Таков и Чадский, вы бы с ним
Особнячком подсели: между
Невинных ласок, милых слов...
Ему бы подали надежду,
А кто влюблен, на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ее руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слез,
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда бог Чадского принес!

(Уходит.)

СЦЕНА 12-ая

Молчалин, Лиза.

Молчалин

Веселое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее
По должности, тебя...

Лиза

От скуки.
Прошу подальше руки.

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа:
Снаружи зеркальце, и зеркальце внутри,
Кругом всё прорезь, позолота,
Подушечка, из бисера узор,
И перламутровый прибор:
Игольничек и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ и для других причин,
С духами скляночки: резе́да и жасмин.

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не сыму;
Приди в обед, побудь со мною,
Я тайну всю тебе открою.

(Уходит в боковую дверь.)

СЦЕНА 13-ая

София, Лиза.

София

Была у батюшке, там нету никого.
Сегодня я больна и не пойду обедать,
Скажи Молчалину и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.

(Уходит к себе.)

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

Л и з а

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви до смерти трушу.—
А как не полюбить буфетчика Петрушу! —

К о н е ц 2 - г о а к т а

АКТ III

СЦЕНА 1-ая

Ч а ц к и й, потом С о ф и я.

Ч а ц к и й

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто, наконец, ей мил? Молчалин! Скалазуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки.
Судьба любви, играть ей в жмурки,
А мне...

Вход⟨ит⟩ София.

Вы здесь? Я очень рад,
Я этого желал.

С о ф и я

(про себя)

И очень невпопад.

Ч а ц к и й

Конечно, не меня искали?

С о ф и я

Я не искала вас.

Ч а ц к и й

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, нужды нет,
Кого вы любите?

С о ф и я

Ах! боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Вот спросы пречудные.

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы...

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да, грозный взгляд и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна,
А за собой смотреть куда не бесполезно.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож,
Молчалин, например...

София

Примеры мне не новы,
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы,
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий

(держит ее)

Постойте же.

(В сторону.)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко.)

Оставимте мы эти пренья,
С Молчалиным мирюсь я, виноват,
Быть может, он не то, что три года назад:
Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов,
Есть люди важные, слыли за простяков,
Известных по газетам,
Боюсь назвать, но признано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Не в этом подлежит Молчалин укоризне;
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб кроме вас ему всё в жизни
Казалось прах и смех? дым, мелочь и тщета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем и всем его делам
Душою вы? вам угожденье?..
Я это чувствую, сказать вам не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Я б не желал и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно, смирен, тих, безгласнее травы,
Бог знает, в нем какая мудрость скрыта,
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита,
Быть может, качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;
Не на его душе, весь грех на вашей шее...
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее,
Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос.
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остеречься.
По-прежнему пущусь во все края глядеть,
Искать хоть не любви, но буду я уметь
Теряться пó свету, забыться и развлечься.

София

(про себя)

Вот нехотя с ума свела́.

(Вслух.)

Что притворяться?
Молчалин давиче мог без руки остаться,
Я живо в нем участье приняла,
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору.
Но, может, истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту:
Зачем же быть? скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презреньи к людям так не скрыту?
Что и смирнейшему пощады нет!.. Чего?
Нельзя назвать его:
Тотчас град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет! —

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно. Это всё относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий

(с жаром)

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел.
При батюшке три года служит,
Тот часто бéз толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.
И между прочем,
Веселостей искать бы мог;
Ничуть: от старичков не ступит за порог.
Мы рéзвимся, хохочем,
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет...

Чацкий

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!

(В сторону.)

Она его не уважает.

София

Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал,
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль? смысл этого всего?

(В сторону.)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец, уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит,—
Вот я за что его люблю.

Чацкий

(в сторону)

Шалит, она его не любит.

(Вслух.)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье,
Оставьте мне на попеченье.
Но Скалазуб? вот человек с душой,
Люблю я рост его большой,
Геройский голос — бас, звучнее барабана.

София

Герой!.. не моего романа.

Чацкий

Не вашего? кто разгадает вас?

СЦЕНА 2-ая

Чацкий, София, Лиза.

Лиза

(шепотом)

Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаноч будет.

София

Простите, надобно идти мне поскорей.

Чацкий

Куда?

София

К прихмахеру,

Чацкий

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацкий

Пусть студит их.

София

Нельзя, ждем нá вечер гостей.

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой,
Однако дайте мне зайти хотя украдкой
К вам в комнату на несколько минут,
Там стены, воздух — всё приятно!
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Взойду, не засижусь, вздохну минуты две,
Потом, подумайте, член Английского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалазуба.

София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.

СЦЕНА 3-я

Чацкий, потом Молчалин.

Чацкий

Ах! Софья!.. Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нем только мало,
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

Входит Молчалин.

Вон он на цыпочках, и не богат словами,
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему.)

Нам, Алексей Степаноч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за день, нынче как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?

Молчалин

Могу назвать себя счастливым,
По мере ревности и сил,
С тех пор как числюсь по архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Дмитревна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота!

Молчалин

Татьяне Дмитревне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчалин

С Татьяной Дмитревной!!

Чацкий

С ней век мы не встречались.
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Дмитревна!!! — Ее известен дом,
Живет по старине, и рождена в боярстве,
Муж занимает пост из первых в государстве,
Любезен, лакомка до вкусных блюд и вин,
Притом отличный семьянин:
С женой в ладу, по службе ею дышит,
Она прикажет, он подпишет.
К Татьяне Дмитревне вы съездите.

Чацкий

Зачем!

Молчалин

Затем
Что часто пользу мы находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до поста,
А летом праздники на даче.
Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах, я от веселья прячусь,
Когда дурачиться, дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

По-нашему, тут нету преступленья,
Вот вам Фома Фомич известен, верно?

Чацкий

Что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделенья,
Сюда же перешел.

Ч а ц к и й

Хорош!
Ничтожный человек, из самых бестолковых.

М о л ч а л и н

Как можно! слог его здесь ставят в образец.
Читали вы?

Ч а ц к и й

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

М о л ч а л и н

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Ч а ц к и й

Да, по всему заметно.

М о л ч а л и н

Не смею вслух мое сужденье произнесть.

Ч а ц к и й

Зачем же так секретно?

М о л ч а л и н

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Ч а ц к и й

Помилуйте, мы с вами не ребяты,
Зачем же мнения чужие только святы?

М о л ч а л и н

Ведь надобно ж зависеть от других.

Ч а ц к и й

Зачем же надобно?

М о л ч а л и н

В чинах мы небольших.

Ч а ц к и й

(почти громко)

С такими чувствами! с такой душой дренною!
Любим!.. обманщица смеялась надо мною!

СЦЕНА 4-ая

Вечер.
Раскрывается в перспективе ряд освещенных комнат. Слуги суетятся, один из них, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей,
Столы для карт, мел, щеток и свечей.

(Стучится к Софии в дверь.)

Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Юрьевна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.

Расходятся, остается один Чацкий.

СЦЕНА 5-ая

Чацкий, Наталья Юрьевна.

Наталья Юрьевна

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу.
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы,
Неужто так меня три года изменили?

Наталья Юрьевна

Я полагала вас далёко от Москвы.
Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Юрьевна

Надолго?

Чацкий

Как случится,
Однако кто, смотря на вас, не подивится!
Полнее прежнего, помолодели страх.
Как свéжи! как здоровы!
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Юрьевна

Я замужем.

Чацкий

Сказали бы давно вы.

Наталья Юрьевна

Мой муж, прелестный муж, вот он сейчас войдет,
Я познакомлю вас, хотите ль?

Чацкий

Прошу.

Наталья Юрьевна

Он не спесив, а как себя ведет!
Супружних должностей строжайший исполнитель.

Чацкий

Иных особенно, да с вами было б грех.

Наталья Юрьевна

Нет-с, не особенно, а всех, всегда и всех.
Платон Михайлоч мой единственный, бесценный,
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно был бы он московским комендантом.

СЦЕНА 6-ая

Чацкий, Наталья Юрьевна, Платон Михайлович.

Наталья Юрьевна

Вот мой Платон Михайлоч.

Чацкий

Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба.

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат.

Чацкий

Платон, любезный, славно.
Похвальный лист тебе, ведешь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:
Московский житель и женат.

Чацкий

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть-таки занятья,
На флейте я твержу дуэт
А-мольный...

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус! в мужьях всего дороже.

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомянь,
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Наталья Юрьевна

Платон Михайлоч мой к занятьям склонен разным,
Которых нет теперь, к ученьям и смотрам,
К манежу... иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
Во фрунт. Ступай. Охота лишь была б.

Наталья Юрьевна

Платон Михайлоч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здоровьем слаб! давно ли?

Наталья Юрьевна

Всё рюматизм и головные боли.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Почаще на́ конь. Мчись, порскай.

Наталья Юрьевна

Платон Михайлоч город любит,
Москву, за что в глуши он дни свои погубит.

Чацкий

Москву и город... Ты чудак.
А помнишь прежнее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так...

Наталья Юрьевна

Ах! мой дружочек.
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот.

Наталья Юрьевна

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

Платон Михайлович

(хладнокровно)

Сейчас.

Наталья Юрьевна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозный там ветер дует сзади.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот.

Наталья Юрьевна

Мой ангел, бога ради,
От двери дальше отойди.

Платон Михайлович

(глаза к небу)

Ах! матушка!

Чацкий

Ну, бог тебя суди.
Уж точно стал не тот в короткое ты время,
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович

(со вздохом)

Эх! братец! славное тогда житье-то было.

СЦЕНА 7-ая

Те же и Князь и Княгиня Тугоуховские с 6-тью дочерьми.

Наталья Юрьевна

(тоненьким голоском)

Князь Петр Ильич, княгиня, боже мой!
Княжна Зизи! Княжна Наталья!

Громкие лобызания, потом усаживаются.

1-я Княжна

Ах! что это на вас?

2-я Княжна

Прелестнейший покрой!

Наталья Юрьевна

Нет, если б видели, себе купила шаль я.

3-я Княжна

Какой эшарп cousin мне подарил!

4-я Княжна

Ах! да, барежевый!

5-я Княжна

Ах! прелесть!

6-я Княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! Кто это в углу? взошли мы, поклонился.

Наталья Юрьевна

Приезжий, Чадский.

Княгиня

Отставный?

Наталья Юрьевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И холостый?

Наталья Юрьевна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда пожалуй.

Князь

(к ней обращает слуховую трубку)

О! хм!

Княгиня

Пошел бы ты да пригласил бы к балу
Натальи Юрьевны знакомого: вон он.

Князь

И-хм!

(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает.)

Княгиня

Вот то-то детки:
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер?

Наталья Юрьевна

Нет.

Княгиня

Богат?

Наталья Юрьевна

О! нет!

Княгиня

(громко, что есть мочи)

Князь, князь, назад.

СЦЕНА 8-ая

Те же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка

Ах! grand'maman, ну кто так рано приезжает!
Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату.)

Княгиня

Вот нас честит!
Вот первая и нас за никого считает!
Зла, в девках целый век, уж бог ее простит.

Графиня внучка

(вернувшись, направляет на Чацкого двойной лорнет)

Мсьё Чацкий! вы опять в России?

Чацкий

Как видите.

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком!
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

СЦЕНА 9-ая

Те же и множество других гостей. Между прочим, Загарецкий. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и пр. София от себя выходит. Все к ней навстречу.

Графиня внучка

(к ней же)

Eh! bon soir! comment vont les rubans? les guirlandes?
Toujours le déséspoir de ceux, qui Vous attendent! [1]

[1] А! добрый вечер! как идут вам ленты? гирлянды?
Всегда в отчаянии те, кто вас ожидает! (Искаж. фр.) — *Ред.*

Загарецкий

(Софье)

На завтрашний спектакль имеете билет?

София

Нет.

Загарецкий

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другий вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору — всё взято́,
К директору, он мне приятель,
С зарей в седьмом часу, и! кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он милой,
Мне друг, известный домосед,
Пусть дома посидит в покое.

София

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

Являются еще кое-какие, тем временем Загарецкий отходит.

Загарецкий

Платон Михайлоч.

Платон Михайлович

Прочь.
Поди ты к женщинам, им лги и их морочь.
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат,

(Чадскому)

рекомендую,
Как эдаких людей зовут?
Помягче-то? по-светски?
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоноч Загарецкий.
При нем остерегись, переносить горазд,
И в карты не садись: продаст.

Загарецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы,
Окроме честности есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох нет! братец, Москва! ругают
Везде, а всюду принимают.

Загарецкий мешается в толпу.

СЦЕНА 10-ая

Те же и Хлёстова.

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе? племянница, мученье.
Час битый ехала с Покровки, силы нет.
Ночь — светопредставленье.
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку,
Вели их накормить ужо, дружочек мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте.

(Села.)

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг,
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все ко́шачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое племя!
Там, в девичьей она;
Позвать ли?

София

Нет-с, в другое время.

Хлёстова

Представь: их, как зверей, выводят на показ,
Я слышала, в земле турецкой,
А знаешь ли, кто мне припас? —
Антон Антоноч Загарецкий.

Он выставляется вперед.

Лгунишка он, картежник, вор.

Загарецкий исчезает.

Я от него было и двери на запор,
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих ара́пченков на ярмонке достал,
Купил, он говорит, чай в карты сплутовал,
А мне подарочек, дай бог ему здоровье.

Чацкий

(с хохотом Платону Михайловичу)

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загарецкий сам не выдержал, пропал.

Хлёстова

Кто этот весельчак? из звания какого?

София

Вон этот? — Чадский.

Хлёстова

Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? какий тут смех?
Над старостью смеяться грех.
Я помню, ты дитёй с ним часто танцовала,
Я за уши его трепала, только мало.

СЦЕНА 11-ая

Те же и Фамусов.

Фамусов

Ждем князя Пётра Ильича,
А князь уж здесь! а я забился там в портретной.
Где Скалазуб Сергей Сергеич? а?
Нет, кажется, что нет, он человек заметный —
Сергей Сергеич Скалазуб.

Хлёстова

Ах, батюшка, да ты отправился к нему б.

СЦЕНА 12-ая

Те же и Скалазуб, потом Молчалин.

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали,
А мы вас ждали, ждали, ждали.

(Подводит к Хлёстовой.)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Х л ё с т о в а

(сидя)

Вы прежде были здесь... в полку... в том... в гренадерском?

С к а л о з у б

(басом)

В его высочества, хотите вы сказать,
Новоземлянском мушкетерском.

Х л ё с т о в а

Не мастерица я полки-та различать.

С к а л о з у б

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Ф а м у с о в

Пойдемте, батюшка, там ожидают вас
Мой брат и многие. Прошу покорно. Князь.

(Уводит их с собою.)

Х л ё с т о в а

(Софии)

Ух! я точнехонько избавилась от петли,
Ведь полоумный твой отец,
Дался ему трех сажен удалец,
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам? нет ли?

М о л ч а л и н

(подает ей карту)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Х л ё с т о в а

Спасибо, мой дружок.

(Встает.)

М о л ч а л и н

Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более наперстка,
Я гладил всё его, как шелковая шерстка.

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

(Уходит, за ней Молчалин и многие другие.)

СЦЕНА 13-ая

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я испугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? — Вот:
Старушки часто ведь сердиты,
Кобы всегда такий услужник знаменитый
Тут был, как громовый отвод.
Как он искусно всё уладил!
Рушитель ссор, смиритель гроз,
Как кстати карточку поднес!
Как моську вовремя погладил!
В нем Загарецкий не умрет,
Чего не ожидать при этом нраве кротком,
При свойстве угождать племянницам и теткам,

(ей на ухо)

О! давишнее вам так даром не пройдет.

(Уходит.)

СЦЕНА 14-ая

София, потом г. N*

София

Грозит и тешится, и рад бы что есть силы
Молчалина при всех унизить, как он зол!

Г. N *

(подходит)

Вы в размышлении.

София

Об Чацком.

Г. N *

Он премилый.

София

Он не в своем уме.

Г. N *

Ужли с ума сошел?

София

Не то чтобы совсем...

Г. N *

Однако есть приметы?

София

(смотрит на него пристально)

Мне кажется.

Г. N *

Как можно, в эти леты!

София

Как быть!

(В сторону.)

Готов он верить!
А! Чадский, любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?

(Уходит.)

СЦЕНА 15-ая

Г. N *, потом г. Д *.

N *

С ума сошел!.. Ей кажется!.. вот на!

Недаром!.. Повод есть, с чего б взяла она!
Ты слышал?

Д *

Что?

N *

Об Чацком?

Д *

Что такое?

N *

С ума сошел.

Д *

Пустое...

N *

Не я сказал, другие говорят.

Д *

А ты расславить это рад?

N *

Пойду осведомлюсь, чай кто-нибудь да знает.

(Уходит.)

СЦЕНА 16-ая

Г. Д *, потом Загарецкий.

Д *

Верь болтуну!
Услышит вздор и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загарецкий

Ну?

Д *

С ума сошел.

Загарецкий

А, знаю, помню, слышал.

Как мне не знать? примерный случай вышел,
Его в безумные упрятал дядя, плут,
Схватили, в желтый дом, и на́ цепь посадили.

Д *

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загарецкий

Так с цепи, стало быть, спустили.

Д *

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Известен обо всем, да жаль, что веры нет,
Пойду к другим. Авось поменьше знают.

(Уходит.)

СЦЕНА 17-ая

Загарецкий, потом Графиня внучка.

Загарецкий

Которого ж они тут Чацким называют!
С каким-то Чацким я когда-то был знаком.
Вы слышали об нем?

Графиня внучка

Об ком?

Загарецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был...

Графиня внучка

Знаю.

Я говорила с ним.

Загарецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший...

Графиня внучка

Что?

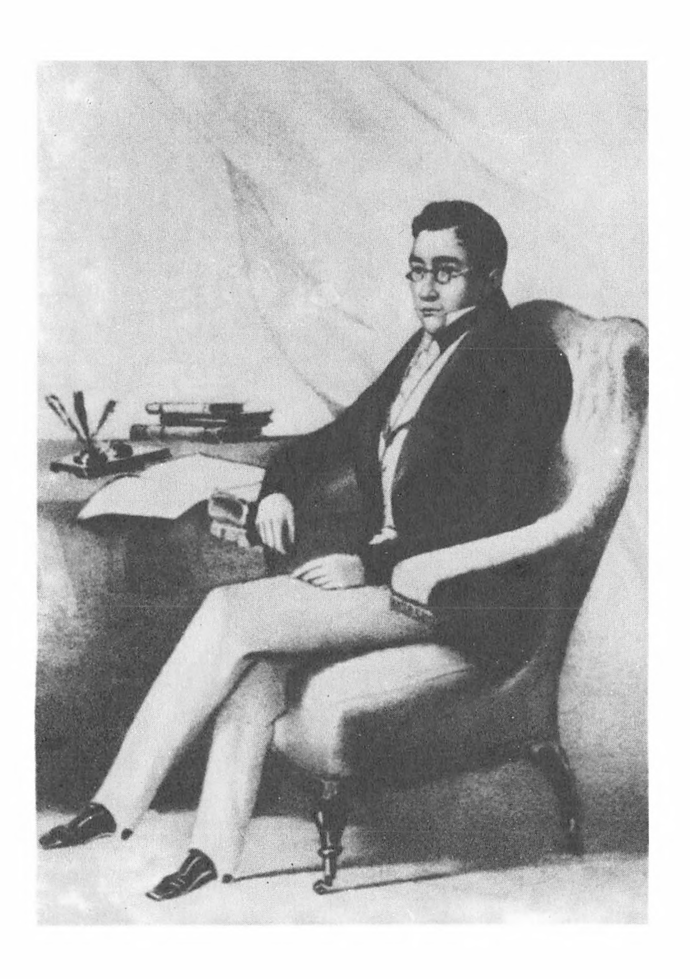
Загарецкий

Да, он сошел с ума.

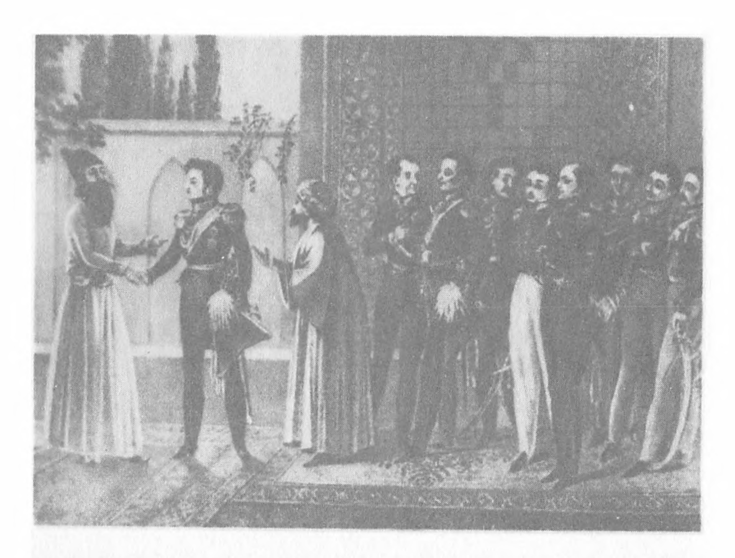

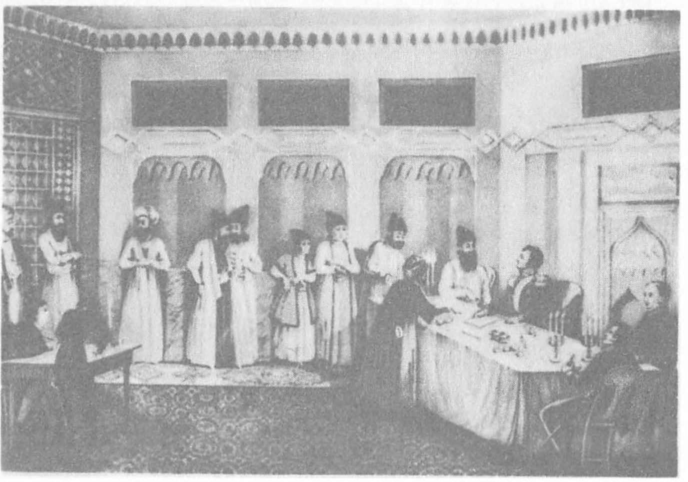

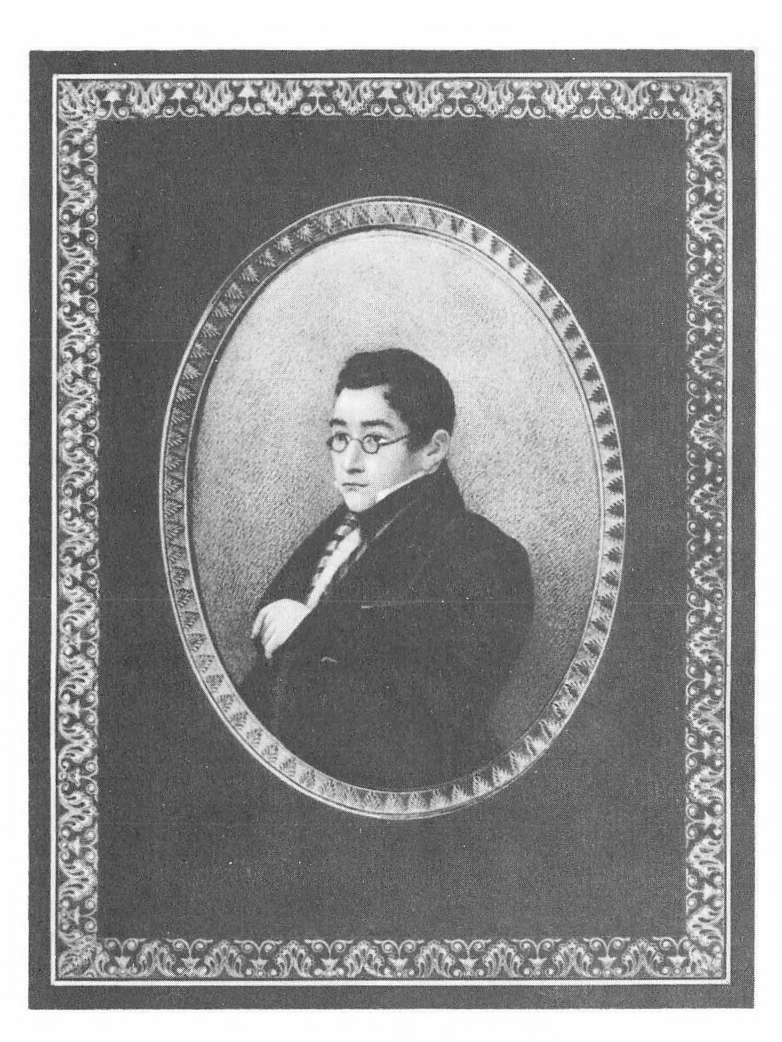

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама,
Была пари держать готова.

СЦЕНА 18-ая

Те же и Графиня бабушка.

Графиня внучка

Ah! grand'maman, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот мило!

Графиня бабушка

Мой *т*руг, мне уши зало*ш*ило,
Ска*ш*и погромче...

Графиня внучка

Время нет.
Il vous dira toute l'histoire,
Пойду, спрошу.

(Уходит.)

СЦЕНА 19-ая

Загарецкий, Графиня бабушка.

Графиня бабушка

Что? Что? уж нет ли здесь по*ш*ара?

Загарецкий

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

Графиня бабушка

Как Чацкого? кто свел в тюрьму?

Загарецкий

Чтоб не свели его, сошел с ума заране.

Графиня бабушка

Пошел он в бусурмане!

Загарецкий

Ее не вразумишь.

(Уходит.)

Графиня бабушка

Антон Антоноч. Ах!
И он бежит, все в страхе, впопыхах.

СЦЕНА 20-ая

Графиня бабушка и Князь Тугоуховский.

Графиня бабушка

Князь, князь. Ох! этот князь, по балам, сам чуть дышит.
Князь, слышали?

Князь

А! хм.

Графиня бабушка

Он ничего не слышит.
Хоть, мо*ш*ет, видели, здесь полицмейстер *п*ыл?

Князь

Э-хм!

Графиня бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И-хм!

Графиня бабушка

Е-чай, ему на*т*енут лямку, ранец,
Да ничто, шутка ли, переменил закон!

Князь

У-хм!

Графиня бабушка

Да!.. в *п*усурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? глух, мой отец, достаньте свой рожок.
Ох! глухота большой порок.

СЦЕНА 21-ая

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Юрьевна, Графиня внучка, Княгиня с дочерями, Загарецкий, Скалазуб, потом Фамусов и многие другие.

Хлёстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! Да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Юрьевна

Ах! друг мой, все.

Платон Михайлович

Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов

(входя)

О чем? О Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл,
Давно дивлюсь я: как никто его не свяжет!
Попробуй о властях — и нивесть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я: он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в архивах!

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Юрьевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загарецкий

Безумный по всему.

Графиня внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила осемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгну́л!
Чай, пил не по летам.

Княгиня

О! верно.

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Юрьевна

Бутылками-с, мы замечали сами.

Загорецкий

(с жаром)

Наталья Юрьевна, ведра́ми, да-с, ведра́ми.

Фамусов

Ну, вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкарточных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге Институт
Пе-да-го-гический, так кажется зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!! у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи,

От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэкт насчет лицеев, школ, гимназий,
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два.
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет. Уж коли зло пресечь,
Забрать все книги бы да сжечь.

Загарецкий

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был ценсором назначен я,
На басни бы налег, ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин:
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре.

Хлёстова

Три, судáрь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моем календаре...

Хлёстова

Всё врут календари.

Фамусов

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Хлёстова

Нет! триста! уж чужих имений мне не знать.

Фамусов

Вместе bis.

Четыреста и... сорок пять.

Хлёстова

Нет! триста, триста, триста.

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

Те же все и Чацкий.

Наталья Юрьевна

Вот он.

Графиня внучка

Шш!

Все

Шш!

(Пятятся от него в противную сторону.)

Хлёстова

Ну, как с безумных глаз
Он драться вздумает, ведь с ним плохи разделки.

Фамусов

О, господи! помилуй грешных нас!

(Опасливо.)

Любезнейший, ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди́ от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.

(Подходит к Софье.)

Душа здесь у меня какой-то скорбью сжата,

И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! не ужиться мне с Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.
(Делает знак Софии.)

Гм, Софья! Не глядит!

София

(Чацкому)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате простейший случай:
Французик из Бордо был окружен зевак
И слушательниц кучей:
К своим приравнивал он нас, что точно так
На всё готовы мы, нет дела до последствий,
Всё только бы шутя, резвясь,
От наших гладеньких он фраз,
От наших кругленьких приветствий
Воображает быть в отечестве своем,
И прочее...— утих, и тут по нем
Об южной Франции, о берегах Гаронны
Заохали, урок из детства натвержен —
Особенно две-три княжны пускали стоны,
(Куда деваться от княжен!).
Я к небу воссылал смиренные желанья,
Однако вслух,
Чтоб удалил господь нечистый этот дух
Слепого, жалкого, пустого подражанья;
Чтоб воздержал нас крепкою вожжой
От слез и тошноты по стороне чужой.
Неужли у себя для наших нет желаний
Семейных прелестей, родных воспоминаний!
И чем наш Север лучше стал,
Что всё заветное наследье променял?
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую —
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какий-то чудный выем!
Коротkополые, наперекор стихиям,
Рассудку смех и не краса лицу.
Как платья и умы коротки,

Смешные, бритые, седые подбородки...
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Их отверженья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Помилуйте, как ставить в параллель
Национальное с французским, вот охота!
Ну как перевести *Мадам* и *Мадмуазель*?
Ужли *сударыня*!!» — пробормотал мне
кто-то ———
Представьте, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Хю! хю! хю! хю! ужасно!!» —
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый,
Но все оставили меня.
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва, столичное в России место: то,
Где человек из города Бордо,
Лишь рот раскрыл, имеет счастье
Во всех княжен вселять участье,
И в этой же Москве,
Когда воспитан кто в отечественных нравах,
В чьей голове
Пять-шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять,—
Глядь...

(Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам.)

Конец 3-го акта

АКТ IV

У Фамусова в доме парадные сени, большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих) выход на крыльцы и швейцарская ложа, слева на одном же плане комната Молчалина.

Ночь.

Лакеи иные в движении, иные спят в ожидании господ своих.

СЦЕНА 1-ая

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди их Лакей.

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка

(покуда ее укутывают)

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцовать.

Графиня бабушка

Пое*т*ем, матушка, мне пра*ф*о не под силу,
Когда-нибудь я с *п*ала *т*а в могилу.

Обе уезжают.

СЦЕНА 2-ая

Платон Михайлович и Наталья Юрьевна. (Один лакей около их хлопочет у крыльца, другий — у подъезда кричит)

Карета Горича.

Наталья Юрьевна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, мой милой,

(целует мужа в лоб)

Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на ба́лах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за полночь, подчас

Тебе угодно, с рожей постной
Пускаюсь по команде в пляс.

Наталья Юрьевна

Ах, миленький, ты пренесносный,
Охота смертная прослыть за старика.

(Уходит с лакеем.)

Платон Михайлович

(хладнокровно)

Бал вещь хорошая, неволя-то горька,
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж иному на роду...

Лакей

(с крыльца)

В карете барыня-с и гневаться изволит.

Платон Михайлович

(со вздохом)

Иду, иду.

(Уезжает.)

СЦЕНА 3-я

Чацкий и лакей его впереди.

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

Лакей уходит.

Ну вот и день прошел, и с ним
Весь этот чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? Что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! свиделись?! —— Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, и день, вот начало
Темнеть, час отдыха, ночлег: куда ни взглянешь,

Всё та же гладь и степь, и пусто и голо́!..—
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

Лакей возвращается.

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошел, ищи. Не ночевать же тут.

Лакей опять уходит.

СЦЕНА 4-ая

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетилов

Тьфу! оплошал.— Ах! мой создатель!
Дай протереть глаза; откудова? Приятель! ——
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher!
Ну вот, мне часто было пето,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствие, примета;
Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою
И растянулся во весь рост.
Пожалуй, смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Какая-то любовь и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
Пусть разразит меня господь.

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,

С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?

Чацкий

Час ехать спать ложиться.
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что бал? братец, где все, всю ночь до бела дня
В приличьях скованы, не вырвутся из ига,
Читал ли ты? есть книга...

Чацкий

А ты читал? задача для меня.
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня Вандалом.
Я это заслужил.
Беспутно век свой погубил!
Пустых людей любил!
По ресторациям! по балам!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцовщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай, ври, да знай же меру,
Есть от чего в отчаянье прийти.

Репетилов

Постой, поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими, всю ночь не шляюсь напролет.

Чацкий

Вот нынче, например.

Репетилов

Что? ночь одна не в счет,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай, в Клубе?

Репетилов

В Английском. Что от тебя скрывать?
Сейчас из заседанья,
Пожалоста, молчи, я слово дал молчать,
У нас есть общество, и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз.

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в Клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот способ чрезвычайный,
Чтоб взáшеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто нас не поймет.
Я сам, как схватятся об камерах, присяжных,
Об Бейроне, ну об матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ,
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! У нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало,
Поедем-ка сейчас, мы благо на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!! уж на меня нисколько не похожи,
Что называется: сок умной молодежи! —

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит! Ну полно, без прелюдий.
Решись, а мы!.. у нас... решительные люди,

Горячих дюжина голов! —
Кричим, подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за́ люди! mon cher! без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых, князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со́ смеху морит!
Век с англичанами, вся а́нглийская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же он обстрижен гладко.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другий Воркулов Евдоким,
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нон лашьяр ми, но, но, но».
Еще у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать,
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелоч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты, однако, отыскать
Его *отрывок, взгляд* и *нечто*.
Об чем бишь нечто? — обо всем,
Всё знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночный разбойник, дуэлист,
Был сослан черт знает куда-то к алеутам,
И крепко на руку нечист;

Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные, навряд.
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Ленился смолоду, отстал, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком поднатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру — простят...

Лакей

(у подъезда)

Карета Скалазуба.

Репетилов

Чья?

СЦЕНА 5-ая

Те же и Скалазуб (спускается с лестницы).

Репетилов

(к нему навстречу)

Ах! Скалазуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях.)

Чацкий

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую.)

Репетилов

(Скалазубу)

Слух об тебе давно затих,

Сказали, что ты в полк отправился на службу,
Знакомы вы?

(Ищет Чацкого глазами.)

Упрямец! ускакал!
Нет нужды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас, без отговорок:
У князь-Григория пир, шум и кутерьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых, напоят шампанским на убой,
А во-вторых, таким вещам научат,
Каких не выдумать, конечно, нам с тобой.

Скалазуб

Избавь, с ученостью вы много взяли все-то,
Бог вам премудрость ниспошли.
Дают ли ордена за это?
Давай ученье нам, чтоб люди в ногу шли.
Я школы Фридриха, в команде гренадеры,
Фельдфебеля́ мои Волтеры.

Репетилов

Что служба, братец? вздор. Вот я, гляди сюда,
Такие огорченья встретил,
Как, может быть, никто и никогда;
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я —
К нему в зятья.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!
Он в Царском жил Селе, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку?
Боялся, видишь, он упреку
За маленький фавёр к родне!..
Боялся! прах его возьми, да легче ль мне?
Секретари его, род хамский и продажный,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты — душе надсада,

Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что за правительство путем бы взяться надо,
Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загарецкий заступил место Скалазуба, который покудова уехал.)

СЦЕНА 6-ая

Репетилов, Загарецкий.

Загарецкий

Извольте продолжать, поверьте,
Я сам ужасный либерал
И рабства не терплю до смерти,
Чрез это много потерял.

Репетилов

(с досадой)

Что это от меня все направляют лыжи!
Куда один, другий туды же,
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалазуб.

Загарецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Мне друг, и от него наверх не мог попасть я.
Сурьезный разговор зашел про водевиль,
Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.
Мы с ним... у нас свои пристрастья.

Загарецкий

А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загарецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загарецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загарецкий

А кстати, вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Репетилов

Дичь.

СЦЕНА 7-ая

Репетилов, Загарецкий, Князь и Княгиня с шестью дочерями, немного погодя Хлёстова спускается с парадной лестницы, Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах.

Загарецкий

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я Княжна

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я Княжна

Про это знает целый свет.

3-я Княжна

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачковы.

4-я Княжна

Ах! вести старые, кому оне новы́?

5-я Княжна

Кто сомневается?

Загарецкий

Да вот не верит...

6-я Княжна

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! вы! Мсьё Репетилов, что вы
Да как вы! можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов

(затыкает себе уши)

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора.
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чадский. Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова

(с лестницы)

Княгиня, карточный должок!

Княгиня

За мною, матушка.

Все

(друг другу)

Прощайте.

Княжеская фамилия уезжает, и Загарецкий тоже.

СЦЕНА 8-ая

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.

Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Карповна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Что наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил, а впрочем,
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
Ночные шатуны! вишь, говорят, женате!
Зачем пожаловал? Чтоб посмотреть небось,
Красив ли Фамусов в халате?
Все, все разъехались.

Репетилов

Браните, бейте, ах!
Амфиса Карповна, я сам себя гнушаюсь,
Пустой я человек, шалун я, вертопрах,
Чистосердечно, слезно каюсь,
Несчастье Чацкого разительный урок,
Что не в большом уме нам прок.
Детьми займусь, и будет дело глаже,
Вселю в них божий страх и с завтрашнего
дня же
Остепенюсь, моя жена
Уж более не ляжет спать одна.

Хлёстова

Так, видно, никогда бедняжке не ложиться.
Молчалин, вон чуланчик твой,
Не нужны проводы, поди, Христос с тобой.

Молчалин уходит к себе в комнату.

Прощайте, батюшка, пора перебеситься.

(Уезжает.)

СЦЕНА 9-ая

Репетилов с своим лакеем.

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(Уезжает.)

СЦЕНА 10-ая

Чацкий выходит из швейцарской.

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами?
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О праздный! жалкий! мелкий свет!
Не надо пищи, сказку, бред
Им лжец отпустит в угожденье,
Глупец поверит, передаст,

Старухи кто во что горазд
Тревогу бьют... и вот общественное мненье!
И вот Москва! — Я был в краях,
Где с гор верхов ком снега ветер скатит,
Вдруг глыба этот снег в паденьи всё охватит,
С собой влечет, дробит, стирает камни в прах,
Гул, рокот, гром, вся в ужасе окрестность.
И что оно в сравненьи с быстротой,
С которой чуть возник, уж приобрел известность
Московской фабрики слух вредный и пустой.
А Софья? знает ли? — Конечно, рассказали,
Она в веселый час, как до нее дошло,
Чай, позабавилась, не то чтоб мне назло,
Ей всё равно, другий ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит,
И обморок я к сердцу принял слишком,
Расстройство, слабость нерв, по прихоти,
по вспышкам,
Чтобы придать себе чувствительности вид,
Я признаком почел живых страстей.— Ни крошки:
Она, конечно бы, лишилась так же сил,
Когда бы кто нечаянно ступил
На хвост собачки или кошки.

София

(с свечой показывается из боковой двери над лестницей во втором этаже)

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась, нет ее, неужели виденье?
Не впрямь ли я сошел с ума?
Нет, нет, к горячке я, конечно, подготовлен,
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого!
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его

(с крыльца)

Каре...

Чацкий

(выталкивает его вон)

Сс!..

Буду здесь, не шевельнусь ни с места
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше с одного присеста,
Чем медлить, а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется.

(Прячется за колонну.)

СЦЕНА 11-ая

Ч а ц к и й спрятан, Л и з а со свечкой.

Л и з а

Ах! мочи нет! робею!
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, бог с нею.
И Чацкий, как бельмо в глазу,
Вишь, показался ей он где-то здесь, внизу.

(Осматривается.)

Да! как же? по сеням бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.

(Стучится к Молчалину.)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

СЦЕНА 12-ая

Ч а ц к и й за колонною, Л и з а, М о л ч а л и н (потягивается и зевает).

Л и з а

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

М о л ч а л и н

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Л и з а

От барышни-с.

Молчалин

Ну кто б сказал,
Что в этих щечках, в этих жилках
Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках!

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы,
Пригож и мил, кто недоест
И недоспит до свадьбы.
Скорей, пойдемте же, боюсь, не в добрый час
Из дворни кто-нибудь тут выскочит на нас.
Ну вот и барышня.

СЦЕНА 13-ая

Те же и София.

София

Как я перепугалась,
Мой друг, шла давиче сюда, с свечой в руках,
И что-то двигалось, мне показалось,
Что Чацкий здесь...

Чацкий

(бросается между ими)

Я здесь, притворщица. Да.

Софья

Ах!..

Лиза свечку роняет с испугу, Молчалин скрывается к себе в комнату.

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть к тому.
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
И знал уж раз! и верить усумнился!
Сходнее б, кажется, сквозь землю провалился.
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд,—
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница! бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

С о ф и я

Какая низость! подстеречь!
Подкрасться и потом, конечно, обесславить.
Что? этим думали к себе меня привлечь?
И страхом, ужасом вас полюбить заставить?
Отчетом я себе обязана самой,
Однако вам поступок мой
Чем кажется так зол и так коварен?
Не лицемерила, и пра́ва я кругом.
Ах! боже мой! стук! шум! сюда бежит весь дом.
Вот батюшка.

Л и з а

Сам барин!

СЦЕНА 14-ая

Ч а ц к и й, С о ф и я, Л и з а, Ф а м у с о в, толпа с л у г с свечами.

Ф а м у с о в

Сюда. За мной. Скорей. Скорей.
Свечей побольше. Фонарей.
Где домовые? Ба! Знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна, страмница.
Бесстыдница! Где? с кем! Ни дать ни взять она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало, я с дражайшей половиной
Чуть врозь — уж где-нибудь с мужчиной.
Побойся бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
И я поверил... Нет! во мне ума не стало!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, я думаю, теперьче маски сбросьте.

Ч а ц к и й

(Софии)

Так этим я еще обязан вашей злости!

Ф а м у с о в

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеретесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?

И как недосмотрел? и как ты недослышал?
В работу всех, на поселенье вас.
Вы все закуплены, сгубить меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы,
Там выучилась ты любовников сводить,
Да я тебя заставлю:
Цыплят кормить, коров доить.
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю;
Еще дни три терпение возьми,
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, суда́рь, прошу я с нашим домом,
С моей семьей, со мной не быть знакомым,
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта.
Я постараюсь, я; в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий

(Софии)

Я перед вами виноват.
Не знаю, почему вас с теми ставил в ряд,
Которым, впрочем, здесь найдутся сотни ровных
Искательниц фортун и женихов чиновных,
Которым красотой едва дано расцвесть.
Уж глубоко натвержено искусство
Не сердцем поискать, а взвесить и расчесть,
И продавать себя в замужство.
Вы выше этого. По вас такий, чтоб был
Немножко прост и очень мил,
Чтоб вы могли его и в возрасте бы зрелом
Беречь и пеленать, и спосылать за делом,
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей:
Высокий идеал московских всех мужей!
Но боже мой! кого вы поискали!
Когда размыслю я, кого вы предпочли!
За что меня вы завлекли,
Повергли в бездну зол, мученья и печали!
Я сам, где я искал награду всех трудов?
Спешил? летел, дрожал, вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко

Был расточитель нежных слов!!
Не верьте, с вами я горжусь своим разрывом.
А вы, суда́рь отец, вы, страстные к чинам:
В дворянской спеси вам желаю быть счастливом.
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другий тут есть, спокойный, благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами, наконец,
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна
От слепоты своей, от смутнейшего сна,
Теперь мне кстати б было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
Вон из Москвы! Сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пущусь искать по свету,
Где для рассудка есть и чувства уголок...—
Карету мне, карету.

(Уезжает.)

СЦЕНА 15-ая

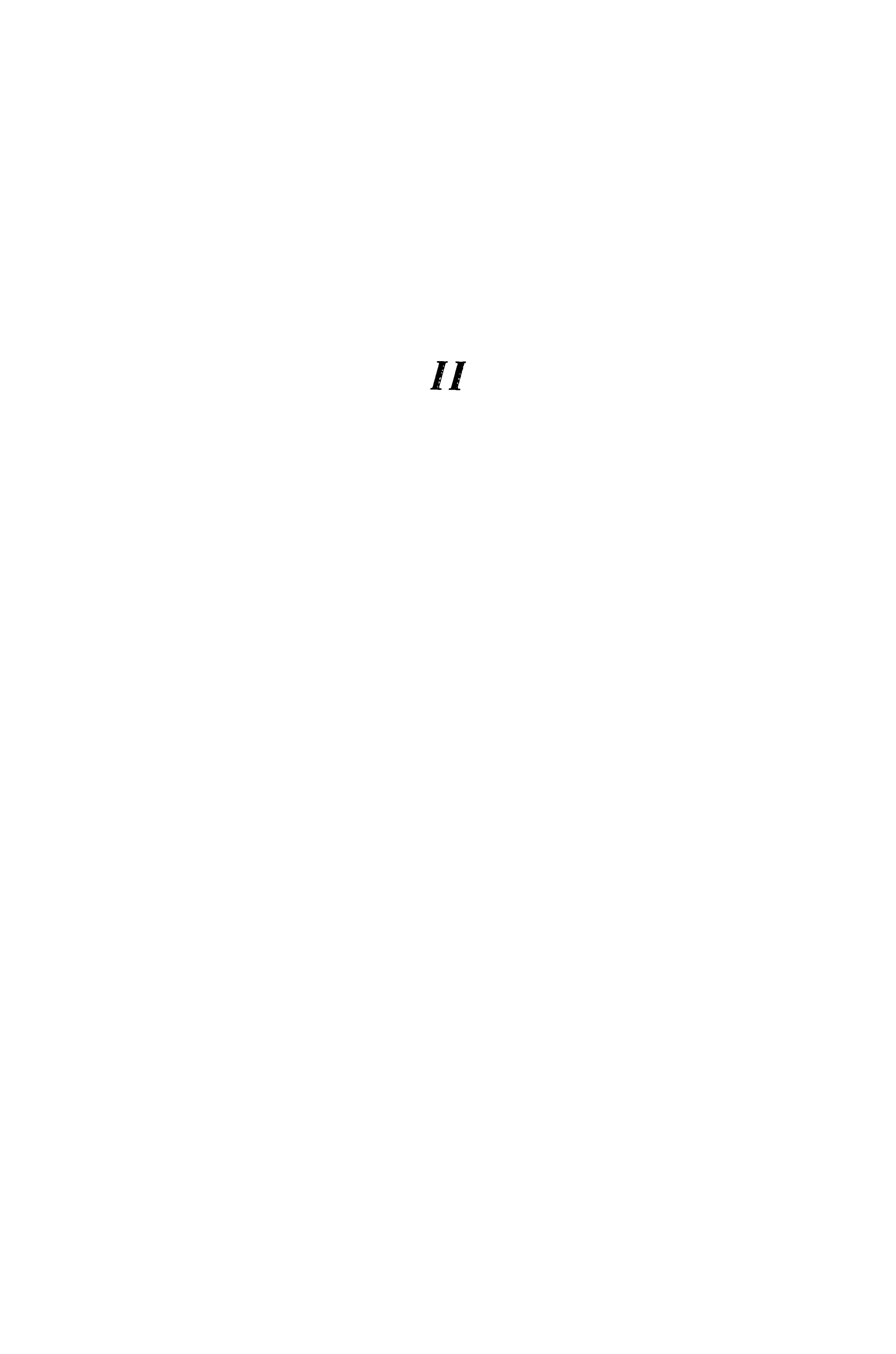
Кроме Чацкого.

Фамусов

Безумный. Что он тут изволил городить!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так гневно!
Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Конец

1822—1823

II

Ранние комедии

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ

Комедия в одном действии, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Арист
Эльмира
Сафир

Гостиная в Аристовом доме.

ЯВЛЕНИЕ 1

Арист

(входит)

Сегодня завернул некстати я домой:
Придется утро всё беседовать с женой.
Какие странности! люблю ее по чести,
Меж тем приятнее, когда мы с ней не вместе.
Однако вп́ервые не мною найдено,
Что вскоре надоест одно и всё одно.

ЯВЛЕНИЕ 2

Арист и Эльмира, в простом утреннем платье.

Эльмира

А! Здравствуй, милый мой, здоров ли?

Арист

Понемногу.
А ты здорова ли, мой друг?

Эльмира

Я слава богу.

Арист

(в сторону)

Веселый разговор.

(Вслух.)

Скажи, ужли опять
Ты не намерена сегодня выезжать?
Как взаперти пробыть весь день — не понимаю.

Эльмира

Свой дом всем прочим я домам предпочитаю.

Арист

Но прежде отчего езжала всюду ты?
И ныне способы к тому не отняты.

Эльмира

Веселость светская меня к себе манила,
Когда я дней моих тебе не посвятила;
Большой же ныне свет мне стал казаться мал.

Арист

Но отчего же я от света не отстал,
А дорожу тобой всё более и боле?

Эльмира

Пожалуй, выезжать я буду поневоле.

Арист

Притом и не видать в тебе талантов тех,
Которыми сперва обворожала всех.
Поверь, со стороны об этом думать можно,
Что светских девушек образованье ложно,
Невинный вымысел, уловка матерей,
Чтобы избавиться от зрелых дочерей;
Без мыслей матушка проронит два-три слова,

Что дочка будто ей дарит рисунок новый;
Едва льзя выпросить на диво посмотреть.
Выносят наконец ландшафт или портрет,
С восторгом все кричат: «Возможно ль, как вы скромны!»
А, чай, работали художники наемны.
Потом красавица захочет слух прельщать —
За фортопьяны; тут не смеют и дышать,
Дивятся, ахают руке столь беглой, гибкой,
Меж тем учитель ей подлаживает скрыпкой;
Потом, влюбленного как в сети завлекли,
В загоне живопись, а инструмент в пыли.
Всё это сказано меж нами не для ссоры.

Эльмира

Заслуживаю ль я подобные укоры?
Я думала, к пенью прошла моя пора;
В угодность же тебе я буду петь с утра,
На бале проведу всю ночь.

Арист

Забудем это,
Помыслим о другом.— Уже подходит лето,
Какие меры брать располагаешь ты?

Эльмира

Какие могут быть тобою приняты.

Арист

Оставим городской шум вечный, пыль и сплетни,
На даче проведем мы ясные дни летни.

Эльмира

Пожалуй.

Арист

Но боюсь, нескромен сей приют:
Непрошеные нас близь города найдут;
Притом соседство там ужасно как наскучит.

Эльмира

Куда ж поедем мы?

А р и с т

Меня страх это мучит.
В скитаньях провести нам лето как-нибудь.

Э л ь м и р а

На всё согласна я.

А р и с т

Куда ж направим путь —
В Крым или на Кавказ?

Э л ь м и р а

Куда тебе угодно.

А р и с т

Куда угодно мне — вот это бесподобно!
Я мнение твое желаю знать давно,
Чего б хотела ты?

Э л ь м и р а

Мне, право, всё равно.

А р и с т

Так, видно, далее не ехать нам заставы.

Э л ь м и р а

Везде, где вместе мы, мне радость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Всё то, что мысленно ты можешь пожелать.

А р и с т

И я признателен.

Э л ь м и р а

Нет! я так замечала,
Что скучно всё тебе.

А р и с т

Мне скучно?

Э л ь м и р а

Да.

А р и с т

Нимало.

Эльмира

По крайней мере, мне казалось иногда,
Что сидя ты со мной не в духе...

Арист

Никогда.

Эльмира

О, если б ложные мне виделись приметы!

Арист

Я рад с тобою быть... Однако где газеты?

(В сторону.)

Над ними все-таки пристойнее зевать.

Эльмира

Он занят чтением,— мне тоже книгу взять.

ЯВЛЕНИЕ 3

Прежние и Сафир.

Сафир

За чтеньем муж с женой — вид важный и степенный!
Примерная чета! божусь, неоцененно.

Арист

Ах! как ты мил, Сафир, что вспомнил обо мне:
Мы утро целое с женой наедине.

Сафир

Непозволительно и утренней порою
Скучать, любезный мой, с супругой молодою.

Эльмира

Мой муж ведомостьми был занят, а не мной.

Арист

Что рано с балу так уехал ты домой?
Досадно, по тебе мы поздно спохватились.

Сафир

Я крепко задремал.

Арист

А мы так всё резвились.
В Аглаю знаешь как Сердаликов влюблен?
Я настоял на том, чтобы взбесился он:
С Аглаей всё шептал и танцевал нарочно;
А он краснел, бледнел, дрожал, ворчал, ну точно
Не раз обманутый ревнивый на часах.

Сафир

С Аглаей всякому легко быть в дураках.

Арист

Везде, где только бал, она необходима.

Эльмира

(в сторону)

А я здесь лишняя.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Арист и Сафир.

Сафир

Теперь об этом мимо;
В присутствии жены поосторожней будь.
Ба! да она ушла.

Арист

Бог с ней, счастливый путь.

Сафир

Не совестно ль тебе с женою столько нежной
Вести себя, как ты, так сухо, так небрежно?

Арист

Да, очень совестно, пожалуй, побрани.

Сафир

В уединении она проводит дни,
До у́тра твоего ждет с бала возвращенья.

Арист

А мне что за нужда? Какие утешенья!
Что с ней я, что один, не всё ли мне равно?
Хожу по комнате, глазею с час в окно;
Скажу ей что-нибудь — она мне потакает,
И речь в устах моих, не кончась, замирает.
У нас с Эльмирою эмблемой приняты
Не розаны, мой друг, а маковы цветы.

Сафир

И тягостно тебе согласие домашне?

Арист

Да, сударь, тягостно согласие всегдашне.
Зачем она молчит и убегает свет?
Причиной спесь иль лень; ума в ней, что ли, нет?
О! пропасть в ней ума; но кто про это знает?
И дарований тьма — она их все скрывает;
Прекрасная собой — одета не к лицу!..
Я впрямь был вне себя, когда мы шли к венцу,
Как в первый раз меня Эльмира обнимала!..
Немые ласки те божественны сначала,
А в продолжении весьма надоедят.

Сафир

Иной подумает, что ты давно женат.

Арист

По справедливости, три месяца — три века!..
С Эльмирой можно близь тенистого просека,
Под свесом липовым, на бархатном лужку
Любиться, нежиться, как надо пастушку,
И таять весь свой век в безмолвьи неразлучно.
Всё это весело в стихах, а в прочем скучно.

Сафир

Ты прав, на что она скромна, тиха, мила;
Нет, лучше, чтоб она кокеткою была.

Арист

Кокетка, знаешь ли, ужасно только слово.

Сафир

Кроме значения, нет ничего худого.

Арист

Пусть ищет нравиться моя Эльмира всем,
Но любит лишь меня, и я доволен тем.

Сафир

Ах! убегая раз она домашней сени,
Тобою занята гораздо будет меней;
Потом, как врозь она привыкнет быть с тобой,
Не мудрено, что ей понравится другой.
Потом — как раза два она тебя обманет,
Глядь, в очередь свою виновный охать станет.

Арист

Мой будущий удел я знаю наперед;
В наш век степенница по свадьбе через год
Берет любовника,— единобразье скушно,
И муж на то глядеть обязан равнодушно.
Всё это сбыточно, всё это быть должно
Со мною, как с другим,— так раз заведено.
Однако до тех пор хотел бы я в Эльмире
Все видеть способы искусства, средства в мире
Рядиться, нравиться, приятной, ловкой быть,
А более еще, чтоб таковой прослыть;
Чтоб рой любовников при ней был ежечасно,
Но ею пре́зренный, рой жалкий и несчастный!
А я бы думать мог, на этот рой смотря:
Старайтесь круг ея, а наслаждаюсь я!

Сафир

Ребячество, мой друг, ребячество большое;
И скрашивать на что суждение пустое?
Скажи, что молод ты супругом путным быть,
Не в силах качества жены своей ценить.

Арист

Любовь моя к жене род страсти, обожанье!..
Постой, да ныне мне назначено свиданье.
Прощай, любезный мой.

Сафир

С Аглаей?

Арист

Точно так.

Сафир

Ну можно ль предпочесть ее жене?

Арист

Никак.
Я знаю, что жене супруги должность свя́та,
А у вертушки той я, может быть, десятый;
Но с нею в забытьи я время провожу,
С женою ж разговор едва ли нахожу;
И наконец тебе доверить можно смело,
Что ныне, как в суде мое решают дело
И, может, приберут имение к рукам,
Я, вместо чтоб скакать по стряпчим, по судам,
Платить и кланяться,— к прелестнице поеду,
А ты покуда здесь останься, проповедуй!

(Уходит.)

Сафир

Поди, суда́рь, к жене.— Вот сущий ветрогон!
Чему ж дивиться нам, что мало верных жен.

ЯВЛЕНИЕ 5

Сафир и Эльмира, одетая с бо́льшим вкусом, чем прежде.

Эльмира

Мне споры ваши все из спальней были слы́шны.
К увещеванию слова, труды излишни,
И горести мои известны вам одним.
Я опасалась в них довериться родным,
Чтоб не доставить тем худой Аристу славы.

Сафир

Он виноват кругом, но вовсе ли вы правы?

Эльмира

Уж вы всё знаете, судите вы меня.
С тех пор как я за ним, доселе, несмотря

На частые его отсутствия, холодность,
Я делаю ли что Аристу в неугодность?
Противуречу ли, мешаю ль в чем-нибудь?
Иль жалуюсь когда, ропщу? Ах! нет, отнюдь:
Я одобряю всё, что нужным он находит,
Не спрашиваю, где он дни свои проводит;
Чтоб б ни задумал он, я перед ним молчу
И воли собственной иметь я не хочу.
Вот все вины́ мои.

Сафир

И что же? очень худо.
Где нет взаимности, рождается остуда;
Ее же претворит один мертвящий взор,
Любовь в раскаянье, согласие в раздор
И цепь цветочную в железные оковы;
Примеры этому и многи и неновы.

Эльмира

Итак, не до́лжно мне покорной мужу быть?

Сафир

Нет, дайте мне сполна вам это объяснить.
Тот муж, мы, например, каким Ариста знаем,
Уверенный, что он женою обожаем,
Что ясных дней его ничто не помрачит,
В беспечности благой живет как сибарит;
Вседневны ласки он с холодностью приемлет;
Взаимность райская утихнет и задремлет;
Ему ничто не впрок и чужд сердечный страх.
Нет! постарайтесь быть хотя в его глазах
Вы легкомысленней и больше прихотливы;
Увидите, какой он будет боязливый.
Едва опомнится, что может потерять
Блаженство, коим стал он так пренебрегать,
С супругой-ангелом в любви минутах тайных,
Он в заблуждениях раскается случайных
И, образумясь, вам покорен будет вновь.

Эльмира

Не послушание мне нужно, а любовь.

Сафир

Но возвратить ее нет способа другого.

Эльмира

Хоть ныне умереть я за него готова.

Сафир

Не надо умирать; приличней средство есть,
Чтоб чувства прежние Ариста вам обресть.

Эльмира

И способ случай мне давно к тому доставил:
Мой муж в рассеяньи, дела свои оставил,
Но я за них взялась, радела как могла,
У должностны́х людей по целым дням была,
На малу опытность мою с прискорбьем глядя,
Мне руку помощи в том подавал мой дядя.
У мужа тяжба есть по делу одному
И производится неведомо ему.
Хотя на стороне его и справедливость,
В неправоту ему вменили б нерадивость.
Я не щадила просьб, подарков и хлопот.
Сегодня жданный день решенья настает.
Я еду, чтоб узнать, успешно ль окончанье;
Увидит пусть Арист мое об нем старанье.

Сафир

Возможно ль, чтоб он был неблагодарен вам?
Вы более об нем печетесь, чем он сам,
Но, ах!..

Эльмира

Докончите, я вам охотно верю.

Сафир

Вы возвратите ль сим любви его потерю?
Конечно, скажет он и скажет целый свет:
Что дивных качеств вы, что вам подобной нет,
Что делаете честь вы редких жен сословью.
Почтенье не всегда сопряжено с любовью.

Эльмира

Или намерены меня вы убедить,
Что нет возможности мне мужу угодить;
Что сердца я его лишаюсь невозвратно.
Так! должно верить мне сему, хоть неприятно.

Он вовсе действует тем чувствам вопреки,
Являл которые, искав моей руки.
В те дни, что для меня так памятны, так сладки,
Он всё любил во мне — и даже недостатки.

Сафир

О! в этом нечего меня вам уверять!
Как вас не полюбить? вам суждено пленять.
Но узников своих чтоб приучить к неволе,
На то потребно средств еще гораздо боле;
Они, сударыня, для вас не мудрены;
Зачем отбросили свои таланты вы?
Искусством нравиться пренебрегать не надо.
Вы хороши собой хотя и без наряда,
Но что вы, как теперь, одеты не всегда?
Зачем не ездите в собранья иногда,
Которых можете быть первым украшеньем?
Там возбужденные правдивым восхищеньем
Хвалы, с которыми к вам всякий поспешит,—
Ручаюсь, что Арист их дорого ценит.

Эльмира

Ужели кисея, надетая удачно,
Ему заменит взор мой ласковый, безмрачный?
Ужель неискренний восторг, похвальный бред,
Который так легко всем уделяет свет,
Захочет он сравнять с горячностию тою,
С которой может он быть мной любим одною?

Сафир

О нет! конечно, нет; но, видя каждый раз
Везде угодников, вздыхателей круг вас,
Сам будет угождать, к свому привыкнет дому,
Чтоб сердца вашего не уступить другому.

Эльмира

Довольно; верьте мне, что до минуты сей
Скрывалась дома я, таилась от людей
Не для того, чтоб быть мне от других отличной,—
Любить веселье мне подобно всем прилично:
Утехи, счастие, всех радостей собор
В Аристе мне одном мечтались до сих пор.
Он насмехается над чувствами моими.

С теперешней поры и я прощаюсь с ними:
Род жизни я моей переменяю весь;
И съездов ежели у нас не будет здесь,
То целый день и ночь искать их буду в чуже.

Сафир

Вот удивите вы весь свет!

Эльмира

Так удивлю же.

Сафир

И сим поддержите честь пола своего.
Я знаю, женщинам нет легче ничего,
Как пременять свой вид, и даже свойства, мненья...
Но, кстати, вы теперь начните превращенья:
Сыграйте что-нибудь и спойте в добрый час;
Пусть музы, Аполлон и, словом, весь Парнас
Благоприятствуют успешному началу.

Эльмира

Давно не пела я.

Сафир

Попробуйте.

Эльмира

Пожалуй.

(Садится за фортопиано и поет.)

1

Боги! Лида, унывая,
В грусти вопиет своей:
Ах! красавица какая
В мирной есть долине сей,
Что, от жалкой Лиды кроясь,
Разлучает с милым нас!
Иль она Венерин пояс
Получила в дар от вас?

Пристойнее бы мне совсем не начинать.

Сафир

И таковой талант вы можете скрывать?
Как дурно скромничать не к месту...
Продолжайте.

Эльмира

Смотрите ж, за глаза меня не осуждайте.

2

Вдруг, как ветерок привея,
Лель ей на ушко шепнул:
Ты пастушек всех милее!
Но Филон, едва вздохнул,—
От тебя всё получает;
Для того не ищет вновь:
Где желанье умолкает,
Умолкает и любовь.

Что, ежели Арист пришел бы сей порой?

Сафир

Не знаю, что бы он, а я уж сам не свой!

ЯВЛЕНИЕ 6

Эльмира, Сафир и Арист, входит и останавливается в дверях.

3

И подшед Филон к прекрасной,
Ей не встречен в первый раз;
Просит поцелуй напрасно:
За отказом вслед отказ;
В просьбах и сопротивленьи
Длится неги сладкий час,
И любовник в упоеньи
Счастлив — будто в первый раз.

Ей-богу, ваше мне суждение опасно.

Арист

Неподражаемо! божественно! прекрасно!

Эльмира

Я не заметила тебя; давно ль ты здесь?

Арист

Что ж делать: где талант, бывает также спесь.
Но чьим обязан я всесильным убежденьям?
Кто приманил тебя к забытым упражненьям?
Ты думала ль меня приятно удивить?

Эльмира

О! благодарностью ты можешь не спешить:
Вот упросил меня.

Арист

Сафир?

Эльмира

Да, он.

Арист

Измена!
Я сколько приставал и падал на колена
И всё не мог тебя на это преклонить.

Эльмира

Как будто бы мужья умеют попросить;
Их просьба на приказ ужасно как походит,
А повеление до сердца не доходит.

Сафир

Арист! тебе урок.

Арист

Старательный убор;
А принуждения не замечает взор;
Платочек на груди как ветерок навеян.

Эльмира

Я ехать собралась.

Арист

Ты едешь?

Эльмира

В магазеин.

Арист

И в магазеин?

Эльмира

Да.

Арист

Не верю я ушам.

Эльмира

Тьму разных мелочей я заказала там,
И надо кое-что для нынешнего балу.

Арист

Для балу?

Эльмира

Точно так.

Арист

Но объяснись, пожалуй,
Пустыннический дух ужели впрямь исчез?
Тебя ли слушаю? Давно ли до небес
Уединение ты мне превозносила?

Эльмира

И это помнишь ты? я, право, позабыла.

Арист

Забыла правила любимы через час?
И вот, о женщины! не обижая вас,
Вот та, которая из самых постоянных!

Эльмира

Ты первый недруг был всех этих правил странных;
Сафир противу их меня охолодил.

Арист

И все-таки Сафир.

Эльмира

Тебе он угодил:
Он сделал, что твои уважила я мненья;
Ты, верно, очень рад?

Арист

(сухо)

Я нем от восхищенья.
Да как послушалась Сафировых ты слов
Так скоро — невзначай?

Эльмира

И без больших трудов.
Мне перестали быть те общества противны,
Где предвещает он веселья непрерывны,
Где можно нравиться легко в моих летах.
Нет! больше не сижу я в четырех стенах.
Пускай к рассеянью кто нову страсть осудит:
Сафир ее внушил, и отвечать он будет.

Сафир

За что такая честь! Я, право, уж боюсь,
Что красноречием невольно возгоржусь.

Эльмира

Не даром — в полчаса вы совершить умели
То, в чем бы во сто лет другие не успели.

Арист

Завиден тот, кому дар слова дан такой.
Так вместе нá вечер поедем мы с тобой.

Эльмира

И, нет! там многие, в сужденьи торопливы,
Безвинно посвятят тебя в мужья ревнивы
Или найдут, что мы как пара голубков;
Я ж от двусмысленных шептаний, полуслов
Старалась до сих пор быть сколько можно дале.

Арист

Как! если вместе мы покажемся на бале,
Двусмысленно о том свет будет говорить?
Мне всё двусмысленным уж начинает быть.

Эльмира

Сафир! еще совет: какого лучше цвету
Купить бы шляпку мне?

Сафир

Малинового.

Арист

Нету,
По мне — небесного.

Эльмира

Нет, нет!

Арист

А почему?

Эльмира

Не верю иногда я вкусу твоему.

Арист

Подписан приговор! мой вкус уже порочен!

Эльмира

Порочен не скажу, а переменчив очень.
Но с вами нехотя я время упущу,
Прощайте; ежели найду, чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафир! желайте мне успеха.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Арист и Сафир.

Арист

Что за диво!

Сафир

Каков с Аглаей ты? — Она тебя нашла
Иль ты ее сыскал?

Арист
(не внимая ему)

При всем том как мила!

Сафир

Надеюсь, для тебя всего милее света.
Увы! надолго ли?

Арист

Как хорошо одета!

Сафир

О! этим славится не без причин она;
Что более в ней есть?

Арист

Жива, ловка, умна!

Сафир

Приятно сладостных часов воспоминанье!
А где произошло с любезною свиданье?
Что сделалось с тобой! как ты задумчив.

Арист

Да,

Я таковой ее не видел никогда!

Сафир

Вскружила голову тебе совсем Аглая,
Скажи по совести?

Арист

Ох, братец, нет, другая.

Сафир

Другая уже? я как вкопанный стою!

Арист

Да, я влюбился вновь.

Сафир

В кого?

Арист

В жену мою.

Сафир

Вот новости еще!

ЯВЛЕНИЕ 8

Прежние и Эльмира.

Эльмира

Как будто это надо,
Чтоб именно со мной тут встретилась досада.

Арист

А что случилось?

Эльмира

Что? вы б это не снесли.

Арист

Быть может; но скажи...

Эльмира

Вы бы с ума сошли.

Арист

Я верю, но скажи, в чем происходит дело?

Эльмира

Ужели о пустом я так бы зашумела?

Арист

Печальное пришло известье?

Эльмира

Ох, не то!
Мне плакать хочется.

Арист

Не умер ли уж кто?

Эльмира

Не может разве быть несчастия иного?

Арист

Да что же сделалось?

Эльмира

Карета не готова.

Арист

Загадки этой я не разрешил бы ввек.

Эльмира

Вас это веселит, счастливый человек!
В забаву для себя всё обратить умеет.
Но если новое мне платье не поспеет,
То я не знаю, в чем уже на бале быть.

Арист

Уже? так перестань, мой друг, себя крушить:
Едва ты явишься, и, позабыв наряды,
На красоту твою все обратятся взгляды.

Эльмира

Удачно мадригал вы, сударь, мне сплели;
Аглае лучше бы его поберегли.

Арист

Как! что это?

Эльмира

Сафир! пожалуй, подойдите.

Сафир

Чего изволите?

Эльмира

Рукавчик завяжите.
Послушайте меня.

(Тихо ему.)

Арист не должен знать,
Что по его делам я еду хлопотать.

Сафир

Я умолчал о том.

Эльмира

Я этого страшилась,
И только для того сюда к вам воротилась.

Арист

(в сторону)

Они с ней шепчутся.

Эльмира

(громко)

Благодарю.

Сафир

За что ж?

Арист

У вас таинственность; а я на что похож?

Эльмира

И тайну чтоб узнать, догадки надо много.

Арист

Сафир! прошу сказать.

Эльмира

Сафир! ах! ради бога!

Сафир

Не бойтесь, не скажу.

Арист

Я угадаю сам.

Эльмира

Ломайте голову, я позволяю вам;
А вы не делайте, Сафир, ему рассказы.
Пора уж отомстить мне за его проказы.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 9

Арист и Сафир.

Арист

Конечно, ежели сего лишь захотят,
И ангела с пути прямого совратят,
Не правда ли, Сафир?

Сафир

Мне это непонятно.

Арист

Не ждал от дружбы я услуги столь приятной.

Сафир

Пожалуй, объяснись.

Арист

Иль славно поступил
Ты, что жене мою с Аглаей связь открыл?

Сафир

Кто, я?

Арист

Да, ты.

Сафир

Арист!

Арист

Сознайся, что некстати
Уведомлять жену о мужнином разврате?
Коль ветреность мою так можно называть.

Сафир

Арист!

Арист

Когда же мнишь любовь ее снискать,
То лучше отложи все ковы в долгий ящик.
Такой ли женщине приятен пересказчик?

Сафир

Уж это чересчур! — Вот на — рука моя,
Что ей не говорил о том ни слова я.

Арист

Да кто же ей сказал?

Сафир

Кто! — мне какое дело?
Но только что не я, могу уверить смело.

Арист

Ужели у меня есть скрытные враги,
Привыкшие мои изведывать шаги?..

Сафир

Ты всё колеблешься? Я повторяю снова:
Не я о том сказал, даю честно́е слово.

Арист

Довольно; извини, прости меня, Сафир.

Сафир

Как мог подумать ты?

Арист

Ну, мир.

Сафир

Пожалуй, мир.

Арист

Я очень чувствую, что это быть не может.
Не знаю, ныне что весь день меня тревожит?

Сафир

А повод к этому?

Арист

Эльмира.— Посуди:
Блаженство обретал я на ее груди;
Смиренный, тихий нрав, испытанный во многом,
Любви достаточным казался мне залогом.
Я так уверен был, беспечен, что, ей-ей,
В объятиях ее не помышлял об ней.
Внезапно кротость та пожертвована вздору;
Эльмира вне себя от шляпки, от убору:
Она сбирается на бал, а я — сказать стыжусь!—
И в провожатые уж боле не гожусь.

Сафир

Ну что ж? ей, может быть, единобразье скушно,
И ты на то глядеть обязан равнодушно.

Арист

Я это говорил, я точно не был прав:
Еще не знал тогда я ревности отрав.

Сафир

А ныне чувствуешь?

Арист

Не точно ревность...

Сафир

Что же?

Арист

А что-то, на нее ужасно как похоже.

Сафир

Мой друг, не вовсе ль ты рассудок потерял?
Когда жена твоя, чего ты сам желал,
К приманкам светскости не столько хладнокровна,
Уже ты вне себя, уже она виновна.

Арист

Пременчивости тень убийственна тому,
Кто вверился, как я, блаженству своему.—
Постой, что давеча она тебе шептала?

Сафир

Вот, видно, на меня опять сомненье пало.
Весь толк о шляпке был: ты, верно, слышал сам?

Арист

Неправда, выдумка, я вижу по глазам.
Скажи мне истину сейчас — или ни слова.

Сафир

По крайней мере, нет тут ничего такого,
Что неприятность бы могло тебе подать.

Арист

К чему ж таинственность?

Сафир

Я обещал молчать.

Арист

Довольно.

Сафир

Что с тобой, в лице весь изменился.

Арист

Тебе, знать, чудится.

Сафир

Ну, право, рассердился.

Арист

Я... ничего.

Сафир

Постой, куда же ты пошел?

Арист

Я так...

Сафир

Куда, скажи?

Арист

Здесь воздух мне тяжел.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Сафир, один.

Сафир

И это был Арист! он может быть ревнивым!
Так! вертопрахам он пример велеречивым;
Блаженства сущностью они не дорожат:
Его утративши, по нем же загрустят.

ЯВЛЕНИЕ 11

Сафир и Эльмира.

Сафир

Вы скоро съездили.

Эльмира

Не правда ль, торопливо?
Не менее того мой выезд пресчастливый;
И в сей записочке еще подтверждено,
Что в пользу дело всё Ариста решено.
Прочтите,— с сим письмом слуга мне повстречался.
Успехом наконец мой поиск увенчался.

Сафир

Я поздравляю вас.

Эльмира

А что Арист?

Сафир

Пропал.
Отчаянно брюзглив и недоверчив стал;
Любезные черты ревнивца он являет.

Эльмира

Что неожиданно его переменяет?

Сафир

Что хочет женщина, то сбудется всегда.

Эльмира

Какие случаи бывают иногда:
Я радуюсь тому, о чем иная плачет;
Мой муж ревнив!

Сафир

И как!

Эльмира

Сафир! что это значит?

Сафир

То значит, что ему досталось унывать.

Эльмира

О! я берусь его достойно наказать:
От дядюшки письмо я утаю до срока,
Его промучаю весь день.

Сафир

Ах! как жестоко!

Эльмира

Мной чувства жалости совсем отдалены;
С ума его сведу.

Сафир

По милости жены
Не первый попадет в число он сумасшедших.

Эльмира

Нет! а раскается он в шалостях прошедших,
Ручаюсь вам за то.

ЯВЛЕНИЕ 12

Прежние и Арист, в дверях.

Сафир

Признаться, что Арист
Пред вами совестью своей не очень чист
И наказания примерного достоин.

Эльмира

И накажу его, он может быть покоен.

Сафир

А чем? не этим ли письмом?

Эльмира

Чем бог послал.
Отдайте мне его, чтоб он не увидал.

Арист

Итак, сбылись мои правдивые сомненья!
Скажи, бессовестный, еще в недоуменьи
Не знаю, как судить мне по твоим словам:
Помощник, что ли, ты иль обольститель сам?

Сафир

К кому такая речь?

Эльмира

Замешаны мы оба.

Арист

Уж боле не к лицу невинною особой
Прикидываться вам: сей день вас обличил;
Довольно времени я легковерен был.

Сафир

Обдумайся, Арист.

Эльмира

Он в полном ли рассудке?

Арист

О! бросьте наконец безвременные шутки.
Скажи, суда́рь!.. Иль нет, оставь покуда нас;
Мы лучше свидимся с тобою через час,
Тогда произойдет короче объясненье.

Сафир

Но что ввело тебя в такое исступленье,
Скажи причину нам?

Арист

Оно у ней в руках.

Сафир и Эльмира

Письмо!

Арист

Неу́жели вы ощутили страх?

Сафир

Дай мне тебе сказать...

Арист

Мне слушать недосужно.

Сафир

Одно...

Арист

Не надобно.

Сафир

Лишь слово дай...

Арист

Не нужно.

Эльмира

Вы видите, Сафир, он, кажется, в бреду;
Подите, пусть его упрямится.

Сафир

Иду.
Он, право, жалок мне!

Арист

Ужимки бросьте эти:
Еще ль вам повторять, что нам не нужен третий?

Сафир уходит.

ЯВЛЕНИЕ 13

Арист и Эльмира.

Эльмира

Чего хотите вы? вот мы наедине.

Арист

Не вам расспрашивать, сударыня, а мне.

Эльмира

Чего хотите вы?

Арист

Чего? вопрос забавный!
Подайте мне письмо, где я увижу явно,
Как женской честности вы пре́зрели закон,
Как вами я забыт, поруган, оскорблен!

Эльмира

Поруган! оскорблен! — какие выраженья!
Но ваши не хочу я разрешать сомненья
И не отдам письма.

Арист

Должны его отдать,
Иль бешенство мое хотите испытать?

Эльмира

Подумайте — читать письмо чужое низко,
И хлопотен надзор над женской перепиской.

Арист

Я, кажется, вам муж.

Эльмира

Я, сударь, вам жена;
И любопытством я большим одарена,
Но ваши тайны мне всегда казались святы.

Арист

Вам свято что-нибудь! не я ль уж виноватый?
Подайте мне письмо.

Эльмира

Нет, право, не отдам.
Читаю ль я когда, что пишет часто вам
Любезная для вас, прелестная Аглая
И, может быть, еще прелестница другая?

Арист

Как заблуждения дерзаете равнять
Мои вы с вашими? Иль вам растолковать:
Мои суть шалости, а ваши преступленья.

Эльмира

Где эти ветхие нашли вы наставленья?

Арист

Но и погрешности мои вам не покров;
Я вам неверен был на несколько часов;
А в доказательство, здесь для моей очистки,
Вот как я берегу любовные записки.

(Вынимает записки из бумажника и рвет.)

Эльмира

Ах! доказательства не служат ни к чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И бесполезнее, когда я к вам остыла.

Арист

В глаза мне говорит, что точно изменила!
Простительно ль сему бесстыдству мне внимать?
Не думайте, чтоб я вас мог подозревать
По недостаточной какой-нибудь причине;
Нет! повод вы к сему мне подали не ныне,
А перемену в вас заметил я давно.

Эльмира

Что вы заметили?

Арист

То, что... Но всё равно,
Я тысячу могу вам случаев исчислить,
По коим должен был об вас я худо мыслить;
Довольно было бы смешно не замечать
Мне на лице у вас уныния печать,
Когда наедине мы оставались с вами;
И часто думал я, что, кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вам выезжать со мной.—
Сегодня поутру, на что искать мне дале,
В смятеньи были вы, погружены в печали,
Когда напомянул я об деревне вам;
Конечно, скоро бы прибегнули к слезам,
К упрекам, жалобам! — на дело не похоже!..
Является Сафир, я ухожу — и что же?
Откуда всё взялось на бедствие мое:
Веселость, острота, наряды и пеньё —
Все, словом, женские чертовские приманки.
Я в дверь — вы со двора, и очень спозаранки.
Не ведаю, какой злой дух в меня вдохнул,
Чтобы Сафиру я об этом намекнул?
Изменник! над моим ругался как несчастьем!
Как утешал меня притворным соучастьем!
Непринужденно как смеялся, ободрял!
От горькой истины как хитро отвращал!
Как другом и женой жестоко я обманут!
Но более меня обманывать не станут.
Что вы потупили глаза? вы смущены?
Подайте ж мне письмо.

Эльмира

Мой бог! как вы смешны!

Арист

Я очень чувствую; однако непристойно
Вам это замечать.

Эльмира

Нрав самый беспокойный.
Мне, право, кажется, что вы больны — в жару.
Не сами ль ныне вы твердили поутру,
Чтоб одевалась я нарядней, выезжала,
Чтоб дарованьями не столь пренебрегала?
По воле вашей я за это принялась,
И вышло невпопад,— как угодить на вас?
Откуда прихотей вы набрали́сь?

Арист

Откуда?
Я впрямь несправедлив, и был, и есмь, и буду!
Подайте мне письмо.

Эльмира

Пора об нем забыть.

Арист

Как можете еще такой спокойной быть?

Эльмира

Да это оттого, что нрав имею ровный.

Арист

Пожалуй, говорить я стану хладнокровно.
Письмо я требую; прошу его от вас
Не для того, чтобы с сей вывеской тотчас
Повсюду разглашать ваш стыд, мое бесчестье,
И вскоре без меня о том пройдет известье;
Над этим случаем свет едкость изострит,
Печальну истину раскрасит, распестрит;
Еще похвалит вас, что мужа обманули.
Нет! лучше припасу две роковые пули:
Одну бездельнику, другую для себя.

Эльмира

Как хладнокровно!

Арист

Нет! вас сверх всего любя,
Скажите, я могу ль так вдруг возненавидеть?
Подайте мне письмо,— ах! дайте мне увидеть,
Вам точно ли всегда другой казался мил,
Всё притворялись вы, я всё обманут был.
Вы усмехаетесь,— кто смеху здесь предметом?

Эльмира

Я думала теперь, ей-богу, не об этом.

Арист

Не будем долее комедию играть;
Подайте мне письмо,— ведь надобно ж отдать?
Подайте,— право, я за вас боюсь.

Эльмира

Не бойтесь.

Арист

Подайте.

Эльмира

Полноте.

Арист

Подайте.

Эльмира

Успокойтесь;
Возьмите, вот оно.

Арист

Что буду я читать?

(Читает.)

«Не надлежало б так Ариста балова́ть,
Эльмира, милый друг! но так и быть; и дело
Он ныне выиграл,— ты этого хотела.
Прощай, я остаюсь усердный дядя твой.
N.».
Эльмира! я дурак! прости мне, ангел мой!

Эльмира

Насилу сделались опять вы справедливы.

Арист

Я недоверчивый, неистовый, строптивый!
Какие клеветы произносил с сердцов?
Для оправдания мне недостанет слов.

ЯВЛЕНИЕ 14

Прежние и Сафир.

Сафир

Вот неожиданность! хоть бы в волшебных тéнях:
Супруга нежная в слезах, муж на коленях!
Раскаянье, любовь, согласие! — что, брат?

Арист

Пред ней я, пред тобой, пред всеми виноват.
Прости, Эльмира, мне сомненье безрассудно;
Конечно, мне к тебе его питать бы трудно;
Но мой неправый гнев... но и проступок сей —
Не есть ли верный знак к тебе любви моей?

Эльмира

Нет, беспорочной мне была холодность платой
И ревность, я когда казалась виноватой.

Арист

Что требуешь, скажи: чтоб удалился я
В леса дремучие, в безлюдные края?
Мой друг, изволь, и там забуду я с тобою
Веселья бурные, утраченные мною.

Эльмира

Такие жертвы я, конечно, откажу:
Приятность в городе сама я нахожу.

Арист

Как хочешь; но теперь в столице иль в пустыне
С тобою дома я всегда сижу отныне —
Днем, утром, вечером, и в полдень, и в полнóчь;
Все вертопрашества и суетности прочь!

Эльмира

Но дома не всегда меня ты видеть будешь.

Арист

Иль долго ты мою вину не позабудешь?..

Сафир

Или прикажете мне к вашим пасть ногам?

Эльмира

Прощаю — пусть он всем обязан будет вам.

(Аристу.)

Так, если несколько тебя сей день исправил,
Его благодаря: он и меня наставил,
Чтоб вкусам я твоим старалась снисходить,
Затем чтоб от других приманок отвратить,
Чтоб иногда твоей противилась я воле,
Затем чтоб ты ценил мое смиренство боле.
Так! он любовь твою мне возвратить хотел,
Старался сколько мог — и, может быть, успел.

1814—1815

ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ
⟨«СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА»⟩

Любим, молодой человек, в бытность свою в Петербурге женился по страсти, без согласия своих родственников. Он привозит жену в тот город, где живут все его тетки и дяди: Мавра Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карп Савич, Максим Меркулович. Все думают, что он сговорен; никто не знает, что он женат, кроме Варвары Савишны, которая всех добрее и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тем Наташа, жена его, под чужим именем, знакомится со всею мужниною роднею, старается каждому из них угодить и понравиться, и в том успевает.— Это содержание одной комедии кн. А. А. Шаховского, в которой я взялся сделать несколько сцен из второго акта. Вот они.

⟨ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ⟩

⟨ЯВЛЕНИЕ 1⟩

Варвара Савишна, Любим, Наташа.

Любим

Да! я обегал всю почтенную родню,
И счастья своего покаместь не виню:
Где ни был, никого найти не удавалось!
Кроме одной.— Зато уж от нее досталось!
К Раисе Савишне, как следует, зашел;
Глядь, у себя. Слуга тотчас меня повел
К ней в образную,— там в очках она читала,
Вспрыгну́ла, ахнула и в обморок упала.
Оттерли.— Боже мой! тут только что держись:
Увещевания рекою полились;
И всё печатное, что только вышло внове,
Всё знает наизусть, не ошибется в слове;
Ну, так и сыплет вздор. Речь о тебе зашла:
Тут длинную она статью о том прочла,
Как, верно, в девушке, вертушке новомодной,
Нет пламенной души, ни нежности природной,
Ни сердца простоты... А я без дальних слов,
Не выслушав всего, взял шляпу, был таков.
Наташа, как я глуп! зачем, не понимаю,
Привез тебя сюда?

Варвара Савишна

Вот так-то! поздравляю!
Все виноваты мы...

Любим

Ах, нет! всегда жене
Твердил я, что у нас порядочных в родне
Есть двое: вы да я.

Варвара Савишна

Поверь мне: помаленьку
На свой поставишь лад ты всю свою роденьку.
Наш опыт удался с секунд-маиором. Ну,
Полюбят также все они твою жену,—
Дай срок.

Наташа

А с дядюшкой сдружились мы случайно!..
Он на тебя похож, Любим, да чрезвычайно!
И видно по всему, что смолоду он был
Такой же ветреной и так же добр и мил.
Максим Меркулович — тот не того разбора,
Да и две тетушки! Не сладишь с ними скоро!
Ну! если не пойдут никак они на лад,
Я, пусть они меня расценят, как хотят,
Скажу им наотрез: пожалуй, мной гнушайтесь,
Для мужа всё стерплю.

Любим

(обращаясь к Варваре Савишне)

А! какова! признайтесь,
Что будьте сами вы мужчиной... вы как раз
Женились бы на ней.— Все перед нею пас.

Варвара Савишна

(посмотрев в окошко)

Ах! Мавра Савишна сюда идет!

Наташа

Какая?
Что сва́рливая?

Варвара Савишна

Да! крикуша!..

Любим

И скупая,
И тем упрямее, что денег тьма у ней.

Наташа

Ах! нет ли, тетушка, здесь в доме попростей
Какого платьица, чтоб мне пришлось по тальи?

Варвара Савишна

У Груньки в дéвичьей спросить... Нет! у Натальи
Передничек ее да шемизетку взять,
Что в праздничные дни велю ей надевать.
Уйдите же... она уж подошла к порогу.

Наташа

(уходя)

Любим!

Любим

Я за тобой.

Уходят вместе.

⟨ЯВЛЕНИЕ 2⟩

Мавра Савишна, Варвара Савишна.

Мавра Савишна

Скажи-ка: слава богу!
Ведь наш Любим сюда изволил прикатить!
Хоть, правда, поспешил меня он навестить,
Да, вишь, пожаловал в тот самый час, в который
К вечерне я хожу. Ох! эти мне проворы!
Я чай, разведывал, когда-де побывать?
Когда потрафить так, чтоб дома не застать?

Варвара Савишна

Ну, можно ли...

Мавра Савишна

Чего? Он разве малый путной?
Я одному дивлюсь, что карточкой визютной
Меня не наградил; а то ведь таковой
Обычай водится в столицах, об Святой
И в Рождество. Да что? там вечно наглость та же;
Знатнейшие дома — и родственников даже —
Вот посещают как: сам барин дома спит,
Карету и пошлет, а в ней холоп сидит,
Как будто господин; обрыскает край света,
Швыряет карточки!.. Спасибо! мерзость эта
Что не дошла до нас — помиловал господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть,
Не подражает в том столичному он краю,
А все-таки спесив! увижу — разругаю.
Ведь нет, чтоб подождать полчасика... беда,
Никак нельзя: спешит. Спроси его: куда?
Небось не думает угодность сделать тетке;
А кабы в Питере, к какой-нибудь красотке...

⟨ЯВЛЕНИЕ 3⟩

Мавра Савишна, Варвара Савишна, Наташа.

Наташа

Ах, вы здесь не одни! простите!

Варвара Савишна

Ничего.

Мавра Савишна

Кто это? здешняя?

Варвара Савишна

Нет! мужа моего
Покойного родня, приехала недавно.
Знакома вам была Федосья Николавна?

Мавра Савишна

Твоя золовка?

Варвара Савишна

Да, ее в живых уж нет.
Вот дочь ее.

Мавра Савишна

Она? — Прошу! каких уж лет!
Невеста хоть куда! — Мы вместе вырастали
С твоею матушкой, дружнехонько живали,
И батюшка в Москве к нам часто в дом ходил,
При мне он сватался, при мне помолвлен был.
Ах, на сем свете я куды давно таскаюсь!
Ты с нами долго ли пробудешь? а?

Наташа

Не знаю-с.
Как будет тетушке угодно...

Варвара Савишна

Мне, друг мой?
Весь век радехонька я вместе жить с тобой.

(Обращаясь к Мавре Савишне.)

В глаза и за глаза скажу: неприхотлива
И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь иметь.

Наташа

Угодно, тетушка, вам будет посмотреть?
Там приготовила для вас одно я блюдо.

Варвара Савишна

А! знаю, хорошо.— Останься здесь покуда.
Сестрица, кажется, не гостьи вы у нас,
Не взыщете, а я назад приду сейчас.

(Уходит.)

⟨ЯВЛЕНИЕ 4⟩

Мавра Савишна, Наташа.

Мавра Савишна

Что это, матушка? неслыханное дело!
Кто стряпает теперь?

Н а т а ш а

К обеду не поспело;
Хватились поздно мы. Так, как-то не пришлось.

М а в р а С а в и ш н а

Какое ж кушанье?

Н а т а ш а

Пирожное одно-с,
И выдумки моей.

М а в р а С а в и ш н а

Твоей? — Оно б не худо,
Да ведь пирожное — затейливое блюдо.
Насущный хлеб теперь один составит счет,
Так лакомство, ей-ей! на ум уж не пойдет.

Н а т а ш а

Да-с, у меня зато всё снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимонного чуть-чуть.

М а в р а С а в и ш н а

Ну, сахар входит же?

Наташа качает головой.

Хоть крошечка?

Н а т а ш а

Отнюдь!
Как, сахар? шутка ли? что вы? побойтесь бога!
Нет! и без сахару расходов нынче много.

М а в р а С а в и ш н а

Да! согрешили мы! крутые времена!

Н а т а ш а

Я как-то с малых лет к тому приучена́,
Что дорогой кусок мне видеть даже грустно:
Я так люблю поесть, чтоб дешево и вкусно.

М а в р а С а в и ш н а

Как судишь ты умно! не по летам, мой свет;
В иной и в пожилой такого смысла нет.

Н а т а ш а

Помилуйте...

М а в р а С а в и ш н а

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная ль улика,
Что прожила весь век, не нажила ума?
Расчету ни на грош, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней,— зачем? кому на диво?

Н а т а ш а

А будто трудно жить, как надо, бережливо?
Я вот и не в нужде воспитана была,
Хоть матушка моя покойная жила
Куда не ро́скошно, я чай, и вам известно?

М а в р а С а в и ш н а

Умна была,— дай бог ей царствие небесно!

Н а т а ш а

Однако странность я одну вам расскажу.

М а в р а С а в и ш н а

Как, друг мой? что? — Садись.

Н а т а ш а

Вот что...

М а в р а С а в и ш н а

Да сядь!

Н а т а ш а

(севши на краешке стула)

Сижу.
Вот что... спросить у вас позвольте: вы давно ли
Расстались с матушкой?

М а в р а С а в и ш н а

Лет двадцать пять, поболе;
Мы молоди тогда, невесты были с ней,

(со вздохом)

И схоронила я с тех пор уж трех мужей.

Наташа

Так, может, никогда вам слышать не случалось
Об том, что к Ладовой, к графине, я попалась
На воспитание?

Мавра Савишна

Нет! не слыхала я.

Наташа

Уж странность подлинно! — Она и мать моя
Век были по всему противных свойств и правил.
Не знаю, между их как случай связь составил,
А только матушка с ней так дружна была,
Что на руки меня к ней вовсе отдала!
Представьте же себе: я в дом попала знатный,
У Ладовой на всё расход невероятный!
И шляпкам, и шаля́м, и платьям счету нет,
И собирается у ней весь модный свет:
Вчера концертный день, а нынче танцевальный,
А завтра что-нибудь другое.— Натурально,
Вы можете судить, что в эдаком дому
До бережливости нет дела никому.

Мавра Савишна

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортит жизнь такая.

Наташа

Позвольте досказать. Мне скоро щегольство
И весь графинин быт: шум, пышность, мотовство
И давка вечная в передней за долгами —
Так опротивели, что рада, между нами,
Была я убежать бог ведает куда!
Так опротивели! что лучше бы всегда
Я ела черный хлеб, в серпянке бы ходила
Да лишь бы суетно так время не губила.

Мавра Савишна

Ужли, голубушка! да как же это ты?
Я, я свертелась бы от этой суеты!
Вот ум не де̂вичий! — К чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа

Здесь булавочка светилась,
Сейчас я видела. Вот тут она была,
На этом месте, здесь.— А! вот она! нашла.

(Поднявши, прикалывает к косынке.)

Ведь и булавочка нам может пригодиться.

Мавра Савишна

Как? из булавки ты изволила трудиться?
Чем больше думаю и на тебя гляжу,
И слушаю тебя, ума не приложу.
Диковина, мой свет! Уж ты ли не водилась
С большими барами? а всё с пути не сбилась!

Наташа

Напротив, многим я обязана тому,
Что столько времени жила в большом дому.
Когда к француженкам поедем мы, бывало,
Графине только бы купить что ни попало;
А я тихохонько высматриваю всё,
Как там работают, кроят и то и сё,
И выпрошу себе остатков, лоскуточков,
Отрезочков от лент, матерьицы кусочков,
И дома, запершись, крою себе, крою.
Теперь же, верите ль, я что угодно шью,
Вы не увидите на мне чужой работы —
Вот ни на эстолько.

(Показывает на кончик шемизетки или фартука.)

Мавра Савишна

Помилуй, друг мой, что ты?
Клад сущий,— и тебе подобной не сыскать!

Наташа

Я шелком, золотом умею вышивать.
Бывало, прочие лишь заняты весельем,

На ба́лах день и ночь, а я за рукодельем;
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконец до тысячи рублей.

Мавра Савишна

Теперь на свете нет вещей невероятных,
Скопила! — Чем? — Трудом! воспитана у знатных!
Свершилась над тобой господня благодать.
Дай, радость, дай скорей себя расцеловать! —

Обнимаются.

Вот если б был Любим степенный и толковый,
Вот счастье! вот оно! вот случай здесь готовый!
И услужил бы всем, родным бы и себе,
Когда женился бы он, друг мой, на тебе:
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала;
А то, слышь, в Питере он сватанье завел!
Там русскую мамзель какую-то нашел!
Преаккуратная головушка, я чаю.

Наташа

А почему же знать?

Мавра Савишна

Как почему? — Я знаю.

Наташа

Конечно, это вам известнее, чем мне.

Мавра Савишна

Вот то-то, видишь ли, что всей его родне
Она не по нутру.— Не может, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные все сваля́тся,
Чтоб поскорей по них наследство получить;
Того не думает, чтобы самой нажить.
Хоть об себе скажу: не без труда скопила
Я кое-что. Нет! трем мужьям, трем угодила!
Легко ли вытерпеть от них мне довелось —
При жизни что́ хлопот! по смерти сколько слез!

(Останавливается от избытка чувств.)

Я, друг мой, кажется, в тебе не обманулась.
По воле божией, когда б ты приглянулась
Любиму нашему и вышла б за него,
Не расточила бы наследства моего.
Да и полюбишься ему ты, вероятно:
Свежа как маков цвет, ведешь себя опрятно,
А франтов нынешних не мудрено прельстить.
Ты по-французскому умеешь говорить?

Наташа

Умею несколько.

Мавра Савишна

И! верно, мастерица.
Им только надобно...

⟨ЯВЛЕНИЕ 5⟩

Варвара Савишна, Мавра Савишна, Наташа.

Мавра Савишна

Послушай-ка, сестрица!
Вот толк об чем у нас: не правда ли, она
Любиму нашему ведь по всему жена?

Варвара Савишна

Я то же говорю.

Мавра Савишна

Ты говоришь... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этом настою. Как хочет он, Любим,
Я вразумлю его, и, по словам моим,
Он петербургские все шашни позабудет.
Пожалуй-ка, сестра, когда к тебе он будет,
Пришли его ко мне.— А между тем прощай!
К тебе, признаться, я попала невзначай;
Шла к тетке Звонкиной, с ней перемолвить нужно
Так кой об чем.— Прости!

(Обращаясь к Наташе.)

Ах! жаль, что
недосужно.

А то бы мы с тобой... прошу нас навещать.
Ты говорила мне, что любишь вышивать;
На это мастерство у нас есть заведенье,
Туда свожу тебя, увидишь: загляденье,
Отцу Пафнутию какие ризы шьют!

(Варваре Савишне.)

Скажи ж Любимушке, чтоб на себя взял труд,
Заехал бы ко мне.— Быть может, и без брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заране.
Авось!.. не ведает никто, что впереди.
Сестра! без проводов! останься! не ходи!

1817

ПРИТВОРНАЯ НЕВЕРНОСТЬ

Комедия в одном действии, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Элединa, молодая вдова.
Лиза, сестра ее.
Рославлев.
Ленский.
Блёстов.

Комната в доме Элединой.

ЯВЛЕНИЕ I

Ленский, Рославлев.

Ленский

Ну, нет! любить, как ты, на бешенство похоже.

Рославлев

А так любить, как ты, и не любить — всё то же.

Ленский

Кто с Лизою твои все ссоры перечтет?

Рославлев

Зато с ее сестрой ты холоден, как лед.

Ленский

Подумай, как вчера ты с нею обходился.
Ты дулся и молчал, бесился и бранился;
Бог знает из чего кричал, уж так кричал,
Что я со стороны, куда уйти, не знал.
Как Лиза ни добра, ей это надоело,
Она рассорилась с тобою,— и за дело.

Рославлев

Она же ссорится! и я же виноват!
И мне приятели признаться в том велят!
От этих женщин мы чего не переносим?
А кончится одним: что мы прощенья просим.

Ленский

При всяком случае готов ты их бранить.
Они несносны? Да? Зачем же их любить?
Нет, право, за тебя становится мне стыдно:

Ты знаешь, что прослыть ревнивым незавидно;
А многие куда как резко говорят
И громко...

Рославлев

На мой счет?

Ленский

На твой.

Рославлев

Я очень рад!

Ленский

Всем кажется, что ты брюзглив и своенравен,
И нежностью смешон, и ревностью забавен;
А в свете толковать о странностях других
Везде охотники.

Рославлев

Кто ж говорит об них?
Прелестницы, с толпой вздыхателей послушных,
И общество мужей, к измене равнодушных,
И те любезники, которых нынче тьма:
Без правил, без стыда, без чувств и без ума
И в дружбе и в любви равно непостоянны.
Вот люди!.. И для них мои поступки странны,
Я не похож на них, так чуден всем кажусь.
Да, я пустых людей насмешками горжусь;
А ты б, я чай, хотел, чтоб им я был угодным,
Чтоб также следовал сужденьям новомодным
И переделался на их бы образец
Или на твой — ведь ты таков же наконец!

Ленский

Ты хочешь, чтоб и я на женщин воружился;
Однако ж я пока на это не решился.
Мне с ними весело, им весело со мной.
А сверх того еще, вот веры я какой,
Что в добродетелях нам должно брать уроки
У них.— Мы сами же заводим их в пороки.
Немножко ветрены, неверны иногда,—
Ну что ж?

Рославлев

Как иногда! — Всегда, суда́рь, всегда!

Ленский

Всегда, ты говоришь, и нет невиноватых?
Как это мнение приятно для женатых!
А впрочем, нас с тобой никто не согласит:
Меня вот, например, всё в свете веселит,
А ты не можешь жить без горести и муки.

Рославлев

Ты рассудителен! и если бы от скуки
Твоей Элединой понравился другой,
Ты восхищался бы находкою такой.

Ленский

А ты как думаешь? мне надо бы терзаться?
Ни день ни ночь не спать? С любезною расстаться,
И все-таки потом везде ее следить
И всех бояться?

Рославлев

Всех.— Все могут милы быть.

Ленский

А пуще, кто умом и прелестьми украшен.
Я признаю́сь тебе, мне Блёстов очень страшен.

Рославлев

Шути, а этот франт — я не терплю его!

Ленский

И дельно; он собой затмит хоть бы кого.

Рославлев

Пустая голова! Что шаг, то принужденье!
А здесь, у двух сестриц, об нем иное мненье.
Вчера же с ними он весь вечер проболтал:
Ты видел... Я сперва совсем не ревновал,
Да Блёстовым они так много занимались,
Что нас забыли.— С ним всё время просмеялись.

Ленский

Они смеялися и слушали его.
Не равнодушно же смотреть им на того,
Кто в обществах всегда всех женщин забавляет.
И как ты думать мог, что он их завлекает?
Кто ж Блёстов? Старый франт! Он слишком в сорок лет
Везде волóчится, прельщает целый свет,
Острится надо всем, а сам всего смешнее;
Не вовсе без ума и оттого глупее;
Охотно в дураки отца бы посвятил,
Лишь бы с улыбкою сказали: как он мил!

Рославлев

И несмотря на то, как это мне ни больно,
Я бьюся об заклад, что женщин есть довольно,
Кому он нравится.

Ленский

Конечно, для иных
Не без достоинства такой, как он, жених:
Богат и всем родня.

Рославлев

(с досадой)

Ну, так они и прáвы!

Ленский

Э, полно! здесь его лишь любят для забавы.

Рославлев

Насмешки их над ним — уловки против нас!
Видал насмешниц я, как ладили подчас
С людьми, которые казались им противны.
Да что и говорить? — Мне в женщинах не дивны
Увертки, хитрости, лукавство против всех,
Обманы вечные, притворный плач и смех;
И только одному нельзя не подивиться,
Как люди до сих пор имеют дух жениться!

Ленский

Да успокойся.

Рославлев

(с сердцем)

Я спокоен.

Ленский

Так поди
К своей возлюбленной.— Клянися ей, тверди,
Что ты навек у ней в слепом повиновеньи.

Рославлев

Я? к ней пойду?

Ленский

Да, ты.

Рославлев

Хорош! — я в огорченьи,—
А ты... Из дружбы он смеется надо мной.

Ленский

(хохочет)

Тебе же в пользу я стараюсь...

Рославлев

Бог с тобой!
Вот каковы друзья: хоть плачь я, хоть бесися,
Он будет хохотать!

Ленский

Эй, с Лизой помирися.
Поди! у ног ее ты должен обещать,
Что ей хотя дни два не станешь докучать;
Ну, отправляйся же.

Рославлев, увидя Блёстова, отворачивается и поспешно уходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Ленский, Блёстов.

Блёстов

(вслед Рославлеву)

Эк он заторопился!
Я в двери, он бежать,— ушел, не поклонился.
Ах, Ленский, здравствуйте! — Ваш друг не в духе?

Ленский

Да.

Престранный человек. Заметьте, что всегда
Он тотчас убежит, где только вас завидит.

Блёстов

Скажите мне, за что меня он ненавидит?

Ленский

Причина ясная: он вас боится.

Блёстов

Что?

Вот вздор!

Ленский

Вы женщинам так милы, как никто;
И милы так давно.

Блёстов

Зло! очень зло! — Однако
Кто ж нынче им не мил? без исключенья всякой:
Сначала все они как будто далеки,
А после...

Ленский

Да, для вас успехи в них легки.
Назвать до дюжины... до сотни можно смело...
Да что и называть? — победы ваше дело.

Блёстов

Помилуйте!

Ленский

И вот, недалеко искать:
Рославлеву и мне нельзя не ревновать;
У вас с обеими на что-то уж похоже.

Блёстов

Вы думаете?

Ленский

Да.

Б л ё с т о в

Вы друг ему?

Л е н с к и й

Ну, что же?

Б л ё с т о в

Скажите искренно, как поступил бы он,
Когда бы кто ему был Лизой предпочтен?

Л е н с к и й

А разве?

Б л ё с т о в

Ничего — одно предположенье;
Клянусь вам, ничего.— Ну, вот и подозренье!

Л е н с к и й

Я и не думал.

Б л ё с т о в

Нет? — Где вам меня провесть!

(Рассеянно.)

А впрочем, хоть и я пленяю как ни есть,
Хоть Лизе нравиться и нет большого чуда,
Но всё, я вам божусь, что с ней еще покуда
Мы на учтивостях — и более никак.

Л е н с к и й

Я верю без божбы.

Б л ё с т о в

(значительно)

А если бы не так,
На что б решился он?

Л е н с к и й

Он с Лизой бы простился;
А там и с вами бы, конечно, объяснился.

Блёстов

Стреляться бы он стал? — Стреляться не беда!
Но быть ревнивым? — о! в нем вовсе нет стыда.
Отстаньте от него и будемте друзьями:
Давно заметил я тьму сходства между нами.

Ленский

Я не таков, как он, а вас боюсь,— ужли
Вы баловнем любви невинно прослыли?

Блёстов

Кто счастлив не бывал? — Но я вам дам присягу,
Что в жизнь для этого не делывал ни шагу.

Ленский

Бесчувственный! и вот пленяете вы чем!

Блёстов

Ба! — Не пленяется в наш век никто, никем,—
Всё дело прихоти и случая слепого;
А люди есть еще: не скажут вам ни слова,
Чтобы удач своих в любви не приплести.
Признаться, этого я не могу снести!
И как рассказывать о том, что так ничтожно?
С одной я, например, едва поверить можно,
Совсем не думавши, не знаю как успел;
Я даже говорить с ней вовсе не хотел;
И всячески она завлечь меня старалась,
Чтоб только отомстить — и ах! сама попалась.
Другой понравился с таким же я трудом,
Ну, отгадайте, чем? — любезностью, умом?
Нет! — бледностью лица! — Я был жестоко болен.
Зато болезнию потом как был доволен!
Одну имел я связь серьезную,— в нее
Вмешалось несколько достоинство мое;
Вот это было как...

Ленский

Простите, поневоле
Я с вами расстаюсь,— мне здесь нельзя быть боле;
Хозяйки милые так долго никогда
Не заставляли ждать.— Вы остаетесь?..

Блёстов

Да.

Ленский

Так дружбу мне свою на деле докажите
И хоть Эледину, жестокий, пощадите.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Блёстов

(один)

Шути, мой друг, острись! — Я, в очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебью;
Да и Рославлев твой порядочной ценою
За неучтивости поплатится со мною,
И дельно.— В дураки попасть им легче всех:
Один всё хмурится, другому же всё смех.
Нет! женщин надо знать,— так знать, как я их знаю.
Однако ж я и сам неловко поступаю:
К обеим вдруг сестрам я письма написал;
К обеим об любви? — Ну, как в беду попал?
Да что? — Развязка тут не самая ль плохая,
Что от одной отказ,— не та, так всё другая;
Вот дурно, ежели они одна другой
Хвалиться вздумают короткостью со мной?
Да нет! не может быть: они не разболтают,
В любви и женщины что надобно скрывают.
А вот они идут! — Однако ж не могу
С обеими теперь быть вместе,— убегу!

ЯВЛЕНИЕ 4

Эледина, Лиза.

Лиза

Как можно целый час смеяться до упада?

Эледина

(хохочет)

Нет сил!

Л и з а

Да что с тобой? Скажи, чему ты рада?

Э л е д и н а

(хохочет)

Ах, что за милое письмо мне принесли!

Л и з а

Письмо?

Э л е д и н а

От Блёстова.— Как нежно!

Л и з а

Неужли?
Он и ко мне писал сегодня же.

Э л е д и н а

Забавно!
Да где ж твое письмо? — Дай посмотреть...
Вот славно!
Прочти, пожалуйста: он любит нас равно,
Из слова в слово в них написано одно.
Каков?

Л и з а

(прочитав)

Ну что ж, так нам обеим незавидно.

Э л е д и н а

Уж Блёстов вздумал нас обманывать; обидно!
Нет, баловать его не надо,— и к чему?
Садись, пиши.

Л и з а

Зачем?

Э л е д и н а

Чтоб отомстить ему.
Повеса в сорок лет! — Ах, друг мой! как
счастливо!
Тебе нередко ведь скучает твой ревнивый;

А мой возлюбленный, что б он ни говорил,
Своей холодностью нимало мне не мил;
Твой слишком любит, мой почти любви не знает;
А это нам в мужьях добра не обещает.

Лиза

Ну что же?

Элединa

К Блёстову напишешь ты ответ,
Для шутки, так, чтобы он был ни да ни нет.

Лиза

Как можно?

Элединa

Напиши; ты страх меня обяжешь!

Лиза

А если все потом узнают, что ты скажешь?

Элединa

Пусть знают. Я сама хочу к нему писать,
Вот тут-то он начнет мечтать, мечтать, мечтать,
Зазнается,— и вдруг глаза ему откроем.
Представь себе, как мы Рослáвлева расстроим?
Услышит, взбесится, взревнует, а потом,
Как ты сама ему признаешься во всем,
Не много надобно иметь ему рассудка,
Чтобы увериться, что это просто шутка.
Ну, если шалостью исправим мы его?
А мне не сделать уж ревнивым своего,
Так я хочу его заставить рассердиться,
Чтоб он хоть раз узнал, как весело мириться.
Ну, милая, решись — пиши; я пособлю.

Лиза

Нет, я не напишу, что я его люблю.

Элединa

Вот, как теперь гляжу, как Блёстов будет славить.

Лиза

Ревнивца обмануть?

Элединa

Да, чтоб его исправить;
Теперь же случай есть... Пиши, не будь дитя.

Лиза

Да как?

Элединa

Ах! полно.

Лиза

Я боюся не шутя.

Элединa

А время между тем уходит.— Ну, скорее!

Лиза

Что будет?

Элединa

Ничего.

Лиза садится.

Вот так, начни смелее.

Лиза

Ах! что я делаю!

Элединa

Поверь мне, не тужи.

Лиза

Что он подумает?

Элединa

Пусть думает.— Пиши:

(диктует.)

«Не знаю, хорошо ль, что я вам отвечаю...»

Лиза

Уж как не хорошо, я это очень знаю.

Э л е д и н а

(продолжая)

«И не решилась бы я долго,— но со мной
Рославлев, как назло, несносный стал такой...»

Л и з а

Несносный, что за вздор?

Э л е д и н а

Ну, беспокойный...

Л и з а

Точно.

Э л е д и н а

Пиши: *«Он ревностью, как будто бы нарочно,*
Надоедает мне».

Л и з а

И всё не надоест!

Э л е д и н а

«Надоедает мне.— Пусть ищет же невест
Потерпеливее; а я не в силах боле
Сносить все странности его,— я век в неволе;
Его мученья...»

Лиза бросает перо.

Ну?

Л и з а

Помилуй, отчего
Ты рада выдумать всё злое на него?

Э л е д и н а

А не сама ли ты сто раз мне повторяла,
Что даже часто с ним терпение теряла?

Л и з а

Какая разница! то было на словах;
А это я пишу к другому.

Эледина

Дурно страх!
Ну, да, пожалуй, я смягчу из сожаленья;
Прочти, что у тебя?

Лиза

Сейчас.

(Читает.)

«Его мученья...»

Эледина

(диктует)

«Так надоели мне, что, словом, хоть кого
Готова я любить, да только не его...»

Лиза

Нет! Этого писать я век не соглашуся.

Эледина

Что за ребячество!

Лиза

Ну, право, не решуся.

Эледина

Ты шутишь; да скажи, чего бояться тут?
Ведь этого письма лишь двое не поймут,
Рославлев с Блёстовым, Рославлев как ревнивый,
А Блёстов как дурак.

Лиза

(дописавши)

Ответ красноречивый.
Неужли он теперь поверит, что в него
Влюбилась я!

Эледина

Кто? — он? Он верил до того.
Как знаю я мужчин! Ах, все без исключенья
Какого об себе они большого мненья!
Самолюбивы как! почти не меньше нас!

Давай свое письмо, я отошлю сейчас.
А между тем тебе уж надо притворяться,
Что ты с Рославлевым не хочешь вовсе знаться.—
Пусти ж меня.

(Садится.)

Теперь мне очередь писать.
Представь, как будем мы над ними хохотать!
Ах! вдруг троих мужчин помучить так приятно!

Л и з а

Что тут приятного, мне, право, непонятно!

ЯВЛЕНИЕ 5

Л е н с к и й, Р о с л а в л е в, Э л е д и н а, Л и з а.

Л и з а

Ах! вот они! — Куда всё это нам девать?
Спрячь эти глупости.

Э л е д и н а

(нарочно громко)

Вот стану я скрывать;
Ты знаешь, что во всем я скрытность ненавижу.

Р о с л а в л е в

Смотри, что так она прилежно пишет!

Л е н с к и й

Вижу.

Р о с л а в л е в

(Лизе)

Я ждал вас давеча до половины дня;
Или решилися вы бегать от меня?

Л и з а

Да, сударь, с вами я все ссоры прекращаю;
Вы не ошиблись: я — вас точно убегаю.

Р о с л а в л е в

Не убежите же: я вас везде найду.

Лиза перебегает и становится за Элединою.

Э л е д и н а

(в сторону)

Вот любит истинно! а, на мою беду,
Мой Ленский самая холодная особа.

(Ленскому.)

Ах! да вы здесь. Давно?

Л е н с к и й

Сейчас вошли мы оба.
Не помешаю ли я вам?

Э л е д и н а

(продолжая писать)

Нет, ничего.

Р о с л а в л е в

Конечно, нечего бояться вам его.
Вы можете при нем всегда писать свободно,
Хоть бы к соперникам его,— к кому угодно;
Он из учтивости не будет вам мешать.

Э л е д и н а

Хоть бы к соперникам его,— почем же знать?
Я точно нежное письмо пишу.

Л е н с к и й

Прекрасно!
Да я скажу, к кому.

Э л е д и н а

К кому ж?

Л е н с к и й

Ко мне.

Э л е д и н а

Напрасно.

(В сторону.)

Как можно столько быть уверенным в себе!

Ленский

Ах! позавидует весь свет того судьбе,

(показывая на письмо)

Кто нежности от вас такие получает!
Я вижу по глазам, что́ чувство вам внушает.

Элединa складывает письмо.

И будто кончили! не лучше ль продолжать?
Расположения такого долго ждать.

Элединa

(в сторону)

Смеется? — Если б я в сердцах не рассуждала,
Любовное письмо не в шутку б написала.

(Кличет.)

Кто тут?

Лакей входит.

На, вот письмо; поди, отдай тому,
Кому надписано...

Ленский

Куда ж идти ему?
Я здесь покамест.

Элединa

Нет; уж вы домой подите;
Там лучше прочитать.

(Уходит.)

Ленский

(с улыбкой)

Вы этого хотите.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Лиза, Рославлев.
Лиза хочет уйти.

Рославлев

И вы?

Лиза

Позвольте.

Рославлев

Нет.

Лиза

Я вздоров не терплю.

Рославлев

Вы сердитесь за то, что я вас так люблю!

Лиза

Всё это лишнее; на что нам объясняться!
Конечно, прежде в вас могла я ошибаться;
Я всё надеялась ваш нрав переменить;
Но больше не хочу игрушкой вашей быть.
Вчера еще...

Рославлев

Вчера... да будьте беспристрастны!
Я жду, вы входите: вы были так прекрасны!
Я видел вас одних; опять, какой же след
Вам замечать меня, где тьма народу? — нет!
Вы милы! веселы! — для всякого другого;
Со всеми ласковы, со мною — ни полслова.
Вдруг Блёстов с значащей улыбкой к вам пристал,
Болтал, болтал и так собою заслонял,
Что долго я за ним не мог вас видеть после.
Макао начался; вы сели, Блёстов возле.
Меня упрятали покамест за бостон:
Бостон ли на уме! я без того взбешен;
Играю скверно; все другие, что играют,
Кричат и сердятся, бранят меня, ругают;
А вы хохочете — и вы, и ваш чудак.

Лиза

Да не одна я, все смеялись.

Рославлев

Точно так!
Не вы одни, весь свет смеется из пустого.
Зато же сыщете вы где меня другого?

Кто чувствует, как я? Кто нынче есть с душой?
Кто любит истинно?.. Я, право, сам не свой:
Твержу в наш век, чтобы кокетство позабыли,
Хочу, чтоб женщины не женщинами были.

Лиза

Вот оправдание ревнивца! — Признаюсь!
Нет, как хотите вы, я с вами расстаюсь.
Да и чего мне ждать? При вас неосторожно
Ни слова вымолвить, ни замолчать не можно;
Нельзя ни встать, ни сесть, ни выйти, ни войти;
Всему вы толк иной умеете найти.
Письмо читаю я... тотчас уж подозренье;
Танцую ли с другим... и тут вам огорченье;
Получше ли к кому оденусь... всё беда!
Всё виновата я,— и с вами брань всегда;
Хоть с Блёстовым когда я говорю учтиво,
Уж слышу, там ногой стучат нетерпеливо;
Нет, лучше вовсе бы меня вам не любить.
Вот радость! замужем невольницей мне быть.

Рославлев

Невольницей! — Тогда! — Ах! нет; избави боже,
Чтоб я осмелился...

Лиза

Тогда всё будет то же,
И точно то терпеть я буду, что терплю:
Мы не поладим век.

Рославлев

Зачем я вас люблю?
Без этой глупости я вас бы ненавидел!
Мы не поладим век! — Да, я давно уж видел,
Что есть другой, с кем вы поладите скорей!
Ну, что ж? так я пойду дорогою своей:
Знакомы с Вельской вы? — добра, умна, прекрасна.
Так знайте ж: за меня идти она согласна;
А с нею век могу я счастливо прожить.
И — вы принудите меня ее любить.

Лиза

Извольте ж к ней сейчас отправиться,— подите!

Рославлев

(хочет идти)

Я вас послушаюсь — иду сейчас.

(Воротясь.)

Скажите,
Кто этот сча́стливый, что вами предпочтен?

Лиза

Зачем вам имя знать его?

Рославлев

Затем, что он
Заплатит дорого... да!

Лиза

Что вы? успокойтесь;
Вы что-то стра́шны.

Рославлев

Как?

Лиза

Я вас боюсь...

(Убегает.)

Рославлев

Не бойтесь!
Какая мне нужда до вас и до него,
И как его зовут...

ЯВЛЕНИЕ 7

Рославлев

(один)

Вот, взбесит хоть кого!
Да и меня ж потом ревнивым называют!

(Ходит взад и вперед.)

Но в самом деле, мне кого предпочитают?

В это время Блёстов показывается.

Кто знает, может быть, и он соперник мой?
И точно! — нынче он доволен так собой!

ЯВЛЕНИЕ 8

Рославлев, Блёстов.

Блёстов

Вы здесь, Рославлев? — Ну, опять сердит?
Скажите:
За что? — Вы влюблены, любимы.

Рославлев

Извините!
Вы шутите, а я... я вовсе не шучу.
Да кстати, я давно спросить у вас хочу;
Прошу покорно мне сказать чистосердечно,
Как честный человек.

Блёстов

Вы спросите, конечно,
Что не намерен ли у вас я перебить?

Рославлев

Однажды навсегда прошу мне объявить,
С какими видами так часто, постоянно
Сюда вы ездите?

Блёстов

С какими? — Очень странно!
Я видов не имел ни на кого отнюдь;
А если...

Рославлев

Их на вас имеет кто-нибудь...
Ну, кто ж?

Блёстов

Когда б от вас хотели допытаться,
Вы не сказали бы, конечно?

Рославлев

Может статься.
Но вы? вы скажете? — не правда ли?

Блёстов

Бог мой!
Как этак приставать? Вот человек какой!
И даже помолчать он не дает свободы!
Пусть так; вы смущены, я — жалостлив с природы.

Рославлев

Без предисловия.

Блёстов

Прошу же скромным быть.

(Забавляется вниманием его.)

Однако этого не должно б говорить.

Рославлев

(с бешенством)

Теперь всё говорят,— ну, говорите ж.

Блёстов

Милый!
Вы слишком горячи! А если б что и было
И если даже есть, так вам нет ну́жды в том;
Ну, понимаете, что вы тут ни при чем.

Рославлев

Ужли Элединa? — Вот это будет ново!

Блёстов

А что ж?

Рославлев

Вы шутите.

Блёстов

Да нет.

Рославлев

Честно́е слово?

Блёстов

Честно́е слово.— Вот: всегда бедам чужим
Смеялся Ленский ваш! Ну, смейтесь же над ним.

Я от Элединой давно терплю нападки;
Да, да!

Рославлев

Но, может быть, всё это лишь догадки,
Без основания.

Блёстов

Одни догадки? Вот!
А если дело-то серьезнее пойдет,
На доказательства... Что? это вас тревожит?

Рославлев

Нет! потому что их и быть у вас не может.

Блёстов

Не может, точно так. Да как у нас и быть?

(Вынимает бумажник и ищет в нем.)

А если, например, здесь можем мы найтить,
Между такими же другими письмецами...
Оно? — Нет, не оно.— А, вот! — прочтите сами.

Показывает Рославлеву письмо. Тот хочет схватить его, но Блёстов не дает, и Рославлев читает с жадностию.

Заметьте, что Амур лукавое дитя:
Всё это писано как будто бы шутя;
Всегда ведь женщины с насмешек начинают,
А там привяжутся, а там и обожают,
А там...

(Хохочет.)

Ну, мочи нет, как Ленский мне смешон!
Я рад до крайности, что так обманут он!
Нет, вы — вы смотрите за Лизой осторожно,
Вы очень знаете, что женщине всё можно.

(Хохочет.)

А он без милости уверен был в себе.

Рославлев

Что ж? Все мы этой же подвержены судьбе.
Вот, Ленский! наконец слова мои сбылися!
Я говорил тебе...

Блёстов

Когда? — как завелися
У нас свидания почаще с нею?

Рославлев

(сердито)

Нет!
Гораздо прежде.— Ах! и мне таких же бед
От Лизы можно ждать.

Блёстов

Да, да,— я уверяю.

Рославлев

Прошу не уверять...

Блёстов

(с значащей гримасой)

Нельзя; когда я знаю...
И в том, что к грусти вам причину подает,
Никто участия такого не берет,
Как я... Прощайте же.

(Уходя, поет из Жоконда «В печали, в огорченьи,
Всегда любовники грустят в уединеньи».*)*

ЯВЛЕНИЕ 9

Рославлев

(один)

Он весел и поет! он счастлив и любим!
А Ленский между тем смиряйся перед ним!
А с Лизой в ссоре я? — Хоть тем могу я льститься,
Что Лизе вряд ли он успеет полюбиться.
Вот женщины, мой друг! — Что?..

ЯВЛЕНИЕ 10

Рославлев, Ленский.

Рославлев

(увидя Ленского)

А! да вот и он,
И что-то невесёл!

Ленский

(увидя Рославлева)

Опять уж рассержон!

Рославлев

(помолчав)

Ну, Ленский, в женщинах ничто мне непонятно!

Ленский

Мне тоже, признаюсь.

Рославлев

Они... невероятно!
Как хитры, скрытны! — в них обманется хоть кто.

Ленский

Как ветрены!

Рославлев

(в сторону)

Да он заговорил не то,—
Неужли угадал?

Ленский

(в сторону)

Таить не много прока;
Узнает без меня,— а рассказать жестоко.

Оба сходятся с двух сторон.

Рославлев

(подходя к Ленскому)

С чего бы мне начать?

(Ленскому.)

Послушай, милый мой!
Мы с Лизой разговор имели преживой,
Да с ней не сговоришь; совсем другая стала!
И неуступчива, как сроду не бывала!
Тут что-нибудь да есть.— Так! бог уж ей судья,
А что душой кривит Эледина твоя.

Ленский

Нет! за Элединy, как за себя, ручаюсь;
А в Лизе, виноват, я что-то сомневаюсь;
Однако ж не сердись, ведь это ни к чему,
Будь рассудителен.— А видно по всему,
Что вряд ли ты любим.

Рославлев

Так! обо мне заботы;
А об самом себе подумать нет охоты?

Ленский

А что?

Рославлев

Не бойсь, скажи про Лизу, что она
И точно не шутя в кого-то влюблена,
Что пишет к этому кому-то; это мало,
Что он письмо ее везде, где ни попало,
Показывает всем; и, словом, что ты сам
Письмо ее читал?

Ленский

Да по твоим словам
Тебе известно всё,— а я сказать боялся.
Так точно: Блёстов здесь со мною повстречался;
И тотчас показал мне, к горю твоему,
Письмо руки ее; и писано к нему.
Теперь прошу сказать, у женщин что же прочно?

Рославлев

Письмо от Лизы?

Ленский

Да.

Рославлев

Сам видел ты?

Ленский

Сам точно...
У Блёстова... Его он носит напоказ.

Рославлев

Ты сам читал его?

Ленский

И перечел не раз;
Я верить не хотел.

Рославлев

Возможно ли? Так, стало,
Всё кончено теперь! Всё для меня пропало!
Как глупо вверился и как обманут я!
И кем же? — Решена судьба теперь моя.
Утешимся, мой друг.— Оставим их в покое —
Откажемся навек от женщин, будем двое,
Как братья, жить.

Ленский

Оно всё так, я очень рад!
Однако ж посуди и то, любезный брат,
Что мне моя верна.

Рославлев

Верна? — да, дожидайся!
Верна! — Нет, женщинам ты лучше удивляйся,
Твоей, моей и всем! — Все ве́рны, хоть куда!
Да что я? Для тебя не велика беда;
И станешь ли тужить ты об своей потере?

Ленский

(очень хладнокровно)

В чем дело, расскажи?

Рославлев

Она... По крайней мере,
Ты это заслужил холодностью своей.

Ленский

Да что же?

Рославлев

Ничего. От верной-то твоей
Показывал письмо мне Блёстов,— в оба глаза
Смотрел я и читал, и перечел два раза.

Ленский

(особо)

От каждой по письму!

(Ему.)

Как ты сказал? — моя?

Рославлев

Писала к Блёстову письмо — сам видел я.

Ленский

Ты шутишь?

Рославлев

(усиливая голос)

Не шучу.

Ленский

Она к нему писала?

Рославлев

Да, сударь!

Ленский

К Блёстову?

Рославлев

Да, сударь.

Ленский

Изъясняла
В письме любовь свою без всякого стыда?

Рославлев

Да, су́дарь, да, суда́рь, я говорю вам: да!
К чему расспрашивать! для вас ведь это малость.

Ленский

(в сторону)

Так обе к Блёстову они писали? — Шалость!

Рославлев

Никак не вслушались,— велите повторить?

Ленский

(с улыбкой)

Нет, вслушался и вас хотел благодарить.

Рославлев

Что? женщин я не знал? — «Нам брать у них уроки?
И только сами мы заводим их в пороки?»
Что? прав ты?

Ленский

Может быть.

Рославлев

Как? Лиза мне верна?
И в шýта, в Блёстова, покамест влюблена!

Ленский

Я думаю, теперь он должен восхищаться.

Рославлев

Вот думает об чем!

Ленский

Нельзя ль тебе дождаться?
Я вмиг приду назад.

Рославлев

Их надо в стыд привесть;
Пойдем.

Ленский

Что мне до них? другое дело есть.

(Хочет идти.)

Рославлев
(его держит)

Элединa сама, ты помнишь, нам сказала,
Что нежности она к кому-то сочиняла...
Да что? при нас самих записка послана.

Ленский

Хоть то в ней хорошо, что искренна она.

Рославлев

Как входит в голову такое рассужденье!
Подумай хоть об том, холодное творенье:
Письмо Элединой мне Блёстов показал,
Письмо от Лизы он тебе читать давал.—
Неужли позволять над нами так ругаться?

Ленский

У всякого свой вкус; он любит забавляться.

Рославлев

Ах, Лиза! Ах! на что от Вельской я отстал?
Послушай, ты письмо... проклятое читал,
Не помнишь ли, что в нем? Сказать ты можешь смело —
Уж я не рассержусь.

Ленский

Зачем? не к спеху дело;
Мне Блёстов обещал их письма выдать в свет.

Рославлев

Прощай же, коли так; в тебе надежды нет;
Я Блёстова сыщу.

(Хочет идти.)

Ленский

(удерживает его)

Постой; какой ты вздорный!
Ну, есть ли из чего шуметь?

Рославлев

(хочет уйти)

Слуга покорный!

Ленский

(держит его)

Постой,— поверь же мне, что Блёстов не любим.

Рославлев

Как?

Ленский

Забавляются над нами и над ним.

Рославлев

С чего ты взял?

Ленский

С того, что я наверно знаю.

Рославлев

А письма?

Ленский

Их себе я очень объясняю.
Вдруг обе к Блёстову послали два письма?
Нельзя, чтоб обе вдруг сошли они с ума,
Ну, сам ты рассуди.

Рославлев

Так точно.— Нет! вернее
Узнать бы. Растолкуй всё это мне яснее.

Ленский

Да всё объяснено. Одна из них скромна.
Другая меньше, но... обманщица ль она?
Ты веришь письмам их, а я их чувствам верю.
Лишь Блёстов сделал тут неважную потерю,
Рассудок потерял, и то не нынче...

Рославлев

Так!
Ты жизнь мне возвратил! — Какой же я дурак!
Я сомневаться мог! — Что значит быть ревнивым!
Сто раз уж перед ней я был несправедливым!
Как до сих пор не знать ума ее, души?
Однако ж ведь они и сами хороши:
Сидят и про себя, чай, думают: авось ли
Над легковерьем их мы похохочем,— после.
Нет! не умели мы их хитрость угадать?
Нет! очередь не нам над ними хохотать?
Тебе обязан я всем, друг мой!

(Обнимает его.)

Ленский

И, как другу,
Мне окажи теперь бездельную услугу.

Рославлев

(с живостию)

Вели, приказывай; что хочешь ты, чего?

Ленский

Дай Блёстову пожить, не вызывай его.

Рославлев

Не вызову.

Ленский

Ну вот, насилу усмирился.

Рославлев

Однако ж если ты судить поторопился?

Ленский

Опять за ревность!

Рославлев

Нет; да ты подумай сам;
Без доказательства нельзя же верить нам.

Ленский

Всё та же песня.

Рославлев

Мне хотелось бы покуда...

Ленский

Покуда надобно уйти тебе отсюда;
Отчаянного роль я стану здесь играть;
Ты только не мешай.

Рославлев

Да надо бы узнать.

Ленский

Я всё узнаю,

(почти толкает его)

всё; ну, что же, убирайся.

Рославлев

А если...

Ленский

Ах, поди!

(Толкает его.)

Рославлев

Смотри, в обман не вдайся.

Ленский

(выталкивает)

Да ну, поди скорей!

Рославлев тихонько входит опять и, не быв примечен Ленским, прячется через другие двери в кабинет.

ЯВЛЕНИЕ 11

Ленский

(один)

Довольно покричал!
Не мудрено: я сам уж верить начинал!
А Блёстову его соперники достались
В поверенные! — Как? все трое мы попались,
Чтобы Элединy и Лизу забавлять?
Пустое! — Не люблю я женщин баловать.
Нет хуже, как прощать насмешки их над нами;
Их поздно в руки брать, как будут нам жена́ми...
Они? я очень рад!

ЯВЛЕНИЕ 12

Ленский, Эледина, Лиза.

Эледина

(Лизе в глубине комнаты)

Печален! — Неужли
Уж Блёстов рассказал?

Лиза

Спроси.

Элединa

(Ленскому)

Куда вы шли?

Ленский

(печально)

Не знаю.

Элединa

Что за грусть? — Ведь вы смеетесь вечно.

Ленский

(ходя взад и вперед)

Когда обманывал кто так бесчеловечно!
Мужчину завести, уверить, уловить,
Дать слово — и потом, как нá смех, изменить.
В досаде этакой от смерти недалеко!

Элединa

Зачем же от меня так мучиться жестоко?

Ленский

(остановясь)

Поступок ваш меня, конечно, оскорбил;
Однако ж не об нем теперь я говорил.
Отчаянный мой друг мне в голове вертится...

(Лизе.)

Представьте, он совсем хотел уж застрелиться.
Всё проклинал: любовь, друзей и целый свет;
Решил, что для него ни в ком надежды нет.
Что в свете всё обман, что женщины все ровно
Лукавы, злы...

Элединa

(перебивая)

А вы, как должно хладнокровно,
Утешили его?

Ленский

Как тут попали вы.
Я, правда, ждал всего от этой головы;
Он застрелился бы; но выдумкой счастливой
Я спас его.

Лиза

(испугавшись)

Какой?

Ленский

Известно, что ревнивый,
В любви обманутый, тотчас на всё готов;
Так убедить его мне стоило двух слов:
Наталью Вельскую вы знаете?

Элединa

Ну, что же?

Ленский

(Лизе.)

Так точно; вас она немного помоложе.

(Элединой.)

Брюнетка! острая! живая!... Словом, он...

Элединa

(перебивая и показывая на Лизу)

С досады на нее уж в Вельскую влюблен.

Ленский

Вхожу я: в комнате почти не видно света;
Он в горе; на столе лежат два пистолета;
Я начал утешать, он слушать не хотел;
Об Вельской речь зашла...

Элединa

(перебивая)

И к ней он полетел.

Ленский

Нет, я отвез его.— А впрочем, долго бился;
Он спорил, ссорился, но после — согласился.

Элединa

(в сторону)

Злодей!

Лиза

(в сторону)

Ах!

Ленский

(Элединой.)

И теперь они в глазах моих!
Представьте в нежности и в восхищеньи их!

Не могут говорить, хоть говорить хотели,
Зато с каким огнем друг нá друга глядели!

(Лизе.)

А более меня ее пленял восторг!
Скажите! я без слез смотреть на них не мог.

(Элединой.)

И что ж приятнее, как видеть двух счастливых?

(Лизе.)

В желаниях любви, всегда нетерпеливых,
При мне клялись они друг друга обожать;
И... скоро свадьба их.

(Элединой.)

А мне пришлось искать
Такую милую (хоть, правда, это странно),
Чтоб одного меня любила постоянно;
Не то чтоб Блёстову я подражать хотел,
Сегодня двух невест он вдруг сыскать умел.

(Ленский смеется и раскланивается с ними; они с досады на него не смотрят, и он уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 13

Э л е д и н а, Л и з а.

Э л е д и н а

(долго молчит, не смея взглянуть на Лизу; наконец говорит)

Какой же человек! — и я его любила!

Л и з а

А я себя, скажи, за что же погубила?
Твоя же выдумка, чтоб письма нам писать!
И подлинно умно, уж нечего сказать!
Ах! я от этого Рослáвлева теряю.

Р о с л а в л е в

(выходя из кабинета, в котором он прятался)

Дай их послушаю.

(В этой сцене он несколько раз хочет подойти к Лизе.)

Э л е д и н а

Да я еще не знаю,
Печалиться ли нам? И есть ли из чего?
Хоть Ленский мой? Скажи, ну где ж любовь его?

Ведь он же не шутя любить меня божился.
А твой? — С отчаянья почти что уж женился.
Они...

Л и з а

То сделали, что до́лжно было им,
Что сделала бы я, с терпением моим.
Как? на дурацкие мы письма отвечаем!
Кого же? Блёстова мы им предпочитаем.

Э л е д и н а

Что ж? Из учтивости должны бы хоть они
Поплакать, пострадать каких-нибудь два дни.
Я видела, как здесь ревнивец твой божился,
Что вмиг бы умер он, когда б тебя лишился.
Зачем же не сдержал он слова своего?

Л и з а

Зачем? — Ах, боже мой!

Э л е д и н а

Да, это роль его.
Роль Ленского теперь веселым притворяться,
А наша, им назло, ничуть не огорчаться.
Поддержим честь свою и позабудем их.

Л и з а

(почти плачет)

Честь? — Разве честь велит обманывать других?

Р о с л а в л е в

(тихо в глубине комнаты)

Прелестна!

(Хочет к ней подойти.)

Л и з а

(плачет)

Как любил! Как думал быть счастливым!
Ну вот! ты Ленского не сделала ревнивым,
А я с Рosла́влевым лишаюся всего;
Мне даже жаль теперь и ревности его!
Ах! если б слышал он, как я себе пеняю!
Когда бы знал...

ЯВЛЕНИЕ 14

Рославлев, Элединa, Лиза.

Рославлев

(с радостию)

Я здесь: всё слышал и всё знаю.

Лиза

Росла́влев, это вы?

Рославлев

Так я еще любим?
И сказкам обо мне вы верите пустым?

Элединa

Так вздор он нам сказал про Вельскую Наташу?
Обманщик Ленский!

Рославлев

Да, он понял шутку вашу
И отплатить хотел.

Лиза

А вы с ним заодно!

Рославлев

Кто?.. я?.. Нет, не совсем... Ведь было мудрено
Не усомниться мне — такой я сумасшедший.
Да что уж толковать о глупости прошедшей?

(Элединой.)

Не ссорьтесь с Ленским; он бесценен! — Без него
Не знал бы никогда я счастья своего.

(Лизе.)

Когда бы удалось услышать мне, как мило
Жалели обо мне? — Как мне приятно было!
За это вы меня решитесь ли простить?

Лиза

Вы сами слышали, так что тут говорить.

Рославлев

Ах! сроду никогда я так не восхищался!

Эледина

(увидя Ленского)

Тс! — тише!

ЯВЛЕНИЕ 15

Ленский, Рославлев, Эледина, Лиза.

Ленский

(будто ищет кого-то)

Точно здесь.— Что, если б догадался
И он помучить их?

(Посмотрев на всех.)

Нет, всё известно...

Эледина

Да!
Известно всем, что в вас нет совести, стыда;
Всех ради осмеять вы для своей забавы,
И непростительно как злы и как лукавы.
Ужасный человек!

Ленский

Что ж делать? — виноват!
А вот несносен кто, всё выболтать он рад!
Нет, милый мой, теперь мы сговорились двое;
А если что-нибудь вперед затею злое,
Так, верно, без тебя.

Рославлев

(с довольным видом)

Пожалуй.

Эледина

Боже мой!
Вот извиняется он как передо мной!

Ленский

Что ж, хитрость мне моя — признаться я обязан —
Не вовсе удалась; довольно я наказан.

Рославлев целует руку у Лизы; Ленский с тем же подходит к Элединой; она от него отворачивается. В эту минуту является Блёстов и помирает со смеху.

ЯВЛЕНИЕ 16

Блёстов, Элединa, Ленский, Рославлев, Лиза.

Блёстов

(в сторону)

Забавны взапуски один перед другим!

(На ухо Элединой.)

Зачем обходитесь вы так жестоко с ним?
Он догадается.

Элединa смеется. Блёстов становится между Ленским и Рославлевым.

(Ленскому.)

Ваш друг в веселом нраве.
Что, если б он узнал? Нет, боже нас избави!

Ленский смеется.

(Рославлеву.)

Каков вам кажется ваш Ленский?— право, клад!
Ведь за Эледину он побожиться рад,
Что всё ему верна!

Все смеются.

Да кто ж над кем смеется?

Ленский

Над вами, су́дарь, все; мне так оно сдается.

(Элединой.)

А чтоб уверился он в торжестве своем,
День нашей свадьбы мы назначимте при нем.

Элединa

Ты понял мастерски, хитрец, мою науку;
За это за одно мою получишь руку.

Ленский

Вы шутки не должны так к сердцу принимать:
Я вас в неверности не смел подозревать,
Хоть Блёстов, слова нет, соперник преопасный...
Росла́влев ревновал... Ну! он любовник страстный,

А я — почтительный,— тут нет других причин;
И несогласиям конец теперь один.

(Показывая на Блёстова.)

За наши ссоры он пусть богу отвечает.

Рославлев

(самым насмешливым тоном)

Вот Блёстов разом как двух женщин обольщает!

Каждый в свою очередь подходит к Блёстову с ироническим поклоном, и потом все уходят.

ЯВЛЕНИЕ 17

Блёстов

(один)

Красавицы мои! Кто растолкует вас?
Да, правда, ведь и мы не лучше в добрый час;
Сегодня любим их, а завтра ненавидим.

(Подумавши.)

Как будут замужем они — тогда увидим!

Конец 1817 — начало 1818

ПРОБА ИНТЕРМЕДИИ

Интермедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Фёколков, Алегрин, Резвушкин, Припрыжкин, Свисталова, Бемольская — актеры.
Машинист.
Суфлер.
Актеры и актрисы.

Действие происходит в провинциальном театре. Театр представляет сцену в беспорядке.

Фёколков

Много вас, актеров и актрис.
Батюшки, мне нужен бенефис!
Матушки, мне нужен бенефис!

Прочие актеры и актрисы

Расскажите,
Что хотите
Вы от нас?

Фёколков

Вот так раз:
В бенефис меня вы не оставьте,
Мне чтоб не попасть впросак,
Публику вы позабавьте
Кое-чем и кое-как.

Прочие

Вам помочь.
Мы не прочь.

Фёколков

Вас, друзья мои, так много,—
Помолчите, ради бога!

Прочие

Правда, много нас числом,
Да какая польза в том?

Фёколков

Надо, чтоб скорей поспело.

Алегрин

Поскорее? — Так за дело!
Взяться надлежит с умом!

Фёколков

В этом затрудненья мало,
Делайте как ни попало.

Прочие

Хорошо,— да должно знать,
Что мы будем представлять?
Оперу?

Фёколков

Ох, нет!

Алегрин

Балет?

Фёколков

Нет! Нет!

Babyпрыжкин

Комедью?

Фёколков

Интермедью!

Все
(кроме его)

Интермедью! — Боже сохрани!
Интермедью! — Нет, уж искони
Солоны достались нам они!
И какая вам охота?
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота!

Фёколков. Неужто, господа, мне быть без бенефису?

Алегрин. Дайте в свой бенефис что хотите, да только не интермедию.

Все

(повторяют)

И какая вам охота? —
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота.

Фёколков. Да, господа, дело праздничное; серьезное надоест, не худо бы затеять какую-нибудь потеху, ярмонку.

Резвушкин *(обращаясь к прочим)*. Ну, уж выведемте его из хлопот; делать, так делать. Здесь, однако, не Петербург, автора не скоро сыщешь; разве наш суфлер примется,— человек он грамотный. Ну-тка, батюшка, вылезай из своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вот и случай есть, отличись.

Фёколков. Вылезайте, отец родной, я сам вам услужу в другое время.

Суфлер. Извольте, располагайте моим умом, моим пером и моим языком.

Все

(кроме его)

Браво! Фора!
У суфлера
Всё кипит!
Кто коль скоро
Что проспит,
Не затвердит,
Кто собьется,
Заикнется,
Наш суфлер лишь встрепенется,
И лишь голос он подаст,
Всякий кто во что горазд.

Суфлер. Смейтесь, смейтесь, господа, а без меня иному бы из вас плохо пришлось. Да не о том речь. Вам нужна новая пиеса. Для сего нужно многое, а самое нужное: декорации, актеры, слова, музыка и танцы... танцы или пляски.

Резвушкин. Верховой, спускай декорацию. Вот тебе лес и вода.

Свисталова. Актеры все налицо, в костюмах и без костюма.

Бемольская. Слов чем меньше, тем лучше.

Алегрин. Музыки у нас вволю, выбирай любую.

Припрыжкин. За танцами дело не станет.

Фёколков. Так, стало, самое нужное есть, стоит только к сему присочинить кое-что.

Суфлер. Это ничего не составляет...

Свисталова. Особливо для суфлера.

Бемольская. Он всякую всячину наизусть знает.

Резвушкин. Он весь свой век чужое говорит.

Алегрин. Пусть его крадет откуда хочет, была бы пиеса готова.

Свисталова. Не беспокойтесь, он, на нашу беду, пожалуй, столько сочинит, что нам ввек не выучить.

Суфлеру нашему хвала,
Природа коему дала
Писать охоту и уменье!
Его ж такие сочиненья,
Что сам едва ль он их поймет,
Да и никто не разберет;
А дело всё на лад идет.

Суфлер

Прошу вас, господа,
Не говорить ни слова!
Вот лес и вот вода,—
Так главное готово.
На завесе река,
Пусть будет же: «Ока».
Готово и названье
Благодаря реке:
«Пирушка на Оке».
Иль: «За Окой гулянье»;
И песнями начать,
И плясками кончать!

Алегрин. Что же нам петь?

Припрыжкин. Какие пляски?

Суфлер. Пойте и скачите сколько душе угодно, только не все вдруг.

Фёколков. Однако нельзя без пробы.

Суфлер. Ну, так пробуйте. Господин певец, выступайте. Что потверже, то и пойте. А прочих прошу изготовиться для последующего; я же между тем займусь

сочинением куплетов, которые пропоет наша певица тогда, как будут готовы.— За дело! скорее! а не то я перестану сочинять.

Все. Хорошо, хорошо.

Пение и танцы. По окончании Суфлер говорит.

Суфлер. Довольно, довольно. Куплеты готовы! Угодно ли мне сделать честь их пропеть в заключенье?

Фёколков. Неужли заключенье?

Бемольская. Чего ж вы еще хотите?

(Берет куплеты и поет их.)

Куплеты

Довольно все плясали, пели!
Покудова ж не надоели,
Всего умнее разойтись.

Кто хочет, тот пускай сердись,
Над нашей шалостью острись.
А мы не с авторским умишком —
Хоть пошалили, да не слишком.

Притом, кто осуждать нас станет,
Не худо, ежели вспомянет,
Что позабавиться насчет
Кто интермедии идет,
Не много умного он ждет.
И в этой вздору много тоже,
Да всё на прочих не похоже.

На свете же всегда водилось:
Как зрителям что полюбилось,
Никто не спросит, как оно —
Бессмысленно, или умно,
Или плачевно, иль смешно?
Лишь только бы новее было;
Всегда что ново, то и мило.

1818

Отрывки незавершенных драм

ЮНОСТЬ ВЕЩЕГО

⟨Из пролога⟩

(Куростров. Ищут Михаила. Находят его. Ночь перед отплытием в дальний путь.)

Орел, едва лишь пухом оперенный,
Едва в себе почуял дерзость сил,
Рассек эфир, с размаху воспарил;
Хор птиц, его явленьем изумленный,
Неспорный крик ему навстречу шлет.
Нет! Дерзость тех очей и тот полет
Не зрит себе ни равных, ни преслушных,
И властвует в селеньях он воздушных.
Не так между людьми: ах! от пелен
Томится сколько лет ревнитель славы!
Еще томится возмужалый он,
Отвержен и не признан, угнетен...
Судьба! О, как тверды твои уставы!
Великим средь Австралии зыбей
Иль в Севера снегах везде одно ли
Присуждено? — Искать желанной доли
Путем вражды, препятствий и скорбей!
И тот певец, кому никто не смеет
Вослед ступить из бардов сих времен,
Пред кем святая Русь благоговеет,
Он отроком, безвестен и презрен,
Сын рыбаря, чудовищ земноводных
Ловитвой жил; в пучинах ледяных,
Душой алкая стран и дел иных,
Изнемогал в усилиях бесплодных!..

1823

⟨СЕРЧАК И ИТЛЯР⟩

⟨Отрывок трагедии⟩

Серчак

Ты помнишь ли, как мы с тобой, Итляр,
На поиски счастливые дерзали,
С коней три дня, три ночи не слезали;
Им тяжко: градом пот и клубом пар,
А мы на них — то вихрями в пустыне,
То вплавь по быстринам сердитых рек...
Кручины, горя не было вовек,
И мощь руки не та была, что ныне.
Зачем стареют люди и живут,
Когда по жилам кровь едва струится!
Когда подъять бессильны ратный труд
И темя их снегами убелится!
Смотри на степь,— что день, то шумный бой,
Дух ветреный, другого превозмогший,
И сам гоним... сшибутся меж собой
И завивают пыль и злак иссохший:
Так человек рожден гонять врага,
Настичь, убить иль запетлить арканом.
Кто на путях не рыщет алчным враном,
Кому уже конь прыткий не слуга,
В осенней мгле, с дрожаньем молодецким,
Он, притаясь, добычи не блюдет,—
Тот ляг в сыру землю́: он не живет!
Не называйся сыном половецким!

Итляр

Мы дряхлы, друг, но ожили в сынах,
И отроки у нас для битвы зрелы.
Не празднен лук — натянут в их руках;
Недаром мещут копья, сыплют стрелы.
Давно ль они несчетный лов в полон
Добыли нам ценою лютых браней,
Блестящих сбруй и разноцветных тканей,
И тучных стад, и белолицых жен.
О, плачься, Русь богатая! Бывало,
Ее полки и в наших рубежах
Корысть деля́т. Теперь не то настало!
Огни ночной порою в камышах
Не так разлитым заревом пугают,

Как пламя русских сел,— еще пылают
По берегам Трубе́жа и Десны...
Там бранные пожары засвечают
В честь нам, отцам, любезные сыны.

Серчак

В твоих сынах твой дух отцовский вне́дрен!
Гордись, Итляр! Тебя их мужественный вид,
Как в зимний день луч солнечный, живит.
Я от небес лишь дочерью ущедрен
И тою счастлив... Верь, когда с утра
Зову ее и к гру́ди прижимаю —
Всю тяжесть лет с согбенных плеч стрясаю.
Но ей отбыть из отчего шатра:
Наступит день, когда пришельцу руку
Должна подать на брачное житье;
Душой скорбя, я провожу ее,
И, может быть, на вечную разлуку...
Тогда приди всем людям общий рок!
Закройтесь, очи, не в семье чад милых...
Наездник горький, ветх и одинок
Я доживу остаток дней постылых!
Где лягут кости? В землю их вселят
Чужие руки, свежий дерн настелят,
Чужие меж собой броню, булат
И всё мое заветное разделят!..

1825(?)

Петр Ан⟨дреевич⟩

Дитя мое любезное, Надежда!
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выряжать тебе красы своей
На светлых праздниках. Не выезжать
С боярами, князьями. Было время:
Ласкают и манят тебя с собой
И мчат в богато убранной карете.
А ныне знать, вельможи — где они?..
Тот князь, твой восприемник от купели?
Его жена? Родня? Исчезли все!
Их пышные хоромы опустели.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились в ней. Палаты их
Блистали разноцветными огнями...
Теперь, когда у стен ее враги,
Бессчастные рассыпалися дети,
Напрасно ждет защитников; сыны,
Как ласточки, вспорхнули с теплых гнезд
И предали их бурям в расхищенье.
Ты из житья роскошного обратно
В убогий дом отцовский отдана,
А мне куда с тобой?.. Куда укрыться?
И если б мог бежать отселе я,
Нет! нет!.. Не оторвался б от тебя,
О матерь наша, мать России всей,
Кормилица моя, моих детей!
В тебе я мирно пóжил, видел счастье.
В тебе и гроб найду. Мой друг, Надежда,
Гроза над нами носится — потерпим
И с верою вдадимся той судьбе,
Которую господь нам уготовил.
Грустна, грустна!.. О ком же плачешь ты?
О прежних ли подругах и забавах?

Наташа

Ах, батюшка! Я плачу не о том!
Теперь не та пора...

(Рыдает.)

Петр Ан⟨дреевич⟩

И те ли времена? О брате, что ли?
Наш Алексей... Даруй ему господь
Со славой устоять на ратном поле.
Мне всё твердит: он будет жив.

Наташа

Нет, батюшка, я плачу не об нем.

(Рыдает пуще прежнего.)

Петр Ан⟨дреевич⟩

Когда же ты о родине печальна,
Рыдай, мое дитя,— и для тебя
Отрадного я слова не имею.
Бывало, на душе кручинно — посох в руки,
С тобою сердцу легче, всё забыто...
Утешенный я приходил домой.
Бывало, посетишь и ты меня, отца.
Обнимешь, всё осмотришь... Угол мой
На полгода весельем просветится...
А ныне вместе мы, и нам не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожил!..

(Растворяет окно.)

Между 1822 и 1828

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ

⟨Отрывок трагедии⟩

1

К.

Но сам я разве рад твоей печали?
Вини себя и старость лет своих.
Давно с тебя и платы не бирали...

Г.

Ругаться старостью — то в лютых ваших нравах.
Стара я, да,— но не от лет одних!
Состарелась не в играх, не в забавах,
Твой дом блюла, тебя, детей твоих.
Как ринулся в мятеж ты против русской силы,
Укрыла я тебя живого от могилы,
Моим же рубищем от тысячи смертей.
Когда ж был многие годины в заточеньи,
Бесславью преданный в отеческом краю,
И ветер здесь свистал в хоромах опустелых,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Так знай же повесть ты волос сих поседелых,
Колен моих согбенных и морщин,
Которые в щеках моих изрыты
Трудами о тебе. Виною ты один.
Вот в подвигах каких младые дни убиты.
А ты? Ты, совести и богу вопреки,
Полсердца вырвал из утробы!
Что мне твой гнев? Гроза твоей руки?
Пылай, гори огнем несправедливой злобы...
И кочет, если взять его птенца,
Кричит, крылами бьет с свирепостью борца,
Он похитителя зовет на бой неравный;
А мне перед тобой не можно умолчать,—
О сыне я скорблю: я человек, я мать...
Где гром твой, власть твоя, о боже вседержавный!

К.

Творец, пошли мне вновь изгнанье, нищету
И на главу мою все ужасы природы:
Скорее в том ущельи предпочту,
Где бурный Ксань крутит седые воды,

Терпеть разбойником гоненья, голод, страх,
От стужи, непогод не быв укрытым,
Залечь за ка́мнями с ружьем на сторожах,
Чтоб путника убить иль быть убитым,
Чем этой фурии присутствие сносить,
И злость души, и яд ее упреков.

Г.

Ничем тебя не можно умягчить!
Ни памятью добра, ни силой слезных токов!
Подумай,— сам отец, и сына ты лишен.
Когда, застреленный, к тебе он был внесен
И ты в последний раз прощался с трупом милым,
Без памяти приник к очам его остылым
И оживить хотел потухший взор,
Весь воздух потрясал детей и жен вой дикий,
И вторили раскаты наших гор
С утра до вечера пронзительные крики,—
Ты сам хотел зарыться в землю с ним,
Но взятый смертию вовек невозвратим!
Когда же б искупить ты мог его из плена,
Какой тогда казны бы пожалел?
На чей бы гнев суровый не посмел?
Ты чьи тогда не обнял бы колена?

К.

Я не питал к тебе вражды!..
Я помнил о людя́х, о боге,
И сына твоего не дал бы без нужды,
Но честь моя была в залоге:
Его ценой я выкупил коня,
Который подо мной в боях меня прославил,
Из жарких битв он выносил меня,
Тот подел, кто б его в чужих руках оставил.

Г.

Ни конь твой боевой всей крепостию жил,
Никто из слуг твоих любимых
Так верой, правдою тебе не послужил,
Как я в трудах неисчислимых.
Мой отрок, если б возмужал,
За славу твоего он княжеского дома
Сто раз бы притупил и саблю и кинжал,

Не убоялся бы он язв и пушек грома.
Как матерью его ты был не раз спасен,
Так на плечах своих тебя бы вынес он.

К.

Прочь от меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнев
И не терзай мне жалобами слуха...
Безвременен кому твой вопль, и стон, и рев.
Уж сын твой — раб другого господина,
И нет его, он мой оставил дом,
Он продан мной, и я был волен в том —
Он был мой крепостной...

Г.

(падает на колена)

Он сын мой! Дай мне сына!
И я твоя раба,— зачем же мать
От детища ты разлучил родного?
Дай раз еще к груди его прижать!..
Ах, ради бога имени святого,
Чтоб не видать кровавых слез моих,
Соедини ты снова нас двоих.

К.

Не повторяй мне горькие упреки!
В поля и в горы — вот пути широки,
Там мчится шумная река,
Садись над пропастью, беседуй свысока
О сыне с мраками ночными
И степь буди стенаньями своими,
Но в дом не возвращайся мой...
Уймись или исчезни с глаз долой.

Г.

Достойное заслугам воздаянье!
Так будь же проклят ты, и весь твой род,
И дочь твоя, и всё твое стяжанье!
Как ловчие, ни быстриною вод,
Ни крутизною скал не удержимы,
Но скачут по ветрам носимы,
Покуда зверь от их ударов не падет,
Истекший кровию и пеной,—

Пускай истерзана так будет жизнь твоя,
Пускай преследуют тебя ножом, изменой
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности в награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Как продал сына моего.
Отступник, сам себя карая,
В безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днем дрожи,
На церковь божию взирая.
Твой прах земле не предадут,
Лишь путники произнесут
Ругательства над трупом хладным,
И будь добычею чекалам плотоядным...
А там — перед судом всевышнего творца —
Ты обречен уже на муки без конца!

2

Г.

О, люди! Кто назвал людьми исчадий зла,
Которых от кровей утробных
Судьба на то произвела,
Чтоб были гибелью, бичом себе подобных!
Но силы свыше есть! Прочь совесть и боязнь!..
Ночные чуда! áли! áли!
Явите мне свою приязнь,
Как вы всегда являли
Предавшим веру и закон,
Душой преступным и бессильным,
Светите мне огнем могильным,
Несите ветер, свист и стон,
Дружины áли! Знак условный —
Вот пять волос
От вас унес
Ваш хитрый, смелый враг, мой брат единокровный,
Когда в ⟨нрзб.⟩ он блуждал
На мшистых высотах уединенных скал.
Я крестным знаменьем от вас оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А ныне кинутой быть горько сиротой!
Равны страдания в сей жизни или в той...

Слетайтеся, слетайтесь,
Отколе в темну ночь исходят привиденья,
Из снежных гор,
Из диких нор,
Из груды тли и разрушенья,
Из сонных тинистых зыбей,
Из тех пустыней многогробных,
Где служат пиршеством червей
Останки праведных и злобных.
Но нет их! Непокорны мне!
На мой призыв не отзовутся!
Лишь тучи нá небе несутся
И воет ветр... Ах, вот оне!

(Прислоняется к утесу и не глядит на них.)

Али

(плавают в тумане у подошвы гор)

В парáх вечерних, перед всходом
Печальной девственной луны,
Мы выступаем хороводом
Из недозримой глубины.

Г.

Робеет дух, язык прикован мой!
Земля, не расступайся подо мной...

Али

Таятся в мрачной глубине
Непримиримых оскорбленья
И созревают в тишине
До дня решительного мщенья;
Но тот, чей замысел не скрыт,
Как темная гробов обитель,
Вражды вовек не утолит,
Нетерпеливый мститель.

Р.

. . . .
Настанет день и час пробьет.

Али

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обретет
И ближний ближнего лишится.

Молчание.

Куда мы, али? В эту ночь
Бежит от глаз успокоенье.

Одна из них

Спешу родильнице помочь,
Чтоб задушить греха рожденье.

Другие

А мы в загорские края,
Где пир пируют кровопийцы.

Последняя

Там замок есть... Там сяду я
На смертный одр отцеубийцы.

1827—1828

ОТ АПОЛЛОНА

На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о «Липецких водáх»
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

Ноябрь 1815

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТР

Comptable de l'ennui, dont sa muse m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme?

Gilbert [1]

Эй! Господа!
Сюда, сюда!
Для деловых людей и праздных
Есть тьма у нас оказий разных:
Есть дикий человек, безрукая мадам!

[1] Беря в расчет скуку, которою меня убивает его муза, спрашивается, зачем он назвал себя, если не хочет быть названным? *Жильбер* (фр.).— *Ред.*

Взойдите к нам!
Добро пожаловать, кто барин тороватый,
Извольте видеть — вот
Рогатый — нерогатый
И всякий скот:
Вот вам Михайло Моськин,
Вот весь его причет:
Княгини и
Княжны,
Князь Фóльгин и
Князь Блёсткин;
Они хоть не смешны, да сам зато уж он
Куда смешон! —
Водиться с ним, ей-богу! *праздник.*
Вот вам его *Проказник;*
Спроказил он неловко: раз упал
Да и не встал.
Но автор таковым примером
Не научéн — грешит перед партером,
Проказит до сих пор.
Что видит и что слышит,
Он обо всем исправно вздор
И говорит, и пишет.
Вот *Богатонов* вам: особенно он мил,
Богат чужим добром — всё крáдет, что находит,
С *Транжирина* кафтан стащил
Да в нем и ходит.
А светский тон
Не только он —
И вся его беседа
Переняли у *Буйного Соседа.*
Что ж вы?.. Неужто по домам?
Уж надоело вам?
И кстати ль?
Вот Моськин-*Наблюдатель;*
А вот другой чудак, с ним вечный состязатель;
Один напишет вздор,
Другой на то разбор;
А разобрать труднее,
Кто из двоих глупее.
Что вы смеетесь, господа?
Писцу насмешка не беда.
Он знает многое смешное за собою,
Да уж давно махнул рукою.

Махнул пером — отдал сыграть,
А вы, пожалуй, рассуждайте!
Махнул пером — отдал в печать,
А вы читайте!

16 октября 1817

⟨ЭПИТАФИИ ДОКТОРУ КАСТАЛЬДИ⟩

1

Из стран Италии-отчизны
Рок недоведомый сюда его привел.
Скиталец, здесь искал он лучшей жизни...
Далёко от своих смерть близкую обрел!

2

Брыкнула лошадь вдруг, скользнула и упала —
И доктора Кастальдия не стало!..

Апрель или май 1820

ДАВИД

Неславен в братии измлада,
Юнейший у отца я был,
Пастух родительского стада;
И се! внезапно богу сил
Орган мои создали руки,
Псалтырь устроили персты.
О! кто до горней высоты
Ко господу воскрилит звуки?..

Услышал сам господь-творец,
Шлет ангела, и светлозрачный
С высот летит на долы злачны,
Взял от родительских овец,
Елеем благости небесной
Меня помазал. Что ж сии
Велики братия мои!
Кичливы крепостью телесной!
Но в них дух божий, бога сил,
Господень дух не препочил.

Иноплеменнику не с ними,
Далече страх я отженя,
Во сретенье исшел: меня
Он проклял идолми своими;
Но я мечом над ним взыграл,
Сразил его и обезглавил,
И стыд Отечества отъял,
Сынов Израиля прославил!

1823

⟨КУПЛЕТЫ И РОМАНСЫ ИЗ ОПЕРЫ-ВОДЕВИЛЯ «КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ»⟩

1

Стократ счастли́в, кто разум свой
Не помрачил еще любовью,
Но век проводит холостой,—
Я выпью за его здоровье.

Поверьте мне, жена для нас
Есть вечное почти мученье.
Женись лишь только — и как раз
Родятся ревность, подозренье.

Ах, то ли дело одному:
Его не мучит неизвестность,
Душе покой, простор уму
И вечная почти беспечность!

Нрав женщины имеют злой,
Капризны, что не сладишь с ними.
Чтоб избежать судьбы такой,
Останемся мы холостыми!

2

Любит обновы
Резвый Эрот,
Стрелке перёной,
Знать, не черед,—

27.

Кто братъ? кто Сестра

или ~~одинъ изъ тысячи~~ Обманъ за обманомъ.

Новая Опера водевиль въ 1мъ Дѣйствіи
оригинальное сочиненіе
съ хорами и разнохарактерными ди-
вертисментомъ музыка соч: А. Н. Верстовс-
каго

Представлять дозволяется

№ 4.

10. Генваря 1824 Года

Секретарь В. Со[illegible]

Вожжи шелковы
В руки берет,
Плеткой ременной
Хлещет и бьет.

3

Крылами порхая, стрела́ми звеня,
Любовь вопрошала кого-то:
Ах! есть ли что легче на свете меня?
Решите задачу Эрота.

Любовь и любовь, решу я как раз,
Сама себя легче бывает подчас.
Есть песня такая:
Легко себе друга сыскала Аглая
И легче того
Забыла его.

4

Любви туман и сумасбродство
Не посетят меня и вас!
Признавших красоты господство
Мильон страдают и без нас.
Они нас не прельстят собою,
Их красота пред нами дым,—
Мы, дорожа своей душою,
Поклон прелестным отдадим.

Смеюсь я над Амуром смело
И рад уверить целый свет,
Что сердце наше будет цело,
Хоть стрел его опасней нет!
Пускай летает он где хочет,
Чтобы поранить как-нибудь!
Для нас напрасно он хлопочет —
Ему мы скажем: добрый путь!

5

Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не сведала тоски, томлений нежных?
Еще не знает про любовь?

Крылами порхая, стрѣлами звеня
Любовь вопрошала кого-то:
Ах! есть ли что легче на свѣтѣ меня?
Рѣшите задачу Эрота.

Любовь, и любовь, рѣшу я за всѣхъ разъ [?],
Хотя ея легче бываетъ подъ часъ.
Есть ~~[illegible]~~ нѣкая задача:
Межъ симъ другаго видала Аглая [?]
И легче того
Забыла его.

Ах! точно ли никто, счастливец, не сыскался,
Ей друг? по сердцу ей? который бы сгорал
В объятиях ее, в них негой упивался,
Роскошствовал и обмирал?..

Нет! нет! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный — он где-нибудь, он есть.
Любви волшебство! рай! восторги! трепет! — Вами,
Нет! — не моей душе процвесть.

6

Неу́жли никогда в ней кровь
В час мысли не была в волненьи?
Ужель не знает, что́ любовь,
Что́ сердца трепет, восхищенье?

Или в невинной простоте
Любовь по слуху только знает
И в полной блеска красоте,
Как нежна роза, расцветает?

Ах, точно ль для ее души
Еще счастливец не сыскался,
Который счастия б в тиши
Любви блаженством наслаждался?

Ах! нет,— он, верно, верно, есть,
Напрасно я влекусь мечтами;
Нет, не моей душе процвесть:
Любовь, блаженство, радость с вами!

1823—1824

⟨ЭПИГРАММЫ НА М. А. ДМИТРИЕВА И А. И. ПИСАРЕВА⟩

1

Как расплож́аются журнальные побранки!
Гласит предание, что Фауст ворожил
Над банкой, полною волшебных, чудных сил,
И вылез черт из банки;
И будто Фаусту вложил

Он первый умысел развратный —
Создать станок книгопечатный.
С тех пор, о мокрые тряпичные листы,
Вы полем сделались журналам для их браней,
Их мыслей нищеты, их скудости познаний.
Уж наложил на вас школярные персты
Михайло Дмитриев с друзьями;
Переплетясь они хвостами,
То в позе жилятся над вами,
То усыряют ⟨вас⟩ водя́ными стихами.

2

НАДПИСЬ
К ПОРТРЕТАМ СОЧИНИТЕЛЯ МИХАЙЛЫ ДМИТРИЕВА И ПЕРЕВОДЧИКА ПИСАРЕВА

И сочиняют — врут! и переводят — врут!
Зачем же врете вы, о дети! Детям прут!

Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть! — но вы ругаться удальцы.
Студенческая кровь! Казенные бойцы!!
Холопы «Вестника Европы»!!!!

1824

ОТРЫВОК ИЗ ГЁТЕ

Директор театра

По дружбе мне вы, господа,
При случае посильно иногда
И деятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя ли
Воображению дать смелый вам полет?
Парите вверх и вниз спускайтесь произвольно,
Чтоб большинство людей осталось мной довольно,
Которое живет и жить дает.
Дом зрелища устроен пребогатый,
И бревяной накат, и пол дощатый,
И всё по зву: один свисток —
Храм взыдет до небес, раскинется лесок.
Лишь то беда: ума нам где добиться?
Смотрите вы на брови знатоков,

Они, и всякий кто каков,
Чему-нибудь хотели б удивиться;
А я испуган, стал в тупик;
Не то чтобы у нас к хорошему привыкли,
Да начитались столько книг!
Всю подноготную проникли!
Увы!
И слушают, и ловят всё так жадно!
Чтоб были вещи им новы,
И складно для ума, и для души отрадно.
Люблю толпящийся народ
Я при раздаче лож и кресел;
Кому терпенье — труден вход,
Тот получил себе — и весел,
Но вот ему возврата нет!
Стеной густеют непроломной,
Толпа растет, и рокот громный,
И голоса: билет! билет!
Как будто их рождает преисподня.
А это чудо кто творит? — Поэт!
Нельзя ли, милый друг, сегодня?

Поэт

О, не тревожь, не мучь сует картиной.
Задерни, скрой от глаз народ,
Толпу, которая пестреющей пучиной
С собой противувольно нас влечет.
Туда веди, где под небес равниной
Поэту радость чистая цветет;
Где дружба и любовь его к покою
Обвеют, освежат божественной рукою.
Ах! часто, что отраду в душу льет,
Что робко нам уста пролепетали,
Мечты неспелые... и вот
Их крылья бурного мгновения умчали.
Едва искупленных трудами многих лет,
Их в полноте красы увидит свет.
Обманчив блеск: он не продлится;
Но истинный потомству сохранится.

Весельчак

Потомству? да; и слышно только то,
Что духом все парят к потомкам отдаленным;
Неужто наконец никто

Не порадеет современным?
Неужто холодом мертвит, как чародей,
Присутствие порядочных людей!
Кто бредит лаврами на сцене и в печати,
Кому ниспосланы кисть, лира иль резец
Изгибы обнажать сердец,
Тот поробеет ли? — Толпа ему и кстати;
Желает он побольше круг,
Чтоб действовать на многих вдруг.
Скорей Фантазию, глас скорби безотрадной,
Движенье, пыл страстей, весь хор ее нарядный
К себе зовите на чердак.
Дурачеству оставьте дверцу,
Не настежь, вполовину, так,
Чтоб всякому пришло по сердцу.

Директор

Побольше действия! — Что зрителей мани́т?
Им видеть хочется,— ну живо
Представить им дела на вид!
Как хочешь, жар души излей красноречиво;
Иной уловкою успех себе упрочь;
Побольше действия, сплетений и развитий!
Лишь силой можно силу превозмочь,
Число людей — числом событий.
Где приключений тьма — никто не перечтет,
На каждого по нескольку придется;
Народ доволен разойдется,
И всякий что-нибудь с собою понесет.
Слияние частей измучит вас смертельно;
Давайте нам подробности отдельно.
Что целое? какая прибыль вам?
И ваше целое вниманье в ком пробудит?
Его расхитят по долям
И публика по мелочи осудит.

Поэт

Ах! это ли иметь художнику в виду!
Обречь себя в веках укорам и стыду! —
Не чувствует, как душу мне терзает.

Директор

Размыслите вы сами наперед:
Кто сильно потрясти людей желает,

Способнее оружье изберет;
Но время ваши призраки развеять,
О гордые искатели молвы!
Опомнитесь! — кому творите вы?
Влечется к нам иной, чтоб скуку пораccеять,
И скука вместе с ним ввалилась — дремлет он;
Другой явился отягчен
Парами пенистых бокалов;
Иной небрежный ловит стих,—
Сотрудник глупых он журналов.
На святочные игры их
Чистейшее желанье окриляет,
Невежество им зренье затемняет,
И на устах бездушия печать;
Красавицы под бременем уборов
Тишком желают расточать
Обман улыбки, негу взоров.
Что возмечтали вы на вашей высоте?
Смотрите им в лицо! — вот те
Окременевшие толпы́ живым утесом;
Здесь озираются во мраке подлецы,
Чтоб слово подстеречь и погубить доносом;
Там мыслят дань обресть картежные ловцы;
Тот буйно ночь провесть в объятиях
бесчестных;
И для кого хотите вы, слепцы,
Вымучивать внушенье муз прелестных!
Побольше пестроты, побольше новизны —
Вот правило, и непреложно.
Легко мы всем изумлены,
Но угодить на нас не можно.
Что? гордости порыв утих?
Рассудок превозмог...

П о э т

Нет! нет! — негодованье.
Поди ищи услужников других.
Тебе ль отдам святейшее стяжанье,
Свободу, в жертву прихотей твоих?
Чем ра́вны небожителям поэты?
Что силой неудержною влечет
К их жребию сердца́ и всех обеты,
Стихии все во власть им предает?

Не сладкозвучие ль, которое теснится
Из их груди, вливает ту любовь,
И к ним она отзывная стремится
И в них восторг рождает вновь и
вновь?
Когда природой равнодушно
Крутится длинновьющаяся прядь,
Кому она так делится послушно?
Когда созданья все, слаба их мысль обнять,
Одни другим звучат противугласно,
Кто съединяет их в приятный слуху гром
Так величаво! так прекрасно!
И кто виновник их потом
Спокойного и пышного теченья?
Кто стройно размеряет их движенья
И бури, вопли, крик страстей
Меняет вдруг на дивные аккорды?
Кем славны имена и памятники тверды?
Превыше всех земных и суетных честей,
Из бренных листвиев кто чудно соплетает
С веками более нетленно и свежей
То знаменье величия мужей,
Которым он их чёла украшает?
Пред чьей возлюбленной весна не увядает?
Цветы роскошные родит пред нею перст
Того, кто спутник ей отрад любви стезею;
По смерти им Олимп отверст,
И невечернею венчается зарею
Кто не коснел в бездействии немом,
Но в гимн единый слил красу небес с землею.
Ты постигаешь ли умом
Создавшего миры и лета?
Его престол — душа Поэта.

1824

ТЕЛЕШОВОЙ

В БАЛЕТЕ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА», ГДЕ ОНА ЯВЛЯЕТСЯ ОБОЛЬЩАТЬ ВИТЯЗЯ

О, кто она? — Любовь, харита
Иль пери, для страны иной
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?

И вдруг — как ветр ее полет!
Звездой рассыплется, мгновенно
Блеснет, исчезнет, воздух вьет
Стопою, свыше окриленной...

Не так ли наш лелеет дух
Отрадное во сне виденье,
Когда задремлет взор и слух,
Но бодро в нас воображенье! —
Улыбка, внятная без слов,
Небрежно спущенный покров,
Как будто влаги облиянье;
Прерывно персей волнованье,
И томной думы полон взор:
Созданье выспреннего мира
Скользит, как по зыбя́м эфира
Несется легкий метеор.

Зачем манишь рукою нежной?
Зачем влечешь из дальних стран
Пришельца в плен твой неизбежный,
К страданью неисцельных ран?
Уже не тверды заклинаньем
Броня, и щит его, и шлем;
Не истомляй его желаньем,
Не сожигай его огнем
В лице, в груди горящей страсти
И негой распаленных чувств!
Ах, этих игр, утех, искусств
Один ли не признает власти!
Изнеможенный он в борьбе,
До капли в душу влил отраву,
Себя, и честь, и долг, и славу —
Всё в жертву он отдал тебе.

Но сердце! Кто твой восхищенный
Внушает отзыв? для кого
Порыв восторга твоего,
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южных стран,
Чье царство — роз и пальм обитель,
Которым эльф-обворожитель

В сопутники природой дан,
О, нимфы, девы легкокрилы!
Здесь жаждут прелестей иных:
Рабы корыстных польз унылы,
И безрассветны души их.
Певцу красавиц что́ в награду?
Пожнет он скуку и досаду,
Роптаньем струн не пробудив
Любви в пустыне сей печальной,
Где сном покрыто лоно нив
И небо ризой погребальной.

Декабрь 1824

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЕ

1

Окопайтесь рвами, рвами,
Отразите смерть и плен —
Блеском ружей, тверже́й стен!
Как ни крепки вы стенами,
Мы над вами, мы над вами,
Будто быстрые орлы
Над челом крутой скалы.

2

Мрак за нас ночей безлунных,
Шум потока, выси гор,
Дождь, и мгла, и вихрей спор.
На угон коней табунных,
На овец золоторунных,
Где витают вепрь и волк,
Наш залег отважный полк.

3

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева!
Те же льдяные громады!

Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!

4

Наши — камни; наши — кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты́?
Досягнешь ли? — Вон над тучей —
Двувершинный и могучий
Режется из облаков
Над главой твоих полков.

5

Пар из бездны отдаленной
Вьется по его плечам;
Вот невидим он очам!..
Той же тканию свиенной
Так же скрыты мы мгновенно,
Вмиг явились, мигом нет,
Выстрел, два, и сгинул след.

6

Двиньтесь узкою тропою!
Не в краю вы сел и нив.
Здесь стремнина, там обрыв,
Тут утес: берите с бою.
Камень, сорванный стопою,
В глубь летит, разбитый в прах;
Риньтесь с ним, откиньте страх!

7

Ждем.— Готовы к новой сече...
Но и слух о них исчез!..
Загорайся, древний лес!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядем в дружном вече
И по ряду, дележом,
Делим взятое ножом.

8

Доли лучшие отложим
Нашим панцирным князьям,
И джигитам, узденям
Юных пленниц приумножим,
И кадиям, людям божьим,
Красных отроков дадим
(Верой стан наш невредим).

9

Узникам удел обычный,—
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы — жребий им приличный;
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома — цепи! в чуже — плен!

10

Делим женам ожерелье.
Вот обломки хрусталя!
Пьем *бузу!* Стони, земля!
Кликом огласись, ущелье!
Падшим мир, живым веселье.
Раз еще увидел взор
Вольный край родимых гор!

Октябрь 1825
Кам⟨енный⟩ мост на Малке

* * *

По духу времени и вкусу
Я ненавидел слово «раб».
Меня позвали в Главный штаб
И потянули к Иисусу.

1826

10.

Дымитъ туманъ отрадное.
Вотъ обломки дзигитамъ!
Твой Бугу! Стоны земли!
Близокъ огненный пугало!
Радимымъ миръ; Живыми веселье.
Разъ еще увижу Доръ
Вольный край родимыхъ горъ!

А. Грибоедовъ.

Кам: Мостъ на Малкѣ.
** Октября 1826.

(x) Дзигитъ – удалецъ. изд.

А. О⟨ДОЕВСКОМУ⟩

Я дружбу пел... когда струна́м касался,
Твой гений над главой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя любил
И призывал, и о тебе терзался!..
О мой творец! Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла!..

Между 1826 и 1828

ДОМОВОЙ

Детушки матушке жаловались,
Спать ложиться закаивались.
Больно тревожит нас дед-непосед,
Зла творит много и множество бед,
Сту́пней топочет, столами ворочит,
Душит, навалится, щиплет, щекочит.

⟨*1828*⟩

ПРОСТИ, ОТЕЧЕСТВО!

Не наслажденье жизни цель;
Не утешенье наша жизнь.
О, не обманывайся, сердце.
О, призраки, не увлекайте! —
Нас цепь угрюмых должностей
Опутывает неразрывно.
Когда же в уголок проник
Свет счастья на единый миг,
Как неожиданно! как дивно!

Мы молоды и верим в рок,—
И гонимся и вслед и вдаль
За слабо брезжущим виденьем.
Постой же!.. Нет его! [угасло]! —
Обмануты, утомлены...
И что ж с тех пор? — Мы мудры стали,
Ногой отмерили пять стоп,

Соорудили темный гроб
И в нем живых себя заклали.

Премудрость! вот урок ее:
Чужих законов несть ярмо,
Свободу схоронить в могилу,
И вер⟨у⟩ в собственную силу,
В отвагу, дружбу, честь, любовь!!!
Займемся былью стародавной,
Как люди весело шли в бой,
Когда пленяло их собой,
Что так обманчиво и славно!

⟨*1828*⟩

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «КАЛЬЯНЧИ»

Путешественник в Персии встречает прекрасного отрока, который подает ему кальян. Странник спрашивает, кто он, откуда. Отрок рассказывает ему свои похождения, объясняет, что он грузин, некогда житель Кахетии.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Какую влагу пил? Какой весной обвеян?
Эйзедом ли ты светлым порожден,
Питомец пери или джиннием взлелеян?
Когда заботам вверенный твоим
Приносишь ты сосуд водовмещальный
И сквозь него проводишь легкий дым —
Воздушной пеною темнеет ток кристальный
И ропотом манит к забвенью, как ручья
Гремучего поток в зеленой чаще!
Чинара трость творит жасминной длань твоя
И сахарныя трости слаще,
Когда палимого ширазского листа
Глотают чрез нее мглу алые уста,
Густеет воздух, напоенной
Алоэ запахом и амброй драгоценной!

Когда ж чарующей наружностью своей
Собрание ты осветѝшь людей —
Во всех любовь!.. Дервѝш отбросил четки,
Примрачный вид на радость обменил:
Не ты ли в нем возжег огонь потухших сил?
Не от твоей ли то походки

Его распрямлены морщины на лице
И заиграла жизнь на бывшем мертвеце?
Властитель твой — он стал лишь самозванцем,
Он уловлен стыдливости румянцем,
И ку́дрей кольцами, по высоте рамен
Влекущихся, связавших душу в плен,
И гру́ди нежной белизною,
И жилок, шелком свитых, бирюзою,
Твоими взглядами, под свесом томных вежд,
Движеньем уст твоих невинным, миловидным,
Твоей, нескрытою покровами одежд,
Джейрана легкостью и станом пальмовидным.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Эдема ль влагу пил, дыханьем роз обвеян?
Скажи: или от пери ты рожден,
Иль благодатным джиннием взлелеян?

«На Риона берегах,
В дальних я рожден пределах,
Где горит огонь в сердцах,
Тверже скал окаменелых;
Рос — едва не из пелен,
Матерью, отцом, безвинный,
В чужу продан, обменен
За сосуд цен⟨и⟩нный!

Чужой человек! скажи: ты отец?
Имел ли ты чадо от милой подруги?
Корысть ли дороже нам с сыном разлуки?
Отвержен ли враном невинный птенец?

Караван с шелками шел,
С ним ага мой. Я, рабочий,
Глаз я долго не отвел
С мест, виднелся где кров отчий;
С кровом он слился небес;
Вечерело. Сном боримы,
Стали станом. Темен лес.
Вкруг огня легли мы.

Курись, огонек! светись, огонек!
Так светит надежда огнем нам горящим!
Пылай ты весельем окрест приседящим,
Покуда спалишь ты последний пенек!

Спал я. Вдруг взывают: «бой!»
В ста местах сверкает зелье;
Сечей, свистом пуль, пальбой
Огласилось всё ущелье.
Притаился в глубь межи
Я, и все туда ж влекутся.
Слышно — кинулись в ножи —
Безотвязно бьются!

Затихло смятенье — сече конец.
Вблизи огня брошен был труп, обезглавлен,
На взор его мертвый был взор мой уставлен,
И чья же глава та?.. О, горе!.. Отец!..

Но могучею рукой
Был оторван я от тела.
«Будь он проклят, кровный твой! —
В слух мне клятва загремела.—
Твой отец разбойник был...»
И в бодце, ремнем увитом,
Казнь сулят, чтоб слез не лил
По отце убитом!

Заря занялася. Я в путь увлечен.
Родитель, ударом погибший бесславным,
Лежать остается — он вепрям дубравным,
Орлам плотоядным на снедь обречен!

Вышли мы на широту
Из теснин, где шли доселе,
Всю творенья красоту
В пышной обрели Картвеле.
Вкруг излучистой Куры
Ясным днем страна согрета,
Все рассыпаны цветы
Щедростию лета...»

⟨*1828*⟩

ОСВОБОЖДЕННЫЙ

Луг шелко́вый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!

Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?
Будто сладостно-душистый
В воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.
Но где друг?.. но я один!..
Но давно ль, как привиденье,
Предстоял очам моим
Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.
Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами;
Горем скованы уста,
Руки — тяжкими цепями.

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах сбирают дань
Пу́рпурного винограда,
Све́тло светит луч дневной,
Рано ищут, любят друга...
Ты знаком ли с той страной,
Где земля не знает плуга,
Вечно юная, блестит
Пышно яркими цветами
И садителя дарит
Золотистыми плодами?..
Странник, знаешь ли любовь,
Не подругу снам покойным,
Страшную под небом знойным?
Как пылает ею кровь?
Ей живут и ею дышат,
Страждут и падут в боях
С ней в душе и на устах.
Так самумы с юга пышат,
Раскаляют степь...
Что судьба, разлука, смерть!..

⟨*1828*⟩

Стихотворения, приписываемые Грибоедову

* * *

Как же вас взносили на неприступный status quo ad presentem [1] и как

Полком окружали
Военных теней?
В присошках пищали
Курки без кремней?
Как ханы и беки
Пролили вам реки
Хвалы круговой?
С преклонной главой
Ньюкеры и дусты!
И головы их,
При шапках больших,
Под шапками пусты.

3 мая 1820

ВАЖНОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ

Германской музою пиита вдохновенный
В залог бессмертия нетленный
От Славы имя получил:
Михайлом прежде слыл, а ныне *Михаил!*

1824

[1] Положение, существующее в данное время (лат.).— *Ред.*

ЭЛЕГИЯ

(Из Леонара)

Покоясь на брегу крутом,
Когда воздушные равнины
Едва струятся ветерком
Над лоном дремлющей пучины,
Я вслед за странником в морях
Лечу завистливой мечтою,
И грусть о родине слезою
Блестит в задумчивых очах.
И мерный плеск волны, вспененной
Ударом шумного весла,
И голос песни отдаленной
Пловца с бегущего челна —
Всё тайное родит желанье
Покинуть берег мой родной
И с ветреной моей судьбой
Лететь на чуждое призванье.
Когда ж Эол во мгле шумит,
И бурный вал кипит и плещет,
И гром над бездною гремит,
И молния по тучам блещет,—
Тогда, бросая жадный взор
На ручейка поток беспечный,
На мир долин, лесов и гор,
Воскликну в радости сердечной:
Блажен, кто ларами богат!
Он чужд коварных обольщений,
Его к раздумью лишь манят
Родных дубрав безмолвны сени
И тихий плеск младых наяд.

ДУША

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что за чудное виденье!
Надзвездный дом,
Зари кругом,
Рождало мир мое веленье!
И вот от сна
Привлечена

К земле ветшающей и тесной.
Где рой подруг,
Тма резвых слуг?
О, хор воздушный и прелестной!
Нет, поживу
И наяву
Я лучшей жизнию, беспечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Где надышусь свободой вечной!

ВОСТОК

Из Заволжья, из родного края,
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки переметны,
Долги гривы заплетая;
На конях ретивых посадились,
На отъезд перекрестились,
Выезжали на широкий путь.
Что замолкли? в тишине
Что волнует молодецку грудь?
Мысль о дальней стороне?
Ах, не там ли воздух чудотворный,
Тот Восток и те сады,
Где не тихнет ветерок проворный,
Бьют ключи живой воды,
Рай-весна цветет, не увядает,
Нега, роскошь, пир в лесах,
Солнышко горит, не догорает
На высоких небесах!
Терем злат, а в нем душа-девица,
Красота, княжая дочь;
Блещет взор, как яркая зарница,
Раздирает черну ночь.
Если ж кровь ее зажжется,
Если вспыхнет на лице,—
Позабудь о матери, отце;
С кем душой она сольется,
Станом гибким, белыми руками
Друга мила обвивает,

Крепко жмет, румяными устами
Жизнь до капли испивает!
Путники! от дочери княжой
Отбегите неоглядкой!
Молодые! к стороне чужой
Не влекитесь думой сладкой,
Не мечтайте чародейных снов!
Тех земель неправославных
Дивна прелесть и краса лугов;
Сладки капли рос медвяных,
Злак шелковый, жемчуги в зерне.
Что же видно в стороне?
Столб белеет на степи широкой,
Будто сторож одинокой,
Камень! он без надписи стоит:
Темная под ним могила,
Сирый им зашельца прах покрыт.
И его любовь манила;
Чаял: «Тут весельем разольюсь,
Дни навеки удолжатся!»
Грешный позабыл святую Русь...
Дни темнеют, вновь зарятся;
Но ему лучом не позлатятся
Из-за утренних паров
Божьи церкви, град родимый, отчий дом!
Буйно пожил век, а ныне —
Мир ему! один лежит в пустыне,
И никто не поискал,
Не нарезал имени, прозванья
На отломке диких скал;
Не творят молитвы, поминанья;
Персть забвенью предана;
У одра больного пожилая
Не корпела мать родная,
Не рыдала молода жена...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Материалы к «Горю от ума»

ХАРАКТЕР МОЕГО ДЯДИ

Вот характер, который почти исчез в наше время, но двадцать лет тому назад был господствующим, характер моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне рыцарство в нравах, а в сердцах отсутствие всякого чувства. Тогда уже многие дуэлировались, но всякий пылал непреодолимою страстью обманывать женщин в любви, мужчин в карты или иначе; по службе начальник уловлял подчиненного в разные подлости обещаниями, которых не мог исполнить, покровительством, не основанным ни на какой истине; но зато как и платили их светлостям мелкие чиновники, верные рабы-спутники до первого затмения! Объяснимся круглее: у всякого была в душе бесчестность и лживость на языке. Кажется, нынче этого нет, а может быть, и есть; но дядя мой принадлежит к той эпохе. Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями. Образец его нравоучений: «Я, брат!..»

⟨*1824*⟩

⟨ПО ПОВОДУ «ГОРЯ ОТ УМА»⟩

Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я при-

нужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишет для сцены: Расин и Шекспир подвергались той же участи,— так мне ли роптать? — В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком,— но его поняли, всё уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной — дар, искусство; с другой — восприимчивость, внимание. Но как же требовать его от толпы народа, более занятого собственною личностью, нежели автором и его произведением? Притом, сколько привычек и условий, нимало не связанных с эстетическою частью творения,— однако надобно с ними сообразоваться. Суетное желание рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка после каждых трех-четырех сот стихов; необходимость побегать по коридорам, душу отвести в поучительных разговорах о дожде и снеге,— и все движутся, входят и выходят и встают и садятся. Все таковы, и я сам таков, и вот что называется публикой! Есть род познания (которым многие кичатся) — искусство угождать ей, то есть делать глупости.

1824 или 1825

⟨ОТВЕТ КАТЕНИНУ ПО ПОВОДУ «ГОРЯ ОТ УМА»⟩

Умнейший, любезнейший Павел Александрович. Вчера я получил твое письмо, и знаешь ли, какое оно действие произвело на меня? Я заперся на целый день и у огонька моей печки полсутки пожил с тобою, почтенный друг. Прежние года с такою полнотою оживились в моей памяти! Давно я не проводил времени так уединенно и между тем так приятно!.. Критика твоя, хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мне истинное удовольствие тоном чистосердечия, которого я напрасно буду требовать от других людей; не уважая ⟨ни⟩ искренности их, негодуя на притворство, черт ли мне в их мнении? — Ты находишь главную погрешность в плане,— мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнении; девушка сама не глупая пред-

почитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас, грешных, был слишком обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека), и этот человек разумеется в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих, сначала он весел и это порок: «Шутить и век шутить, как вас на это станет!» Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты! Его насмешки неязвительны, покуда его не взбесить, но все-таки: «Не человек! змея!» А после, когда вмешивается личность «наших затронули», предается анафеме: «Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!» Не терпит подлости: «Ах! Боже мой, он карбонарий». Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший, никто не поверил, и все повторяют, голос общего недоброхотства и до него доходит, притом и нелюбовь к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, ему совершенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков. Ферзь тоже разочарована насчет своего сахара медовича. Что же может быть полнее этого? «Сцены связаны произвольно». Так же как в натуре всяких событий, мелких и важных, чем внезапнее, тем более завлекают в любопытство. Пишу для подобных себе, а я, когда по первой сцене угадываю десятую, раззеваюсь и вон бегу из театра. «Характеры портретны». Да! и я, коли не имею таланта Мольера, то, по крайней мере, чистосердечнее его, портреты и только портреты входят в состав Комедии и Трагедии, в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика; ты волен просветить меня, и, коли лучше что выдумаешь, я позаймусь от тебя с благодарностию. Вообще я ни перед кем не таился и сколько раз повторяю (свидетельствуюсь Жандром, Шаховск⟨им⟩, Гречем, Булгариным etc. etc. etc.), что тебе обязан зрелостию, объемом и даже оригинальностию моего дарования, если оно есть во мне. Одно прибавлю о характерах Мольера: Мещанин во дворянстве, Мнимый больной — портреты, и превосходные, Скупец: антропос собственной фабрики, и несносен.

«Дарования более, нежели искусства». Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли ее?

Искусство в том только и состоит, чтобы подделываться под дарование, а в ком более вытверженного, приобретенного пóтом и сидением, искусства угождать теоретикам: т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы, тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем спорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? nugae difficiles.[1] Я как живу, так и пишу свободно и свободно.

Середина января 1825

---

[1] Трудные пустяки (лат.) — *Ред.*

Наброски и планы незавершенных драм

ЮНОСТЬ ВЕЩЕГО

〈*План пролога*〉

Океан, пустынный остров. Любопытство юноши.
Скорбь отца. Вновь отъезд.
Нелюбовь.
Соловцы. Неведомый муж, богомолец. Весть о вечерних странах.
Возвращение домой. Побег. Тот же таинственный спутник.

1823

〈1812 ГОД〉

〈*План драмы*〉

ОТДЕЛЕНИЕ 1

Красная площадь

История начала войны, взятия Смоленска, народные черты, приезд государя, обоз раненых, рассказ о битве Бородинской. М * с первого стиха до последнего на сцене. Очертание его характера.

Собор Архангельский

Трубный глас архангела; на его призыв возникают тени давно усопших исполинов — Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра и проч., из разных стихий сложенные и с познанием всего, от начала века до днесь, как будто во всех делах после их смерти были участниками, но вместе с тем исчезла у них память о том, что было с ними за пределами сей жизни, и где были, и откудова ныне вновь

призваны к бытию. Пророчествуют о године искупления для России, если не для современников, то сии, повествуя сынам, возбудят в них огнь неугасимый, рвение к славе и свободе отечества. Хор бесплотных провожает их и живописным строем представляет их отшествие из храма; своды расступаются, герои поднимаются выспрь и исчезают.

Терем царей в Кремле

Наполеон с сподвижниками. Картина взятия Москвы. Н⟨аполеон⟩ один. Высокие воспоминания. Открывает окно, лунная ночь. Видение — или нет, как случится. Размышление о юном, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов. Сам себе преданный,— что́ бы он мог произвести?

ОТДЕЛЕНИЕ 2

Галерея в доме Познякова

Входит офицер R. из приближенных к Наполеону (см. сц⟨ена⟩ 3-я, 1-го отд⟨еления⟩), исполненный жизни, славы и блестящих надежд. Один поседелый воин с горьким предчувствием опытности остерегает насчет будущих бедствий. Ему не верят. Хохот. Из театра несутся звуки плеска и отголоски веселых песен. Между тем зарево обнимает повременно окна галереи; более и более устрашающий ветер. Об опустошениях огня.

Улицы, пылающие дома. Ночь. Сцены зверского распутства, святотатства и всех пороков.— R * и M * в разных случаях.

Село под Москвой

Сельская картина. Является M *. Всеобщее ополчение без дворян. (Трусость служителей правительства — выставлена или нет, как случится).

ОТДЕЛЕНИЕ 3

Зимние сцены преследования неприятеля и ужасных смертей. Истязание R * и поседелого воина. Сей юноша показывает пример, и оба умирают героями. Подвиги M *. Множество других сцен.

ЭПИЛОГ

Вильна

Отличия, искательства; вся поэзия великих подвигов исчезает. М * в пренебрежении у военачальников. Отпускается восвояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию.

Село или развалины Москвы

Прежние мерзости. М * возвращается под палку господина, который хочет ему сбрить бороду. Отчаяние,............... самоубийство.

РОДАМИСТ И ЗЕНОБИЯ

⟨*План трагедии*⟩

АКТ I

Дебрь, лай, звук рогов, гром бубень. Несколько охотников, потом Родамист и за ним приближенный оруженосец Семпад, которому он доверяет беспокойство души, алчущей великих дел и ныне принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и серн. Ему ненавистны и Фарасман, и римляне, и парфы, но он сперва ополчится на сих, а Рим страшен царю, едва твердому на собственном престоле. Велит пригласить к себе посланца от римских восточных легионов, который тут же тешится охотою. Семпад идет, Родамист раскаивается, что был с ним слишком чистосердечен.

Является Касперий. Переговоры, хвастовство с обеих сторон. Римлянин кичится свободою и славою отечества. Родамист дает ему чувствовать, что то и другое живо только в памяти, по преданиям. Рим рабствует, и сила его оружия давно уже не испытана, власть царя восточного народа вернее и чистосердечнее,— велит, и любой из дружины его пожертвует ему жизнию. Касперий не удивляется, упоминает о Деции и о многих других опытах самопожертвования, но для благороднейшей цели.— Родамист велит удалиться прочим, а Семпаду готовиться к бою с тигром. Наедине с Касперием пытается подкупить его притворною приязнью, корыстию, честолюбием. Касперий непоколебим. Родамист отпускает его прежде себя на зрелище. Сам остается один и рассуждает: к чему такой

человек, как Касперий, в самовластной империи,— опасен правительству и сам себе бремя, ибо иного века гражданин.— Коня! Коня! отправляется за Касперием на ту же травлю.

2-я сцена в царском теремном саду. По-восточному прямолинейная аллея чанаров, миндальных деревьев, которые все примыкают к большой пурпурной ставке. Около нее главные чины в раболепном ожидании властителя — Ярванд, Мирван, Бахрат, Аспрух, Армасил и проч.

Аспрух сидящий, все около него стоят. Он грузинин, албанского происхождения, взят в плен Фарасманом, им вскормлен, дрался против соотечественников и тем гордится. Арфаксат первый по Родамисте, все перед ним преклоняются; он кичится тем, что знает только царево слово, которое ему вместо совести и славы. Толки о близком возвращении царя с охоты, об отправлении римского посла и о том, чтобы никто из жителей не имел сообщения с чужеземцами — парфы они или римляне. Все соглашаются на всё, что он ни говорит, потом он уходит. Долго никто не смеет сказать своего мнения, наконец Армасил, славный воин, воспитанный в Риме, где он был при Митридате, во время его заточения, прерывает молчание и своею откровенностию и убеждением невольно исторгает у каждого одно желание: смерть утеснителя. В Бахрате, Ярванде и Мирване видны мелкие страсти. Жалобы, что все главнейшие места воинские и все поборы поручены грузинам, иноземцам. Один жалуется, что уже не он орлоносец, которого важное преимущество, но наследственное, по закону Вагаршана, о котором все вспоминают с энтузиазмом, как и с преувеличенною ненавистию к нынешнему царю,— при венчании царя на него возлагать корону; другой, что евнуху поручена царская сокровищница, которой он по наследству был хранителем; третий, что Аспрух первый в доверенности царя, когда по роду и богатству ему принадлежит сей сан. Иные даже попрекают царю, что он воздержан с женщинами, почти не имеет наложниц и в пиршествах мало участвует, что он более похож на простолюдина, нежели на царя. Армасил упрекает их в малодушии. Вбегает Ассюд, его остерегаются. Он объявляет о насильственной смерти брата, о мщении, которым пылает за сие злодейство против Родамиста. Армасил недоверчив.— «Отчего же ты равнодушием его отбиваешь от нашего сообщества?» — «Он вскормлен в царедворцах,

вчера еще дышал милостию царевой, ныне мгновенно возбужден против него одним внезапным случаем,— но кто поручится: завтра не обратится ли опять слабодушием в ревностного ласкателя?» — «Мне ли, юноше, быть опытнее вас, старцев? Но помните: не во множестве сила, когда дело правое, но в испытанном, надежном, несомненном мужестве участников». Является юродивый, пророчит. Он нищий скиталец, просит милостыню, или соглядатай царев? Притворно ли проповедует или точно безумный? Но многие, в том числе Бахрат, его знают. Все в него веруют, он давно уже стяжал славу святости; пещера его в утесе, на берегу Аракса.— Здесь он тайными словами из Зендавесты прорицает успех заговорщикам. Сперва тоже нем, не отваживается говорить. Армасил: «Я знаю, отчего он немствует,— сей юноша, бывший ласкатель царев, ему заграждает уста». Армасил убеждает ему верить, и он религиею истинного армянина еще более их воспламеняет к скорейшему взрыву, назначает им ночное, решительное сходбище в склепе царей армянских. Заговорщики назначают ночь к тайному сходбищу в капище за южными вратами города. Потом пустынник исчезает. Ассюд удаляется с растерзанным сердцем, что никто не принимает участия в его скорби. Он армянин, но армяне к нему холоднее иверов.— «Я дебри оглашу моими справедливыми проклятьями за жестокость царя к несчастному брату».— Целый полк прислужников, за ними Родамист. Аспрух всех раболепнее.— Противуположность Аспруховой спеси с низшими и унижения перед властителем.— Родамист иных дарит дичью с охоты, кому благоволение, кому грозный суд.— Армасилу попрек, что не был на охоте. Говорит об отъезде римлянина, с которым он заключил союз, и о мире с парфами. Ждет от отца подкрепления. Все под его державою благоденствуют. «Тот день потерян, в который я не награждаю доблесть и не наказываю строптивых. Идите, покойтесь в мирных семейственных упражнениях, но не дремлет царево око. Врагов я имею и благодарю за них небо: они поощряют меня на безленостную бодрость, неусыпные труды и на славные подвиги».

АКТ II

Женский терем

Зенобия, Перизада и прочие прислужницы. Зенобия — дочь убиенного Родамистом Митридата, его дяди, но выданная замуж еще прежде смерти отца, гаремное существо, рожденное и воспитанное для чувственного наслаждения супруга, и потому Перизада напрасно хочет возбудить в ней ненависть, желание мести — страсти, ее невинному сердцу вовсе чуждые. Перизада ей напоминает о удавлении отца и кто его убийца, Зенобия едва этому верит. Отца она мало видала, почти не знала, муж ближе к ее сердцу, и ее долг его любить, угождать ему во всем и трепетать его гнева. Что приобретет она бесплодною местию? Успех невероятен, способы к тому превыше женских ее сил. Но если бы и удалось — какое от того счастие? Перизада трогает ее совесть гневом небесным. [1] Зенобия впадает в грусть, Перизада предлагает ей ворожбу для развлечения и святого пустынножителя, который давно управляет ее собственным суеверием. Его вводят сенные девушки потаенно. Он еще более подкрепляет слова Перизады. Наконец Зенобия совершенно расстроена его таинственными прорицаниями. Он с нее берет слово, что она ночью, в сопровождении Перизады, придет в капище вне города, где склеп царей армянских, и мертвых зовет во свидетели, что там откроет ей тайну, от которой зависит будущее безмятежное течение ее жизни. Зенобия говорит ему, что Родамист всеми любим и злодеям страшен; кто покусится восстать против него? Юродивый пустынник уверяет ее в противном.

Евнух возвещает приход Родамиста. Пустынник скрыт толпою женщин. Сцена Родамиста с Зенобиею наедине: она печальна; воспоминания, которыми ей сейчас возмутили душу, препятствуют ей предаться иному чувству. Родамист недоволен ею, подозревает в ней притворство, нелюбовь. Ни в ком не уверенный, окруженный трепещущими рабами, скрытыми предателями и открытыми корыстолюбцами... неужели в лоне супружеской любви нет ему успокоения!! Оставляет ее расстроенную, и сам в волнении.

---

[1] Это должно быть отнесено в 1 действие между 1-й и 2-й сценой.

Бахрат входит с Ассюдом, который уже включен совершенно в тайное умышление против Родамиста. Армасил скорбит при самом Ассюде о сей неосторожности. Ассюд горит нетерпением отомстить царю, Армасил об одном его просит — о совершенном бездействии и о скромном сохранении тайны. Ассюд обещает более: он на себя берет убить царя. Армасил всем в свете заклинает его не предаваться сему нетерпению, что он прочих тем губит, не совершив ничего; наконец говорит, что их дело слишком зрело, еще несколько мгновений, и кто поручится, что они не будут преданы,— участников слишком много, в которых он не уверен, и потому надобна решимость; последнее слово — сходбище ночью и потом за оружие. (NB. Характер Армасила самый основательный: он не скор, но тверд в поступках и более молчалив; опасность его не пугает, но неосторожности не простит себе. В 3-м действии совершенное развитие его характера, которому Ассюд во всем противоположен.) Некоторые из заговорщиков присоединяются к сей беседе. Вообще надобно заметить, что народ не имеет участия в их деле — он будто не существует. В 3-м уже действии возмущение делается народным, но совсем не по тем причинам, которыми движимы вельможи: восстав сама собою, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похищениями у граждан жен и имуществ восстановляет их против себя.

———

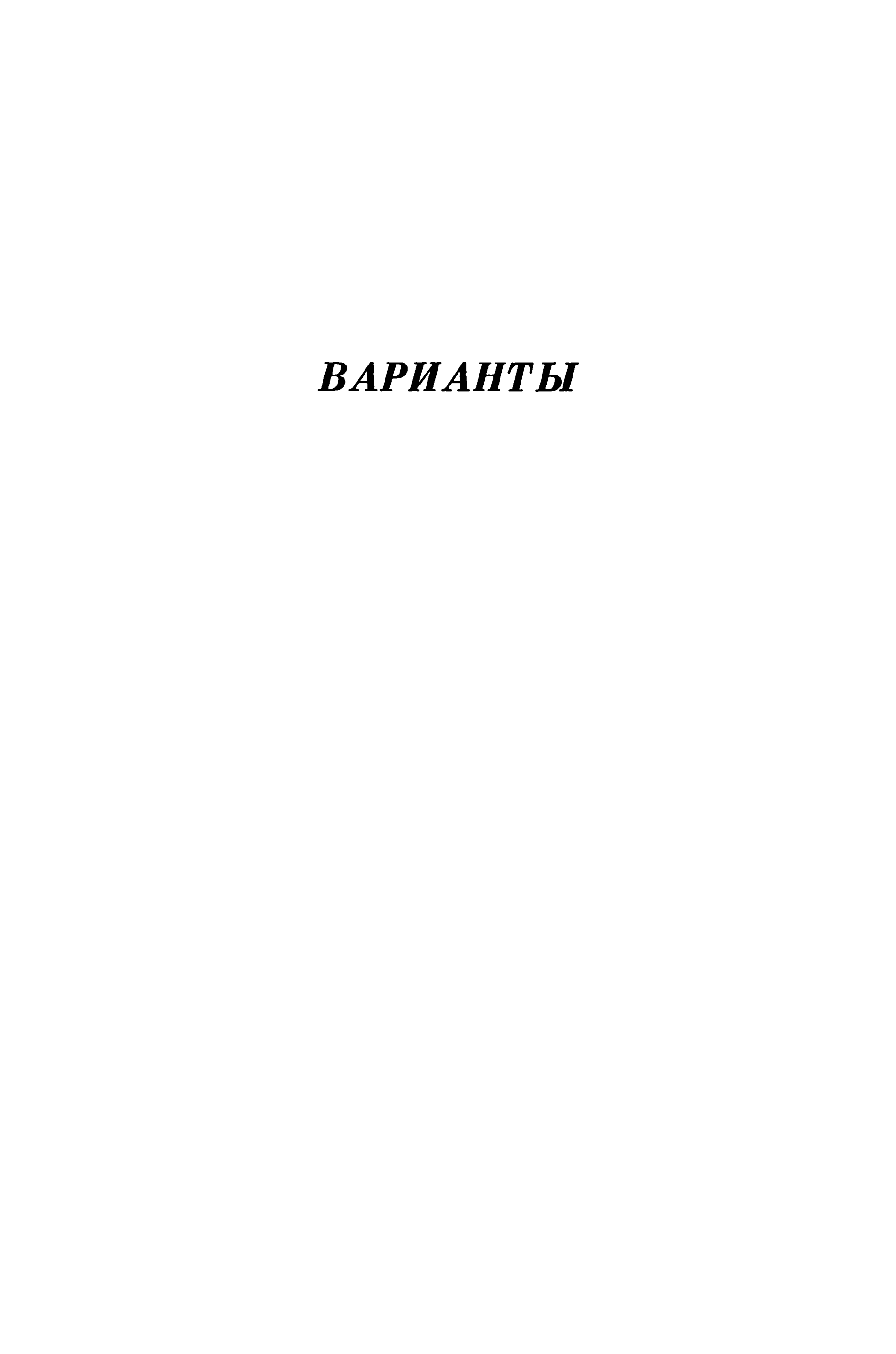
Аспрух велит через евнуха, чтобы все удалились; ему повинуются. Входит Родамист, несколько слов с Аспрухом о порядке дружины. Аспрух доносит о содружестве между собою многих сомнительных царедворцев, Ярванда, Бахрата и проч. Родамист презирает слишком людей, чтобы от них бояться чего-нибудь важного. Он желает какого-нибудь важного происшествия, чтобы в полной мере предаться своей деятельности, измерить себя, людей и силу обстоятельств, насколько он их превысить может,— враги нужны великому человеку. Но скрытно и прилежно велит за ними наблюдать, при первом двусмысленном движении донести ему вновь; если требуется спеха — схватить их без доклада ему и ввергнуть в оковы; если опасность неминуема — без исследования предать смерти. Отпускает Аспруха с евнухом; несколько слов о Зенобии, о гареме; евнуху поручает насчет женщин, как Аспруху о вельможах. Родамист один. Смутное предчувствие, недоволен своим положением.

———

Но кто этот, бродит округ ставки, в часы царского отдохновения, когда никто сюда не смеет приближаться? Боязлив, озирается... Родамист готовится к обороне, но делает вид, будто не замечает скрытного врага. Ассюд сперва медленно подступает, потом устремляется на царя, обезоружен им и ранен в руку.

В 2-м ⟨акте⟩ Ассюд хочет заколоть Родамиста, тот удерживает его, притворное соучастие, выманивает у него тайну, потом свирепствует. В 3-м ⟨акте⟩ заговорщики ссорятся о будущей власти, в эту минуту устремляется на них Родамист.

Между 1826 и 1828

ВАРИАНТЫ

Варианты сгруппированы по источникам текста и приводятся согласно их хронологическому порядку. Под нумерацией строк указывается источник варианта. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта.

Горе от ума

Музейный автограф[1]

загл. Горе ум[у]

АКТ 1-й

⟨СЦЕНА 1-ая⟩

перед 1 Гостинная [комната] ⟨...⟩ от[к]удова ⟨...⟩

Л и з [ы] н ь к а

2 [Жизнь, жизнь!] вчера просилась спать: — отказ.

4 [Крауль] покудова покатишься со стула.

19 [Хоть] ставни [бы на ум пришло] отнять.

после 21 ⟨...⟩ *передвигает* [*часовую*] *стрелку* ⟨...⟩

СЦЕНА 4-ая

172 [И будто смерть] нам грустно, горько стало.

174 И тут [еще] к приумноженью скуки

180 [И] будто бы середь тюрьмы,

[1] Нумерация стихов соответствует тексту МА. Текст, зачеркнутый автором, заключается в квадратные скобки. Отсутствие текста, заменившего зачеркнутый, означает, что он соответствует окончательному варианту, приведенному в основном корпусе. Отступы в разностопных стихах в этом разделе не соблюдаются. Если стих разбит на отдельные реплики разных действующих лиц или разделен ремаркой, то приводится только та часть его, в которой имеются изменения.

185 [Он] небогат, и вам не угодит.

212 Усердье к [тяжебным] делам!

220 Идем [, сударь] бумаги разбирать.

после 229 ⟨...⟩ *в дверях пропускает его* [*прежде себя*])

СЦЕНА 5-ая

230—232 Ушли они. [Ах! всю меня коробит!]
В глазах темно и замерла душа,
[История вам ваша не пособит.]

236 Да как теперь [суметь]

вм. 240 Ты можешь посудить...

[Лиза

Охти-с, не по рассказам:

Изволит Вас[2] он[1] запереть со мной,
Молчалина же разом
С двора долой.

София

Меня к монастырю скорее заохотят,
Ах нет! куда его, и я за ним же вслед.

Лиза

А ежели-с поймают, да воротят.

София

Да полно, Лизынька. Какой несносный бред!
Знать мне не от тебя дождаться утешенья.]

312 [Хотела] я, чтоб этот смех дурацкий

СЦЕНА 7-ая

315 [Так рано] на ногах! и я у ваших ног.

330 Однако [ж] искренно, кто ж радуется эдок,

353 [Я] в темном уголке, и кажется, что в этом

368 Гоненье на Москву. [Знаком вам прочий свет.]

375—376 Кто он таков?
[Распорядитель] всех столов

382 А [толстый жизни друг? для нас бывало] клад;

383—384 1) Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
2) На лбу написано: Театр и Маскарад,

390 А тот чахоточный [знак⟨омый⟩], книгам враг,

395—396 Жить с ними надоест, и в ком не [сыщешь] пятен?
Когда ж постранствуем, воротимся домой,

вм. 402—415 [С ней доктор Фациус? Он вам не рассказал?
Его прилипчивой болезнью я пугал,
Что будто бы Смоленск опустошает,
Мы в Вязьме съехались, вот он и рассуждает:
Хотелось бы в Бреслау, да вряд ли попадет,
Когда на полпути умрет,
Сюда назад давай бог ноги.

София

Смеялись мы, хоть мнимую чуму
Другой дорогою объехать бы ему.

Чадский

Как будто есть у немца две дороги!]

406 Числом побол[ьше бы], ценою подешевле?

409 [В них] каждого признать велят

417 Он не жен[ился ли?]

между 417 *и* 418 Ча [дс] кий[1]

422—425 [А Гильоме куда глаза не кинь,
На наших дам, госпож княгинь.
Под пару все ему подделаться успели,
Мадам достойнейших питомицы, мамзели.]

454 И всё я вас без памяти люблю.

СЦЕНА 9-ая

484 Где был? Скитался с[к]олько лет?

АКТ II

СЦЕНА 1-ая

19 Но хочет кто пути [свои] исправить,

25 Скончался: все о нем [с] прискорб[ьем] поминают,

СЦЕНА 3-я

между 156—157 (*Оборачива*[*ясь*])

[1] Здесь и далее *Чадский* исправляется на *Чацкий*, но не вполне последовательно.

СЦЕНА 4-ая

182 *а* [А дочь его? Как здесь бы ей не быть?]

б А Софья? [давиче была она] здорова,

184 ⟨*вписан позднее*⟩

188 Кто на [два] года вдаль уедет.

СЦЕНА 5-ая

199 [Где ни на есть, лишь] бы усесться.

204 И то уж научил [тро]юродный ваш брат,

217 Однако братец ваш мне [тоже] говорил,

221 ⟨*вписан позднее*⟩

222 Имеет [он] в петличке орденок?

225 [Прекрасный] человек, и посмотреть так хват,

227—230 Но крепко заражен [он нынешним] столетьем,
Представьте по [полку] был третьим
[Вдруг] вышел [вон] и книги стал читать.

Ф м с в

[Что значит молодость терять,]

234—235 ⟨*вписаны позднее*⟩

237 [Их девять] у меня, да естли б было десять,

257 Огромного размера.

269 *а* [Теперь] возьмите вы хлеб-соль:
б Да это ли [еще?] возьмите вы хлеб-соль:

274 Для нас [равны], про всех готов обед.

276 На моск[вичах] особый отпечаток.

299 *а* Ирина Власьевна! Лукерья [Апраксевна]!
б Ирина Власьевна! [Татьяна] Алексевна!

300 Настасья [Дмитревна]! Пульхерия Андревна!

305 И можно ли воспитаннее быть!

317 Способствовал [ей много] к украшенью.

вм. 320 Чдск *(не обращаясь ни к кому)*

а [Не послужило впрок]
б [Да был нам черный год, и приходилось туго,
Не послужило впрок.]

[Фмсв

вм. 321—384 Позвольте-с ... Чадского мне друга
Андрея Ильича покойного сынок,

а [Он в путешествиях покуда вкус находит]
б [На месте не сидит, всё по миру он бродит,
И славно пишет, переводит.]

Чдск

а [Вы правы, что] в Москве всему своя печать.
б [Как истинно в Москве всему своя печать.
Есть добродетели, которые хоть стары,
А продолжают вековать,
Преодолев и моды, и пожары.
Чтоб не трудить себе ума,
Мы скажемте: всё нынче, как бывало,
И прежде были те ж открытые дома,
Входило всё, что ни попало
Есть, пить и предавать на суд
Столов убранство, роскошь блюд,
А путешественник не раз середь обеда,
Тишком разгадывал на лбу
Иного земляка-соседа,
Что был привинчен он к позорному столбу.

а И прежде им плелись победные венки,
Патрициев дворянские сынки,
б Вам нравится в сынках отцовское наследство
И прежде им плелись победные венки
Людьми считались с малолетства
Патрициев дворянские сынки,
В заслуги ставили им души родовые,
Любили их, ласкали их,
И причитались к ним в родные.
Коли теперь соборы всех седых
Бранят чего не разумеют,
А редко путное затеют
Всегда готовые к журьбе:
Певали прежде песню ту же,
Не замечая об себе;
Что старее, то хуже.
Теперь гром сабель, шпор, султан,

а [Военная броня,] красавицам прельщенье,
[И камер-юнкерский узорчатый кафтан]
б И камер-юнкерский кафтан
Узорчатый красавицам прельщенье,

Не то ли ж было искушенье]

382 [Ах] сам к нему давно ль [я] нежности отрекся?!

389 [Терпеть нет мочи, как в бреду.]

СЦЕНА 7-ая

411 [Знать] затянул [поводья. Плох] ездок.

СЦЕНА 8-ая

413 Помочь ей [как]? Скажи скорее.

между 414 и 415 ⟨...⟩ [*покуда*] *Софья очнется)*

между 442 и 443 (*София в* [*окно*] *высовывается*)

447 Желал бы с ним убиться для компаньи.

СЦЕНА 9-ая

вм. 451—452 И впрочем всё фа[льшив]ая тревога.

Молчалин [(*Софии*)]

Простите, ради бога,

а [Что я] причиной был [вам] я стольких беспокойств.

б [Причиной был я стольких беспокойств]

[Лиза (*на ухо Софье*)

Не бросьтесь вы к нему на шею.

София (*по некотором молчании обращается к Скалазубу*)

Стыжусь моих трусливых свойств
Преодолеть их не умею—]

между 456 и 457 София [(*к нему же*)]

вм. 459—466 [С ним говорит, а с тем] ни слова!

София [(*к Скалаз⟨убу⟩*)]

[Вам странность об себе скажу,
По дням и по часам, по прихоти я словно,
То с страхом вижу всё, то слишком хладнокровно.
Сама не берегусь верьхом,
Скачу, лечу, мой конь с огнем
Раз в сторону ударился с разбегу,

Долой я под гору, по снегу,
Не охнула, привстала и опять
На нем отважилась скакать.
В другой же раз во мне души нет,
Кого-нибудь как лошадь скинет,
И не случится ничего,
Готова я бежать из дому.]

482 [Эндимион сг]убил, а я от смерти спас,

СЦЕНА 10-ая

485 *а* [Мы станем] танцовать под фортопияно.
б [И станем] танцовать под фортопияно.

486 *а* [Великий пост], так балу дать нельзя.
б [Дом невелик], так балу дать нельзя.

вм. 487 Явлюсь, [а между тем забыл я в эту смуту,
Что к батюшке зайти был должен на минуту.]

СЦЕНА 11-ая

вм. 489 [Ушли. Ах! скучные, лепечут, как сороки.]
Молчалин, [вы ко мне жестоки!]

491 Зачем играть [ей] так неосторожно?

494 Пошлемте к доктору, пренебрегать не [мож]но.

вм. 498 А [вот] не вздор, что ва[с лукавый помутил,
Был здесь полковник, Чадский был,
Не побоялись вы огласки]

499—502 ⟨*отсутствовали, вписаны на левом поле*⟩

503 [Ни на кого я не гляжу,]

507 Не смела[2] я при них[1] дохнуть,

между 508 и 509 [И что же наконец в моей любви худова?
Кому я неверна? кому давала слово?

Лиза

И в нашем говорят быту,
Одна вина, сто оправданий,
Мою простите-с простоту,
Да только бы без дальних разбираний
На смех не поднял Чадский вас,
А Скалазуб как ус закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас,
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!
Дойдет до батюшки, который вдруг в жару......
Припомните, что было поутру.

София

Уж разувериться теперь их не принудим,
Да что за дело нам, что Чадский говорит?
Смешно? пусть шутит он, досадно? — пусть бранит
А мы мой друг смотреть на них не будем.]

509—516 *⟨вписаны позднее⟩*

520 Когда нам скажут [то], что [именно] хотим,

522 Таков и Чадский, [кобы] с ним

вм. 524—527 Невинных [шуток], милых слов...
[Подайте вы влюбленному] надежду,
[Топиться он за вас готов.]

[София

Не стану лгать, не уважаю света.

Молчалин

Чтоб дорого не заплатить за это.]

529 *⟨вписано позднее⟩*

АКТ III

СЦЕНА 1-ая

68 Потом [подумайте]

70 По-прежнему пущусь [слоняться в свет]

72 Теряться [в новизнах], забыться и развлечься,

105 Ничуть от [стариков] не ступит за порог.

117 Мораль[2] и Сатира[1] [?] смысл этого всего?

СЦЕНА 3-я

165 С тех пор как [занят] по Архивам

СЦЕНА 10-ая

390 [Да]

СЦЕНА 13-ая

429 Кобы всегда так[о]й услужник знаменитый

СЦЕНА 20-ая

490 Хоть может видели, здесь полицмейстер был?

492 Е-чай, ему наденут лямку, ранец,

СЦЕНА 21-ая

522 Наталья [Дмитревна], ведра́ми, да-с, ведра́ми.

АКТ IV

перед 1 ⟨...⟩ из второго [этажа], ⟨...⟩ из [верхних] антресолей ⟨...⟩

СЦЕНА 1-ая

5—6 Поедем, матушка, мне право не под силу,
Когда-нибудь я с бала да в могилу.

СЦЕНА 2-ая

перед 7 (⟨...⟩ другий у [кры⟨льца⟩] кричит:)

14 Тебе [в] угодно⟨сть⟩, с рожей постной,

17 [Педанствуешь и корчишь] старика.

СЦЕНА 4-ая

между 78 и 79 [Я это заслужил,]

92 Зато спроси где был? [чем нынче занимаюсь?]

Ч а ц к ⟨и й⟩

вм. 93—94 [Неужли книгами?

Р е п е т и л о в

Да, накупил сот шесть
Вчера еще, ты можешь их прочесть,
Я сам что раз прочту, то повторяю с жаром,
Сто раз везде и всем, поверь
Минуты не теряю даром.
Вот отгадай, откуда я теперь?

Ч а ц к ⟨и й⟩

Из Клуба может статься.

Р е п е т и л о в

Из Английского? Да, а что я там творил?

Ч а ц к ⟨и й⟩

Играл, и ел, и пил.

Р е п е т и л о в

Ты умный человек, а сроден ошибаться:
Играл, по маленькой играл,
Пил, жажду запивал,
Съел, три куска чего-та,
Я знаю у тебя, всё на счету я мота,

[Повесы] Обжоры, игрока, повесы... виноват,
С друзьями в воду рад,
Зато грехи свои всем выскажу свободно
Кому угодно.
Сюда, однако же, был должен опоздать
[Не от игры, мой друг,] сейчас из заседанья,]

между 115 и 116 [Дай случай мне, хоть с маленьким умом
Между умнейшими быть так сказать узлом...]

132 Другий В[а]ркулов Евдоким,

между 163 и 164 [Не годен ни на что, безграмотный, шальной,
И вовсе притупел с детьми, братец, с женой,]

СЦЕНА 5-ая

184 У князь-Григория [все собраны теперь]

215 Боялся, [черт] его возьми, да легче ль мне?

СЦЕНА 7-ая

248 Кто с[у]мневается?

259 Катишь или Зизи, мы [едем] в шестиместной.

СЦЕНА 10-ая

298 Глупец [подхватит], передаст,

между 320 и 321 ⟨...⟩ *показывается из* [*дверей*] ⟨...⟩

СЦЕНА 11-ая

между 338—339 ⟨*ремарка отсутствовала, вписана позднее*⟩

СЦЕНА 13-ая

376 Подкрасться [чтоб] потом конечно обесславить.

СЦЕНА 14-ая

393 Побойся бога [чем]? чем он тебя прельстил?

408 Вы все закуплены, [продать] меня готовы.

412 Да я тебя [исправлю].

413 [На скотный]

419 Там будешь горе[в] ⟨ать,⟩

422 Со мной[2], с моей[1] семьей не быть знакомым,

433 Которым красотой едва дано [процвесть],

437 Вы свыше этого [, для] вас такий, чтоб был

СЦЕНА 15-ая

470 [Судьба моя еще ли не плачевна.]

ОТРЫВКИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ[1]

АКТ I, сцены 2-ая, 3-я, 4-ая

СЦЕНА ⟨2-ая⟩

перед 21 Лиза, Ф⟨амусов⟩

23—24 *а* [Мне отзываетс⟨я⟩]
То флейт[ою], то
б Не мог придума⟨ть я, что это за беда!⟩
То флейта слыш⟨ится⟩, то ⟨будто фортопияно.⟩

25 *а* [Ужли] то Софья мо
б [Неужто] Софь[я мо]
в Для Софьи сл⟨ишком было б рано??⟩

27 *а* [Играй себе, играй]
б Вот то-то невзначай

вм. 28 *а* [Резвушка, пухл⟨ая⟩]
б [Всё] верно с умыслом
в Так верно с умыслом

Лиза

[Да в двух шагах]
[Во всякий час, везде]

⟨Фамусов⟩

[Молчи! Дочь спит?]

Лиза

Сей[2]

Фмсв

Сейчас! А ночь?

Лиза

⟨Ночь⟩ целую читала[3]
[е вы ее]

---

[1] Приводятся только строки с текстом, не совпадающим с окончательным слоем рукописи.

[2] Перед этим стихом стоит условный знак вставки, по-видимому, начало переноса на следующую страницу.

[3] После этого стиха стоит условный знак вставки, по-видимому, конец переноса на следующую страницу.

⟨Ф а м у с о в⟩

[ы] часы заводишь
⟨на весь квартал⟩ Симфонию гремишь.

⟨Л и з а⟩ (*как можно громче*)

⟨*одна строка не сохранилась*⟩

⟨Ф а м у⟩ с о в (*зажимает ей рот*)

Помилуй как кричишь
С ума ты сходишь
[ъ, так кричишь]
а [*кою нежностью*[1] *треплет ее по щеке, жмет руку и прочее*]
б ([*теснится*] *к ней и заигрывает*)
в (*жмется к ней и заигрывает*)

вм. 35—51 *а* [войти]?
б ⟨Кому сюда⟩ прийти?
в [⟨п⟩остеле] и?[2]

Л и з ⟨а⟩

⟨*одна строка не сохранилась*⟩

Ф м ⟨с в⟩

Сейчас легла, а

Л ⟨и з а⟩

а [Сейчас легла]
б Боюсь, чтобы не вы⟨шло из того⟩

Ф ⟨а м у с о в⟩

а [Всю ночь не спа]
б Чего?

вм. 56—59

Л и ⟨з а⟩

[Ей богу-с, вам]

Г о л ⟨о с С о ф и и⟩

Эй, Лиза!

Ф м ⟨с в⟩

Тс! [когда]

а [Л и з а

(*с трепетом*]

⟨*видна часть начальной буквы несохранившейся строки*⟩

б [Л и з а

Ох! сердце как дышать]

---

[1] Стоит условный знак какой-то вставки.
[2] После этого стиха стоит условный знак, по-видимому, переноса с предыдущей страницы.

Лиза *одна*[1]

Ушел... Ах! от [господской власти]
У них [к бедам себя] на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех [несчастий]
И барский гнев, и барская любовь.

СЦЕНА 3-я

вм. 60—65 ⟨*виден конец несохранившейся строки*⟩

⟨Софи⟩я

е [Точно рассвело!]
⟨*туши*⟩*т свечу*
⟨ка⟩к быстры ночи!

⟨Лиза⟩

⟨со ст⟩ороны нет мочи!

66 *а* ⟨Ваш батюшка з⟩десь был, я обмерла
б ⟨Сюда ваш батюшка з⟩ашел, я обмерла

67 *а* лгала ему, лгала
б не помню что врала

72 *а* ⟨А в доме стук, хо⟩дня, пол моют, пыль [сметают]
б ⟨А в доме стук, хо⟩дня, [пол моют, пыль] [счищают,]
в ⟨А в доме стук, хо⟩дня, метут и убирают.

вм. 74 *а* [жалость. Страсть.]
б [хоть к людям жалость... Страсть.]
в ⟨Не наблюдайте,⟩ ваша власть.

СЦЕН⟨А 4-ая⟩

перед 78 София Павловн⟨а, Лиза, Молчалин, Фамусов⟩

81 *а* Так рано для
б Так рано поднялась ⟨! а?⟩ для ⟨какой заботы?⟩

вм. 83 [Ну? немы?]

Соф⟨ия⟩

а [Он батю⟨шка⟩ сей]
б Он только что теперь ⟨вошел⟩

вм. 86—97 [Да как вы вместе] [2]
Одна др[у]ожит другий

---

[1] Следующие полные четыре стиха написаны на левом поле поперек текста, по-видимому, взамен предыдущих двух стихов, после ремарки — знак вставки.

[2] В начале этого стиха стоит условный знак какой-то вставки.

а Гулял [он,] ты лежала бы в
б Гулял! Ты у себя лежала бы в

[А? как сошлись вы з⟨десь?⟩]

София

а Перевести [мне [й] дайте] д⟨ух⟩
б Перевести позвольте д⟨ух⟩
[голова]

106 а его? Чтоб был [в семье] обманат!
б его? Чтоб был тобой обманат!

107—108 ⟨В⟩от попрекать мне станут,
[кать] всегда журю

115 а ⟨Умна была, нра⟩в [кроткий, честных] правил
б ⟨Умна была, нра⟩в тихий, редких правил

116 а [ведь]
б [овлеет сделать] ей
в ⟨Одно не к чест⟩и служит ей:

118 а [Сманить себя [отсю⟨да] допустила⟩
б Сманить себя други⟨ми допустила⟩

124 а [Не уступлю в здор⟨овье⟩]
б Свободен, вдов, себе я ⟨господин⟩

вм. 126—150 [Ты плакала о чем]

Соф⟨ия⟩

[И смех и слезы[1]
Вы гневны на кого

Фмс⟨в⟩

Невинные! Нашл
Вы посетитель т

Софи⟨я⟩

Он ничего вам не]
а Уж я скорее разберу
б Уж это я скорее разберу
Как с вечеру вас к
Простите батю⟨шка⟩
Не попадайся вам,
Что ступим ша⟨г⟩

Фмсв

Какой тут шаг? ни
ти
го у кровати!

---

[1] Этот и следующие стихи были зачеркнуты слева направо одной косой чертой, которая видна только до ст. [Он ничего вам не].

⟨С о ф и я⟩

Великая напасть:
... случайно.

⟨Ф а м у с о в⟩

сть?
⟨*Не сохранились 2 строки*⟩
[это что ли тайно?]
[без головы]
[ась спросонок]
[нок...]

⟨С о ф и я⟩

[мели с Лизой вы]

⟨Ф а м у с о в⟩

ть мой голос может?

153 ⟨Ф м⟩ с в

⟨*не сохранилась 1 строка*⟩

⟨С о⟩ ф и я

⟨Вам⟩ъ рассказать?

⟨Ф а м у с о в⟩

Ну да.

Жандровский список [1]

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

4 Не спи, покудова [не снимут караула]

18 [Ни верить не хотят, ни слышать, ни видать.]

ЯВЛЕНИЕ 2

53 У девушек сон утренний [к]ак тонок,

ЯВЛЕНИЕ 3

70 Смотрите на часы, [повыгляньте] в окно:

ЯВЛЕНИЕ 4

85 Подальше [где-нибудь по]выбрать закоулок?

97 Я от испуг[у] дух перевожу едва,

---

[1] В данном разделе не приведены чтения ЖСп, исправленные в наст. изд. по другим источникам (см. примеч., с. 466).

149 Пожалуй, на меня [вину еще всю] сложит.

между 153 и 154 ([*Все*] *сад*[*я*]*тся*)

вм. 154—161 [В саду была: цветы бессчетно там пестрели;
Искала я, мне чудилось, траву,
Какую-то, не вспомню наяву,
В ирисах, в бархатцах, в левкоях и в синели,
Да где их всех назвать?
Из сил я выбилась и бросила искать,]

180 И черти, и любовь, и [флейты], и цветы,

ЯВЛЕНИЕ 5

232—233 Желал бы [он звезду на зяте,]
А при звездах не все богат[е,]

240—242 [Сам наряду со всеми дураками.]

Лиза

[Да-с, правду молвить между нами,]
Речист, а больно не хитер;

254 Что, сударь, плачете? [бог не оставит вас —]

293 Мне-с?.. ваша тетушка [на мысли набрела,]

ЯВЛЕНИЕ 7

350—351 [Как не смутиться мне? от вас нет оборон;
Обозреваете меня со всех сторон.]

425 А впрочем, [быть ему у нас в людях] известны[м],

430—432 Хоть не теперь, а в детстве может быть,
[Когда пора была безвреднейшим забавам?]

Чацкий

На что же так давно? Вот [доброты черта вам:]

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 2

86 Упал в друго[й раз]

ЯВЛЕНИЕ 3

156 А? бунт? [я] так и жду содома.

172—173 [Об этом он молчит со мной,
Мне тоже нет нужды большой]

ЯВЛЕНИЕ 5

208 *а* [А я так дорожу родством,]
б Нет я перед род[ством] где встретится, ползком;

209 Сыщу его на дне морском.

369 Заставил[и] Москву дивиться их красе!

386 [Ничтожность, шалости, пороки, пустоту]

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

15 *а* [Вот спросы пречудные.]
б Родные. [1]

46 Казался прах[и смех? дым, мелочь, суета.]

ЯВЛЕНИЕ 4

224 Наталья [Юрьевна], и с мужем, и к крыльцу [2]

ЯВЛЕНИЕ 6

292 Эх! братец! [кровь была не та, теперь застыла]

ЯВЛЕНИЕ 9

325 [Eh! Bon soir! comment vont les rubans les guirlandes?] [3]

326 *а* [Toujours le désespoir de ceux, qui Vous attendent?]
б Vous nous [laissez] toujours le plaisir de l'attente. [4]

ЯВЛЕНИЕ 10

392 [И] за уши его [знать, мало я дирала.]

ЯВЛЕНИЕ 12

409—410 Пойдемте, батюшка; [там ожидают вас
Мой брат и многие. Прошу покорно. Князь!]

---

[1] На полях перед этим словом приписка карандашом: *Есть многие...*

[2] Далее везде отчество *Юрьевна* исправляется на *Дмитревна.*

[3] А! Добрый вечер! как поживают ленты, гирлянды?

[4] *а* Вы всегда приводите в отчаяние всех, кто вас ожидает.
б Вы нам [оставляете] всегда удовольствие ожидания (фр.).— *Ред.*

Н. Дмитревна

~~Графиня Внучка~~

Знаю.

Я говорила съ нимъ.

Загорѣцкій

Такъ я васъ поздравлю:

Онъ сумасшедшій.

~~Нат. Дмитревна~~

~~Графиня Внучка~~

\+ Что

Загорѣцкій

Да онъ сошелъ съ ума;

~~Н. Дмитревна~~

~~Графиня Внучка~~

Представьте я замѣтила сама:

И хоть пари держать, со мной въ одно вы слово.

Явленіе 16.

Тѣ же Графиня Бабушка

Ахъ Боже мой! вотъ чудеса! вотъ ново!

Вы слышали здѣшнихъ сводъ?

Послушайте вотъ прелести! вотъ мило!

Графиня Бабушка

Мой другъ, мнѣ уши заложило:

ЯВЛЕНИЕ 22

вм. 584—585 [Ну словом отпустил воз целый многолетствий,
И в восхищении от нас,
От наших округленных фраз,
От наших гладеньких приветствий,]

585 Он рад, мы [больше] рады.

588 [Об южной] Франци[и.] Нет в мире лучше края,

595 Слепого,[3] рабского,[2] пустого[1] подражанья;

606—607 Хвост сзади, спереди какий-то выем[2] чудный,[1]
[Лишь только впору нам, чтоб кашель дать простудный;]

ДЕЙСТВИЕ IV

ЯВЛЕНИЕ 4

87 [От пустяков твоих в отчаянье прийти.]

114—115 Э! брось! кто нынче спит? [будь образец геройства,]
Решись!, а мы! у нас... решительн[ого свойства]

ЯВЛЕНИЕ 6

227 Всё врозь, не говоря [худого]

ЯВЛЕНИЕ 8

261 Амфиса Карповна! Ах! Чацкий! бедный! вот!

ЯВЛЕНИЕ 10

305 [Нет, нет, к говорячке я конечно подготовлен;]

ЯВЛЕНИЕ 12

между 378 и 379 [*валяется в ногах у нее*]

392 Вс[ё] батюшке, [в моей] досад[е]

394 Подите.— Стойте, будьте рад[е]

ЯВЛЕНИЕ 14

476 Что память вам [давно] постыла

478 Которые во мне [не охлад] ни даль не охладила,

483—484 Я тотчас бы [бежал, чтоб не при вас тужить],
И [сладко с миленьким могли бы вы прожить]

между 493—494 [Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!!
Но что? наказаны вы горем справедливым.]

494—495 А вы сударь отец, вы [жертвуйте к] чинам
[Собой и дочерью; желаю быть] счастлив[ы]м

508 Все гонят! все [вредят]! Мучителей толпа,

ОТРЫВОК «ПОСРЕДСТВУЮЩЕЙ РЕДАКЦИИ»

ДЕЙСТВИЕ IV, явление 14

Чацкий *(Софье)*

вм. 463—495
ЖР, по списку
П. А. Ефремова

Не образумлюсь... виноват,—
Не знаю как я невпопад,
Представил вас себе одной из хладнокровных
Искательниц фортун и женихов чиновных,
Которой красоте едва дано расцвесть,
Глубоко уж натвержено искусство
Не сердцем поискать, а взвесить и расчесть
И торговать собой в замужство.
Нет, нет! ошибся я, намечен был у вас
Любовник миленький, которого под час
Могли бы, несмотря, что в возрасте он зрелом,
Беречь и пеленать и посылать за делом.
Муж мальчик, муж слуга, из жениных пажей,
Высокий идеал московских всех мужей!!
Но боже мой; кого себе избрали?
Когда размыслю я — кого вы предпочли?
Зачем меня взманили, завлекли?
Повергли в бездну зол, мучений и печали?..
Слепец я! в ком искал награды всех трудов?
Спешил, дрожал, летел — вот счастье думал близко!
Пред кем и давича так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!..
Но что! наказаны все горем справедливым...
А вы, сударь, отец! вы жертвуйте чинам —
Собой и дочерью; желаю быть счастливым!

Булгаринский список

Действующие

Наталья Дмитриевна,[1] молодая дама } Горичи
Платон Михайлович, муж ее }

Графиня бабушка } Хрюмины
Графиня внучка }

[1] Далее так во всех ремарках.

Горе мое поручаю Булгарину. Верный другъ

5го Iюня 1828 Грибоедовъ

Горе отъ ума.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

перед 1 ⟨...⟩ откудова слышно фортопияно с флейтою ⟨...⟩

13 Прошу служить у барышни влюбленной!

16 Седьмой, осьмой, девятой.

между 16 и 17 *(оттуда же)*

17 Ах! Амур проклятой!

ЯВЛЕНИЕ 2

28—30 *а* О[х]! зел[еч]ь[и], баловниц[ы].
б Ой! зелье, баловница.

Лиза

Вы баловник, к лицу ль вам эти лиц[ы]а!

Фамусов

Скромна, а ничего, кроме

44 Что встанет, доложус[ь]ъ

48 *⟨ремарка — (зажимает ей рот) — отсутствует⟩*

54 Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:

56 *⟨ремарка — торопливо — отсутствует⟩*

ЯВЛЕНИЕ 3

72 А в доме стук, ходьба,[1] метут и убирают.

ЯВЛЕНИЕ 4

105 Тот пристает, другой, всем дело до меня!

ЯВЛЕНИЕ 5

294—295 Как молодой француз сбежал у ней из дому,
Голуб[о]ушка! хотела схоронить

ЯВЛЕНИЕ 6

перед 303 София, Лиза, Слуга, за ним Чацкий.

после 303 *⟨ремарка — Уходит — отсутствует⟩*

---

[1] Буквы *дьб* написаны по выскобленному.

ЯВЛЕНИЕ 7

перед 304 — София, Лиза, Чацкий.

306 — Что ж? рад[е]и? нет? в лицо мне посмотрите.

312 — [И] А между тем, не вспомнюсь, без души,[1]

318—319 — Вы рад[е]и? В доброй час.
Однако искренно кто ж радуется э[д]так?

330 — Проездом, случаем, из чуж[и]а, издалёка —

341 — [Или⟨?⟩] А тут ваш батюшка с мадамой за пикетом;

384—385 — Жить с ними надоест, и в ком не сыще[м]шь пятен?
Когда ж постранствуе⟨м⟩ [2] воротишься домой.

между 415 и 416 — Лиза

426 — Ведь нынче любят бессловесных.

ЯВЛЕНИЕ 8

между 447 и 448 — *⟨ремарка — (ей вслед вполголоса) — отсутствует⟩*

ЯВЛЕНИЕ 9

456 — Вам людям молодым другого нету дела,

462 — Я ничуть.

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

29 — Я должен у вдов[е]ы, у докторше крестить.

342 — Времен очаковских и покоренья Крыма

ЯВЛЕНИЕ 6

403 — Их золоту, шитью дивятся, будто солнцам!

ЯВЛЕНИЕ 7

408 — *⟨ремарка — (Теряет чувства) — отсутствует⟩*

ЯВЛЕНИЕ 9

между 464 и 465 — *⟨ремарка — (по-прежнему) — отсутствует⟩*

---

[1] Исправлено карандашом.

[2] В БСп, как и в ЖСп, одинаково дефектный текст: *постранствуем* или *постранствуеш* (с ъ на конце).

ЯВЛЕНИЕ 13

560 Была у батюшки, там нету никого,

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

40 Иный... боюсь назвать, но признаны всем светом,

103 [И] А между прочим [1]

ЯВЛЕНИЕ 2

135 К вам Алексей Степан[о]ыч будет.

после 148 ⟨...⟩ за нею Лиза).

ЯВЛЕНИЕ 3

156 Нам Алексей Степан[о]ыч с вами

ЯВЛЕНИЕ 5

перед 226 ⟨...⟩ (молодая дама) ⟨*приписано позднее*⟩

229 Неужли так меня три года изменили?

243 Платон Михайл[о]ыч мой единственный, бесценный,

ЯВЛЕНИЕ 6

277 Ох! Мой дружочек!

между 291 и 292 ⟨*ремарка — (со вздохом) — отсутствует*⟩

ЯВЛЕНИЕ 7

между 303 и 304 *(к ней оборачивает слуховую трубку)*

ЯВЛЕНИЕ 8

между 314 и 315 ⟨...⟩ *направляет на Чацкого двойной лорнет).*

ЯВЛЕНИЕ 9

330 Другой вам услужить. Зато

353 Оригинал! бр[е]юзглив, а без малейшей злобы.

ЯВЛЕНИЕ 10

362 Ночь — светапреставленье!

---

[1] Исправлено карандашом.

между 378 и 379 Загорецкий выставляется вперед

382 Двоих ара́пченков на ярм[он]арке достал;

ЯВЛЕНИЕ 12

между 400 и 401 ⟨*в ремарке — (подводит к Хлестовой) — предлог вписан позднее*⟩

403 Вы прежде были здесь... в полку... в том... в гренадерском?

ЯВЛЕНИЕ 13

426 Тут был как громовой отвод.

427 Молчалин! — Кто другой так мирно всё уладит!

ЯВЛЕНИЕ 14

435 Унизить рад, кольнуть, зави[д]стлив, горд и зол!

442 А[!], Чацкий[,]! любите вы всех в шуты рядить,

ЯВЛЕНИЕ 15

450 А ты расславить рад?

ЯВЛЕНИЕ 19

483 Антон Антон[о]ыч. Ах!

ЯВЛЕНИЕ 22

560 Затеет драться он, потребуют к разделке!

576 Собрал вокруг себя род веча

ДЕЙСТВИЕ IV

перед 1 ⟨...⟩ внизу справа (от действующих лиц) ⟨...⟩

ЯВЛЕНИЕ 2

между 6 и 7 ⟨...⟩ другой у подъезда кричит.

ЯВЛЕНИЕ 4

102—103 Я сам, как схватятся о[б] камерах, присяжных,
О[б] Бейроне, ну, о[б] матерьях важных,[1]

---

[1] В факсимиле этой страницы БСп, опубликованном в АН (т. 2. Между с. 80 и 81), сохранено чтение *об* во всех трех случаях.

ЯВЛЕНИЕ 10

292 Ей всё равно, другой ли, я ли,

между 300 и 301 *(над лестницей во втором этаже, со свечкою).*

ЯВЛЕНИЕ 12

между 375 и 376 〈...〉 *София отталкивает).*

376 Ах, вспомните! не гневайтесь, взгляните!

ЯВЛЕНИЕ 14

426 Чуть врознь: — уж где-нибудь с мужчиной!

441 В работу вас, на поселенье вас.

497 Другой найдется благонравный,

Альманах «Русская Талия»

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 7

перед 304 София Павловна,* Лиза,** Чацкий ***

сноска * Дочь богатого московского жителя.

** Служанка.

*** Молодой человек, возвратившийся из путешествия, воспитанный вместе с Софиею.

306 Что ж, ради? нет? В лицо мне посмотрите.

314 Верст больше семи сот пронесся, ветер, буря,

318 Вы ради? В добрый час.

319 Однако искренно, кто ж радуется эдак?

325 Как поминали мы вас тут.

330 Проездом, случаем, из чужа, издалёка —

345 В семнадцать лет вы расцвели прелестно,

366 В столовых и гостиных.

370 Со всей *вселенной* породнятся.

380 — *Между учеными* который поселился.

ЯВЛЕНИЕ 8

перед 447 — София Павловна, Лиза, Чацкий, Фамусов *

сноска — * Отец Софии Павловны

447 — Вот и другой! [1]

ЯВЛЕНИЕ 9

469 — Где был, скитался столько лет?

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

вм. 5—9 — Уж разве поумнел?.. А тот...
(София входит)
Вы здесь? Я очень рад, [2]

37 — Одежд, и климатов, и нравов, и умов; [3]

39—40 — Иной по должности, иной плохим поэтом,
Иной... боюсь назвать, но признаны всем светом,

90 — Которых цель всей жизни смех?

93 — Напрасно это вы относите к другим;

125 — Шалит! она его не любит.

129 — Он за своих стоит горой,

ЯВЛЕНИЕ 2

135 — К вам Алексей Степаныч [4] будет.

137 — К прикмахеру.

ЯВЛЕНИЕ 3

между 153 и 154 — *(Молчалин входит)*

вм. 172—176 — Вам не дались чины;

---

[1] Окончание *-ой* проведено по всему тексту.
[2] В списке ошибок: «После сей строки поставить ***».
[3] В списке ошибок: «Народов, климатов, и нравов, и умов».
[4] Далее эта форма отчеств проведена по всему тексту.

Чацкий

Не всякому успех.[1]

179 С иными важными людьми про вашу связь,

191 Как обходительна, добра, мила, проста,

201 Простите. Впрочем, тут не вижу преступленья.

203—204 Отличного ума и поведенья,
Из Петербурга к нам переведен.

217—218 Ведь надобно ж других иметь в виду.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

Чтоб не попасть в беду.

ЯВЛЕНИЕ 4

перед 221 ⟨...⟩ В перспективе открывается ⟨...⟩

ЯВЛЕНИЕ 5

перед 226 Чацкий, Наталья Дмитриевна,[2] молодая дама.

ЯВЛЕНИЕ 6

281 Мой милой, застегнись скорей.

между 281 и 282 Платон Михайлович *(равнодушно)*

283 Сквозной там ветер дует сзади!

286 Но бог тебя суди.[3]

между 291 и 292 *(вздыхает)*

ЯВЛЕНИЕ 7

между 303 и 304 *(обращает к ней слуховую трубку)*

ЯВЛЕНИЕ 8

между 314 и 315 ⟨...⟩ *(направляет на Чацкого двойной лорнет)*

---

[1] В списке ошибок: «После стиха: не всякому успех, поставить ***».
[2] Эта форма отчества проведена по всему тексту.
[3] В списке ошибок: «Ну, бог тебя суди».

ЯВЛЕНИЕ 9

перед 325 ⟨...⟩ Между прочими З а г о р е ц к и й ⟨...⟩

349 Известный плут:

ЯВЛЕНИЕ 10

360 Тащиться мне к тебе, племянница? мученье!

362 Ночь — светапреставленье.

389 Чѐму он рад? какой тут смех?

ЯВЛЕНИЕ 12

404—406 То есть, хотите вы сказать,
В Ново-Землянском мушкетерском.

Х л е с т о в а

Не мастерица я полки-то различать.

413 Дался ему трех сажен удалец,

ЯВЛЕНИЕ 13

перед 419 ⟨...⟩ которые в продолжении сцены расходятся.

ЯВЛЕНИЕ 14

435 Унизить рад, кольнуть, завистлив, горд и зол!

436 Вы в размышленьи?

438 Ужель с ума сошел?

ЯВЛЕНИЕ 18

475—476 Мой друг, мне уши заложило;
Скажи погромче...[1]

ЯВЛЕНИЕ 19

480—482 Как? Чацкого кто свел в тюрьму?

З а г о р е ц к и й

В горах изранен[2] в лоб, сошел с ума от раны.

Г р а ф и н я б а б у ш к а

Пошел он в бусурманы!

---

[1] Здесь и далее оглушения согласных в речи графини бабушки нет.
[2] В списке ошибок: «В горах был ранен».

ЯВЛЕНИЕ 20

488 В тюрьму-то, князь, кто Чацкого схватил?

ЯВЛЕНИЕ 21

502 Попробуй говорить, и ни́весть что наскажет!

504 Хоть пред каким ни есть лицом,

516 Чай, пил не по летам?

522—547 ⟨*отсутствуют, заменены тремя звездочками*⟩

554 Все врут календари.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ ⟨22⟩

560 Затеет драться он, потребуют к разделке!

между 567 и 568 (*подходит к Софии*)

576 Собрал вокруг себя род веча

582—583 ⟨*отсутствуют*⟩ [1]

596—610 ⟨*отсутствуют, заменены тремя звездочками*⟩

628 Вот случай вам: со мною он не новый: [2]

632 Во всех девиц вселять участье. [3]

Отрывок из комедии
⟨«Своя семья, или Замужняя невеста»⟩

⟨ЯВЛЕНИЕ 1⟩

Наташа

вм. 27—46 Отд. изд. 1818

Ах, дядюшке понравиться не трудно:
Он весел, добр и мил,— и, право, даже чудно,
Как он напоминал Любима мне.

Любим

А чем?

Наташа

Да, кроме лет, лица и воспитанья, всем.
Ты точный дядюшка, мой друг, под старость будешь.

[1] В списке ошибок: «После стиха Не встретил, будто бы в отечестве с друзьями поставить ***».
[2] В списке ошибок: «Вот случай вам со мною; он не новый».
[3] В списке ошибок: «Во всяком возбуждать участье».

Любим

Вот на!

Наташа

Ты никогда гусарить не забудешь;
Всё станешь вспоминать с восторгом старину,
И молодечество, и службу, и войну.
Я вижу уж тебя: ты в дядюшкины годы,
Как он, в седых усах, про славные походы,
Про Лейпциг, Кульм, Париж без памяти кричишь;
Без милосердия всё новое бранишь;
Свой полк, своих друзей, свои проказы славишь,
Повесам будущим себя примером ставишь
И сердишься за то, что рано устарел.

Любим

А ты в углу ворчишь: он всё еще пострел;
Когда ты, батюшка, дурачиться уймешься?
И вслух меня бранишь, а внутренно смеешься.
Не правда ли, мой друг?

Наташа

Да, может быть легко;
Но, к счастью, до того еще нам далеко.

Вельдюзева

Сестра сюда идет.

Наташа

Ах, боже мой, какая?

Вельдюзева

Ох! Фекла Савишна!

Любим

Крикуша и скупая.

Наташа

Да где бы платьица найти мне попростей?

Вельдюзева

У Груньки ты возьми передник поскорей.

⟨ЯВЛЕНИЕ 2⟩

51 Да ведь пожаловал в тот самый час, в который

55—57 Чего! Он разве путных правил?
Дивись еще, мой свет, тому, что не оставил
Визитной карточки; а то у них такой

61 Вот посещают так: сам барин дома спит,

67 Что сам он заходил, я от Потапки знаю,

72 А в Петербурге бы к какой-нибудь красотке...

⟨ЯВЛЕНИЕ 4⟩

132 Об том, что к Ладовой графине я попалась

135 Ведь были по всему противных свойств и правил

167 Диковина, мой свет! ты, кажется, водилась

191 Вот если б наш Любим был человек толковый,

197 А то бог знает где он сватанье завел!

205 Чтоб поскорей от них наследство получить;

219 А! верно мастерица.

⟨ЯВЛЕНИЕ 5⟩

235—237 И что, мой свет, сидеть не любишь склавши руки,
Так я тебе найду заняться чем от скуки:
Ведь у меня в дому кой-что шелками шьют!

Грузинская ночь

1

30 *автограф ГПБ*
а [Творец ⟨нрзб⟩]
б [Скорее предадут главу мою]
в Пошли [ты] мне изгнанье, нищету,

33—35 Где бурный Ксань [изрыл себе теченье],
Разбойником терпеть гоненье, голод, страх,
От [бурь и] непогод не бы[ть] укрытым,

38—39 Чем этой [женщины] присутствие сносить,
И злость [ее] души, и яд ее упреков.

41 [Ни криком горести,] ни силой слезных токов.

вм. 42—45 *а* [Подумай, сам отец [и у тебя есть дочь],
лишился сына ты,
Когда увидел ты его потухший взор
И вторили раскаты этих гор
С утра до вечера твой голос неутешный]
Ты сына был лишен
Когда в последний раз прощался с трупом милым

б Подумай, сам отец, [ты] сына [был] лишен
Когда [про] застреленный к тебе был [принесен]
[Отчаянно] Без памяти приник к [устам] очам
остылым

46—48 И [думал] оживить [его] потухший взор
Весь воздух потрясал [твой ⟨?⟩ превеликий]
И вторили раскаты [этих] гор

50 Ты в землю [сам хотел] зарыться с ним

52 Когда же б [мог его ты выручить] из плена,

54 На чей бы гнев [и мщенье] не посмел?

56 [Не укор⟨яй⟩ меня без пользы]

60 *а* Его ценой я выкупил коня
б [Лишь им] я выкупил коня
в ⟨*возврат к первому варианту*⟩

63 [Мерзавец] кто б его в чужих руках оставил

2

вм. 21—22
РСл. 1859, № 5
Черн. наброски

Так от людей надежды боле нет,
И вседержителем отвергнуто моленье!
Услышьте вы отчаянья привет
И мрака порожденье!

Я крестным знаменьем от вас оборонялась,
Тогда была добра, имела сына я...
(Одна Али появляется в уединенном месте)
Кого клянешь?
На чью главу
Беды зовешь?

32—35

а Но нет их! Непокорны мне!
Лишь тучи длинными грядами
Перебегают над холмами
И всё крутятся... Ах, оне!

б Но нет их! Нет! И чтó мне в чудесах
И в заклинаниях напрасных!
Нет друга на земле и в небесах,
Ни в боге помощи, ни в аде для несчастных!

Али

вм. 36—41

Ты здесь! Но ты, исчадье праха,
Где ты украла волоса?
Они нам сила и душа.
Отдай их нам...
Умри со страха!

Мы здесь, но гибель и напасть
Тому, кто взыщет ада власть.
Не цепенеешь ли со страха,
Увидя нас, исчадье праха?

Т[1]

Ах! Вот они! Язык прикован мой!
Но не умру с испуги.
Вот ваши волоса... Вот суд вам роковой;
Кто их имеет, тех вы слуги.

1

РСл. 1859, № 5
осн. текст

32 Скорее в том ущелье пропаду

36—37 ⟨*отсутствуют*⟩

40 Ничем тебя не можно умилить!

45 Без памяти приник к очам застылым
48 И вторили раскаты этих гор
51 Но, взятый смертию, во всем невозвратим

56 И нет еще к тебе вражды!

63 Тот подл, кто бы его в чужих руках оставил.

От Аполлона

6 Что споры все о Липецких водах
ИВ.1909, № 4

Лубочный театр

41 Вот [С... О........], с ним вечный состязатель;
автограф ПД

50 Махнул пером — и дал сыграть,
СП

52 Махнул пером — и дал в печать.

11 Вот господин Загоскин,
«Сборник...»

13—16 *Княгини и княжны, князь Фольгин и князь Блесткин;*

19 С ним вместе быть, ей-богу! праздник.

40—41 Вот вам *Загоскин-Наблюдатель;*
Вот *Сын Отечества,* с ним вечный состязатель;

36 Переняла у *Буйного Соседа.*
РС

[1] Так по всему тексту РСл.

Давид

20 *автограф*	Далече страх я [изго]ня,
21	Во сретенье [по]шел: меня
26	Сынов Израиля [избавил]!
1 *Мнемозина*	Не славен в братиях измлада,
15	Велики братии мои?
26	Сынов Израеля прославил!

⟨Куплеты и романсы из водевиля «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом»⟩

2

2 *Список ГБЛ 1823 г.* *Списки ГТБ 1823 и 1824 г.* *ВЕ. 1824, № 5*	Мальчик Эрот.
8 *Список ГБЛ 1823 г.*	Хлыщет и бьет,

3

1 *«Оберточный листок», РВ. 1873, № 9*	Крылами паря, стрелами звеня,
7 *автограф ГЦТМ*	Есть [повесть] такая:

5

10 *список ГБЛ 1823 г.*	Ах, точно.ль никогда ей в мыслях безмятежных
11 *МТ*	Любви волшебство, рай, восторги, прелесть... вами
«Пантеон...»	Любовь, восторг, очарованье, прелесть! вами

⟨Эпиграммы на М. А. Дмитриева и А. И. Писарева⟩

2

2
ГоУ-1839
ГоУ-1875 Почто же врете вы, о дети! — Детям прут.

5—6
ГоУ-1875 Так чтобы были вы умнее, молодцы,
Вам выдрать следует всем преисправно...

Хищники на Чегеме

25
автограф ПД Досягнешь ли? [Выше] туч [и]

61 В их земле и ⟨нрзб⟩ темничный

12
СП. 1826,
30 ноября И овец золоторунных

25 Вот над тучей

55 Пленных отроков дадим.

9
РСл. 1859, № 5 Шум потока, темный бор,

11—12 На стада ли белорунных,
На угон коней табунных,

25—26 Досягнешь ли? — Вон, могучий
Двувершинный делит тучи,

34 Средь зияющих вам бед...

37 Далеко от сел и нив,

52 Нашим храбрым узденям.

63 ⟨*заменен строкой точек*⟩

67 Кликом огласим ущелье!

23—25
РС. 1874, № 6 Русь! зачем воюешь ты?
Вековые высоты
Досягнешь ли? — Вон под тучей

«По духу времени и вкусу...»

РС. 1872, № 3
восп.
П. А. Каратыгина

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово: — раб...
За то посажен в Главный штаб
И там притянут к Иисусу!

по рукописи
П. А. Ефремова

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово: раб,—
Меня и взяли в Главный штаб
И потянули к Иисусу.

ГоУ-1875
по списку
И. Д. Гарусова

Покорный времени и вкусу,
Я презираю слово: раб...
Меня и взяли... в Главный штаб —
И потянули к Иисусу.

Каратыгин П. А.
Записки
СПб., 1880

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово: раб...
За то посажен в Главный штаб
И там притянут к Иисусу!

НМ. 1938, № 4
по альбому
Е. П. Ростопчиной

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»,
За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу...

Ему не свято ничего,—
Он враг царю... он друг сестрицын,
Уж не повесят ли его,
Скажите правду, князь Голицын?

РЭ
по списку ГПБ
(арх. П. П. Пе-
карского)

По духу времени и вкусу
Мы не терпели слово раб.
Зато нас посадили в штаб
И притянули к И⟨и⟩сусу.

Список ГПБ
на титульном
листе
ГоУ-1833 (архив
А. С. Грибоедова)

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово: раб.
За то и взят был в Главный штаб
И потащили к Иисусу...

Прости, Отечество!

4
автограф ГПБ

[Мечты! меня] не увлекайте!

5 [Угрюм]

7 *а* Когда же в [глубь] душ[и] проник
б Когда же в [душу нам] проник

8 [Хоть искра счастья и любви:]

перед 10 [Но скоро бросим кисть и прочь
Бежим от радужной палитры]

12—13 За [ярко] брезжущим виденьем.
Стой! ⟨*нрзб*⟩! нет его! [исчезло]!

14 *а* [И вот мы] опыт[ы]
б [Вот старый опыт мы прошли]

15 *а* И пройден прежний опыт ⟨наш?⟩
б [Утомлены, но мудры стали]

16—18 Ногой ⟨из⟩мерили пять стоп,
[В душе создали] темный гроб
И в нем живых себя [хороним].

19 *а* Вот [опытность! — ее урок]
б Вот жизни ⟨нрзб⟩ и плод ее:
в Вот жизни [гроб] и плод ее:

20 [Принять ярмо] чужих [властей]

21 *а* [Надежду от]
б [Надежды отложить]
в [Надежды полож⟨ить⟩]
г [Надежды заложить] в могилу,

22 *а* И веру в собственную силу,
[Надежду]
б И вер[у] в собственную силу,
И дружб[у], честь, любовь, всё тлен.
в И вера в собственную силу,
[И дружба, честь, любовь, и всё]

24 *а* [Согреем душу тем, что было,]
б [Одушевимся] былью давной,

25 [Когда мы] весело шли в бой,

26 *а* И [памятью]
б И [дружбы памятью, и тем,]
в [И вера в нас ⟨жила?⟩ и то,]

27 Что так обманчиво и [мило!]

ПРИМЕЧАНИЯ

Изучение литературного наследия А. С. Грибоедова связано с необходимостью разрешения целого ряда загадок. Из небольшого количества бесспорно созданных им произведений до нас дошли далеко не все, некоторые — в отрывках, набросках и планах, значительная часть приписывается ему предположительно. Архив писателя не сохранился (если только когда-нибудь существовал), так как к личным бумагам он относился небрежно и держал при себе лишь те, над которыми работал. В результате из многочисленных, по-видимому, рукописей его основного произведения — «Горя от ума» (далее сокращенно: ГоУ) [1] до нас дошли только те, которые попали в руки его друзей, рукописи других произведений почти не сохранились (о судьбе литературного архива Грибоедова см.: Нечкина. С. 71—75). Перед арестом Грибоедова по делу декабристов в 1826 г. была уничтожена, по всей вероятности, бóльшая часть его бумаг, в том числе рукописи литературных произведений, из которых уцелела лишь так называемая «Черновая тетрадь» (ЧТ), содержащая черновики разных произведений. Летом 1828 г., отправляясь в Персию, Грибоедов оставил ЧТ своему другу С. Н. Бегичеву, передавшему ее впоследствии (осенью 1857 г.) дальнему родственнику писателя и его первому биографу Д. А. Смирнову (1819—1866). В работе «Черновая тетрадь Грибоедова» (статья первая — РСл. 1859, № 4. С. 1—82; статья вторая — РСл. 1859, № 5. С. 9—116) Смирнов писал: «Он подарил мне «Черновую» и, вероятно, единственный экземпляр — автограф «Дмитрия Дрянского», трагедии-пародии, писанной Грибоедовым во время его студенчества» (РСл. 1859, № 4. С. 2). Во второй статье опубликована часть стихотворных текстов ЧТ, снабженных примечаниями Смирнова, основанными на многолетней собирательской деятельности. Эта выборочная публикация, не свободная от погрешностей, иногда весьма существенных, все же до сих пор сохраняет свое значение как единственный, притом достаточно авторитетный первоисточник, который является результатом большого, кропотливого, в целом плодотворного труда на уровне текстологии своего времени. ЧТ представляла собой «в высочайшей, почти невероятной степени беспорядочный, хаотический сборник разных бумаг Грибоедова ⟨...⟩. На иных страницах одна номерация была вверху и совсем иными цифрами внизу ⟨...⟩ пометы заходили за цифру 860» (РСл. 1859, № 4. С. 2, 4). Сразу же после смерти Смирнова в 1866 г. часть его грибоедовских материалов была передана в Общество любителей российской словесности при Московском университете (откуда затем исчезла) и использована акад. А. Н. Веселовским в статьях «Очерк первоначальной истории „Горя от ума“» (РА. 1874, № 6. Стб. 1513—1566) и «А. С. Грибоедов.

[1] Расшифровку сокращенных названий см. в Списке сокращений, с. 446. Все сведения о ГоУ сосредоточены в примеч. к нему.

Биографический очерк» (Соч-1875. С. VIII—LXXI), где опубликованы наброски «По поводу „Горя от ума“» и «Характер моего дяди». Другая часть погибла при пожаре в имении наследников Смирнова около 1877 г. До того времени ЧТ была частично расформирована: в ГПБ имеются два черновых автографа с пометами о принадлежности к ЧТ — отрывок трагедии «Грузинская ночь» и стихотворение «Прости, отечество!», переданное туда, судя по надписи на обложке, самим Смирновым. Сохранившиеся черновики соответствуют описанию Смирнова, в частности свидетельству о нескольких «выставленных Грибоедовым, на страницах ее, номераций» (РСл. 1859, № 4. С. 4), точнее — о двух, сделанных черными чернилами; третья, красная, нумерация принадлежит самому Смирнову. Частью текстов ЧТ, по-видимому, располагал впоследствии Н. В. Шаломытов, опубликовавший «Неизданное предисловие Д. А. Смирнова к „Горю от ума“» со своими комментариями (см.: РС. 1909, № 2. С. 321—348). В настоящее время разрозненные автографы и авторизованные списки произведений Грибоедова хранятся в ГБЛ, ГИМ, ГПБ, ГЦТМ, ПД, ЦГАЛИ и других архивохранилищах. Некоторые произведения дошли до нас в неавторизованных списках разной степени авторитетности, в какой-то мере восполняющих отсутствие автографов и прижизненных публикаций.

Самые ранние из сохранившихся стихотворных опытов Грибоедова содержатся в его первом опубликованном произведении — корреспонденции «Письмо из Бреста Литовска к издателю 〈„Вестника Европы“〉» (1814). Затем в журналах появилось при жизни автора несколько стихотворений: «От Аполлона» (1815), «Давид» (1824), «Любит обновы...» (1824), «Отрывок из Гёте», «Телешовой...» (1825), «Хищники на Чегеме» (1826). Отдельными изданиями вышли ранние комедии: «Молодые супруги» (1815), «Своя семья, или Замужняя невеста» (1817, в соавторстве с А. А. Шаховским), «Притворная неверность» (1818, в соавторстве с А. А. Жандром). Осуществлены постановки «Пробы интермедии» (1819) и «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (1823—1824, в соавторстве с П. А. Вяземским). Вскоре после смерти поэта, в 1830-х гг., лица, относившиеся к его близкому литературному окружению, напечатали несколько произведений, принадлежность которых Грибоедову в ряде случаев подтверждена последующими архивными разысканиями и достоверными свидетельствами мемуаристов: «Элегия (Из Леонара)» (1830), «Ах, точно ль никогда ей в персях безмятежных...», под загл. «Романс» (1831), «Душа» (1835), «Восток» (1836), «Лубочный театр» (1837), «Отрывок из поэмы „Кальянчи“» (1838), эпиграмма «Надпись к портретам сочинителя Михайлы Дмитриева и переводчика Писарева» («И сочиняют — врут, и переводят — врут...») (1839). Во второй половине XIX в. к ним присоединились новые публикации: «Лубочный театр» (1860, по другому источнику), куплеты и романсы из водевиля «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (1860—1889), 〈«Ответ Катенину по поводу „Горя от ума“»〉 (1868), «По духу времени и вкусу...» (варианты в мемуарах современников, 1872—1909), «Проба интермедии» (1873), «Хищники на Чегеме» (уточненный текст, 1874), 〈«Эпитафии доктору Кастальди»〉 (1891), «Полком окружали...» (1891), эпиграмма «Как распложаются журнальные побранки...» (1892). Наиболее значительной явилась упомянутая выше публикация материалов из ЧТ в РСл (1859): «Домовой», «Прости, отечество!», «Освобожденный», 〈«Серчак и Итляр»〉 (под загл. «Три монолога»), 〈«1812 год»〉 (под загл. «Отец и дочь»), 〈«1812 год»〉 (план драмы), «Юность Вещего», «Хищники на Чегеме» (черновой вариант под загл. «Дележ добычи»), «А. О 〈доевскому〉», «Грузинская ночь».

В середине XIX в. появляются первые собрания сочинений Грибоедова, в которых помимо ГоУ собрано большинство его произведений, опубликованных к тому времени в периодической печати. Первым из них было Соч-1854, выпущенное А. А. Смирдиным (сыном известного издателя-книгопродавца) вместе с сочинениями популярного тогда драматурга М. В. Крюковского (1781—1811). В него вошли драматические произведения: «Молодые супруги», «Отрывок из комедии 〈„Своя семья, или Замужняя невеста"〉», «Притворная неверность», стихотворения: «Отрывок из Гёте» (в разделе драматических произведений), «Душа», «Хищники на Чегеме» (в составе 9 строф), «Ах, точно ль никогда ей в персях безмятежных...», «Телешовой», «И сочиняют — врут, и переводят — врут...» (текст соответствует ГоУ-1875). Соч-1858 подготовил один из первых исследователей творчества Грибоедова Е. И. Серчевский, пользовавшийся «многими указаниями и советами» известного библиографа Г. Н. Геннади (ТБТ. С. 202) и снабдивший тексты, по оценке Н. К. Пиксанова, «очень полезными и обильными биографическими и литературными материалами, так что издание это много способствовало знакомству с Грибоедовым» (Пиксанов Н. К. Печатные издания «Горя от ума»//АН. Т. 2. С. 274). В раздел «Мелкие стихотворения» Серчевский включил, помимо вошедших в предыдущее издание, еще ст-ния «Восток», «Отрывок из поэмы „Кальянчи"» (здесь же — «Отрывок из Гёте»), в раздел «Драматические сочинения» — только «Молодые супруги» и «Отрывок из комедии 〈„Своя семья, или Замужняя невеста"〉», указав в «Заключении», что «Притворная неверность» не печатается по невозможности установить, «что́ именно принадлежит в ней Грибоедову» (Соч-1858. С. 243). Впоследствии Серчевский, признавая промахи своей работы, предполагал в новом издании поместить «„Притворную неверность", а в отделе стихотворений „Лубочный театр"» (ТБТ. С. 202). Тот же состав стихотворных сочинений повторен в ПСС-1860, изданном М. Мухиным не вполне исправно, но быстро разошедшемся и вскоре ставшем библиографической редкостью. В Соч-1860, первом бесцензурном комментированном издании, к составу ст-ний добавлена эпиграмма «От Аполлона» со ссылкой на свидетельство Н. И. Греча об авторстве Грибоедова (см. Соч-1860. С. 53, 306), а в «Прибавлении» помещены «Давид» и «Элегия (Из Леонара)» как приписываемые Грибоедову (там же. С. 312—314). Это издание основано, по всей вероятности, на рукописи Полн. собр. соч., подготовленного М. Н. Лонгиновым и П. И. Бартеневым для публикации в России и отклоненного Московским цензурным комитетом в 1857 г. (см.: РО. 1896, № 11. С. 454—456). По оценке Н. К. Пиксанова, «берлинское издание дало обильные и точные библиографические и литературные примечания, немало послужившие в дальнейшем исследователям Грибоедова» (ЛП. С. 340). Соч-1875 — грибоедовский том известной серии «Русская библиотека», издававшейся редакцией ВЕ,— подготовлен акад. А. Н. Веселовским. Здесь в первом отделе, кроме ст-ний «Телешовой», «Душа», «Хищники на Чегеме» (в составе 10 строф), «Отрывок из Гёте» и драматического «Отрывка из комедии 〈„Своя семья, или Замужняя невеста"〉», помещены также «Лубочный театр», «Прости, отечество!», 〈«1812 год»〉 (под загл. «План и сцена из драмы 1812 года»), в третьем отделе — «Грузинская ночь» и «А. О〈доевскому〉», а также прозаические наброски 〈«Ответ Катенину по поводу „Горя от ума"»〉 (под загл. «Письмо к Катенину в защиту „Горя от ума"») и 〈«По поводу „Горя от ума"»〉 (под загл. «Драматический писатель и публика. Черновой набросок не для печати по поводу „Горя от ума"»). Некоторые тексты снабжены вариантами, показывающими, что Веселовский

учел публикацию Смирновым ЧТ в 1859 г. Соч-1886 в число 14-ти произведений раздела «Мелкие статьи» впервые ввело автоэпиграмму «По духу времени и вкусу...». ПСС-1889, подготовленное И. А. Шляпкиным и составившее, по характеристике Н. К. Пиксанова, «эпоху в изучении Грибоедова» (АН. Т. 2. С. 277), объединило все известные к тому времени произведения с вариантами, в сопровождении обширного комментария с привлечением «разнообразных материалов в небывалом дотоле объеме; и позднее никто из редакторов не ставил издание Грибоедова в такой широте, предпочитая черпать из издания 1889 года (таковы, например, два издания А. Ф. Маркса под редакцией Арс. Ив. Введенского, 1892 и 1908 гг.)» (там же). В большинстве перечисленных изданий ст-ния и драмы выделялись в самостоятельные разделы, внутри которых располагались в порядке хронологии (чаще всего по датам публикаций), причем ГоУ помещалось в начале или в конце раздела драматических произведений. Исключение составило ПСС-1889, где все стихотворные произведения, включая ГоУ, расположены в порядке хронологии без рубрикации (в этом издании ⟨«Серчак и Итляр»⟩ под загл. «Диалог половецких мужей» и «Прости, отечество!» объединены как пролог и отрывок из поэмы). Новый этап изучения творчества Грибоедова ознаменовался выходом в 1911—1917 гг. трехтомного академического издания (АН), фактически полностью подготовленного и отредактированного Н. К. Пиксановым. Состав, текстологическая разработка, библиографические сведения и историко-литературный комментарий академического трехтомника — единственного полного свода всех известных к тому времени грибоедовских текстов — поныне служат образцом и источником сведений для издателей и исследователей. Вместе с тем последующие издания внесли немало уточнений и дополнений к решениям, принятым в АН. Значительный вклад в историю публикаций и изучения творчества Грибоедова сделал В. Н. Орлов, выпустивший с 1940 по 1959 г. несколько изданий, в том числе стихотворные сочинения в Большой и Малой сериях «Библиотеки поэта» (БП-1951 и БП-1952). Том избранных произведений в Малой серии (БП-1961) подготовлен Я. С. Билинкисом на основе Соч-1959. И. Н. Медведева в БП-1967 предложила некоторые новые композиционные и текстологические решения. Из изданий последних лет укажем двухтомное Соч-1971 и два однотомника, вышедшие одновременно в 1978 г. в разных издательствах: Избр-1978-СР и Избр-1978-ХЛ, в которых частично апробированы текстологические принципы, обоснованные С. А. Фомичевым в обстоятельной статье «Спорные вопросы грибоедовской текстологии» (РЛ. 1977, № 2. С. 67—86). Последним по времени собранием сочинений является Соч-1985, куда также внесены уточнения. Тем не менее утверждение Фомичева об «общем неудовлетворительном состоянии грибоедовской текстологии» (РЛ. 1977, № 2. С. 67) до некоторой степени остается в силе и сегодня. Нельзя считать завершенной даже критику текста ГоУ, подвергавшегося пристальному изучению текстологов на протяжении 150 лет, не говоря уже о других драматических и стихотворных произведениях, долгое время остававшихся за пределами текстологического анализа. Причиной тому является прежде всего неблагополучное положение с источниками текста и атрибуцией произведений Грибоедова. Нет полной уверенности в принадлежности ему некоторых лирических стихотворений и эпиграмм. Значительные трудности представляет, например, разграничение авторства Грибоедова и П. А. Вяземского по отношению к стихотворным текстам оперы-водевиля «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» и эпиграмм на М. А. Дмитриева и А. И. Писарева; неясно происхождение второй

части автоэпиграммы «По духу времени и вкусу...»; ждет дополнительных доказательств или окончательного опровержения атрибуция «Элегии (Из Леонара)». Отсюда значительные разногласия в систематизации материала, главным образом в распределении его между основным корпусом и разделом приписываемого. Трудность установления основного текста большинства произведений обусловлена необходимостью печатать их по небезупречным посмертным публикациям из-за отсутствия авторитетных прижизненных источников. Характерным примером такой публикации, в которой невозможно с абсолютной точностью отделить ошибки прочтения автографа от своеобразия грибоедовского письма, является ЧТ (анализ некоторых укоренившихся ошибок см. в указанной выше статье С. А. Фомичева — РЛ. 1977, № 3, С. 78—86). Колебания в выборе основного текста в иных случаях вызваны невозможностью бесспорно документировать авторскую волю в правке текстов, предназначавшихся для публикации (см. указания Грибоедова об исправлениях в «Лубочном театре», поправки В. К. Кюхельбекера в ст-нии «Давид», Ф. В. Булгарина — в «Хищниках на Чегеме»). Иногда причиной разногласий является различное прочтение чернового автографа («Прости, отечество!», «Грузинская ночь») или введение редакторских конъектур («Освобожденный»). Таким образом, при всем небольшом объеме литературного наследия Грибоедова и длительности его изучения многие текстологические проблемы еще ждут своего разрешения.

Данное издание включает в себя большинство известных в настоящее время стихотворных произведений Грибоедова. Сюда не вошли самые ранние из дошедших до нас стихотворных опытов молодого писателя в составе его корреспонденции «Письмо из Бреста Литовска к издателю 〈„Вестника Европы“〉» (1814) и несколько эпиграмматических экспромтов, приписываемых Грибоедову без достаточных оснований. В первом разделе публикуется ГоУ в двух полных сохранившихся редакциях. Второй раздел включает в себя другие драматические произведения — ранние комедии и водевили (в том числе полупрозаическую сцену «Проба интермедии», где прозаический текст неразрывно связан со стихотворным), а также отрывки незаконченных драматических произведений, относящихся ко второму периоду творчества писателя. Далее следуют стихотворения, бесспорно принадлежащие Грибоедову и приписываемые ему с достаточной степенью достоверности. В приложении помещены прозаические материалы к ГоУ и планы неосуществленных стихотворных произведений, из которых два — «Юность Вещего» и 〈«1812 год»〉 — по теме соотносятся с одноименными стихотворными отрывками, один — «Родамист и Зенобия» — имеется только в виде развернутого прозаического конспекта. Внутри каждого раздела произведения расположены в хронологическом порядке согласно датам, обозначенным автором или установленным предположительно. Даты, не позднее которых создано то или иное произведение (установленные преимущественно на основании первых публикаций с учетом времени цензурного разрешения), заключены в угловые скобки.

Тексты всех произведений проверены по первоисточникам: автографам, авторитетным спискам, а в случае их отсутствия — по наиболее надежным публикациям. Это позволило устранить некоторые ошибки предшествующих (в том числе прижизненных) изданий, исправить неверные чтения автографов, предложить новые варианты расшифровки черновиков. При этом расшифровка черновых вариантов и редакторские конъектуры в тексте вводятся с крайней осторожностью, в сомнительных случаях предпочтение отдается точному тексту источ-

ника, а предположительные чтения приводятся в примечаниях. Прижизненная правка других лиц в автографах и публикациях учитывается в основном тексте как принятая автором, если нет оснований предполагать, что она вызвана цензурными или иными соображениями нетворческого характера. Явные опечатки и описки исправляются, как правило, без специальных оговорок, в отдельных случаях (для уточнения источника публикации при наличии нескольких списков) они приводятся в разделе «Варианты» или в примечаниях с соответствующими пояснениями. Орфография и пунктуация дается по современным нормам с сохранением авторского своеобразия в тех случаях, когда оно имеет смысловое или стилистическое значение (архаизмы, разговорный стиль, экспрессивные знаки препинания и т. п.). Эта проблема (особенно важная для ГоУ) не решена до конца ни в одном издании и заслуживает специального исследования. При отсутствии авторских заглавий приводятся в угловых скобках традиционные условные заглавия.

В разделе «Варианты» с возможной полнотой учтены разночтения автографов, списков и публикаций, дающие представление о характере творческой работы автора и позднейших изменениях, внесенных в текст при редактировании, переписке, устной передаче и публикации.

Примечания к каждому произведению начинаются с библиографической справки, в которой указана первая публикация, вслед за ней (через точку и два дефиса) последовательно отмечаются дальнейшие этапы изменения текста в печати вплоть до источника, дающего окончательный вариант, по которому текст приводится в настоящем издании. Перепечатки, не содержащие каких-либо изменений, не отмечаются. Указывается наличие автографов и наиболее авторитетных списков. Обосновывается датировка, уточняется время публикаций, в частности по датам цензурных разрешений. Привлекаются необходимые исторические и историко-литературные сведения, кратко характеризуется творческая и цензурная история произведения. Из критических отзывов приводятся только прижизненные. Явные и скрытые цитаты и переклички с современными и предшествующими авторами приводятся выборочно. Поясняются в соответствии с контекстом имена исторических лиц, литературных и мифологических персонажей, исторические события и реальные факты, упомянутые или подразумеваемые. Даются толкования слов и понятий, устаревших или изменивших свое значение и затрудняющих понимание текста современным читателем, за исключением тех случаев, когда значение слова ясно из контекста. При этом помимо разысканий, предпринятых специально для данной книги, использованы материалы, накопленные на протяжении 150-летней практики толкования произведений Грибоедова. В реальном комментарии сведения, имеющиеся в большинстве предшествующих изданий или извлеченные из общедоступных справочников, приводятся без специальных ссылок. Не делаются ссылки на письма Грибоедова, цитируемые по АН (т. 3), где они расположены в хронологическом порядке. Основные публикации текстов и исследовательские работы, использованные в данном издании, перечислены в Списке условных сокращений.

Звездочками обозначены стихотворения, варианты к которым помещены в соответствующем разделе.

Список условных сокращений, принятых в примечаниях и разделе «Варианты»

АН — Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова/Под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина (т. 1—

I Стихотворения. II Драматические сочинения), Н. К. Пиксанова (т. 2 — «Горе от ума», т. 3—I Проза. II Письма). Спб.: Изд. Разряда изящной словесности имп. Академии наук. 1911, 1913, 1917 (Академическая библиотека русских писателей. Вып. 7, 8, 9).

Арапов — Арапов П. Летопись русского театра. Спб., 1861.

Батюшков — Батюшков К. Н. Прогулка по Москве//Опыты в стихах и прозе/Издание подготовила И. М. Семенко. М.: «Наука», 1977. С. 379—393.

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».

БЗ — журнал «Библиографические записки».

БП-1951 — Грибоедов А. С. Сочинения в стихах/Вступительная статья, подготовка текста и примечания Вл. Орлова. Л.: «Сов. писатель», 1951 («Б-ка поэта», Б. с.).

БП-1952 — Грибоедов А. С. Избранные произведения/Вступительная статья, подготовка текста и примечания Вл. Орлова. Л.: «Сов. писатель», 1952 («Б-ка поэта», М. с.).

БП-1961 — Грибоедов А. С. Избранные произведения/Вступительная статья, подготовка текста и примечания Я. С. Билинкиса. Л.: «Сов. писатель», 1961 («Б-ка поэта», М. с.).

БП-1967 — Грибоедов А. С. Сочинения в стихах/Вступительная статья, подготовка текста и примечания И. Н. Медведевой. Л.: «Сов. писатель», 1967 («Б-ка поэта», Б. с.).

БСп — Булгаринский список (писарская рукопись комедии «Горе от ума» с надписью Грибоедова, принадлежавшая Ф. В. Булгарину, хранится в ГПБ).

Верстовский — Верстовский А. Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом/Текст А. Грибоедова и П. Вяземского. Литературная редакция Н. Пиксанова. Вступительные статьи Н. Пиксанова и А. Войновой. Переложение для фортепьяно К. Сорокина. М.; Л.: «Музыка», 1949.

Вигель — Вигель Ф. Ф. Записки/Редакция и вступительная статья С. Я. Штрайха. Т. 1—2. М.: Артель писателей «Круг», 1928.

ВЛ — журнал «Вопросы литературы».

Вольф — Вольф А. Хроника петербургских театров с конца 1828 до начала 1855 года. Ч. 1. Спб., 1877.

Восп-1929 — А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников/Редакция и предисловие Н. К. Пиксанова. Примечания И. С. Зильберштейна. М.: «Федерация», 1929.

Восп-1980 — А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: «Худож. литература», 1980.

Вяземский — Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского. Т. 1—12. Спб., 1878—1896.

ГБЛ — Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва). Отдел рукописей.

Гершензон — Гершензон М. О. Грибоедовская Москва. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914.

ГИМ — Гос. Исторический музей (Москва). Отдел письменных источников.

ГЛМ — Гос. литературный музей (Москва).

ГоУ — «Горе от ума».

ГоУ-1833 — Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова. М.: В тип. Авг. Семена при имп. Медико-хирургической академии, 1833 (ц. р. 21 авг. 1833).

ГоУ-1839 — Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова. Второе издание. Спб., 1839 (ц. р. 14 дек. 1838).

ГоУ-1858-Б — Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. А. С. Грибоедова/Полнейшее издание. Берлин: Фердинанд Шнейдер, 1858.

ГоУ-1858-Л — Горе от ума. Комедия в четырех действиях. Сочинение А. С. Грибоедова/Полное издание Юрия Приваловского. Лейпциг.: у Густава Бера, 1858.

ГоУ-1862-1 — Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. А. С. Грибоедова/Полный текст с 25 рисунками М. С. Башилова, резанными на дереве Августом Габером в Дрездене./Издание Ник. Тиблена. Спб.: тип. Тиблена и К°, 1862 (ц. р. 25 марта 1862).

ГоУ-1862-2 — Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. А. С. Грибоедова/2-е полное (исправленное) издание Николая Тиблена. Спб.: тип. А. Кулиша, 1862 (ц. р. 9 мая 1862).

ГоУ-1873 — Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. А. С. Грибоедова/Изд. Н. Гербеля, счетом 30-е, напечатанное в первый раз с соблюдением всех стихотворных правил, при размещении стихов по стопам, что не было сделано ни при одном издании. С биографией Грибоедова. Спб., 1873.

ГоУ-1875 — Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. А. С. Грибоедова. По счету сороковое, по содержанию первое полное издание, содержащее, при новой редакции текста, 129 нигде до сих пор не напечатанных стихов, все доселе известные варьянты комедии, оценку всех изданий и рукописи, подаренной Грибоедовым Булгарину/Редакция полного текста, примечания и объяснения составлены И. Д. Гарусовым. Спб., 1875 (ц. р. 23 дек. 1874).

ГоУ-1886 — Горе от ума. Комедия в четырех действиях. А. С. Грибоедова/Предисловие А. С. Суворина «„Горе от ума“ и его критики». Спб.: изд. и тип. А. С. Суворина, 1886.

ГоУ-1923 — Грибоедов А. С. Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах/⟨редакция К. Халабаева и Б. Эйхенбаума⟩. М.; Пгр: Госиздат, 1923.

ГоУ-1946 — Грибоедов А. С. Горе от ума. Комедия в 4-х действиях/Вступление и статьи ⟨«К истории создания „Горе от ума“» и «„Горе от ума“ на тифлисской сцене»⟩ И. К. Ениколопова. Тбилиси: «Заря Востока», 1946.

ГоУ-1946-ПСК — Грибоедов А. С. Горе от ума. Пьеса, статьи, комментарии/Под редакцией Н. Пиксанова и Вл. Филиппова. М.: «Искусство», 1946.

ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Отдел рукописей.

Грот — Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Филологические разыскания Я. К. Грота. Спб.: имп. Академия наук, 1876.

ГТБ — Гос. театральная библиотека им. А. В. Луначарского (Ленинград).

ГЦТМ — Гос. центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).

Дубровин — Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века. IV. Характеристика Москвы, особенности ее быта и значение в тогдашней жизни русского общества//«Рус. старина». 1899, № 1, 2.

ЖР — Горе от ума. Комедия А. С. Грибоедова. Текст жандровской рукописи, хранящейся в имп. Российском Историческом музее им. имп. Александра III в Москве/С приложением двух портретов

и пяти снимков с рукописи. Редакция, введение и примечания Н. К. Пиксанова. М.: изд. Л. Э. Бухгейм, 1912.

ЖСп — Жандровский список (авторизованная писарская рукопись комедии «Горе от ума», принадлежавшая А. А. Жандру (ГИМ).

Зотов — Зотов Р. Театральные воспоминания: Автобиографические записки. Спб., 1860.

ИВ — журнал «Исторический вестник».

Избр-1978-СР — Грибоедов А. С. Избранное: Пьесы. Стихотворения. Проза. Письма/Вступительная статья и подготовка текста С. А. Фомичева. Примечания Ю. П. Фесенко. М.: «Сов. Россия», 1978.

Избр-1978-ХЛ — Грибоедов А. С. Избранное/Подготовка текста, состав, вступительная статья и комментарии С. А. Фомичева. М.: «Худож. литература», 1978.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Спб.

Карточный игрок — Новейший русский карточный игрок. Спб., 1908.

Комм.— Фомичев С. А. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. Книга для учителя. М.: «Просвещение», 1983.

ЛА — «Лит. архив».

ЛГУ — Лен. гос. университет им. А. А. Жданова.

ЛН — «Лит. наследство».

ЛНД — Лит. наследие декабристов/Отв. редакторы: В. Г. Базанов, В. Э. Вацуро. Т. 47—48. Л.: «Наука», 1975.

ЛП — Грибоедов А. С. Горе от ума/Изд. подготовил Н. К. Пиксанов при участии А. Л. Гришунина. М.: «Наука», 1969 («Лит. памятники»).

Лотман — Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Пособие для учителя: 2-е изд. Л.: «Просвещение», 1983.

МА — Музейный автограф (автограф ранней редакции комедии «Горе от ума», хранится в ГИМ).

МА-1903 — Рукопись комедии «Горе от ума»/Редакция, вступительная статья и примечания В. Е. Якушкина. Палеографическое описание А. И. Станкевича//Российский Исторический музей. Описание памятников. Вып. 3. М., 1903.

Мнемозина — Мнемозина. Собрание сочинений в стихах и прозе. Издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером. Ч. 1, 2, 3. М., 1824 (ц. р. 17 янв., 14 апр., 16 окт. 1824). Ч. 4. М., 1825 (ц. р. 13 окт. 1824).

МТ — журнал «Московский телеграф».

Нечкина — Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы: 3-е изд. М.: «Худож. литература», 1977.

Новый словотолкователь — Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Спб., 1808. Ч. 1.

НМ — журнал «Новый мир».

ОЛРС — Общество любителей российской словесности.

ПД — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. (Ленинград). Рукописный отдел.

Письма Катенина — Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину: (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века)./С вступительною статьею и примечаниями А. А. Чебышева. Спб., 1911.

Письма Языкова — Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829)/Под редакцией и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова. Спб.: Изд. Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, 1913.

Полярная звезда — Полярная звезда. Карманная книжка на 1823 год для любительниц и любителей русской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. Спб (ц. р. 3 ноября 1824). То же —

на 1825 год (ц. р. 20 марта 1825). В наст. изд. цит. по кн.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым/Изд. подготовили Б. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л.: изд. АН СССР, 1960 («Лит. памятники»).

ПСС-1860 — Полное собрание сочинений Грибоедова, с портретом автора и 5-ю картинками. ⟨Изд. М. Мухина⟩ Спб., 1860.

ПСС-1889 — Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова/Под редакцией ⟨...⟩ И. А. Шляпкина: т. 2 (Поэзия). Спб., 1889.

Пушкин — Пушкин. Полное собрание сочинений: В 16-ти т. ⟨М.; Л.⟩: Изд-во АН СССР, 1937—1949.

РА — журнал «Русский архив».

РВ — журнал «Русский вестник».

РВед — газета «Русские ведомости».

РЛ — журнал «Русская литература».

РО — журнал «Русское обозрение».

РС — журнал «Русская старина».

РСл — журнал «Русское слово».

РТ — Русская Талия. Подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год/Издал Фаддей Булгарин. Спб.: в тип. Н. Греча (ц. р. 15 ноября 1824, предисл. Булгарина от 1 дек. 1824).

РЭ — «Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в.»/ Вступительная статья Л. Ф. Ершова. Составление, подготовка текста и примечания В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко. Л., 1975 («Б-ка поэта». Б. с.).

САР — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1—6. Спб., 1806—1822.

Сб ОЛРС — Сборник общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891.

Сл-1847 — Словарь церковнославянского и русского языка/Составлен Вторым отделением Академии наук. Т. 1—4. Спб., 1847.

СН — журнал «Северный наблюдатель».

СО — журнал «Сын отечества».

СО и СА — журнал «Сын отечества и Северный архив».

Соч-1854 — Сочинения Грибоедова. Издание Александра Смирдина. Спб.: в типографии Якова Трея, 1854 (ц. р. 5 авг. 1854) (Полн. собр. соч. русских авторов. Сочинения Грибоедова и Крюковского).

Соч-1858 — А. С. Грибоедов и его сочинения. С приложением: 1. Портрета автора. 2. Изображения памятника над его могилою. 3. Автографа. 4. Герба Грибоедовых. 5. Сцен из комедии «Горе от ума»: a) Бал. b) Разъезд и c) Явление Репетилова. 6. Статей о комедии «Горе от ума» из журналов (1825—1857)/Изд. Евграфа Серчевского. Спб., 1858 (ц. р. 30 окт. 1857).

Соч-1860 — Сочинения А. С. Грибоедова (Первое полное издание). Берлин: Рудольф Вагнер, 1860 (2-е изд.—1870).

Соч-1875 — А. С. Грибоедов. Комедия «Горе от ума». Лубочный театр. Своя семья. Грузинская ночь. Хищники на Чегеме. Переписка. Портрет. Биография. Из критики Белинского/Редакция текста, составление биографии — А. Н. Веселовского. Спб., 1875 («Русская библиотека». Т. 5. 2-е изд.—1878).

Соч-1886 — Сочинения А. С. Грибоедова. I. Мелкие статьи и произведения. II. Драматические произведения. III. Письма. С портретом автора. М.: изд. К. К. Шамова, 1886.

Соч-1959 — Грибоедов А. С. Сочинения/Подготовка текста, предисловие и комментарии Вл. Орлова. М.; Л.: ГИХЛ, 1959.

Соч-1971 — Грибоедов А. С. Сочинения в двух томах/Общая редакция М. П. Еремина. М.: «Правда», 1971. (Библиотека «Огонек»).
Соч-1985 — Грибоедов А. С. Сочинения/Подготовка текста, вступительная статья и примечания А. Л. Гришунина. М.: «Правда», 1985.
СП — газета «Северная пчела».
ТБТ — А. С. Грибоедов: Творчество. Биография. Традиции/Отв. редактор С. А. Фомичев. Л.: «Наука», 1977.
ТИ — Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума». М.: «Наука», 1971.
ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИА — Центральный гос. исторический архив СССР (Ленинград).
ЦНБ — Центральная нотная библиотека (Ленинград).
ЧТ — Черновая тетрадь (тетрадь с автографами Грибоедова, опубликованная Д. А. Смирновым в РСл, 1859, № 4, 5, затем утраченная).
Шепелев — Шепелев Л. Е. Отмененные историей: Чины, звания и титулы в Российской империи. Л.: «Наука», 1977.

I

* **Горе от ума.** РТ (д. I, явл. 7—10 и д. III), под загл. «Из комедии „Горе от ума“». -- ГоУ-1833. -- ГоУ-1862-2. -- МА-1903. -- ЖР. -- АН. Т. 2.-- ГоУ-1923. Рукописные источники: МА, ЖСп, БСп. Многочисленные списки: ГБЛ, ГИМ, ГЛМ, ЦГАЛИ, ГЦТМ, ПД и другие архивохранилища. Печ. по ЖСп с исправлением явных ошибок и проверкой по МА, БСп и РТ.

Ввиду отсутствия автографа окончательной редакции и полной прижизненной публикации целостную картину авторизованного текста ГоУ может дать только тщательное сопоставление четырех основных прижизненных источников (МА, ЖСп, БСп, РТ) с учетом истории их создания.

Существуют предположения, что первоначальный замысел ГоУ возник задолго до окончательного воплощения и существенно отличался от него. «Первое начертание этой сценической поэмы было гораздо великолепнее и высшего значения»,— говорил впоследствии автор (см. «По поводу „Горя от ума“», с. 387), имея в виду, вероятно, «именно замыслы,— по определению Н. К. Пиксанова,— т. е. акты сознания, а не творчества» (ЛП. С. 257), лишенные элемента комедийности и не получившие четкого драматургического оформления. Начало работы над ГоУ иногда относят к ранним юношеским годам поэта на основании свидетельства В. В. Шнейдера о «начатках „Горя от ума“», якобы читанных Грибоедовым приятелям в начале 1812 г., а также по некоторым другим данным (см.: БП-1967, с. 23—24). Более достоверным, однако, представляется утверждение С. Н. Бегичева, высказанное в 1854 г.: «Известно мне, что план этой комедии был у него сделан еще в Петербурге 1816 года и даже написаны были несколько сцен; но не знаю, в Персии или Грузии, Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторые действующие лица, а между прочим жену Фамусова, сантиментальную модницу и аристократку московскую ⟨...⟩ и вместе с этим выкинуты и написанные уже сцены» (Восп-1980. С. 26). Неудивительно поэтому, что в марте 1823 г. тот же Бегичев воспринимал текст пьесы как новый для себя, ранее не известный. Ведь в 1816 г. он слышал сцены, не вошедшие в окончательный текст, притом в разрознен-

ных отрывках, связанных с позднейшей редакцией лишь общей темой. То же касается П. А. Катенина, близкого приятеля Грибоедова, знавшего подробности его жизни, который тем не менее в 1825 г. воспринял как новость публикацию в РТ (см.: Письма Катенина. С. 76). Отрывки первоначального варианта читались, вероятно, и Д. О. Бебутову в ноябре 1819 г. во время совместного путешествия по Кавказу (см.: «Кавказский сборник», Тифлис, 1902. Т. 23. С. 51 третьей пагинации). Трудно сказать, насколько они были близки к тому ГоУ, которое нам известно,— возможно, это были некие эпиграмматические наброски, вошедшие затем в текст комедии в более или менее преображенном виде. Существуют предположения, что указанные свидетельства относятся к каким-то другим драматургическим опытам молодого писателя (см.: ТИ. С. 79—80, иная точка зрения — Нечкина. С. 200—202). Называется и конкретное произведение — комедия «Студент» (1817), в которой имеется сходство с некоторыми сценами и обрисовкой характеров ГоУ (см.: Фомичев С. А. К творческой предыстории «Горя от ума». Комедия «Студент» // Сб. «От „Слова о полку Игореве“ до „Тихого Дона“». Л., 1969. С. 88—98). Представляется, однако, маловероятным, чтобы Бебутов, а в особенности Бегичев, очень внимательно относившийся к наследию Грибоедова, приняли за ГоУ отрывок какого-то другого, тем более прозаического произведения. К сатирическому изображению московских нравов Грибоедов подходил исподволь, под влиянием уже сложившейся литературной традиции и собственных житейских впечатлений. Критический взгляд на московское общество встречаем в письме к С. Н. Бегичеву от 18 сентября 1818 г. из Воронежа (по пути в Персию): «В Москве все не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему». Намек на «праздность» и «роскошь» — и в черновике письма к неизвестному от 17 ноября 1820 г. из Тавриза, где говорится о приснившемся поэту «праздничном вечере», на котором «попадаются многие лица, одно как будто моего дяди, другие тоже знакомые». Упоминание «моего дяди» перекликается с позднейшим наброском «Характер моего дяди» — заготовкой к работе над образом Фамусова (см. примеч. к этому произведению, с. 504). Из письма можно понять, что от Грибоедова ждали начала или продолжения работы над неким крупным сочинением, замысел которого был сообщен кому-то до отъезда на Кавказ в августе 1818 г. В описании сна автор обязуется «через год непременно» закончить произведение. К этому времени, может быть, существовали уже и некоторые сцены, изображавшие быт фамусовской Москвы (ср. указание Бегичева на образ жены Фамусова). О сне, после которого было написано «Горе от ума», рассказывал позднее со слов Грибоедова и Ф. В. Булгарин (см.: Восп-1929. С. 26—27). Письмо к неизвестному Грибоедов завершает словами: «...затеплил свечку в моей храмине, сажусь писать и живо помню мое обещание; *во сне дано, наяву исполнится*». Если принимать это как заявление о начале работы над известным нам текстом ГоУ, то датировку его следовало бы отнести к 1820 г. Однако ночью 17 ноября 1820 г. Грибоедов, вероятно, лишь начал вновь обдумывать свой замысел: слова «сажусь писать» могут относиться к писанию данного письма, а далее подтверждено обещание начать работу над произведением. На обороте письма — набросок по-французски просьбы об отставке или переводе в Россию. Результатом этих хлопот был перевод его в конце 1821 г. в Тифлис под начальство А. П. Ермолова. В течение года, прошедшего со времени знаменательного сна до переезда в Тифлис, вряд ли могло быть написано много — обремененный служебными обязанностями, в

отсутствие среды, стимулирующей литературные занятия, Грибоедов не мог в достаточной степени отдаться творчеству. Всего вероятнее, что в то время был обдуман новый план комедии и, быть может, сделаны какие-то новые наброски. В дневнике В. К. Кюхельбекера, относящемся к совместному с Грибоедовым пребыванию на Кавказе с декабря 1821 по май 1822 г., сообщается об интенсивной работе над комедией в Тифлисе: «Грибоедов писал „Горе от ума" почти при мне, по крайней мере мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано» (Восп-1980. С. 259). Это касается не всей комедии (Кюхельбекер и не утверждал, что при нем она написана от начала до конца), а только первых двух действий, с которыми автор приехал в Москву в марте 1823 г. и вскоре частично переработал по замечаниям Бегичева (см.: Восп-1980. С. 27—28). После этого, в апреле — мае 1823 г., Грибоедов «пустился в большой московский свет», а на замечания о перерыве в работе отвечал: «Не бойся! Время мое не пропадет» (там же. С. 28). В это время, по всей вероятности, накапливались впечатления и обдумывались сцены бала в д. III. В конце июля он отправился в село Дмитровское Ефремовского уезда Тульской губернии, принадлежавшее Бегичеву, и здесь в августе-сентябре завершил работу над д. III и IV: «Последние акты „Горя от ума" написаны в моем саду, в беседке»,— сообщает Бегичев (там же). С конца сентября 1823 по конец мая 1824 г., по свидетельствам очевидцев, писатель «продолжал отделывать свою комедию 〈...〉 и, чтобы вернее схватить все оттенки московского общества, ездил на обеды и балы, до которых никогда не был охотник, а затем уединялся по целым дням в своем кабинете» (Соковнина Е.-П. Воспоминания о Д. Н. Бегичеве//Восп-1980. С. 94). То же подтверждает Булгарин: «Грибоедов стал посещать общества и в то же время почувствовал недостатки своей комедии и начал ее переделывать. Каждый выезд в свет представлял ему новые материалы к усовершению своего труда» (Восп-1929. С. 27). Испещренную поправками рукопись Грибоедов оставил у Бегичева перед своим отъездом в Петербург, очевидно взяв с собой снятую с нее копию, которая упоминается в письме к Бегичеву от 10 июня 1824 г. из Петербурга: «Все просят у меня манускрипта и надоедают». Над «манускриптом» в это время шла интенсивная работа, начатая еще в дороге: «Представь себе, что я слишком восемьдесят стихов, или, лучше сказать, рифм, переменил, теперь гладко, как стекло. Кроме того, на дороге мне пришло в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечою над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда, и в этом виде читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гр〈ечу〉 и Булг〈арину〉, Колосовой, Каратыгину, дай счесть — 8 чтений. Нет, обчелся — двенадцать; третьего дня обед был у Столыпина, и опять чтение, и еще слово дал на три в разных закоулках» (письмо к Бегичеву от июля 1824 г.). Результатом чтений в литературных и театральных кругах была и дальнейшая шлифовка текста по советам слушателей («замечанием Виельгорского я тоже воспользовался» — там же), и новые импровизационные варианты, которые, вероятнее всего, затем также вносились в рукопись: «Но наконец мне так надоело все одно и то же, что во многих местах импровизирую, да, это несколько раз случалося, потом я сам себя ловил, но другие не домекались» (там же). В итоге всех этих переделок возникли «такие ужасные брульены, что разобрать было невозможно,— рассказывал А. А. Жандр Д. А. Смирнову.— Видя, что гениальнейшее создание чуть не гибнет, я у него выпросил его полу-

листы ⟨...⟩. У меня была под руками целая канцелярия: она списала „Горе от ума“ и обогатилась, потому что требовали множество списков. Главный список, поправленный рукою самого Грибоедова, находится у меня» (Восп-1980. С. 248). Хотя Жандр не уточняет времени появления у него «главного списка» (ЖСп), но, вероятнее всего, это было сразу же по его изготовлении, у автора же взамен подаренного Бегичеву автографа, «брульенов» и «главного списка» жандровской «канцелярии» должна была остаться какая-то рукопись. Вероятно, она упоминается в письме к Бегичеву из Тифлиса от 9 декабря 1826 г.: «Заставь Ермолова Петра Николаевича возвратить мне мой манускрипт „Горя от ума“». Ко времени оформления жандровского «главного списка», скорее всего, относится и изготовление списка, на котором Грибоедов, уезжая из Петербурга в Персию к месту службы и увозя с собой, по всей вероятности, свой «манускрипт» ГоУ, сделал надпись о поручении Булгарину заботы о судьбе своего произведения (БСп). Таким образом, известный нам текст второй редакции ГоУ окончательно сформировался к осени 1824 г. и с тех пор не подвергался сколько-нибудь существенной авторской правке.

В письме к П. А. Вяземскому от 21 июня 1824 г. Грибоедов говорит о «любопытстве многих» увидеть комедию «на сцене или в театре или услышать в чтенье». Отсутствие полного печатного текста ГоУ отчасти восполнялось широким распространением множества списков, первоначальное возникновение которых относится к тому времени, когда грибоедовские «брульены» переписывались «канцелярией» Жандра. Вероятно, отсюда же пошли и первые искажения текста, так как кроме «главного» списка, исправленного Грибоедовым, существовало множество других, на которых «обогатились» переписчики. Это отмечали уже современники. «Первый списанный экземпляр сей комедии быстро распространился по России,— писал Булгарин,— и ныне нет ни одного малого города, нет дома, где любят словесность, где б не было списка сей комедии, по несчастию искаженного переписчиками» (Восп-1929. С. 27). Грибоедов писал П. А. Катенину 17 окт. 1824 г.: «А. А. ⟨Катенин?⟩ везет к тебе мои рифмы, прочти, рассмейся, заметь, что не по тебе, орфографию от себя дополни, переписывал кто-то в Преображенском полку». Переписка Н. М. Языкова с братом и сестрой в течение всего 1825 г. полна забот о пересылке списков комедии Грибоедова. «Вы, вероятно, уже получили ⟨...⟩ комедию Грибоедова „Горе от ума“; напиши, как она подействовала на бездейственные умы в Симбирске,— пишет он 27 августа 1825 г. из Дерпта.— Это — произведение, делающее честь нашему времени и уму русскому ⟨...⟩. Читай ее чаще и учись смотреть на свет глазами Грибоедова; тогда только ты увидишь его, как он есть» (Письма Языкова. С. 208). Одним из источников распространения списков были тайные декабристские общества. По свидетельству декабриста Д. И. Завалишина, на квартире А. И. Одоевского в присутствии и при участии автора производилась коллективная переписка комедии декабристами «с подлинной рукописи Грибоедова» (Восп-1980. С. 132). Завалишин утверждал, что автор вносил в текст поправки, «когда ему сообщали, по его же собственной просьбе, некоторые замечания, особенно на те выражения, которые все еще отзывались как бы книжным языком» (там же). Тот же Завалишин сообщает, что в ноябре 1825 г. он «привез в Москву полный экземпляр» (там же). По некоторым сведениям, еще раньше один из списков доставил туда А. А. Бестужев. Имеются сведения о списках, переправленных на Кавказ, в Киев, Казань, Орел и другие города. Переписка и распространение ГоУ не прекратились и после посмертных публикаций, выходивших

с цензурными сокращениями и пропусками, которые устранялись по тексту ходивших по рукам копий. С 1828 г. начали создаваться так называемые «театральные списки», восходящие к БСп, как установил Пиксанов (см.: АН. Т. 2. С. 260—263). Искаженные переписчиками и цензурой, приспособленные к режиссерским требованиям, они представляют интерес главным образом с точки зрения цензурной и сценической истории ГоУ. Кроме них, до нас дошло огромное количество списков, хранящихся в разных государственных архивохранилищах и частных собраниях. В разное время предпринимались попытки их сопоставления (об изучении списков см.: АН. Т. 2. С. 230—231; 260—266; ЛА. 1938, т. 1. С. 222; ТИ. С. 98—105, 127—135; ЛП. С. 332—333; ТБТ. С. 5—11 и др.). Большинство из них восходит, по-видимому, к указанным выше основным источникам и содержит многочисленные разночтения, которые, по замечанию П. Краснова, «ждут еще своего исследователя» (ВЛ. 1966, № 10. С. 254). В нескольких списках содержится последний монолог Чацкого в авторской «посредствующей редакции», промежуточной между МА и ЖСп, следы которой имеются в первоначальном слое ЖСп (см. об этом с. 463). Дальнейшее обследование рукописей и составление свода вариантов может дать ценный материал для документации разночтений в основных источниках, атрибуции правки, уточнения ее последовательности, установления посредствующих не дошедших до нас редакций и т. д.

История театральных постановок ГоУ начинается в мае 1825 г., когда П. А. Каратыгин предложил ее для сцены Петербургского театрального училища. В своих «Записках» он рассказывает об этом: «Сам Грибоедов приезжал к нам на репетиции и очень усердно учил нас... Надо было видеть, с каким простодушным удовольствием он потирал себе руки, видя свое „Горе от ума“ на нашем ребяческом театре! ⟨...⟩ На одну из репетиций он привез с собою А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера — и те также нас похваливали» (Восп-1980. С. 106). 18 мая 1825 г. Грибоедов писал Бегичеву: «Нынешний вечер играют в школе, приватно, без дозволенья цензуры, мою комедию». Однако спектакль по пьесе, не получившей цензурного одобрения, был уже запрещен петербургским генерал-губернатором М. А. Милорадовичем накануне премьеры. «Мы с Григорьевым,— пишет Каратыгин,— отправились тотчас же к Грибоедову с этим роковым известием, что, конечно его сильно огорчило» (Восп-1980. С. 107). «Комедия „Горе от ума“ была играна в 1827 году, в присутствии автора, в крепости в Эриване, в одной из комнат дворца сардарского» («„Горе от ума“ в Тифлисе»/Сообщение Г. Н. Геннади//РС. 1874, № 7. С. 613—614). Не оставляя надежды увидеть ГоУ на профессиональной сцене, Грибоедов «проходил в Петербурге роль Репетилова и Загорецкого с Сосницким и Каратыгиным 2-м и был ими очень доволен. В Москве он сам читал свою комедию актерам, давал им наставления и приготовлял Щепкина для роли Фамусова» (Вольф. С. 21). И. И. Сосницкий исполнил роль Чацкого уже после смерти Грибоедова, когда на сцене петербургского Большого театра в бенефис М. И. Валберховой 2 дек. 1829 г., т. е. через год после цензурного разрешения, был поставлен впервые отрывок из ГоУ (д. I, явл. 7—10) в составе «интермедии-дивертисмента», где роль Фамусова исполнял И. П. Борецкий, Софьи — Е. С. Семенова, Лизы — «воспитанница» Монготье. Тот же отрывок был дан 31 января 1830 г. в Москве в бенефис М. С. Щепкина, который выписал текст через Сосницкого и сообщал впоследствии о «большом успехе» этой постановки (см.: Щепкин М. С. Записки. Письма. Современники о М. С. Щепкине. М., 1952. С. 155, 156). Затем в Петербурге

5 февраля 1830 г. впервые прошло д. III, 16 июня — д. III и IV, с 9 октября — сцены из д. I, III и IV. В Москве 23 мая 1830 г.— д. III, 25 февраля 1831 г.— д. III и IV. Полностью ГоУ впервые представлено в петербургском Большом театре в бенефис Я. Г. Брянского 26 января 1831 г., «после того Брянский должен был заплатить Булгарину 1000 р. асс⟨игнациями⟩ за дозволение сыграть „Горе от ума" ⟨...⟩ в полном составе» (Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929. Т. 1. С. 316). В московском Малом театре первый спектакль был дан 27 ноября 1831 г. В состав исполнителей входили в Петербурге В. А. Каратыгин (Чацкий), Е. С. Семенова (Софья), А. М. Каратыгина и Я. Г. Брянский (Горичи), И. И. Сосницкий (Репетилов), в Москве М. С. Щепкин (Фамусов), П. С. Мочалов (Чацкий) и другие знаменитые в то время актеры (перечень представлений ГоУ и исполнителей см.: «Ежегодник имп. театров. Сезон 1893—1894». Кн. 3. Приложение. С. 45—68).

Целью приезда Грибоедова в Петербург 1 июня 1824 г. были хлопоты о дальнейшей судьбе ГоУ при содействии высших чиновников, знакомых ему по петербургской службе: министра внутренних дел В. С. Ланского, министра народного просвещения А. С. Шишкова, петербургского генерал-губернатора М. А. Милорадовича (см. письмо к Бегичеву от 10 июня 1824 г., а также свидетельство одного из цензоров о визите Грибоедова к В. С. Ланскому (РС. 1874. Т. 10, № 6. С. 296). Он понимал, что полный текст ГоУ не может пройти через цензуру, и признавался в цитированном выше письме к Бегичеву от июля 1824 г.: «Надеюсь, жду, урезываю, меняю дело на вздор, так что во многих местах моей драматической картины яркие краски совсем пополовели, сержусь и восстанавливаю стертое». В. А. Каратыгин 12 июля 1824 г. сообщил П. А. Катенину о бесперспективности попыток автора увидеть комедию в печати и на сцене: «Он теперь хлопочет о пропуске своей прекрасной комедии „Горе от ума", которой вряд ли быть пропущенной» (РА. 1871, № 6. Стлб. 0242). Хлопоты действительно не увенчались успехом. Около 20 октября 1824 г. Грибоедов писал Н. И. Гречу: «Напрасно, брат, все напрасно. Я что приехал от Фока, то с помощию негодования своего и Одоевского изорвал в клочки ⟨...⟩ всякий писанный листок моей руки, который под рукою случился ⟨...⟩ Коли цензура ваша не пропустит ничего порядочного из моей комедии, нельзя ли вовсе не печатать? — Или пусть укажет на сомнительные места, я бы как-нибудь подделался к общепринятой глупости, урезал бы; и тогда весь 3-й акт можно поместить в альманахе». Автоцензурная и цензурная переработки нескольких явлений д. I и всего д. III завершились к середине ноября того же года, когда РТ была одобрена к печати. В связи с этим Катенин писал Н. И. Бахтину 17 февраля 1825 г., что вся комедия целиком «цензурою не пропущена и по нашей системе и не могла пройти ⟨...⟩ Смелых выходок много, и даже невероятно, чтобы Грибоедов, сочиняя свою комедию, мог в самом деле надеяться, что ее русская цензура позволит играть и печатать» (Письма Катенина. С. 76—78).

Первым критическим отзывом на публикацию РТ была положительная рецензия Н. А. Полевого (см.: МТ. 1825, ч. 1, № 2. С. 167, ц. р. 20 янв. 1825). Многократные чтения и переписка комедии привели к тому, что критики касались не только напечатанных отрывков, но всего произведения. Подробно освещая его достоинства и недостатки, критики в общей оценке разделились на два противоположных лагеря. Рецензия Полевого вызвала резкие возражения литератора М. А. Дмитриева, поддержанного затем А. И. Писаревым (см. примеч. к эпиграммам на них, с. 495). Оба они раздраженно упрекали Грибоедова в

искажении российской действительности, а Чацкого — в сумасбродстве и пустословии, порицали язык комедии и ее драматургическую архитектонику (см.: Дмитриев Мих. Замечания на суждения «Телеграфа»//ВЕ. 1825, № 6. С. 111—115; ⟨Писарев А. И.⟩ Несколько слов о мыслях одного критика и о комедии „Горе от ума"//ВЕ. 1825, № 10. С. 108—119, подп.: Пилад Белугин; ⟨Писарев А. И.⟩. Против замечаний неизвестного У. У. на суждения о комедии «Горе от ума»//ВЕ. 1825, № 23—24. С. 198—224, подп.: Пилад Белугин). Большинство критиков оценили ГоУ как величайшее достижение русской литературы, «живую и верную картину нравов», а главного героя противопоставляли окружающему его обществу как человека передовых взглядов, истинно любящего отечество. А. А. Бестужев в статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов», указав на общий застой русской драматургии и недостаток оригинальных пьес, добавлял: «Но все это выкупила рукописная комедия г. Грибоедова „Горе от ума", феномен, какого не видали мы от времен „Недоросля". Толпа характеров, обрисованных смело и резко, живая картина московских нравов, душа в чувствованиях, ум и остроумие в речах, невиданная доселе беглость и природа разговорного русского языка в стихах. Все это завлекает, поражает, приковывает внимание ⟨...⟩ Люди, привычные даже забавляться по французской систематике или оскорбленные зеркальностию сцен, говорят, что в ней нет завязки, что автор не по правилам нравится; но ⟨...⟩ предрассудки рассеются и будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных» (Полярная звезда на 1825 г. С. 496). В. Ф. Одоевский охарактеризовал ГоУ как произведение, «истинно делающее честь нашему времени, блистающее всею свежестью творческого вымысла» (Мнемозина. Ч. 4. С. 232. См. также его статью: Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии «Горе от ума»//МТ. 1825, № 10. Приложение. Антикритика. С. 1—12, подп.: У. У.). Положительную оценку ГоУ см. также: Сомов О. Мои мысли о замечаниях г. Дмитриева на комедию «Горе от ума» и о характере Чацкого//СО. 1825, № 10. С. 177—195; ⟨Греч Н. И.?⟩. Петербургские записки//СП. 1825, 3 февр., подп.: Д. Р. К.; ⟨Греч. Н. И.?⟩. Третье письмо на Кавказ//СО. 1825, № 5. С. 64, 65, подп.: Ж. К.; ⟨Греч Н. И.?⟩ Четвертое письмо на Кавказ //СО. 1825, № 10. С. 199—200, подп.: Д. Р. К. Полного единства не было, впрочем, и среди сторонников Грибоедова (см., например, споры Полевого с Гречем//МТ. 1825, № 13, Особенное прибавление. С. 21—22). Полемика обострилась до такой степени, что редакция ВЕ поместила просьбу о прекращении «спорных статей и состязаний продолжительных» (ВЕ. 1825, № 23 и 24. С. 199). О том же просил друзей и сам Грибоедов. Он отказался отдать в печать присланную ему антикритику С. Н. Бегичева (см. письмо от 18 мая 1825 г.), а Одоевскому писал 10 июня 1825 г.: «Охота же так ревностно препираться о нескольких стихах, о их гладкости, жесткости, плоскости ⟨...⟩ Борьба ребяческая, школьная». Известны и другие отзывы, не попавшие в печать: П. А. Катенина (см.: Письма Катенина. С. 74, 76—78), Н. М. Языкова (см.: Письма Языкова. С. 203, 208), А. С. Пушкина (см. его письма А. А. Бестужеву от янв. 1825 г. и П. А. Вяземскому от 28 янв. 1825 г. Пушкин. Т. 13. С. 137). В целом современная Грибоедову критика «оказалась бессильной оценить всю полноту художественных и идейных достоинств комедии» (Пиксанов Н. К. Оценка «Горя от ума» в литературной критике//АН. Т. 2. С. 311). Это было сделано впоследствии В. Г. Белинским, Н. В. Гоголем, А. И. Герценом, И. А. Гончаровым, А. А. Блоком и др.

При жизни Грибоедова ГоУ полностью не было опубликовано. Впервые полный текст с разрешения цензуры был напечатан в Ревеле в немецком переводе Карла Кнорринга с предисловием, приглушавшим социальную остроту комедии: Russische Bibliothek für Deutsche. Von K. Knorring. 3-es Heft. Горе от ума, oder Leiden durch Bildung. Von Gribojedow. Reval, 1831. (Сведения о нем собраны в статье: Фомичев С. А. Исследования и интерпретации//РЛ. 1971, № 2. С. 172). Ему предшествовал прозаический перевод Луи Шнейдера, с купюрами (подробности о нем — Reissner E. Louis Schneiders deutsche Übersetzung von «Горе от ума»//«Zeitschrift für Slavistik». 1962. Bd. 7, H. 2. SS. 198—209). Наследницы поэта — его жена и сестра — долгое время безуспешно пытались провести через цензуру полный текст комедии, первоначально, вероятно, через Булгарина, с которым, впрочем, их добрые отношения вскоре прекратились и началась борьба за литературное наследие Грибоедова. В письме к вице-президенту Академии наук М. А. Дондукову-Корсакову от 1 марта 1832 г. Булгарин утверждает, что «Грибоедов, уезжая посланником в Персию», передал ему «полное право распоряжаться сею комедиею и передал на нее право собственности собственноручною надписью на подлинной комедии и особою формальною бумагою», а также демонстративно сообщает об уступке своего права сестре поэта М. С. Дурново, если она «выхлопочет позволение напечатать комедию» (БЗ. 1859, № 20. Стб. 623). В феврале 1831 г. писатель и цензор О. И. Сенковский от имени наследников предпринял попытку получить разрешение на публикацию «без всяких перемен и исключений», обращая внимание петербургского цензурного комитета на то, что «нет почти ни одного сколько-нибудь образованного человека, из русских, который бы не читал в рукописи и не знал наизусть всех примечательных мест „Горя от ума“. Многие даже стихи, и именно те, кои при слишком строгой цензуре могли бы подлежать исключению, превратились в апофтегмы (афоризмы.— *Ред.*) и пословицы. Итак, исключить оные теперь из печатного издания значило бы только обратить на них излишнее внимание публики и подать повод к неуместным толкам» (ГоУ-1946. Приложение. С. 158—160). Это представление не было принято, как и следующее, когда предложенная Н. А. Грибоедовой и М. С. Дурново в 1833 г. в Московский цензурный комитет рукопись была отклонена по докладу цензора Л. Цветаева как содержащая сцены, «противные благопристойности и нравственности» (ВЛ. 1967, № 5. С. 253). Однако комедия увидела свет в том же 1833 г. в Москве «с высочайшего соизволения» Николая I, начертавшего на цензурном деле: «Печатать от слова до слова, как играется, можно; для чего взять манускрипт из здешнего театра» (см.: Краснов П. В тисках царской цензуры//ВЛ. 1967, № 5. С. 252-254). В ГоУ-1833, напечатанном скорее всего по неисправному тексту одного из петербургских театральных списков (как в этом экземпляре, реплики графини внучки в д. III, явл. 17, 18 переданы здесь Наталье Дмитревне, роль которой при перераспределении исполнителей перешла к А. Д. Каратыгиной-«большой»), внесены новые ошибки, сохранено большинство цензурных вмешательств в РТ (д. I и III), а также сделаны дальнейшие изъятия и исправления отдельных стихов. В работе Гарусова «А. С. Грибоедов. Обзор всех изданий комедии „Горе от ума“. 1825—1874» содержатся следующие пояснения к некоторым цензурным вариантам первого издания. Д. II, явл. 2, ст. 129, 131: *Вот что он вздумал проповедать* 〈...〉 *Он ничего*

не признает. «Слова „вольность“, „свобода“, „личность“ не только в 30-х, но и в 40-х годах были, по тогдашнему воззрению, положительно противоцензурного свойства 〈...〉 Во время посещения в 1847 году московского университета гр. С. С. Уваровым 〈...〉 проф. С. П. Шевырев слова „личность“, „свобода мысли“, „свобода слова“ обязал своих слушателей исключить из лексикона как имеющие отрицательный, почти неблагонамеренный оттенок». Д. III, явл. 3, ст. 173—177: *Чины людьми даются* и т. д. «Эти стихи были признаны как направленные к колебанию доверия к высшей власти, т. к. в чинах утверждали высочайшими указами». Д. III, явл. 9, ст. 349: *Известный плут.* «Слово „мошенник“ считалось неприличным для произношения в обществе». Д. III, явл. 12, ст. 404: *То есть хотите вы сказать.* «Произнесение слов „величество“, „высочество“ со сцены и появление их в драматических сочинениях принималось как знак неуважения к власти» (ГоУ-1875. С. 39). Такой испорченный текст не мог удовлетворить читающую публику, хорошо знакомую с бесцензурными списками, на что и намекал в своей рецензии Сенковский: «В этом издании примечаются некоторые маловажные пропуски против рукописных экземпляров, которыми наводнена Россия: память нынешних читателей легко пополнит подобные места при чтении» (БдЧ. 1834, т. 1, отд. 6. С. 44). В нескольких архивохранилищах (ГБЛ, ГЛМ, ГПБ, ПД) имеются экземпляры этого издания с исправлениями от руки цензурных искажений. Таким образом, как указывал Герцен, не была достигнута цель высочайшего разрешения «на выпуск урезанного 〈...〉 издания» комедии — «лишить ее привлекательности запрещенного плода» и «воспрепятствовать распространению списков» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1959. Т. 18. С. 179). ГоУ-1833 начинает историю посмертных публикаций комедии, подробно описанных Гарусовым, Шляпкиным, Пиксановым (ГоУ-1875. С. 21; ПСС-1889. С. 421; ЖР. С. XXXI — XXXIX; АН. Т. 2. С. 248-256, 269-278; ЛП. С. 333-365). Ниже указываются основные из них, имеющие сколько-нибудь существенные разночтения. Два бесцензурных издания, напечатанные, судя по палеографическим данным, в первой половине 1830-х гг., в одной из военных типографий, со вписанным от руки французским текстом, изобилующие грубыми опечатками, дают полный текст ГоУ по неизвестным источникам. В одно из них впервые включен последний монолог Чацкого (д. IV, явл. 14, ст. 463-522) в «посредствующей редакции» (см. о ней ниже, с. 463). Следующее подцензурное издание выпущено в Петербурге в 1839 г. К. А. Полевым в сопровождении его статьи «О жизни и сочинениях А. С. Грибоедова» по рукописи, приобретенной 19 мая 1838 г. у московского книгопродавца Н. Н. Глазунова, который, в свою очередь, получил право на издание от наследников поэта соглашением от 5 сент. 1833 г. ГоУ-1839 отличается от предыдущего, московского издания (ГоУ-1833) лишь незначительными разночтениями, позволяющими предположить, что наследники поэта располагали рукописью, скопированной с одного из театральных списков ГоУ (имеются экземпляры этого издания с исправлением цензурных искажений). В 1854 г. в Петербурге и Москве выпущено сразу восемь отдельных изданий, затем в течение 1855—1857 гг. еще несколько книг, повторявших в разных вариантах недостатки первых публикаций. Первые полные бесцензурные издания вышли за границей (ГоУ-1858-Б, ГоУ-1858-Л, Соч-1860) на основе различных, имевших хождение в России, полных, но также не выверенных списков. В 1860 г. окончились неудачей две новые попытки напечатать полный текст ГоУ в России. Главное управление цензуры отклонило хода-

тайство «Торгового дома Похитонова, Струговщикова, Водова и К°» и известного прогрессивного издателя Н. Тиблена. В октябре 1861 г. Тиблен обратился с тою же просьбой на имя министра народного просвещения, а 31 января 1862 г. в Главное управление цензуры была представлена рукопись ГоУ «с выписками тех мест, которые до сего времени подвергались исключению». На выписках — карандашная помета Александра II: «Полагаю возможным все напечатать» (Баренбаум И. К истории первого полного издания «Горе от ума»//ВЛ. 1969, № 8. С. 253—255). Первое полное русское легальное издание выпущено Тибленом в 1862 г. дважды. ГоУ-1862-1 основано на неизвестных неавторитетных рукописях. К ГоУ-1862-2 впервые привлечен текст ЖСп, как утверждал на последней странице книги издатель: «В первое полное издание вкралось значительное количество погрешностей. Они были частью следствием недосмотров, частью следствием того, что из нескольких рукописей, по-видимому заслуживающих одинакового доверия, не было и двух, совершенно сходных между собою. Настоящее издание проверено окончательно по рукописи А. А. *Жандра*, исправленной самим *Грибоедовым*». Проверка эта, впрочем, оказалась неполной и поверхностной. С 1869 г. ГоУ начало выходить и как «литературное пособие для средних учебных заведений», как правило — «с пропуском несвойственных детскому уху стихов». В ГоУ-1875 воспроизведение текста БСп не лишено довольно существенных текстовых ошибок, а в качестве основного предложен компилятивный текст с привлечением недостоверных списков. При всем том ГоУ-1875 в некоторых отношениях оказалось ценным. Оно содержит обзор всех известных Гарусову рукописей и публикаций ГоУ на русском языке и в переводах. Обширный комментарий, слабо документированный и подчас наивный, по справедливости критически оцененный современниками (см.: ⟨Алексей Н. Веселовский.⟩ Комментатор особого рода//«Неделя». 1875, 5 окт., подп.: Z), содержит, однако, немало полезных фактических данных и филологических наблюдений, используемых комментаторами по сей день. Гарусов впервые высказал обоснованные сомнения в степени авторизованности БСп, непомерно преувеличенной Булгариным (хотя сам Гарусов со своей стороны излишне недоверчиво отнесся к этому тексту). Контаминированный гарусовский текст вошел и в два издания Соч-1875, ценные прежде всего тем, что в них впервые опубликованы варианты МА (по копии Д. А. Смирнова). В ПСС-1889 текст ГоУ также оказался эклектичным. Имея возможность пользоваться материалами Жандра, И. А. Шляпкин привел в приложении «первоначальный текст с вариантами», а в комментариях некоторые разночтения со ссылками на ЖСп, но с существенными отклонениями от него. Одним из важнейших изданий ГоУ явилась первая и до сих пор самая точная публикация В. Е. Якушкиным полного текста МА (МА-1903). И наконец, новый этап в изучении и публикации грибоедовских текстов вообще и ГоУ в частности открыли работы Н. К. Пиксанова, крупнейшего знатока творчества Грибоедова. В трудах Пиксанова подробно проанализированы особенности рукописных вариантов ГоУ, опубликованы и прокомментированы важнейшие из них, дана оценка работ других исследователей, подробно охарактеризованы издания и сценические постановки до 1969 г. (см.: ЖР; АН. Т. 2; ТИ; ЛП и др.). Основной текст ГоУ установлен Пиксановым путем скрупулезного сопоставления МА, ЖСп, БСп и РТ. За основу принят БСп как позднейший из авторизованных источников. Эта публикация также не вполне свободна от неточностей (точнее всего текст БСп воспроизведен в ГоУ-1923). Им же начата традиция публикаций МА

наряду с основным текстом ввиду особой значимости этого единственного автографа ГоУ. Все последующие публикаторы комедии так или иначе опираются на фундаментальные разработки Пиксанова. Однако и до сих пор не утихает полемика вокруг спорных (а отчасти, возможно, и неразрешимых ввиду скудости документальных данных) проблем творческой истории ГоУ. Со времени выхода в свет ЛП, последнего издания под редакцией Н. К. Пиксанова (при участии А. Л. Гришунина), появился ряд новых комментированных изданий и теоретических разысканий, в которых продолжается разработка текстологии ГоУ.

МА — рукопись, оставленная Грибоедовым у С. Н. Бегичева в конце мая 1824 г., затем перешедшая к дочери последнего, М. С. Бегичевой, и в 1902 г. приобретенная у нее Историческим музеем.

Текст записан в четырех тетрадях, по одной на каждое действие, всего на восьмидесяти двух листах различной по характеру бумаги с водяными знаками «1818», «1821» и «1823» (наиболее подробное палеографическое описание дано А. Станкевичем в МА-1903). На л. 67 — помета А. А. Жандра, скрепленная сургучной печатью: «Удостоверяю моею подписью, что рукопись сия, за исключением в 1-м акте сцен 2-ой, 3-ей и 4-ой до слов (Фамусов садится) Софьи: в саду были цветы и т. д. в 7-ой сцене приписок, 〈...〉 и в 3-ем акте последней сцены,— *вся писана собственно рукою Александра Сергеевича Грибоедова.* 28-го февраля 1859 года. Сенатор тайный советник Жандр». Основную часть текста составляет авторская рукопись, перебеленная с неизвестного черновика и несущая многочисленные исправления. В некоторых местах текст, подвергшийся особенно интенсивной правке (отрывки, указанные Жандром: акт I, сц. 2, 3, 4, ст. 21—153; сц. 7, ст. 402—415, 422—425; акт III, сц. 22, ст. 562—636), заменен перебеленной писарской рукописью двумя различными почерками. При этом лл. 6, 15, 16, 17, содержащие первый отрывок (акт I, сц. 2, 3, 4, ст. 21—153), подшиты ошибочно не на свое место и в неправильном порядке взамен обрезанных листов, на остатках которых частично сохранился первоначальный текст рукой автора. Отрывки, переписанные одним из переписчиков (акт I, сц. 7, ст. 402—415, 422—425), помечены его подписью: «С подлинным верно. Внгрдв». МА содержит самую раннюю и краткую из дошедших до нас редакций. Текст автографа в первом слое (до авторских исправлений) частично сохранил следы первоначального замысла, во втором слое приближается к окончательной редакции ЖСп. Абсолютное большинство текстовых замен в МА — результат глубоко продуманной, целенаправленной смысловой и стилистической авторской правки. Наиболее сложными для восстановления первоначальных вариантов являются фрагменты авторской рукописи, сохранившиеся на полуобрезанных листах (см. «Варианты», с. 441). Они большей частью совпадают с переписанным текстом, однако некоторые композиционные перестановки и разночтения отдельных строк не поддаются бесспорной расшифровке. Не вполне отчетлива последовательность текста в сц. 2, в частности, по-разному толкуются указания перестановок (ср.: Якушкин. С. 125—132. АН. Т. 2. С. 223—224 и ЛП. С. 387—388). Не всегда возможны конъектуры даже для тех стихов, окончания которых совпадают со вторым слоем рукописи. В других случаях первоначальные отрывки, наоборот, дают возможность контролировать переписанный текст. Так, уверенно восстанавливается единственно правильное чтение авторского варианта в репликах: *Что за история? — Вам рассказать? — Ну да.* (акт I, сц. 4, ст. 153). В МА ярче всего проявился отход Грибоедова от нормативного книжного языка: органическое сочетание архаических, книжных и народно-разговорных речений, неодно-

кратно отмеченное в научной литературе (см.: Суражевский Л. Д. Реализм языка «Горя от ума»//ТБТ. С. 85—98, где указаны и другие работы на эту тему). Рукопись изобилует характерными знаками препинания, усиливающими эмоциональную окраску фразы (вопросительные и восклицательные знаки внутри предложения, тире или несколько тире в конце). Эти особенности следует отличать от орфографических ошибок и небрежностей пунктуации, присутствующих в МА, хотя и в незначительном количестве, но иногда затемняющих смысл текста. В целом МА как единственный автограф позволяет проследить ход творческой работы и в спорных случаях является наиболее достоверным источником в отношении лексики, орфографии, пунктуации и расположения стихов, в дальнейшем произвольно исправлявшихся редакторами и искажавшихся переписчиками.

ЖСп — «главный список», оставшийся у Жандра в 1824 г. после переписки грибоедовских «брульенов» и переданный Историческому музею его наследниками при содействии Н. В. Шаломытова, известного исследователя творчества Грибоедова. Это рукопись, переплетенная в тетрадь из 127 листов (254 с.), на бумаге без водяных знаков с двойной пагинацией и карандашной надписью на форзаце: «В этой рукописи двести сорок четыре (244) писаных страницы, из коих страницы 20, 21, 240 и 241 писаны собственно рукою Александра Сергеевича Грибоедова, а — 4, 5, 6, 10, 11, 12, 14, 15, 18, 19, 22, 23, 24, 27, 28, 31, 35, 41, 42, 56, 64, 65, 66, 70, 84, 102, 105, 106, 108, 112, 113, 136, 147, 150, 154, 155, 161, 163, 190, 192, 201, 203, 206, 209, 212, 214, 215, 218, 219, 220, 221, 224, 232, 234, 235, 239, 242, 243 — содержат собственноручно сделанные им поправки и изменения списка. Страницы 20, 21, 240 и 241 вклеены взамен вырезанных. Н. Шаломытов. Москва. Сентября 20 дня 1904 года». Основной текст писан одним переписчиком, рукой Грибоедова сделаны поправки по всему тексту и заполнено несколько страниц, как указано Шаломытовым. Однако его указания на поправки в ЖСп не везде подтверждаются критической проверкой. «Собственноручные поправки Грибоедова имеются и на других страницах рукописи»,— говорит Н. К. Пиксанов (ЖР. С. 143). К этому следует добавить, что в некоторых указанных Шаломытовым местах этих поправок нет совсем (например, на с. 5), иные же из отмеченных страниц содержат исправления, явно не принадлежащие Грибоедову (хотя его почерк не всегда возможно идентифицировать, в особенности в буквенных исправлениях, а иногда и в целых словах). Карандашные и чернильные поправки разных лиц имеются также на других страницах рукописи. ЖСп содержит окончательную редакцию ГоУ, после создания которой Грибоедов либо вообще не возвращался к работе над комедией, либо внес в нее несколько поправок, зафиксированных в БСп и РТ. Чтения первоначального слоя ЖСп в большинстве спорных случаев подтверждаются автографом ранней редакции (МА). Разночтения между ЖСп и МА показывают, что в не дошедшей до нас промежуточной редакции (жандровских «брульенах») правке подверглись более 500 стихов, а значит, после упомянутой в письме к Бегичеву «перемены» 80 стихов (установить которые теперь невозможно) и введения новой «развязки» (д. IV, явл. 12, ст. 337—402) шлифовка текста интенсивно продолжалась одновременно с чтениями в дружеских кружках. Часть этой правки проанализирована Пиксановым (см.: ЖР. С. XLVII—LV), который назвал 250 «сделанных автором перемен», т. е. исправленных отрывков текста, и указал важнейшие переработки. В «брульенах» уточнение содержания, обогащение стиля и психологических характеристик достигалось не только пространными переделками, но

и отдельными краткими выразительными штрихами. Решительное сокращение подробностей позволяло «достигнуть большей стройности и энергии в сценическом развитии» (ЖР. С. LIII), не снижая, как правило, художественной ценности текста, хотя к какой-то части своей правки Грибоедов относился критически (см. признание об автоцензурной правке, с. 456). После копирования Грибоедов вписал несколько пропущенных копистом реплик, исправил замеченные описки и продолжил смысловую и стилистическую правку. При этом он зачастую возвращается к ранее отвергнутым вариантам МА, иногда слегка видоизменяя их, иногда восстанавливая без изменений. Особо существенной правке подверглись два отрывка на с. 20—21 и 240—241, отмеченные Шаломытовым: значительная часть рассказа Софьи о сне (д. I, явл. 4, ст. 154—172), конец монолога Фамусова и половина заключительного монолога Чацкого (д. IV, явл. 14, ст. 454—495). Листы с первоначальным текстом вырезаны и заменены новыми, заполненными авторской рукой. На остатках обрезанных листов и прилегающих страницах сохранились отрывки первоначального текста, которые соотносятся либо с ранней, либо с окончательной редакцией, а частью указывают на не известный нам вариант, т. е. являются переходным этапом от МА к ЖСп, очевидно отражением жандровских «брульенов» (в вариантах наст. изд. не приводятся. См. об этом: ЖР. С. XLIV—XLV, XLVIII—XLIX). В монологе Чацкого сохранившиеся концы пяти строк *(вас, ⟨зрел⟩ом, Пажей, ⟨тр⟩удов?, ⟨дума⟩л близко!)* соответствуют ст. 9, 11, 13, 19, 20 так называемой «посредствующей редакции» (по терминологии Пиксанова), — отрывку из 25 ст., известному по нескольким неавторизованным спискам и опубликованному в ряде изданий (ГоУ-1858-Б, ГоУ-1858-Л, ГоУ-1862-1, ГоУ-1875, ПСС-1889, ЖР). Большинство строк этой редакции совпадает (с некоторыми разночтениями) с текстом МА (акт IV, сц. 14, ст. 432—450), часть — с ЖСп (д. IV, явл. 14, ст. 463, 467—470, 490—495 и варианты к ним). «Совершенно очевидно,— пишет Пиксанов,— что ⟨...⟩ мы имеем дело с переработкой Музейного текста — в направлении к позднейшему, общеизвестному» (ЖР. С. XLVI). К этому можно добавить, что несколько вариантов «посредствующей редакции» вызвано, скорее всего, писарскими ошибками: *Которой красоте едва дано расцвесть* (ср.: МА, ст. 433), *Беречь и пеленать и посылать за делом* (ср.: МА, ст. 440; ЖСп, ст. 490), *Но что! Наказаны все горем справедливым...* (ср. ЖСп, вариант между ст. 493 и 494). Сказанное бесспорно подтверждает подлинность «посредствующей редакции» и дает основание поместить ее в раздел «Варианты». При чтении списка автор пропустил довольно много описок кописта, частично исправленных затем по карандашным отметкам, сделанным, возможно, Жандром. Ему приписывается, например, карандашная помета: «Я думаю, никому» к фразе Фамусова: *Ведь столбовые всё, в ус никого не дуют* (д. II, явл. 5, ст. 287). Это предположение не утверждено в тексте чернильной правкой, как и некоторые другие, в том числе вставка на полях в д. III, явл. 1, ст. 15: *Есть многие...* (возможно, позднейшая поправка по БСп и РТ). Другие пометы принадлежат, очевидно, позднейшим исследователям и издателям (исправление ошибок и карандашная разметка числа стоп в стихах, пометы лиловыми чернилами, сделанные не ранее второй половины XIX в. и т. п.). Они исправляют незамеченные описки, делают дополнения, иногда используя при этом какие-то другие источники (возможно, текст РТ или БСп), продолжают нивелировать особенности грибоедовского стиля, приспосабливая его к требованиям «книжного языка», а подчас допускают новые ошибки. Таким образом, и этот список несет

на себе значительное количество искажений, до сих пор в полной мере не учтенных публикаторами. Тем не менее ЖСп является наиболее авторитетным из дошедших до нас источников окончательной редакции ГоУ, приоритет которого гарантирован наибольшей степенью авторского контроля.

Б С п — рукопись на плотной бумаге без водяных знаков в тетради с твердым переплетом, выполненная одним тщательным канцелярским почерком, с сетью разнохарактерных поправок поверх первоначального текста. На титульном листе — надпись рукой Грибоедова: «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828». Это последний по времени изготовления список окончательной редакции ГоУ, возможно, просмотренный автором. Помеченный 1828 г., он создан, скорее всего, гораздо раньше, в связи с хлопотами Булгарина о публикации ГоУ в 1824 г., вскоре после завершения работы над ЖСп. В орфографии и пунктуации БСп кое-где воспроизводятся индивидуальные признаки грибоедовского стиля (иногда даже исправляются ошибки ЖСп), но в то же время продолжается сглаживание переписчиком характерных языковых особенностей (невольное, а потому непоследовательное). Рукопись изобилует орфографическими ошибками (например, устойчивой меной ѣ на *е* и наоборот) и описками, которые частично исправлялись самим переписчиком, затем последующими редакторами, частично же так и остались незамеченными. Некоторые разночтения с ЖСп, не похожие на описки, возможно, перешли в БСп из неизвестного промежуточного источника, причастность к которому автора вероятна, но не документирована. Исправлений почерком, близким к грибоедовскому, очень мало: это немногочисленные поправки грамматических ошибок чернилами без подчистки, а также восстановление пропусков копииста, например: слово *умом* (д. II, явл. 5, ст. 368), реплики Репетилова и Чацкого *Шумим, братец, шумим...— Шумите вы? и только?* (д. IV, явл. 4, ст. 119), местоимение *я* в монологе Репетилова (д. IV, явл. 4, ст. 124). Остальная правка более позднего происхождения и состоит из нескольких слоев, нанесенных, по-видимому, при подготовке рукописи к изданию (на полях имеется карандашная разметка полос при верстке рукописи). Карандашная правка (иногда с подчисткой и обводкой черными чернилами переписчика) исправляет явные ошибки, но и создает новые (например, нарушение стихотворного размера), а также настойчиво нивелирует стилистическую индивидуальность текста. Правка синим карандашом и обводка стершегося текста лиловыми чернилами относятся ко второй половине XIX в. и не могут быть приняты во внимание. В целом текст БСп в первом слое (до исправлений) подтверждает редакцию ЖСп, иногда возвращается к ранней редакции МА и лишь в нескольких местах дает новые чтения, за которыми можно предположить авторскую волю (см. ниже, с. 466). Абсолютное большинство разночтений первоначального слоя и поправки, образующие второй слой, не дают убедительных чтений и не могут быть использованы при корректировке текстов окончательной редакции.

П е р в о п е ч а т н ы й т е к с т Р Т — первая и единственная публикация отрывков ГоУ, в подготовке которой принимал участие автор. Публикация РТ обнаруживает сходство с ЖСп, позволяющее предположить, что альманашный текст «является его воспроизведением» (АН. Т. 2. С. 240), но далеко не буквальным — с цензурными изменениями, редакторской правкой и вариантами, которые не всегда возможно четко отграничить от издательских ошибок. Некоторые выпуски и замены, преимущественно цензурного характера, в д. I отмечены курсивом, в д. III и в перечне ошибок, помещенном в конце книги, показаны

звездочками. Имеются и другие варианты, вызванные требованиями цензуры или приспособлением к привычной театральной схеме. Есть разночтения, которые могут быть и опечатками, и результатом стилистической правки. Она продолжена в перечне ошибок, скорее всего составленном по требованию автора. Чтения РТ, отличающиеся от ЖСп, как правило, совпадают с вариантами БСп. Это преимущественно замена индивидуальных стилевых особенностей нейтральными оборотами, возможно, в результате однотипных редакторских требований (правка такого рода в РТ продолжена). Есть, впрочем, и смысловые совпадения, происходящие из некоего общего источника, нам не известного. Несколько меньше совпадений находим между текстами РТ и ЖСп в отличие от БСп. Некоторые пунктуационные варианты возвращают к тексту МА. Трудность дифференциации авторских, цензурных и издательских вариантов текста РТ позволяет привлекать их к выбору окончательного текста лишь в качестве дополнительных аргументов.

Как видим, выделение авторской смысловой и стилистической правки в окончательной редакции — проблема, до сих пор не решенная до конца. С полной уверенностью это можно сделать лишь для ранней редакции, зафиксированной в МА (за исключением частей, перебеленных писарем). Что касается ЖСп, БСп и РТ, природа разночтений между ними по большей части не может быть определена однозначно, вызывает разные более или менее убедительные интуитивные толкования и исключает возможность установления незыблемого дефинитивного текста. Недостаточно обоснованными представляются поэтому утверждения, что тот или иной список тщательно выверен автором (см., например: ЛП. С. 326; Избр-1978-ХЛ. С. 390).

В основном тексте настоящего издания сохранено большинство особенностей ЖСп, которые в современных изданиях обычно исправляются в соответствии с другими источниками (главным образом, с БСп) или приспосабливаются (в области правописания) к современной литературной норме. В списке действующих лиц сохранен вариант фамилии *Горичевы* (форма мн. ч. для обозначения супружеской пары от фамилии на *-ич*). Оставлен разнобой в обозначении действующих лиц в ремарках как отличительный признак данного текста: *Лиза — Лизанька* (д. I, явл. 1, перед ст. 1 и далее), *София — София Павловна* (д. I, явл. 6, перед ст. 303 и далее), *Скалозуб — Полковник Скалозуб* (д. II, явл. 9, перед ст. 454 и далее), *молоденькая дама* («Действующие») — *молодая дамочка* (д. III, явл. 5, перед ст. 226), а также характерные стилистические варианты: *И между тем* (д. I, явл. 7, ст. 312), *Или ваш батюшка* (там же, ст. 341), (*Он выставляется вперед*) (д. III, явл. 10, между ст. 378 и 379), *Я тайну всю тебе открою* (д. II, явл. 12, ст. 559) и т. д. Сохраняются особенности московской разговорной речи, присущие не только языку персонажей, но и авторскому (в ремарках): *Наталья Дмитревна* («Действующие» и далее); *зельи, баловницы, лицы* (д. I, явл. 1, ст. 28, 29); *эдок* (д. I, явл. 7, ст. 319 и далее); *другий* (д. I, явл. 4, ст. 105 и далее); *у вдове, у докторше* (д. II, явл. 1, ст. 29), *Времян* (д. II, явл. 5, ст. 342), *на ярмонке* (д. III, явл. 10, ст. 382), *завидлив* (д. III, явл. 14, ст. 435), *об камерах, об Бейроне, об матерьях,* (д. IV, явл. 4, ст. 102—103); *ночный разбойник* (д. IV, явл. 4, ст. 152). Учитываются при этом и реальные колебания живого языка; *Врознь* (д. I, явл. 4, ст. 170) — *врозь* (д. IV, явл. 14, ст. 426), *скрыпнешь* (д. I, явл. 2, ст. 54) — *скрипнет* (д. I, явл. 7, ст. 343) и т. п. Сохраняются формы *фортопияно* (д. I, явл. 1, перед ст. 1), *мадмуазель* (д. III, явл. 22, ст. 619), которые не нарушают стихотворного размера, как может показаться с точки зрения современных произносительных

норм,— *ия*, *уа* в этих словах произносилось в один слог, как дифтонг.

Научное изучение орфографии Грибоедова — дело будущего. Исследователям предстоит классифицировать колебания в написаниях, которые отражают неустойчивость и причудливое переплетение бытовавших в то время орфографических нормативов — грибоедовского «шишковизма» (по выражению Пиксанова), карамзинских норм и в особенности орфографии Греча, упорно насаждавшейся им в периодических изданиях, печатавших тексты Грибоедова в 1820-х гг. (см.: Грот. С. 205, 209, 211). В настоящем издании этот разнобой в орфографии и пунктуации в основном сохраняется ввиду невозможности в каждом случае документировать его источник, а также с целью дать наглядное представление о стилевых особенностях грибоедовской речи и максимально учесть данные для сопоставления различных списков. Так, сохраняется написание *Алексей Степаноч, Платон Михайлоч* (в ремарках — *Степанович, Михайлович*), *гость неприглашенной* (д. I, явл. 1, ст. 11, хотя в МА — *неприглашенный,* несмотря на рифму *влюбленной*). Графика, орфография и пунктуация, не имеющие стилистического и смыслового значения, приводятся в соответствие с современными правилами: исправляются написания имен действующих лиц — *Скалазуб* на *Скалозуб*, *Загарецкий* на *Загорецкий* и т. п. Унифицируется разнобой в написаниях типа *пажало-сто, пожало-ста* (в нашем издании — *пожалоста*).

Исправляются чтения, в которых с достаточной уверенностью можно предположить непроизвольную замену переписчиком непривычного оборота более привычным или ошибочную редакторскую правку в промежуточном тексте, а также явные пропуски и описки, например: *(Подводит Хлёстовой)* (д. III, явл. 12, между ст. 400 и 401), *Ах! Голова говорит* (д. IV, явл. 10, ст. 302). Восстановлена ремарка *(Теряет чувства)* (д. II, явл. 7, ст. 408); продолжено непоследовательное оглушение согласных в речи графини бабушки (д. III, явл. 19—20); исправлено: *откудова* на *оттудова* (д. I, явл. 1, перед. ст. 1), *скромна* на *скромны* (д. I, явл. 2, ст. 30), *ходьба* на *ходня* (д. I, явл. 3, ст. 72), *голубошка* на *голубушка* (д. I, явл. 5, ст. 295), *золотой* на *золотый* (д. I, явл. 5, ст. 237), *Лиза* на *София* (д. I, явл. 7, между ст. 415 и 416), *ушиблена* на *ушибена* (д. II, явл. 9, ст. 455), *признаны* на *признано* (д. III, явл. 1, ст. 40), *брезглив* на *брюзглив* (д. III, явл. 9, ст. 353), *громовой отвод* на *громовый отвод* (д. III, явл. 13, ст. 426), *в Вольтеры* на *в Волтеры* (д. IV, явл. 5, ст. 193), *между ними* на *между ими* (д. IV, явл. 12, ст. 402), *В работу вас* на *В работу всех* (д. IV, явл. 14, ст. 441). Источником уточнений служит преимущественно МА, чтения которого в нескольких случаях подтверждаются текстом БСп (иногда его первоначальными вариантами, тщательно подчищенными и исправленными) и РТ.[1] По вариантам БСп и РТ, в которых можно видеть волю автора, дополнено: *Есть многие...* (д. III, явл. 1, ст. 15); заменено: *чином наградит* на *чином подарит* (д. IV, явл. 12, ст. 367). Не принимаются во

---

[1] Среди упомянутых выше поправок следует обратить внимание на передачу Софье реплики *Но мудрено из них один скроить, как ваш* (д. I, явл. 7, ст. 416). «Н. К. Пиксанов ⟨...⟩,— пишет А. Л. Гришунин,— при издании «Горя от ума» в серии «Литературные памятники» ⟨...⟩ согласился на передачу этой реплики Софье ⟨...⟩ на основании Музейного автографа» (ТИ. С. 385—386). Подробнее см. об этом: Чем жива текстология (Б. В. Варнеке, Н. К. Пиксанов)/Вступ. статья, публ. и примеч. А. Л. Гришунина//Контекст. 1984: Литературно-критические

внимание позднейшие поправки в ЖСп, ошибочно отменяющие авторский текст: *зелье, баловница* вм. *зельи, баловницы* (д. I, явл. 2, ст. 28), *лица* вм. *лицы* (там же, ст. 29), *лю́дям молодым* вм. *молодым людя́м* (д. I, явл. 9, ст. 456), *светапреставленье* вм. *светопредставленье* (д. III, явл. 10, ст. 362), *кому они уж но́вы* вм. *кому они новы́* (д. IV, явл. 7, ст. 246) и т. п. Следует учитывать, что наряду с явными описками сплошь и рядом встречаются изменения, в которых трудно отличить ошибки переписчика от авторской правки, поэтому многие конъектуры вводятся с той или иной степенью вероятности, опровергнуть или подтвердить которую могли бы лишь новонайденные документы. В некоторых случаях мы воздерживаемся от введения редакторских конъектур, хотя и располагаем любопытными рекомендациями для изменения текста ЖСп. Длительную полемику вызвали слова Чацкого *Жить с ними надоест, и в ком не сыщем пятен? Когда ж постранствуешь, воротишься домой, И дым отечества нам сладок и приятен!* (д. I, явл. 7, ст. 384-386). Противоречивая и незавершенная правка ЖСп и БСп наряду с обдуманным авторским вариантом МА (ст. 395—397) позволяет предположить, что в промежуточном источнике, по которому копировался текст окончательной редакции, он был испорчен и неправильно воспроизведен переписчиком: *постранствуешь, воротишься* вм. *постранствуем, воротимся*, после чего неизвестный редактор БСп счел возможным исправить и *сыщем* на *сыщешь*. Все же за отсутствием прямых доказательств ошибки воспроизводим без изменений вариант ЖСп: *сыщем*, но *постранствуешь, воротишься* (см. об этом также: Фомичев С. А. Спорные вопросы грибоедовской текстологии//РЛ. 1977, № 2. С. 81). Исследователями грибоедовских текстов неоднократно отмечен казус с расположением реплик Загорецкого и графини бабушки, где якобы оказались стянутыми в две строки четыре самостоятельных стиха, и предлагается чтение: *В горах изранен в лоб,//Сошел с ума от раны.//Что? к фармазанам в клоб?//Пошел он в пусурманы?* (д. III, явл. 19, ст. 481—482). Впервые это предположение выражено карандашной разметкой неизвестного лица в БСп, затем подтверждено в комментарии Пиксанова (ЖР. С. 149). Однако из сравнения МА и ЖСп ясно, что автор, переработав две строки МА (ст. 484 и 485), оставил их в том же количестве, но ввел внутреннюю рифму *лоб-клоб*, основанную на созвучии слов, перепутанных графиней бабушкой. В реплике Хлёстовой *Всё врут календари* (д. III, явл. 21, ст. 554) предлагается читать *все* вм. *всё*. (Рейсер С. А. К текстологии Грибоедова. Готовится к печати). Это изменение, довольно существенно влияющее на смысл, не подтверждается, однако, данными рукописей, дающих только вариант *всё* (без точек, но и без ѣ). В словах Чацкого *Чтоб умный, бодрый наш народ* (д. III, явл. 22, ст. 615) ни один из основных источников не дает варианта *добрый*, предлагаемого в той же статье С. А. Рейсера.

Грибоедов придавал большое значение экспрессивной пунктуации и обильно ставил вопросительные и восклицательные знаки не только в

исследования. М., 1986. С. 231—232. С каким вниманием следует подходить к подлинной грибоедовской орфографии, убедительно показывает пример *Тут был как гро́мовый отвод* (д. III, явл. 13, ст. 426), где все списки и публикации дают чтение *громовой*, хотя в МА — *гро́мовый*, в точном соответствии с обычной для того времени огласовкой этого прилагательного, зафиксированной словарями, причем собственно выражение *гро́мовый отвод* являлось терминологическим обозначением прибора громоотвода (см.: Сл-1847. Т. 1).

конце, но и в середине фразы, а также тире (иногда и несколько тире подряд) в конце фразы, не законченной по интонации, хотя зачастую вполне завершенной по смыслу. Вместе с тем, просматривая списки, он почти не обращал внимания на ошибки в пунктуации, которыми изобилуют все копии ГоУ. Опущенные в тексте знаки препинания восстанавливаются по смыслу или по пунктуации других источников, например: *Я? — Ничуть* (д. I, явл. 9, ст. 462). При этом используется и позднейшая редакторская правка, если она соответствует стилю грибоедовской пунктуации, как в ст. *Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов! что вы!* (д. IV, явл. 7, ст. 248), где второй и третий восклицательные знаки внесены в ЖСп карандашом со знаком вопроса. Реже прибегаем к вариантам РТ, где редакторы, как кажется, злоупотребили восклицательными и вопросительными знаками в стремлении усилить экспрессию выражений. Исправляется ошибочная постановка Грибоедовым кавычек в несобственно-прямой речи: *«Ждем друга»* (д. I, явл. 1, ст. 3. Ср. аналогичные конструкции без кавычек в д. II, явл. 5, ст. 274 и д. IV, явл. 12, ст. 340—341). В неясных или спорных случаях авторские знаки оставлены без изменений, не введены и дополнительные. К примеру, нет необходимости уточнять интонацию при помощи тире (как это сделано в БП-1967) в ст. *Прямые канцлеры в отставке по уму* (д. II, явл. 5, ст. 294), где можно предположить двойной каламбурный смысл. Во избежание произвольных толкований оставлены без изменений знаки препинания в строках *Где разливаются в пирах и мотовстве И где не воскресят клиенты-иностранцы Прошедшего житья подлейшие черты* (д. II, явл. 5, ст. 352—354), хотя их смысл при авторской пунктуации не вполне ясен и вступает в противоречие с контекстом (указано С. А. Фомичевым: РЛ. 1977, № 2. С. 80). Однако это построение фразы настойчиво проведено по всем рукописям, смысл же его не проясняется при любой расстановке знаков.

В основном тексте обозначение действий и явлений, оформление ремарок и другие формальные признаки драматического сочинения унифицированы в соответствии с современными правилами. В частности, сокращения имен и фамилий действующих лиц (*Фам., Чдск., Нат. Дм.* и т. п.) раскрываются без специальных оговорок в соответствии с их обозначением в ремарках (например: *Наталья Дмитревна*, но *Платон Михайлович*).

Порядковые номера действий обозначаются не словами, как в ЖСп, а римскими цифрами. Вместо слов *Явление последнее* в д. II, III ставится порядковый номер явления. Сняты ремарки, указывающие конец действия и конец пьесы. Инициалы двух действующих лиц обозначены русскими литерами: *Н* * вм. *N* * (инициал, обычно употреблявшийся в латинской транслитерации) и *Д* * (инициал с одинаковым начертанием при письме в русской и латинской транслитерации, см. об этом ЛП, С. 376). Слово *господин* при инициалах сокращено по современным правилам: *г-н* (вм. заглавного *Г,* которое может быть принято при чтении за второй инициал) и дополняется везде, где было пропущено переписчиком (список действующих лиц, д. III, явл. 14, 15, 16). В воспроизведении автографа ранней редакции и в разделе «Варианты» индивидуальные и исторические особенности сохраняются в большей степени, чем в основном тексте, с целью дать наглядное представление о характере авторской работы, а также о правописании Грибоедова.

В разделе «Варианты» приводятся основные смысловые, стилистические и отдельные фонетические и пунктуационные разночтения по отношению к основному тексту настоящего издания, сначала из рукописных источников (МА, ЖСп и БСп), расположенных в хронологическом порядке, затем из единственной прижизненной публикации РТ. Для ЖСп

отобрана только смысловая и стилистическая правка автора, не учитываются исправления явных ошибок переписчика и позднейшие поправки, искажающие авторский текст; приводится также промежуточный вариант последнего монолога Чацкого («посредствующая редакция»). Для БСп и РТ указывается не только авторская правка, но также и варианты, принадлежащие другим лицам, в том числе искажения текста (выборочно). Для МА выделены также варианты первоначального слоя, сохранившиеся на обрезанных листах рукописи, с предположительным восстановлением в угловых скобках утраченного текста там, где это возможно. Счет стихов в тексте, вариантах и примечаниях соответствует основному источнику — ЖСп (для ранней редакции — МА).

Ниже приводится сумма сведений, необходимых современному читателю для понимания текста комедии, которое было затруднено уже во второй половине XIX в., так что Гарусов в ГоУ-1875 счел необходимым попытаться объяснить многие забытые реалии начала века. Смысл устаревших реалий, характерных явлений русского быта, отдельных тем и образов иллюстрируется по возможности свидетельствами современников, извлеченными из труднодоступных в настоящее время источников. Особую проблему составляет определение прототипов действующих лиц (самая полная их сводка приведена в работе: Пиксанов Н. К. Прототипы действующих лиц комедии «Горе от ума» // АН. Т. 2. С. 336—352 и дополнена в подготовленном к печати втором издании этой работы — см.: ТИ. С. 73). Просмотр более или менее достоверных применений грибоедовских образов к реальным прототипам обнаруживает, что центральные персонажи, созданные творческой фантазией автора, хотя и опирающейся на жизненные впечатления, возводились к многочисленным живым лицам как правило без достаточных оснований. Но автор, по выражению Ю. М. Лотмана, окружил своих героев «толпой персонажей с прозрачными прототипами» (Лотман. С. 28). В настоящем издании ссылки делаются только для наиболее достоверно указанных прообразов, отмеченных легко узнаваемыми чертами людей, «персонально известных» автору и его современникам (там же). Не разъясняется смысл «говорящих» фамилий, расшифровка которых за немногими исключениями либо достаточно прозрачна, либо слишком приблизительна. Комедия Грибоедова вобрала в себя весь опыт русской сатирической литературы конца XVIII— начала XIX вв., и в рамках одного комментария невозможно раскрыть всю полноту преемственных связей ГоУ с литературным контекстом эпохи. Отсылаем читателя к специальным работам на эту тему от первых комментированных изданий середины XIX в. до обстоятельного комментария Фомичева (Комм.). В качестве образца приводятся лишь несколько прямых текстуальных перекличек ГоУ с произведениями современных и предшествующих авторов. Не касаемся также отражения грибоедовских тем и образов в литературе XIX—XX вв., начиная с ориентации Пушкина на ГоУ в «московских» главах «Евгения Онегина» (одна из последних работ на эту тему — Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX — нач. XX в.). Л., 1983). Особую проблему составляет употребление цитат из ГоУ, ставших крылатыми выражениями (см. об этом, например: Цейтлин А. Ленин и «Горе от ума» // ЛНД).

Действующие. *Казенное место* (присутственное место) — правительственное или государственное учреждение. *Свояченица* — сестра жены (ср. д. III, явл. 12, ст. 401, где Хлёстова названа *невестушкой*).

Д. I. Явл. 1. Перед ст. 1 ⟨...⟩ *слышно фортопияно с флейтою.*

В статье С. Н. Булича «А. С. Грибоедов-музыкант» отмечено, что «главное произведение Грибоедова «Горе от ума» начинается с дуэта фортепьяно с флейтой Софьи и Молчалина (историческая черточка: флейта в те времена была одним из наиболее распространенных среди аматёров (любителей.— *Ред.*) инструментов)» (АН. Т. 1. С. 327). Ст. 19. *Ну что́ бы ставни им отнять?* В дворянских особняках грибоедовской Москвы оконные ставни ставились снаружи только в нижнем этаже со двора, остальные — изнутри комнат (см.: ГоУ-1875. С. 185). Явл. 4. Ст. 90—95. *А всё Кузнецкий мост, и вечные французы* и т. д. На Кузнецком мосту, одной из главных улиц Москвы, были расположены кондитерские, модные и книжные магазины, содержавшиеся преимущественно французами. Мемуаристы указывают множество их владельцев. В «Записках» гр. М. Д. Бутурлина говорится, что Кузнецкий мост «запружен был мадамами Лебур, Юрсюль, Буасель, Софиею Бабен, Лакомб, Леклер и их менее знаменитыми конкурентками» (цит. по: Лотман. С. 68). В «Прогулке по Москве» К. Н. Батюшков говорит, что в книжных лавках на Кузнецком мосту «есть мадам Жанлис и мадам Севинье — два катехизиса молодых девушек — и целые груды французских романов...» (Батюшков. С. 383). Ст. 131. *Берем же побродяг и в дом и по билетам.* Домашние учителя-иностранцы, преимущественно французы, нанимались для постоянной практики в языках. С приходящими преподавателями расплачивались по специальным квитанциям (билетам). Русская литература с XVIII в. изобилует сатирическими отзывами об учителях-иностранцах. Ср. в журнале «Трутень» (1769) Н. И. Новикова: «Любезные сограждане, спешите нанимать сих чужестранцев для воспитания ваших детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим побродягам». Ст. 134. *Скоморох* — пренебрежительное наименование актера как человека низкого общественного положения (ср. подобное же отношение к танцмейстеру в реплике Софьи — д. I, явл. 7, ст. 409). Ст. 137. *Чин асессора* (лат. asessor — судья) — согласно Российской Табели о рангах, чин VIII класса (коллежский асессор), до 1845 г. давал право на потомственное дворянство. Ст. 139. *И будь не я, коптел бы ты в Твери.* Тверь (ныне Калинин) — в то время заштатный провинциальный город. «Тверь по положению своему между двумя столицами обречена была 〈...〉 на служебный застой в мелких чинах» (ГоУ-1875. С. 195). Ст. 151—177. *По смутном сне безделица тревожит* и т. д. Рассказ Софьи о сне пародийно переосмысливает опирающиеся на фольклор мотивы вещих снов, ближе всего — в балладе В. А. Жуковского «Светлана» (1812). Источником сюжета, придуманного Софьей, мог быть «Новый, полный и подробный сонник 〈...〉 расположенный азбучным порядком» (Спб., 1818), согласно которому ее сон начинается предсказанием «всякого благополучия», затем «обмана, препятствия или же болезни», «заботы и печали о старых и прошедших делах», «тщетной и пустой надежды», «бесчестия и стыда от людей низкого звания» и т. д. (см.: Комм. С. 60—61). Ст. 194. *Где чудеса, там мало складу.* Реминисценция баллады Жуковского «Светлана»: «Здесь большие чудеса, очень мало складу». Явл. 5. Ст. 232. *Звезда* — знак высшей степени нескольких российских орденов: св. Анны 1-ой степени, св. Владимира 1-ой и 2-ой степени, св. Станислава 1-ой степени. Ст. 239. *Фрунт* (лат. front — лоб) — воинский строй шеренгами. Ст. 277. *Лечился, говорят, на кислых он водах.* В нач. XIX в. вблизи известного с древности нарзанного источника построена крепость (1803) и поселок под названием Кислые воды, или Кисловодская слобода (с 1830 г.— Кисловодск), где в 20-х гг. ежегодно собиралось светское общество. Явл. 7. Ст. 313—314. *Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря, Верст больше седьмисот пронесся...* Чацкий, возвратившийся из-за

границы в Москву через Петербург, в нарушение «Высочайше утвержденных дорожных правил» ехал с курьерской скоростью около 16 верст в час (длина почтового тракта от Петербурга до Москвы составляла около 700 верст, см.: «Панорама С.-Петербурга. Ч. 2. Спб., 1834. С. 5). Скорость езды по шоссейным и грунтовым дорогам на казенных лошадях не должна была превышать летом 10, весной и осенью 8, а зимой 12 верст в час, на «вольных» — до 10 верст, «курьеры же и фельдъегери имеют быть возимы столь поспешно, сколько сие будет возможно» («Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской империи». Спб., 1824. С. 432). С т. 315. *И растерялся весь, и падал сколько раз.* О плохом состоянии дорог и частой поломке экипажей рассказывал французский дипломат Поль де-Бургоэн: «...Русские дороги ⟨...⟩ коверкают в сорок восемь часов экипажи французские, английские и венские ⟨...⟩ моя петербургская коляска сломалась перед самой станцией, к которой я подъехал уже в наклонном положении» (цит. по: Лотман. С. 109—110). С т. 332. *Почтовая карета* (дилижанс) введена в России на московско-петербургском тракте с 1 декабря 1820 г., курсировала по расписанию и имела места для нескольких пассажиров. С т. 341. *Пикет* (фр. piquet) — название старинной карточной игры, рассчитанной преимущественно на двух игроков: «Ежели есть какое-либо средство заняться с приятностию картами вдвоем, то это, конечно, игра в пикет, которая, так сказать, и создана для двух только особ» (Карточный игрок. С. 114). С т. 356. *И те ж стихи в альбомах.* Альбомы со стихами, рисунками, нотами и т. п. стали «важным фактором «массовой культуры» второй половины XVIII — первой половины XIX вв., являясь своеобразным рукописным альманахом» (Лотман. С. 241). У Грибоедова имеется в виду один из многочисленных альбомных типов — «дамский альбом», характеристика которого дана в «Записках москвича» П. Л. Яковлева (М., 1828. Кн. 1. С. 126).: «В 8-ку. Переплет обернут веленевою бумажкою. На первом листке советы от матери,— стихи французские, английские, итальянские; выписки из Жуковского, много рисунков карандашом. Травки и сушеные цветы между листами». С т. 359. *Английский клоб* — привилегированное дворянское заведение, открытое в Москве одновременно с петербургским в 1770 г. по образцу английских аристократических клубов. С 1813 по 1831 г. помещался в доме Н. Н. Муравьева по Б. Дмитровке (ныне Пушкинская ул.). Членство в клубе было ограничено. За знаменитыми обедами и карточными играми в Английском клубе формировались мнения высшего света. С 1797 по 1802 г. клуб был закрыт по обвинению в «якобинстве», однако современники Грибоедова иронически относились к фрондерству отставных государственных деятелей, живших в Москве на покое: «Самый оппозиционный дух, который тут находим, совсем не опасен для правительства: он, как и все прочее, не что иное, как совершенный вздор» (Вигель. Т. 2. С. 315). С т. 362—363. *Он турок или грек? Тот черномазенький, на ножках журавлиных.* Прототипами упомянутого здесь лица называли нескольких человек. Один из них — «бессарабско-венецианский грек Метакса, который в 10-х и 20-х годах бывал во всех домах ⟨...⟩ всюду завтракал и обедал, всюду делался нужным и порою за глаза обзывался „надоедалой"» (Гершензон. С. 80). Ст. 367. *Бульварные лица* — завсегдатаи Тверского, Пречистенского и других бульваров, излюбленных мест прогулок московской знати. «Молодежь устраивала гулянья близ монастырей, шла на пруды или на Тверской бульвар себя показать и на других посмотреть» (Дубровин. С. 248—249). «...И франт, и кокетка, и старая вестовщица, и жирный откупщик скачут в первом часу утра с дальних концов Москвы на Тверской бульвар ⟨...⟩. Совершенная свобода ходить взад и вперед с кем случится, великое стечение людей знакомых

и незнакомых имели всегда особенную прелесть для ленивцев, для праздных и для тех, которые любят замечать физиономии» (Батюшков. С. 384—385). Ст. 371. *А наше солнышко? наш клад?* и т. д. Имеется в виду один из знаменитых владельцев домашних театров П. А. Позняков, упомянутый в плане драмы ⟨«1812 год»⟩ (см. примеч. к этому произведению, с. 505). По воспоминаниям П. А. Вяземского, «он приехал в первопрестольную столицу потешать ее своими рублями и крепостным театром ⟨...⟩ на балах его, спектаклях и маскарадах не было недостатка в посетителях ⟨...⟩. Позняков самодовольно угощал Москву в своих покоях и важно на маскарадах своих расхаживал наряженный не то персиянином, не то китайцем. Нет сомнения, что о нем говорится в „Горе от ума“: „На лбу написано: театр и маскарад“. Не забыл Грибоедов и бородача, который во время бала в тени померанцевых деревьев „щелкал соловьем: певец зимой погоды летней“» (Вяземский. Т. 8. С. 160—161). Ст. 377. *Был спрятан человек и щелкал соловьем.* См. примеч. к ст. 371. Обычай использовать на балах и вечерах искусных подражателей пению птиц упоминается во многих мемуарах (см.: «Московские оригиналы былых времен» // «Искра». 1866, № 45. С. 592—595). Ст. 380. *Ученый комитет* был учрежден при «Главном училищ правлении» одновременно с министерством духовных дел и народного просвещения по манифесту 24 октября 1817 г. для надзора за системой преподавания и выпуском литературы; отличался крайней реакционностью. Ст. 386. *И дым отечества нам сладок и приятен!* — неточная цитата из ст-ния Г. Р. Державина «Арфа» (1808. Первая редакция — «Аониды», 1798—1799. Кн. 3, под загл. «К арфе NN», у Державина: «Отечества и дым нам сладок и приятен»). Выражение имеет длительную литературную традицию и восходит к античным источникам, напр. латинскому изречению «Et fumus patriae dulcis» (см.: ТБТ. С. 62—63). Ст. 389—390. *Всё девушкой, Минервой? Всё фрейлиной Екатерины Первой?* Иронический намек на то, что тетушка Софьи — старая дева весьма преклонных лет: Минерва (ант. миф.) — дева-богиня мудрости; флейлина (нем. Fräulein — барышня) — младшее придворное звание, в котором состояли девушки-дворянки. Ст. 397—399. *В России, под великим штрафом* и т. д. Согласно указу 1757 г., в качестве учителей разрешалось держать только лиц, обладающих соответствующими свидетельствами: «Всякого, кто примет к себе учителя без аттестата, и за всякий таковой случай подвергать денежному штрафу 100 рублей» («СПб. ведомости». 1825, 16 января). Ст. 400. *Ментор* — имя воспитателя Телемака в «Одиссее» Гомера; нарицательно — учитель, воспитатель, наставник. Ст. 404. *Что нам без немцев нет спасенья!* Многие высшие посты российского административного аппарата занимали «немцы», т. е. иностранцы (ср. д. III, явл. 22, ст. 616), среди которых было немало и остзейских немцев (ср. д. IV, явл. 5, ст. 211); их приглашали гувернерами в дворянские дома — таким воспитателем был у самого Грибоедова немецкий выходец Иоганн Бернгард Петрозилиус. Ст. 412. *На съездах на больших, по праздникам приходским.* Городские жители, приписанные к близлежащей церкви как ее прихожане, собирались в церкви в день того святого, которому она была посвящена,— приходский (престольный) праздник. Ст. 413. *Смешенье языков* — крылатое выражение, восходящее к библейскому преданию о смешении языков разных народов, строивших Вавилонскую башню (Библия, кн. Бытия, XI, 1—9). Здесь имеется в виду распространенный в дворянской среде макаронический стиль речи, в котором смешивались французские и русские выражения. Ср. в «Письмах из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола: «Войди в любое общество ⟨...⟩, презабавное *смешение языков!* Тут услышишь нормандское, гасконское, русильонское, прованское, женевское наречия,

иногда и русское пополам с вышесказанными. Уши вянут» (СО. 1814, № 7. С. 24). *Французского с нижегородским.* Возможно, имеется в виду «смешенье языков» на ежегодной нижегородской ярмарке, когда Нижний Новгород представлял собой «маленький город 〈...〉 в котором полтора месяца кишит до двухсот тысяч приезжих и пришедших» (Вигель. Т. 2, ч. 5. С. 141). Ст. 426. *Ведь нынче любят бессловесных.* Игра слов, основанная на сопоставлении фамилии Молчалина и прилагательного «бессловесный» в значении «животное, скот». Ср. в дневнике В. К. Кюхельбекера: «Я называю умом — мыслящую силу — главное преимущество человека перед бессловесными» (цит. по: Комм. С. 81). Явл. 9. Ст. 451. *Здорово друг, здорово, брат, здорово.* Трижды повторенное приветствие соответствует троекратному целованию, которым обменялись Чацкий и Фамусов по обычаю. Явл. 10. Ст. 485. *Комиссия* — поручение; хлопоты, затруднения.

Д. II. Явл. 1. Ст. 2. *Календарь* — адрес-календарь, или месяцеслов, ежегодно издававшаяся книга, содержавшая разного рода сведения, в том числе указания учреждений, должностей, чинов и имен государственных чиновников с чистыми страницами для записей. Календарями широко пользовались во всех слоях общества. Сам Грибоедов в феврале 1826 г. писал Булгарину с просьбой прислать ему для чтения «Шубертовы календарики», т. е. «Санкт-Петербургский карманный месяцеслов на лето от рождения Христова 1812 〈1813 и т. д.〉, с присовокуплением любопытных астрономических и исторических статей, соч. г. Шубертом». Ст. 3. *Пономарь* — в православной церкви низший церковнослужитель, в обязанности которого входило чтение установленных молитв во время богослужения. По замечанию И. Д. Гарусова, «...наши пономари повсюду, за исключением архиерейского служения, читают 〈...〉 с такою поспешностью и неясностью, что из их чтения ничего разобрать нельзя» (ГоУ-1875. С. 294). Ст. 20. *Камергер* — высшее придворное звание, камергерский парадный мундир украшался золотым шитьем и отличительным знаком: «золотой ключ на голубой ленте у левой фалды на пуговице» (САР. Ч. 3. С. 41). «Бригадирским шитьем или камергерским ключом заключалось обыкновенно поприще честолюбивейших из москвичей» (Вигель. Т. 1. С. 59). Ст. 26. *Что за тузы в Москве живут и умирают!* Современники не раз обращали внимание на то, что «со времен Екатерины II Москва сделалась центром недовольной знати, которая, оскорбленная чем-либо в своем честолюбии, тем не менее ожидала в своем добровольном изгнании, что ее снова призовут на прежнее поприще» (Соч-1875. С. 114). Явл. 2. Ст. 65—66. *Покойник дядя, Максим Петрович.* Среди московских «тузов», которых напоминал этот персонаж, были екатерининские вельможи, «отдыхавшие на склоне дней в пышном бездействии 〈...〉 желавшие пользоваться своим богатством среди удобств и удовольствий столицы» (Бутенев А. П. Воспоминания// РА. 1881. Кн. 3, № 1. С. 10). Указывали в особенности на Н. Н. Новосильцева, дальнего родственника Грибоедова. Его участие в пышном выезде на весеннее гулянье описано в кн.: Жихарев С. П. Записки. М.; Л. 1955. С. 57. Ст. 68. *Цуг* — упряжка лошадей вереницей или парами друг за другом при особо торжественных выездах, разрешавшихся лицам первых пяти классов, т. е. высшей знати: «В чинах бригадира, статского советника и выше иначе не ездили, как цугом, шестериком, с двумя форейторами, лошади в шорах, кучера и вершники в ливреях и треугольных шляпах, никогда менее двух лакеев на запятках» (Лыкошин В. И. Из «Записок» // Восп-1980. С. 37). Ст. 73. *Тупей* (фр. toupet — пучок волос, челка) — старинная прическа: пучок волос или косичка на затылке. Ст. 74. *Вельможа в случае* — фаворит, приближенный к царствующей особе; так называли любовников

Екатерины II. Ст. 80. *Куртаг* (нем. Kurtag, фр. Courtage, день собрания особо избранных) — приемный день при дворе. Рассказ Фамусова перекликается с эпизодом из комедии Я. Б. Княжнина «Чудаки» (1790) (см.: Комм. С. 88). Ст. 90. *Вист* — карточная игра в 52 карты между четырьмя игроками (двое против двоих), коммерческая, а не азартная. «У англичан сие слово употребляется в смысле молчаливого, тихого, нешумного, посему-то в вист и играют всегда тихо и в глубоком молчании, дабы всякий играющий мог расположить хорошо игру свою, размышляя беспрепятственно» (Новый словотолкователь. Спб., 1803. Ч. 1). Ст. 121. *Карбонари* (ит. carbonaro — угольщик) — член революционной организации в Италии и Франции в 1810—1820-х гг., вызвавшей большой интерес в кругах декабристов; синоним вольнодумца. Явл. 3. Ст. 156. *Содом* — в Библии один из двух городов (Содом и Гоморра), разрушенных богом в наказание за грехи жителей (кн. Бытия, XVIII и далее), переносно — беспорядок, безнравственность. Ст. 177. *И завиральные идеи эти брось.* По воспоминаниям П. А. Вяземского, поэт И. И. Дмитриев «иногда клеймил умствования и притязания заносчивой молодежи шуточным прозванием завиральных идей» (Вяземский. Т. 7. С. 165). Другой современник Грибоедова указывал, что «завираться» — «обыкновенное тогдашнее выражение о молодых людях, позволявших себе либеральничать» («Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым. Из записок Д. Н. Свербеева» // РА. 1871. Стб. 163). Явл. 5. Ст. 193. *Как честный офицер* — поговорка, распространенная в офицерской среде; ср. то же выражение в устах циничного солдафона — персонажа поэмы Я. Б. Княжнина «Попугай» (1790) (см.: ТБТ. С. 66). Ст. 200—201. *Позвольте нам своими счесться* и т. д. — перефразированная поговорка: «Хоть наследства и не делить, а всё надо своими счесться» (см. также след. примеч.). Ст. 210—211. *При мне служащие чужие очень редки* и т. д. В дворянском быту придавалось важное значение семейным отношениям (см.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л. 1981). В фамусовском обществе родственные связи влияли на все сферы жизни, включая служебную карьеру, хотя закон и запрещал «определять членами присутственных мест чиновников, соединенных родством или свойством с председателем или другими членами тех мест» (см.: Комм. С. 92—93). О постоянном нарушении этого закона должностными лицами рассказывают многие мемуаристы. Ст. 213. *И то затем, что деловой.* Отсутствием деловитости отличались «казенные места» Москвы, «удивительного пристанища для всех, кому делать более нечего, как свое богатство расточать, в карты играть, ездить с двора на двор. Деловых людей в Москве мало» (Левшин Н. Г. Домашний памятник // РС. 1873, № 12. С. 844). Ст. 214. *Крестишко* (крест) — орденский знак низших степеней. Ст. 218—222. *В тринадцатом году мы отличились с братом* и т. д. Военные действия были приостановлены с 4 июня до середины августа 1813 г., согласно Плесвицкому перемирию. 3 августа состоялась встреча Александра I с австрийским императором Францем II в Праге, по случаю чего были объявлены празднества и награждения (см.: Нечкина. С. 319—320). *Егерские* полки во время Плесвицкого перемирия находились на отдыхе под Смоленском. Ст. 223. *Ему дан с бантом, мне на шею.* Скалозуб подчеркивает, что получил награду более высокую, вероятно орден св. Владимира 3-ей степени или св. Анны 2-ой степени, которые надевались на шею на ленте, а его брат — св. Станислава 3-ей, св. Владимира 4-ой или св. Анны 3-ей степени, прикреплявшиеся на грудь (см.: Военная энциклопедия. Пгр. 1914. Т. 17. С. 143). Ст. 226—228. *Но крепко набрался каких-то новых правил* и т. д. «В образе двоюродного брата Скалозуба видели декабриста П. Д. Черевина, который рано оставил военную службу

и поселился в деревне, намереваясь заняться улучшением благосостояния крестьян. П. Д. Черевин был автором исторических исследований и умер в возрасте 24 лет» (ЛП. С. 379. Ср. также посвященный ему некролог декабриста С. Д. Нечаева — ВЕ. 1824, № 14. С. 149—152). Ст. 233. *Вакансии как раз открыты.* Производство в следующий чин осуществлялось «не только по выслуге определенного числа лет, но и лишь при наличии вакансий» (Шепелев. С. 22). Для служак типа Скалозуба в 1820-х гг. «вакансии искусственно создавались путем выключения из службы (то есть отставки) неугодных правительству старших офицеров» (Комм. С. 96). Ст. 242. *За полком* 〈...〉 *поводили* — заставили ждать чина полковника. Ст. 261. *Дистанции огромного размера.* Дистанция — военный термин: расстояние, интервал. Имеются в виду обширные территории, занятые московскими усадебными постройками. Ст. 275. *Дверь отперта для званых и незваных* и т. д. Ср.: «Так водится в московском большом свете: одни ездят к хозяину, другие к хозяйке, а часто ни тот, ни та не знают гостя» (Погожев Н. В. Воспоминания // ИВ. 1893, № 6. С. 728). «Хозяин 〈...〉 окружен ласкателями, иностранцами и шарлатанами, которых он презирает от всей души, но без них обойтиться не может. 〈...〉. Его дом можно назвать гостиницей праздности, шума и новостей 〈...〉 Вот следствие роскоши и праздности в сей обширнейшей из столиц, в сем малом мире!» (Батюшков. С. 387). Ст. 287. *Столбовые* — дворяне старинных родов, записанных в особые «столбовые» книги. Ст. 294. *Канцлер* (нем. Kanzler) — высшая государственная должность, занимавшее ее лицо имело гражданский чин I класса и управляло дипломатическим ведомством. «Чин канцлера мыслился как уникальный, предназначенный для первого должностного лица в иерархии гражданской службы. За всю историю Российской империи чин канцлера имело 11 человек» (Шепелев. С. 54). Ст. 302. *Сенат* — высшее судебное учреждение, некоторые департаменты его находились в Москве. Ст. 306. *Его величество король был прусский здесь.* Прусский король Фридрих-Вильгельм III (1770—1840), отец великой княгини Александры Федоровны, посетил Москву в июне 1818 г. и присутствовал на присмах, балах и обедах. 6 июня был дан в Грановитой палате большой бал, «на коем изволили находиться императорская фамилия, прусский монарх 〈...〉. Многие дамы удостоились танцевать польский с сим монархом, которому они и были представлены» («Северная почта». 1818, 12 июня). Ст. 311. *Тафтица* — тафта, плотная глянцевитая ткань в мелкий поперечный рубчик. *Дымка* — легкая прозрачная ткань. Ст. 320. *Пожар способствовал ей много к украшенью.* М. В. Нечкина указала на сходство этой реплики с «выражением из книги предателя декабристов Бошняка» (Нечкина. С. 318): «Московский пожар послужит, однако, к украшению сей самой Москвы, ибо не только новые дома строятся по правилам изящнейшей архитектуры, но и каменные погоревшие исправляются» («Дневные записки путешествия А. Бошняка в разные области западной и полуденной России в 1815 году». М., 1820. Ч. 1. С. 27). Ст. 342. *Времян Очаковских и покоренья Крыма.* Крепость Очаков длительное время служила объектом столкновений между русской и турецкой армиями. Окончательно закреплена за Россией Ясским договором 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.). Территория Крыма, попавшая в XV в. в зависимость от Турции, присоединена к России в 1783 г. Ст. 347. *Отечества отцы* (лат. pater patriae — отец отечества) — почетный титул, данный римским сенатом Цицерону, затем императору Августу. В России этот титул был присвоен Сенатом Петру I после победы над Швецией и заключения Ништадтского мира в 1721 г. Ст. 353. *Клиент* (лат. client — покровительствуемый) — в Древнем Риме человек, зависимый от покровителя патриция; здесь — ироническое на-

именование иностранных эмигрантов, особенно французов, бежавших от революции 1789 г. и покровительствуемых знатным русским дворянством. С т. 360. *Нестор* — персонаж «Илиады» Гомера, старейший наставник героев. С т. 364. *На них он выменял борзые три собаки!!!* Известный московский самодур генерал Л. Д. Измайлов, отличавшийся жестоким обращением с крестьянами, променял четырех дворовых, служивших у него по 30 лет, на четырех борзых собак (см.: Словутинский С. Генерал Измайлов и его дворня. М.; Л. 1937. С. 167, 194, 235). С т. 366. *Фура* — длинная крытая повозка. С т. 368. *Зефиры* и *амуры* — персонажи балетных спектаклей, обычно дети, изображающие ветерков, божков любви. С т. 370. *Должники* — здесь: кредиторы. «Нам случалось слышать во многих слоях общества, что должником звали именно того, кто в долг дает, а не берет» (ГоУ-1875. С. 40). С т. 372. *Распроданы поодиночке!!!* Продажа крепостных с отрывом от земли, хозяйства и семьи широко применялась еще при Екатерине II и сохранилась вплоть до отмены крепостного права. Этот вопрос в начале XIX в. неоднократно обсуждался в Сенате, Государственном совете, но не получил никакого разрешения. В передовых кругах дворянской интеллигенции осознавали необходимость отмены этой бесчеловечной практики. Одно из законоположений Союза благоденствия гласило, что его члены «истребляют продажу людей в рекруты, отклоняют вообще от продажи их поодиночке» (цит. по: Комм. С. 113.). «Слова Чацкого «все распроданы поодиночке» приводили в ярость» (Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. Спб., 1882. С. 155). Я в л. 6. С т. 399. *Смета* — здесь: расчет, соображение. С т. 402. *Гвардия* — отборные войска, состоявшие при государях и имевшие преимущества в два чина перед армейскими войсками согласно российской Табели о рангах. *Гвардионцы* — офицеры вновь образованных в 1813 г. гвардейских полков, получивших преимущество перед армейскими в один чин. Я в л. 9. С т. 459. *Ирритация* (лат. irritatio) — военный термин: возбуждение, замешательство. С т. 479. *Жоке́* (англ. jockey — наездник) — слуга, сопровождающий госпожу при верховой езде. С т. 481. *Теперь ребра недостает* и т. д. В анекдоте Скалозуба переиначена библейская легенда о происхождении Евы из ребра Адама. Я в л. 12. С т. 554. *Интересы* — здесь: выгоды, приобретения.

Д. III. Я в л. 1. С т. 6. *Хрипун, удавленник, фагот.* П. А. Вяземский говорит, что в слове «хрипун» слышится «какое-то хватовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хриплостью голоса» (Вяземский. Т. 8. С. 140). По утверждению другого современника, «хрипунами» в грибоедовские времена называли «офицеров, которые употребляли всегда французский язык вместо отечественного и старались отличаться светскою ловкостью и утонченностию обычаев ⟨...⟩ оттого что они старались подражать парижанам в произношении буквы r (grasseyeur)» (Булгарин Ф. Воспоминания. Спб., 1846. Ч. 2. С. 140). *Фагот* — духовой инструмент низкого тона. С т. 36—37. *Есть на земле такие превращенья* и т. д. Ироническая перифраза рассуждения А. С. Шишкова, министра народного просвещения с 1824 г., о слове революция: «Революция значит превращение, собственно же разумеется превращение умов, то есть представление вещей навыворот» (цит. по: Комм. С. 125). Я в л. 3. С т. 165. *Архивы* — Московский архив старых дел и Архив министерства иностранных дел, куда зачислялись молодые дворяне, многие из них, как правило, только «числились по архивам», получая чины и награды, так как с 1811 г. служащие при архивах получили право заниматься делопроизводством в других департаментах или у частных лиц, не являясь на основную службу. С т. 177. *Татьяна Юрьевна.* Прототипом Татьяны Юрьевны называли Прасковью Юрьевну Кологривову (урожд.

Трубецкая, в первом браке Гагарина, 1762—1848). Д. И. Завалишин писал: «Что же касается до Татьяны Юрьевны, то тут автор действительно разумел Прасковью Юрьевну К⟨ологривову⟩, прославившуюся особенно тем, что муж ее, однажды спрошенный на бале одним высоким лицом, кто он такой, до того растерялся, что сказал, что он муж Прасковьи Юрьевны, полагая, вероятно, что это звание важнее всех его титулов» (Восп-1980. С. 133. См. также: Гершензон. С. 85). Ст. 203. *Начальник отделенья* — высокая должность в министерстве, сочеталась, как правило, с чином действительного статского советника. Ст. 207—208. *Я глупостей не чтец, А пуще образцовых.* По указанию А. Н. Веселовского, эту реплику относили к известному тогда сборнику довольно слабых произведений, изданных под заглавием «Образцовые сочинения» (Соч-1875. С. 147). Речь идет о сб.: «Образцовые сочинения в прозе знаменитых древних и новых писателей». М. 1811 (ч. 1— «Духовное красноречие», ч. 2 — «Светское красноречие», ч. 3 — «История», ч. 4 — «Нравственные сочинения. Повести»). Явл. 4. Ст. 222. *Столы для карт, мел, щеток и свечей!* Карточные столы покрывали сукном, на котором счет записывался мелками, затем стирался щеткой. Явл. 5. Ст. 248. *Московский комендант* — лицо, в ведении которого находился Кремль и дворцы (в военной иерархии — невысокая должность). Явл. 6. Ст. 258. *А-мольный* (от a-moll) — музыкальный термин, обозначающий минорную тональность произведения. Ст. 267. *Обер* — обер-офицер, т. е. из низшего офицерства (от прапорщика до капитана). *Штаб* — штаб-офицер, т. е. из разряда высших офицерских чинов (от майора до полковника). Явл. 7. Ст. 296. *Тюрлюрлю* (возможно, от смешения фр. turlurette — род гитары, на которой играли уличные певцы,— и turelur — вечно одно и то же) — жаргонное название дамской накидки, употреблявшееся в низших слоях французского общества. Ст. 298. *Барежевый* (от фр. barège) — из легкой прозрачной ткани сетчатого рисунка. Ст. 309. *Камер-юнкер* — младшее придворное звание. Явл. 8. Между ст. 314 и 315. *Двойный лорнет* — вид очков, состоявших из двух линз с ручкой или кольцом, укреплявшимся на пальце. Ст. 322. *Модистка* — мастерица по изготовлению женских шляп, а также платья и белья. Явл. 10. Ст. 361. *Покровка* — улица в Москве (ныне ул. Чернышевского), в XVIII — нач. XIX в. застроенная дворянскими усадьбами. Ст. 364. *Арапка-девка* — негритянка. При дворе и в богатых дворянских домах была мода держать в услужении негров, которых называли арапами: «В многих домах были арапы и арапки, составлявшие представительность богатого барина» (Дубровин. С. 13). «Маленький китаец и маленький арапченок в присвоенных им костюмах ⟨...⟩ с присоединением к ним еще нескольких рабов, полоненных в военное время или полученных в подарок, бегают кругом стола для потехи общества» («Письма из России в Ирландию»//РА. 1873, № 2. Стб. 1863). Явл. 11. Ст. 394. *Портретная* — в дворянских домах комната, где выставлялись родовые портреты. Явл. 12. Ст. 401. *Невестушка* (невестка) — жена сына или брата (ср. Действующие, где Хлёстова названа *свояченицей*). Ст. 403. *Гренадерский* — пехотный полк, сформированный из отобранных по высокому росту солдат и офицеров. Ст. 405. *Мушкетерский* — пехотный полк, сформированный из солдат, вооруженных мушкетами, старинным ручным огнестрельным оружием. Ст. 408. *Выпушка* — кант, обшивка по шву. *Петличка* (петлица) — нашивка на воротнике форменной одежды. Между ст. 414 и 415. *Молчалин (подает ей карту).* При игре в вист (см. примеч. к д. II, явл. 2, ст. 90) партнерство и преимущество игроков в начале игры определяются старшинством карт, вынутых из колоды: «Те двое, кои выдернут две старшие карты, составляют старшую сторону и играют вместе ⟨...⟩. Получив-

ший старшую карту садится где ему угодно» (Карточный игрок. С. 67—68). Ст. 417. *Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более наперстка.* Мода на маленьких дамских комнатных собачек, преимущественно шпицев и болонок, введена в России в XVIII в. Екатериной II (см.: Помещичья Россия по запискам современников. М., 1911. С. 14). «В начале XIX в. эта мода держалась еще в провинции и в кругах, тянущихся за уходящей модой ⟨...⟩. В столицах и в высшем свете этой моды придерживались лишь старухи» (Лотман. С. 331). Явл. 13. Ст. 429. *Тут впору карточку вотрет!* Намек на то, что услужливость и изворотливость Молчалина могут перейти границы порядочности: «втереть карту», «втереть очки» на жаргоне игроков означало подделку лишнего очка для повышения достоинства карты (см.: Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы»//Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 85). Явл. 16. Ст. 458. *Желтый дом* — больница для душевнобольных, где на цепь сажали буйно помешанных, эти здания окрашивались в ярко-желтый цвет. Явл. 18. Ст. 475. *Мой труг, мне уши залошило.* Неоднократно указано, что речь графини бабушки свидетельствует о ее немецком происхождении. «Гениальная наша актриса О. О. Садовская, замечательнейшая воплотительница образа графини-бабушки, играла ее немкой, не коверкая слова на немецкий лад, а внося в произношение реплик немецкую мелодию речи, эта актриса, обладавшая редкостным чутьем языка, интуитивно поняла, что Хрюмина — немка» (Филиппов Вл. Язык действующих лиц «Горя от ума»//ГоУ-1946-ПСК. С. 165, см. также: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 298). Явл. 19. Ст. 481. *В горах изранен, в лоб.* Вероятно, намек на военные действия на Кавказе в так называемый «ермоловский период» Кавказских войн (1816—1824). В. Н. Орлов указывает в этой связи на А. И. Якубовича, будущего декабриста, который в августе 1823 г. был тяжело ранен в голову, участвуя в военной экспедиции против «немирных» горцев (см.: Соч-1959. С. 668). Ст. 482. *Фармазоны* (фармазоны) — искаженное франкмасоны (от фр. franc-maçon — свободный каменщик), члены тайного религиозно-филантропического общества, популярного в Европе и проникшего в Россию в XVIII в. Масонами были многие декабристы и сам Грибоедов. В 1822 г. масонские организации (ложи) были закрыты правительством как распространяющие вольнодумные идеи. *Пусурманы* (бусурманы) — иноверцы. Явл. 20. Ст. 489. *Тесак* — солдатское холодное оружие. Ст. 490. *Закон* — здесь: вероисповедание. Ст. 492. *Волтерьянец* — последователь учения Фр.-М.-А. Вольтера (1694—1778), французского драматурга, публициста и философа; по выражению Пушкина, Вольтер — «верный писатель своего века, предводитель умов и современного мнения» (Пушкин. Т. 12. С. 75), символ «вольнодумства» XVIII в. Явл. 21. Ст. 519. *Бочки сороковые* — сорокаведерные. Ст. 526. *Пансион* (фр. pension) — закрытое учебное заведение, преимущественно частное. В Москве и Петербурге имелись и казенные заведения такого типа — Московский благородный пансион, где учился Грибоедов и многие будущие декабристы, и пансион при Главном педагогическом институте, в котором преподавал В. К. Кюхельбекер. Декабрист В. Ф. Раевский вспоминал впоследствии, что на его сообщение во время допроса об обучении в Московском пансионе великий князь Михаил Павлович восклицал: «Вот, что я говорил ⟨...⟩ эти университеты, эти пансионы!» (ЛН. Т. 60, кн. 1. С. 73). *Лицей* (от названия древнегреческого учебного заведения, располагавшегося в саду храма Аполлона Ликейского) — привилегированное закрытое среднее учебное заведение для дворянских детей. В России в 1811 г. был открыт Царскосельский лицей, который окончил Пушкин и многие декабристы и который обвиняли в насаждении среди воспитанников «либеральных идей» (см.:

Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л., 1925. С. 37). Обвинения в основном касались Куницына, бывшего профессором естественного права одновременно в Лицее и Педагогическом институте (см. ниже). Ст. 527. *Да от ланкарточных взаимных обучений.* Хлёстова смешивает слова «ландкартный» (от ландкарта — географическая карта), «карточный» и «ланкастерский». Ланкастерская система, т. е. метод обучения при помощи сильных учеников, была введена в Англии педагогом Ланкастером (1771—1838), в России существовал «Комитет Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения», членом которого был В. К. Кюхельбекер. Система пользовалась популярностью в среде декабристов, так как облегчала обучение грамоте в армии. Деятельность в ланкастерских школах легла в основу политического процесса В. Ф. Раевского в 1822 г. Ст. 528—529. *Нет, в Петербурге Институт* и т. д. В конце 1816 г. был учрежден новый устав Главного педагогического института, с новой большой программой, в которую входили «математика чистая, астрономия, физика, химия, естественная история 〈...〉 ботаника». В 1819 г. он преобразован в С.-Петербургский университет. В 1821 г. несколько профессоров философии и исторических наук (Э. С. Раупах, К. Ф. Герман, К. И. Арсеньев, А. И. Галич) были отстранены ученым советом от преподавания по обвинению «в открытом отвержении истин священного писания и христианства, соединяющемся всегда с покушением ниспровергнуть и законные власти» (см.: Давидович Я. И. «Дело» Санкт-Петербургского университета в 1821 году//«Вестник ЛГУ». 1947, № 3. С. 145). Расследование продолжалось до 1827 г., когда было прекращено по высочайшему повелению. Ст. 534—535. *Он химик, он ботаник, Князь Федор, мой племянник.* Т. П. Пассек утверждает, что здесь имеется в виду сын А. А. Яковлева, дяди А. И. Герцена, «умный, образованный, ученый, известный под названием „Химика"» (Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. Спб., 1887. Т. 1. С. 55). А. И. Герцен характеризовал А. А. Яковлева-младшего как «нелюдима», ни с кем не знавшегося, который «вечно сидел один, занимаясь химией, проводил жизнь за микроскопом» (Герцен А. И. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 8. С. 110). Ст. 537. *Проект насчет лицеев, школ, гимназий* — проект А. А. Аракчеева о военизации гражданских учебных заведений (1824). Ст. 554. *Всё врут календари.* См. примеч. к д. II, явл. 1, ст. 2. Ср. эпиграмму П. П. Сумарокова: «Какое сходство Клит с календарем имеет? Он лжет и не краснеет» (1791) (РЭ. С. 146.). Явл. 22. Ст. 575. *Французик из Бордо.* Ср. в цит. выше «Трутне» Н. И. Новикова: «На сих днях в здешний порт прибыл из Бурдо корабль: на нем кроме самых модных товаров привезены 24 француза, сказывающие о себе, что они все бароны, шевалье, маркизы и графы 〈...〉 Многие из них в превеликой жили ссоре с полициею». Ст. 576. *Вече* — в Древней Руси собрание горожан для обсуждения государственных и общественных дел. Ст. 600. *Старовер* — здесь: приверженец старинных обычаев. «Староверами», «славянороссами» называли сторонников русской старины, объединившихся в литературном обществе «Беседа любителей русского слова». Мысль Чацкого об обращении к народным обычаям ближе к историко-политическим взглядам декабристов. Ст. 602. *С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад.* Имеются в виду реформы Петра I, в частности указ 1701 г. о ношении европейского платья и бритье бород. Отзвук критического отношения Грибоедова к некоторым преобразованиям Петра, выраженного в заметках ЧТ. Из этих заметок, отличавшихся «едкостью и меткостью», публикатором (Д. А. Смирновым) приведена одна: «Петр вводит чужие новизны. Царевич Алексей мог любить отечество, и пользу народа, и славу, и потому пустых немецких нововведений мог не желать» (РСл. 1859, № 4. С. 12). Ст. 604. *И величавую одежду*

на другую. Среди заметок Грибоедова об эпохе Петра I (ЧТ) запись: «Наречия русского языка и крестьянская одежда где и как переменяются?» (АН. Т. 3. С. 99). В письменном ответе на вопрос следственной комиссии, почему он «неравнодушно желал русского платья», Грибоедов говорит: «Русского платья желал я потому, что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с этим полагал, что оно бы снова сблизило нас с простотою отечественных нравов, сердцу моему чрезвычайно любезных» (Щеголев П. Е.· А. С. Грибоедов и декабристы: По архивным материалам. Спб., 1905. С. 17. Приведено в ЛП. С. 371). Ст. 615. *Умный, бодрый наш народ.* Эта характеристика русского народа опирается на определенную литературную традицию, например у Г. Р. Державина: «В несчастьи бодр» («Гимн лироэпический»), «О русский бодрственный народ» («Вельможа»). Ср. в дневнике Н. И. Тургенева за 1819 г.: «Славный, умный, добрый народ» (Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816—1824 годы. Пг., 1921. Т. 3. С. 197. Указано С. А. Рейсером в заметке «К текстологии Грибоедова» — готовится к печати). Ст. 617—618. *Как европейское поставить в параллель С национальным?* и т. д. Ср. «Письмо неизвестной особы» (подп.: Ш-ий): «Недавно в таком обществе, где все, кроме воздуха, выписано из Парижа ⟨...⟩ я начал говорить о силе нашего языка, о его величии, богатстве — меня и слушать не хотели. „К чему там сила,— говорили одни,— где должна быть нежность?“ — „Кто требует вашего величия? — говорили другие.— Оно ничего не значит без приятности“» (цит. по: Пиксанов Н. К. О языке «Горя от ума»// «Уч. зап. ЛГУ». № 200, серия филол. наук. 1955, вып. 25. С. 21).

Д. IV. Явл. 1. Перед ст. 1. Описание интерьера соответствует типичной планировке московских барских домов, воспроизводившейся в театральных постановках ГоУ. *Жилье* — этаж. *Антресоли* (фр. entresol) — низкое помещение, составляющее верхний полуэтаж жилища. *Швейцарская ложа.* «В богатых домах устраивались в парадных сенях отделения со столиком, креслом, стулом или скамьею, где постоянно и находился швейцар» (ГоУ-1875. С. 474). Явл. 4. Ст. 43. *Фарсы* (фр. farces — шутки) — выдумки, глупые шутки. Ст. 76. *Вандал* (по названию древнегерманского племени, разграбившего Рим в 450 г.) — грубый, невежественный человек. Ст. 81. *В опеку взят указом!* Указом Петра I была учреждена опека (правительственный надзор) над помещиками, разорявшими свои имения. В послепетровское время опека устанавливалась в редких случаях. Ст. 102—103. *Как схватятся об камерах, присяжных, Об Бейроне, ну об матерьях важных.* Перечислены темы, широко обсуждавшиеся в российских политических кругах. Камеры — палаты депутатов в конституционных государствах, о них говорится в гл. 7 «Проекта Конституции» (1821—1822) Н. М. Муравьева. Они были и предметом обсуждений среди англоманов, в частности посетителей Английского клуба (см. примеч. к д. I, явл. 7, ст. 359, с. 471). Присяжные — представители разных сословий, участвующие в судопроизводстве. «Мнение» о суде присяжных подавалось в Сенат в 1822 г., но не было принято. Бейрон — английский поэт Дж.-Г. Байрон (1788—1824), в 1820—1823 гг. принимал участие в движении итальянских карбонариев (см. примеч. к д. II, явл. 2, ст. 121, с. 474), затем в борьбе за свободу Греции. Ст. 127. *Век с англичанами, вся áнглийская складка.* Намек на англоманию высшего общества 1810—1820 гг., выражавшуюся у либерального барства в преклонении перед английскими обычаями, а у модных щеголей — в подражании манерам и облику английской аристократии. Ст. 135. *«А! нон лашьяр ми, но, но, но»* — ария из оперы «Покинутая Дидона» итальянского композитора и дирижера Б. Галуппи (1703—1785), приглашенного Екатериной II в качестве придворного композитора в Петербург, где он поставил свою

оперу по либретто П. Метастазио (1698—1782) в 1755—1768 гг.; уже тогда она «не пользовалась успехом у серьезных ценителей музыки, а к 1820 годам окончательно устарела» (ТБТ. С. 62). «Покинутая Дидона» шла в России на итальянском и русском языках. Ст. 147. *Отрывок, взгляд и нечто* — типичные формулы заглавий журнальных статей того времени. Ср. статьи Н. И. Греча в «Сыне отечества» (1824. Ч. 2, 8, 52): «Нечто о нынешней русской словесности», «Взгляд на открытия и замечательнейшие произведения по части наук, искусств и словесности в 1822 году во Франции», «Воспоминания о Германии. Отрывок» (см.: Комм. С. 171). Ст. 150. *Но голова у нас, какой в России нету.* Речь идет о Федоре Ивановиче Толстом (1782—1846) по прозвищу «Американец», который был известен как храбрец, дуэлянт, неутомимый путешественник и картежник; участвовал в экспедиции И. Ф. Крузенштерна вокруг света, был снят с корабля за нарушение дисциплины, жил на Алеутских островах, вернулся в Россию через Камчатку и в 1810-х гг. обосновался в Москве (см. о нем: Толстой С. Л. Ф. И. Толстой-Американец. М., 1927). Облик Толстого-Американца отражен в стихах Д. Давыдова «1811-го году» («Болтун красноречивый...», 1815), П. А. Вяземского «Толстому» («Американец и цыган...», 1818), эпиграмме Пушкина «В жизни мрачной и презренной...» (1820). Собственноручные исправления и пояснения Ф. И. Толстого имеются на списке «Горя от ума», принадлежавшем декабристу Ф. П. Шаховскому: «„В Камчатку черт носил" — ибо сослан никогда не был», «„В картишках на руку нечист" — для верности портрета сия поправка необходима, чтоб не подумали, что ворует табакерки со стола» (АН. Т. 2. С. 352). Ст. 167. *И вшестером, глядь, водевильчик слепят.* Насмешка над многочисленными коллективными театральными поделками невысокого качества, которыми были полны петербургские и особенно московские театры. Явл. 5. Ст. 193. *Фельдфебель* (нем. Feldwebel) — старший унтер-офицер в дореволюционной русской армии, помощник командира из числа старослужащих. Ст. 204. Реверси (фр. reversi) — карточная игра, в которой выигрыш получает тот, кто берет наименьшее число взяток («выиграл, кто проиграл» — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3). Ст. 207. *Он на Фонтанке жил.* В начале XIX в. набережная Фонтанки (одного из рукавов Невы) начала застраиваться особняками высокопоставленных лиц. Явл. 7. Ст. 256. *Якобинец* — член Якобинского клуба, революционной организации во Франции конца XVIII в.; переносно: вольнодумец. Явл. 12. Ст. 356. *Мне завещал отец* и т. д. Та же мысль — в «Житии Федора Васильевича Ушакова» А. Н. Радищева (1789) (см.: Пиксанов Н. К. А. С. Грибоедов: Исследования и характеристики. М., 1934. С. 233). Другая параллель у Сумарокова в диалоге «Высокомерного» и «Низкомерного»: «Я положил себе такой в жизни устав, чтоб не только приласкиваться к холопям больших господ, но и к собакам их» (Сумароков А. П. ПСС, М., 1781. Ч. 6. С. 346. Указано С. А. Рейсером в «Сборнике статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана». Таллин, 1982. С. 102). Явл. 14. Ст. 441. *В работу всех, на поселенье вас.* После пугачевского восстания помещики получили право ссылать своих крепостных на каторгу или на поселение. В 1802 г. это право было отменено Александром I, но восстановлено в 1822 г. Ст. 454. *Святцы* — церковная книга, содержащая список имен святых и церковных праздников в календарном порядке.

Ранняя редакция
(Музейный автограф).

Акт I. Сц. 4. Ст. 157. *Синель* — сирень. Сц. 7. Ст. 412. *Гуменце* — здесь: лысина.

Акт II. Сц. 4. Ст. 15. *Никола в сапожках* (Никола в Башмачках) — церковь св. Николая Угодника у старого Каменного моста в Белом городе близ Всехсвятских ворот Кремля (см.: Николев И. Н. Указатель чертежей московским церквам. 1884. Вып. 1. С. 43). Сц. 2. Ст. 111. *Дворцовый Донкишот.* Имя героя Сервантеса Дон Кихота употреблено здесь с пренебрежительным оттенком: шут, комедиант. Роман Сервантеса приобрел популярность в России в конце XVIII — нач. XIX в., его можно было увидеть «в каждой деревенской библиотеке» (Дмитриев М. Московские элегии. Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 173). К образу Дон Кихота обращались И. А. Крылов, Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев и многие другие литераторы, воспринимая его преимущественно как олицетворение чудачества, сумасбродства, шутовства. Ср. у Державина («Фелица»): «Не слишком любишь маскарады, А в клоб не ступишь и ногой. Храня обычаи, обряды, Не донкишотствуешь собой» (о «Дон Кихоте» в русской традиции см.: Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVIII—XIX вв. Л., 1964. С. 63—75). Сц. 9. Ст. 451. *Фамильная* — семейная. Ст. 482. *Смиренник погубил, а я от смерти спас.* В зачеркнутом варианте этой строки Молчалину дано название *Эндимион* (греч. миф.) — юноша, погруженный богами в вечный сон. Образ спящего Эндимиона часто встречается в искусстве. В одном из домашних театров начала XIX в. пользовалась большим успехом опера «Диана и Эндимион».

Акт III. Сц. 6. Ст. 276. *Порскать* — криком натравливать гончих на зверя во время охоты.

Акт IV. Сц. 5. Ст. 195. *Фридрих* II (1712—1785) — король Пруссии, создал сильное военно-монархическое государство. Ст. 208. *Он в Царском жил Селе.* Царское Село, любимая летняя резиденция Екатерины II, было застроено домами и дачами лиц, близких ко двору (ср. примеч. к основному тексту, д. IV, явл. 5, ст. 207). Ст. 214. *Фавёр* (фр. faveur) — расположение.

II

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ранние комедии

Молодые супруги. Молодые супруги. Комедия в одном действии, в стихах. А. Грибоедова. Спб., 1815 (ц. р. 18 июня 1815), с опечатками в явл. 6, ст. 332, 333 (*в магазейн* вм. *в магазеин*), явл. 13, ст. 587 (*дали* вм. *дале*), вероятно, опечатка и в явл. 8, ст. 409—410: *уже* вм. *ужо* (через некоторое время). За неимением достаточных данных, подтверждающих это предположение, в наст. изд. печатается в соответствии с источником. Создание комедии относили к 1814 г.— С. Н. Бегичев: «19-ти лет написал он в одном действии, в стихах, комедию „Молодые супруги“» (Восп-1980. С. 25), Ф. В. Булгарин: «В Польше он снова обратился к русской словесности и написал комедию „Молодые супруги“» (Восп-1929. С. 25), Р. М. Зотов: «Еще до отъезда Грибоедова на Кавказ видел я его часто у князя Шаховского, по заказу которого он переделал

французскую комедию „Le secret du mènage“ и назвал ее „Молодые супруги“» (Зотов. С. 83). Отделка пьесы продолжалась, вероятно, и после переезда в Петербург, до середины июня 1815 г., когда она была представлена в цензуру для одобрения. В основу «Молодых супругов» положен сюжет трехактной комедии в стихах «Le secret du mènage» («Секрет супружества») О.-Ф. Крезе де Лессе (1771—1839), поставленной и напечатанной в Париже в 1809 г. и являющейся в свою очередь переделкой пьесы А. Г. Муасси «Новая школа жен» («Nouvelle école des femmes», 1758). Ранний прозаический перевод этой пьесы: «Урок женам, или Домашняя тайна. Комедия в 3-х действиях, переведенная с французского А. Г. Волковым» (список ЛГТБ). В варианте Грибоедова содержится ряд существенных переделок: изменены имена главных героев, подруга жены заменена приятелем мужа, из трех актов сделан один, сняты сцены бала и др.; дополнен монолог Ариста о светском воспитании (явл. 2, ст. 23—38), введен романс Эльмиры (явл. 5, ст. 285—292, 297—304; явл. 6, ст. 307—314. См. об этом: АН. Т. 1. С. 290). «Представлена в первый раз на Санкт-петербургском театре российскими придворными актерами, в пользу актрисы г-жи Семеновой меньшой, сентября 29 дня, 1815 года», как обозначено на титульном листе издания. В Москве впервые сыграна 19 мая 1816 г. В списке действующих лиц на обороте титульного листа названы исполнители: Арист — И. И. Сосницкий, Эльмира — Е. С. Семенова, Сафир — Я. Г. Брянский. Пьеса долгое время не сходила со сцены (см.: Арапов. С. 242, Вольф, по указателю) и пользовалась неизменным успехом. Об исполнении главных ролей супругами Сосницкими Р. М. Зотов писал: «Играла эта прекрасная чета комедию «Молодые супруги» Грибоедова, и подобного восторга мы никогда не видели в театре» (Зотов. С. 52). Критический отзыв М. Н. Загоскина отдавал предпочтение переводу Грибоедова перед французским оригиналом комедии: «Мы находим, что русская гораздо лучше ⟨...⟩ Действие идет быстро; нет ни одной ненужной и холодной сцены; в ней все на своем месте». Однако в заключение рецензент указывал, что «в сей комедии встречаются стихи дурные, шероховатые и выражения совершенно неприличные действующим лицам ⟨...⟩. Читая подобные стихи, невольно вспомнишь слова Мизантропа: „Такие, граф, стихи Против поэзии суть тяжкие грехи“» («Театральный еженедельный репертуар»//СН. 1817, № 15, отд. 3. С. 55). Замечено, что почти все театральные обзоры Загоскина завершались перечислением недостатков пьесы, «указанием, превратившимся в шаблон» (Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.). Л., 1983. С. 49). Однако Грибоедов болезненно воспринял замечания Загоскина и ответил на них ст-нием «Лубочный театр» (см. примеч. к этому ст-нию, с. 490). Сочувственные отзывы комедия получила в среде молодых литераторов декабристских кругов. На заседании общества «Зеленая лампа» говорилось, что пьеса «имеет очень много достоинства по простому, естественному ходу, хорошему тону и многим истинно комическим сценам», хотя были указаны и «дурные стихи» («Декабристы и их время». М., 1928. Т. 1. С. 25). А. А. Бестужев в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» отметил в Грибоедове «большое дарование для театра» и нашел в стихах «хороший их тон», который «ручается за вкус» автора (Полярная звезда на 1823 год. С. 25). Явл. 2. Ст. 30. *Ландшафт* — пейзаж; здесь: пейзажная живопись. Ст. 59. *Застава* — место выезда из города и въезда в него, охраняемое стражей. Явл. 3. Ст. 77. *Ведомости* — общее название газет в дореволюционной России («С.-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Губернские ведомости»). Явл. 4. Ст. 101—102. *Эмблемой приняты Не*

розаны... а маковы цветы. Согласно цветочной символике — «языку цветов», популярному в конце XVIII — нач. XIX в., розы означали любовь, мак — покой, усыпление. Я в л. 5. С т. 291. *Венерин пояс,* или пояс Афродиты (ант. миф) — постоянный атрибут богини любви и красоты, в котором скрыта тайна ее обаяния. Я в л. 9. С т. 439. *Ковы* — коварные замыслы, козни. Я в л. 11. С т. 501. *Что хочет женщина, то сбудется всегда* — перефразированная французская пословица «Que femme veut — dieu le veut» («Чего хочет женщина, того хочет бог»). Я в л. 14. С т. 651. *Волшебные тени* («китайские тени») — теневой театр.

*** Отрывок из комедии ⟨«Своя семья, или Замужняя невеста»⟩.** СО. 1817, № 48 (ц. р. 27 нояб. 1817), подп.: Грибоедов.--«Своя семья, или Замужняя невеста, комедия в трех действиях, в стихах». Спб., 1818 (ц. р. 16 янв. 1818). Печ. по СО. В предисловии к пьесе А. А. Шаховской писал: «Желая сочинить новую комедию для бенефиса г-жи Валберховой ⟨...⟩ я выбрал такое содержание пьесы, в котором бы могла она показать разнообразность игры своей, и старался сколько можно связать простою интригою эпизодические явления. Времени до назначенного дня, до бенефиса, оставалось мало, и, боясь не сдержать моего обещания, я просил А. С. Грибоедова и Н. И. Хмельницкого помочь мне ⟨...⟩ первый написал все начало второго действия до ухода Феклы Савишны ⟨...⟩ Благодарность и справедливость требуют, чтоб я сделал сие известным и не присвоил себе чужого». О сочинении отрывка имеются сведения в переписке Грибоедова: «Шаховской меня просит сделать несколько сцен стихами в комедии, которую он пишет для бенефиса Валберховой; и я их сделал довольно удачно» (С. Н. Бегичеву, 4 сент. 1817), «Для Валберховой я сделал четыре сцены, которыми Жандр очень доволен» (П. А. Катенину, 19 окт. 1817). Здесь либо ошибка — не четыре, а пять сцен (явлений), либо одну из них Грибоедов дописал впоследствии. Написанный Грибоедовым текст в отдельном издании отличается от первопечатного. Изменено, в частности, имя *Мавра* на *Фекла*; *Варвара Савишна* получила фамилию *Вельдюзева.* Сведений о переработке Грибоедовым не имеется, она, очевидно, предпринята Шаховским (при этом ст. 237 изменен, скорее всего, по цензурным соображениям). Шаховской, привлекая Грибоедова и Хмельницкого, «выступал в роли покровителя молодых талантов» (Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961 (БП., Б. с.). С. 777), следовательно, мог позволить себе правку чужого отрывка. Загл. пьесы также появилось позднее, так как оно не названо ни в первой публикации отрывка, ни в приведенной выше переписке. Премьера состоялась на сцене Малого театра в Петербурге 24 января 1818 г., что обозначено на титульном листе издания: «Представлена в первый раз в Санкт-Петербурге, на Малом театре, в пользу актрисы г-жи Валберховой; генваря 24 дня 1818 года». В списке действующих лиц перечислены исполнители, в их числе А. С. Каратыгина (Варвара Савишна Вельдюзева), И. И. Сосницкий (Любим), М. И. Валберхова (Наташа), Е. И. Ежова (Мавра Савишна Брызгова). Пьеса «удержалась постоянно в репертуаре» (Арапов. С. 262) и вызвала многочисленные отклики в печати (см.: АН. Т. 1. С. 293). В Москве первое представление — 11 окт. 1818 г. Второй соавтор Шаховского Н. И. Хмельницкий в своей пьесе «Нерешительный» (1819) упоминает о популярности «Своей семьи...» и комедии Грибоедова «Притворная неверность» на домашнем театре: «Да, он со мной играл „Притворную неверность“.— А мы играли с ним при вас „Свою семью“». ⟨Я в л. 1⟩. С т. 7. *Образная* — комната с иконами для совершения молитв. С т. 25. *Секунд-маиор* — офицерский чин из разряда высших (штаб-офицерских), следовал после капитана,

упразднен с введением чина подполковника в 1797 г. Ст. 27—47. В отд. изд. (см.: «Варианты», с. 431) *Лейпциг, Кульм, Париж* — места победоносных сражений (1813—1814) союзных войск (русских, австрийских, прусских и шведских) с французской армией, в которых особенно отличились русские воины. Ст. 45. *Шемизетка* — женская блузка, кофточка; декоративная вставка на платье. ⟨Явл. 2⟩. Ст. 56. *Карточка визютная* (визитная) — небольшая карточка с указанием имени, отчества, фамилии, звания и т. п. для вручения при знакомстве, посещении кого-либо. Ст. 58. *Святая* — пасхальное воскресенье или первая неделя после него. ⟨Явл. 3⟩. Ст. 77. *Золовка* — сестра мужа. ⟨Явл. 4⟩. Ст. 155. *Серпянка* — льняная ткань типа холста редкого плетения грубой работы. Ст. 171. *Француженки* — здесь: владелицы модных магазинов (см. примеч. к ГоУ, д. I, явл. 4, ст. 90—95, с. 470). ⟨Явл. 5⟩. Ст. 237. *Риза* — облачение священника во время богослужения.

Притворная неверность. «Притворная неверность. Комедия в одном действии, в стихах. Переведена с французского А. Грибоедовым и А. Жандром». Спб., 1818 (ц. р. 7 февр. 1818). Вольный перевод комедии «Les fausses infidélités» (1768) французского драматурга Н.-Т. Барта (1737—1785), впервые поставленной в Париже 25 января 1768 г. Имеется ранний прозаический анонимный перевод этой пьесы: «Притворная неверность. Комедия в одном действии. Переложенная на здешние нравы вольным переводом, с сочинения г. Барте. В Санкт-Петербурге 1772 года». Перевод Грибоедова и Жандра сделан непосредственно с французского текста, но пространнее оригинала и с некоторыми переделками: русифицированы имена, переосмыслены характеристики персонажей, «но в общем переводчики сберегли все существенные черты в сценарии и содержании комедии Барта» (АН. Т. 1. С. 296). Первое упоминание о работе над пьесой — в письме к П. А. Катенину от 19 октября 1817 г. по поводу бенефиса Екатерины Семеновой: «Я же ей в бенефис отдаю „Les fausses infidélités“». Следующее — в письме к С. Н. Бегичеву от 15 апреля 1818 г.: «Посылаю тебе «Притворную неверность» ⟨...⟩. Вот видишь ли, отчего сделалось, что она переведена двумя, при отъезде моем в Нарву Семенова торопила меня, чтоб я не задержал ее бенефиса, а чтоб это не задержало меня в Петербурге, я с просьбой прибегнул к другу нашему Жандру. Возвратясь из Нарвы, я нашел, что у него только переведены сцены двенадцатая и тринадцатая; остальное с того места, как Рославлев говорит: «Я здесь, все слышал и все знаю», я сам кончил. Впрочем, и в его сценах есть иное мое, так, как и в моих его перемены; ты знаешь, как я связно пишу; он без меня переписывал и многих стихов вовсе не мог разобрать и заменил их своими. Я иные уничтожил, а другие оставил: те, которые лучше моих» (в наст. изд. явл. 12 и 13, написанные А. А. Жандром, набраны петитом). Поставлена в петербургском Большом театре 11 февраля 1818 г. в исполнении М. И. Валберховой — Эледина, А. М. Брянской — Лиза, Я. Г. Брянского — Рославлев, И. И. Сосницкого — Ленский, А. Н. Рамазанова — Блестов (эти исполнители обозначены в списке действующих лиц первого издания) и продержалась на сцене до 1822 г. Возобновлена в 1825 г. В Москве впервые поставлена 3 сентября 1818 г. в бенефис Е. Я. Воробьевой, вероятно в присутствии Грибоедова, который в это время находился в Москве. Игралась на домашних сценах и распространялась в списках, о чем сообщает сам автор в цитированном выше письме к Бегичеву: «Эту комедийку собираются играть на домашних театрах; ко мне прислали рукописные экземпляры для поправки, многое переврано, вот что заставило меня ее напечатать» (см. также примеч. к «Отрывку из комедии ⟨„Своя семья, или

Замужняя невеста“〉», с. 484). В сочувственном отзыве анонимного рецензента отмечалась, в частности, как положительная сторона русификация фамилий, произведенных «от собственных имен русских городов, рек и пр. (напр., Рославлев, Ленский и т. п.)» (СО. 1818, № 19. С. 263). Иначе оценил пьесу А. И. Писарев (см. о нем с. 495—496), упомянув ее в 1825 г. в сатире «Певец на биваках у подошвы Парнаса» (БЗ. 1859, № 20. Стб. 616). Я в л. 5. С т. 310. *Макао* — азартная карточная игра, всегда запрещавшаяся законом в России. С т. 311. *Бостон* —одна из наиболее популярных в начале XIX в. коммерческих (неазартных) карточных игр. Я в л. 8. П о с л е с т. 417. *Жоконд* — комическая опера «Жоконд, или Искатель приключений» (1815) французского композитора Н. Изуара (1777—1818) на либретто в переводе П. А. Корсакова. В журналах велась полемика по поводу «безнравственности» оперы, а «на петербургских улицах слышны были беспрестанно напевы арии Самойлова „Любовник оскорбленный Бежит от глаз неверной!“» (Арапов. С. 235).

Проба интермедии. РВ. 1873, № 9, в статье В. Родиславского «Неизданные пьесы А. С. Грибоедова». Печ. по авторизованному театральному списку ГТБ с подп.: А. С. Г., с первоначальным загл.: «[Бенефис, или] Проба интермедии» и надписью: «Представлена в первый раз в Санкт-Петербурге на Большом театре ноября 10 дня 1819 года в пользу актера Г. Брянского» (ц. р. 16 февр. 1818). Поставлена после драмы «Волшебница Сидония» как «Интермедия-водевиль с пением, сочин. Грибоедовым; в ней участвовали все первые оперные актеры» (Арапов. С. 289) — М. В. Величкин, И. И. Сосницкий, А. Н. Рамазанов, В. В. Боченков, Е. С. Сандунова. По мнению И. Н. Медведевой, «отсутствие имени композитора, обычно указываемого, возможно, означает, что и музыка была сочинена Грибоедовым» (БП-1967. С. 498). *Проба* — репетиция.

Отрывки незавершенных драм

Юность Вещего. РСл. 1859, № 5, по ЧТ, возможно, с опечаткой в ст. 10 (*сколько* вм. *столько*). По указанию Д. А. Смирнова, «отрывок этот существует в «Черновой» в двух экземплярах: вчерне (в начале тетради) и перебеленный Грибоедовым (в самом конце ее)». Далее публикатор добавляет: «Я не упомянул бы об этом обстоятельстве, если бы в конце чернового экземпляра не сохранилось несколько строк, состоящих из одних лаконически выраженных, лаконически «поставленных», если можно так сказать,— слов (как это иногда делывал Пушкин), которые все-таки составляют конспект сочинения, хотя несколько, до известной границы обличающий нам мысль его автора» (с. 82). С. Н. Бегичев вспоминал: «Для открытия нового театра в Москве осенью 1823 года располагал он написать в стихах пролог в двух актах под названием «Юность вещего».— При поднятии занавеса юноша-рыбак Ломоносов спит на берегу Ледовитого моря и видит обаятельный сон, сначала разные волшебные явления, потом муз, которые призывают его, и наконец весь Олимп во всем его величии. Он просыпается в каком-то очаровании; сон этот не выходит из его памяти, преследует его и в море, и на необитаемом острове, куда с прочими рыбаками отправился он за рыбным промыслом. Душа его получила жажду познания чего-то высшего, им неведомого, и он убегает из отеческого дома. При открытии занавеса, во 2-м акте, Ломоносов в Москве, стоит на Красной площади. Далее я не помню. Но слух об его комедии распространился по Москве, он волею и неволею читал ее во многих домах 〈...〉. Пролога он написать не успел, а театр

открылся» (Восп.-1980. С. 29). Судя по упоминанию многочисленных чтений «комедии» (ГоУ), работа над «Юностью Вещего» правильно отнесена Бегичевым к 1823 г., но открытие театра в Москве состоялось позже, 6 января 1825 г. Пролог для этого открытия — «Торжество муз» — написан М. А. Дмитриевым. Есть предположение, что, отказавшись от замысла пьесы, Грибоедов «обработал написанный им текст в виде законченного стихотворения, которое он перебелил на отдельном листе» (Избр-1978-ХЛ. С. 414). Однако автограф, насколько его можно представить по публикации Смирнова, сохраняет признаки драматического отрывка. *Преслушный* — ослушный, своевольный. *Ловитва* — охота, преследование.

⟨Серчак и Итляр⟩. РСл. 1859, № 5, по ЧТ, под загл. «Три монолога», принадлежащим публикатору Д. А. Смирнову (в ЧТ было без загл.). По указанию публикатора, помещалось «между страницами отрывок (отрывков.— *Ред.*) из „Грузинской ночи“» (с. 77). Впоследствии печаталось под разными произвольными загл.: «Диалог половецких мужей» (ПСС-1889. С. 206; АН. Т. 1. С. 254), «Отрывок трагедии о времени Святополка Изяславича» (БП-1967. С. 320). Наиболее близким к тексту и исключающим произвольные толкования представляется загл. «Серчак и Итляр», принятое в изд.: Грибоедов А. С. Сочинения, Л., 1940, и во всех последующих изданиях, подготовленных В. Н. Орловым. Знакомый Грибоедова поэт А. Н. Муравьев вспоминал, что в августе 1825 г. в Крыму Грибоедов рассказывал ему план задуманной трагедии «Федор Рязанский», «равно как и другой трагедии, из которой помню одну лишь сцену между половцами, позабыв ее название» (РО. 1895, № 5. С. 74). Содержание отрывка также позволяет отнести его к лету 1825 г.: «Описание южнорусской степи, напр. вихрей, могло быть навеяно пребыванием Грибоедова на юге в этом году» (АН. Т. 1. С. 300). В отрывке намечена тема трагедии, связанная с борьбой русских и половцев, широко использованная в поэзии декабристов (см.: БП-1967. С. 501). Грибоедовым использованы половецкие имена, принадлежавшие реальным историческим лицам: *Серчак* (Сърчан) — половецкий князь, упоминаемый в галицко-волынской летописи XIII в., отличающейся светским характером и поэтической окраской повествования. *Итляр* (Итларь) — имя одного из сильнейших половецких вождей, убитого черниговским князем Владимиром Владимировичем в Переяславле в 1095 г. по повелению князя Святополка Изяславича по прозвищу Окаянный (время княжения 1093—1112). Сыновья Итляря затем много раз совершали опустошительные набеги на русские земли. В целях примирения с половцами Святополк женился на дочери половецкого князя Тугоркана. Многие исследователи отмечают в отрывке влияние «Слова о полку Игореве». Ст. 35. *Корысть* — добыча, богатства, захваченные у неприятеля. Ст. 39. *Трубёж и Десна* — притоки Днепра, играли видную роль в торговле и судоходстве Древней Руси, что было причиной упорной борьбы за обладание ими. Ст. 40. *Бранные* — боевые.

⟨1812 год⟩. РСл. 1859, № 5, по ЧТ, под загл. «Отец и дочь», принадлежащим Д. А. Смирнову (в ЧТ было без загл.). Печ. с сохранением разночтения в имени героини (в тексте — *Надежда*, в авторских ремарках — *Наташа*) ввиду невозможности установить направление незавершенной авторской правки. Датируется по указанию Смирнова о наличии на бумаге водяного знака *1822* не ранее этого года и не позднее 1828, когда ЧТ была передана С. Н. Бегичеву. И. Н. Медведева считает наиболее вероятным временем работы над этим сюжетом 1822—1825 гг. (см.: БП-1967. С. 502). По мнению С. А. Фомичева, разработка замысла

трагедии о 1812 г. относится ко времени знакомства Грибоедова с пушкинским «Борисом Годуновым», возможно к 1827 г. (см.: Избр-1978-ХЛ. С. 411). См. также план драмы ⟨1812 год⟩ и примеч. к нему (с. 391 и 505).

* **Грузинская ночь.** РСл. 1859, № 5, по ЧТ, под загл. «Отрывки из „Грузинской ночи"», с опечатками в ч. 2, ст. 24 (*провиденья* вм. *привиденья*) и др. Черновой автограф (ч. 1, ст. 30—63), изъятый из ЧТ Д. А. Смирновым,— ГПБ. Печ. по РСл с поправками по автографу ГПБ, ст. 30—63. В РСл — неисправный текст с ошибочно прочитанными и неразобранными словами, с двумя строками точек (см., например, отсутствие рифмы к слову *смертей* в ч. 1, ст. 10), и примеч. публикатора к двум сохранившимся частям текста: 1. «Кормилица, как надо судить, уже успела объявить князю свою просьбу о возвращении сына и свою печаль; князь отвечает». 2. «Кормилица призывает в помощь своей мести Али — злых духов Грузии» (РСл. С. 115). Приведены также отрывки, «явно служащие вариантом, или, точнее, отдельною, может быть, даже первоначальною обработкою нескольких мест», расположенные «в обратном порядке против всех страниц тетради» (там же). В разделе «Варианты» наст. изд. эти отрывки приводятся как варианты соответствующих им по содержанию строк основного текста. Кроме разночтений автографа приводятся также варианты первопечатного текста, являющиеся результатом ошибочных чтений публикатора. В автографе ГПБ имеется тройная (частично зачеркнутая) пагинация черными и красными чернилами (по-видимому, Грибоедова и Смирнова). Действующие лица обозначены инициалами К (к⟨нязь⟩?), Г (грузинское женское имя), Р (описка?). Датируется на основании мемуарных свидетельств. С. Н. Бегичев вспоминал, что «на пути к месту своего назначения» Грибоедов 13—15 июня 1828 г. пересказал ему содержание «написанной трагедии» и прочел несколько сцен из нее (Восп-1980. С. 30). Бегичев пишет далее: «Прочесть мне всю трагедию он никак не согласился. „Я теперь еще к ней страстен,— говорил он,— и дал себе слово не читать ее пять лет, а тогда, сделавшись равнодушнее, прочту как чужое сочинение, и если буду доволен, то отдам в печать"». Еще раньше, весной того же года, Грибоедов на обеде у П. П. Свиньина «читал наизусть отрывок из своей трагедии «Грузинская ночь», которую сочинял тогда» (Полевой К. А. О жизни и сочинениях А. С. Грибоедова//ГоУ-1839. С. XLIII). К этому же периоду относится сообщение в письме Н. М. Языкова: «Булгарин говорит, что Грибоедов написал трагедию, какой не бывало под солнцем,— „Грузинская ночь"» (Письма Языкова. С. 354). В воспоминаниях Ф. В. Булгарина содержание трагедии изложено подробно: «Грибоедов ⟨...⟩ в последнее пребывание свое в Грузии ⟨...⟩ сочинил план романтической трагедии и несколько сцен, вольными стихами с рифмами. Трагедию назвал он «Грузинская ночь», почерпнул предмет оной из народных преданий и основал на характере и нравах грузин. Вот содержание: один грузинский князь за выкуп любимого коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его; упрекает его в бесчеловечном поступке, припоминает службу свою и требует или возврата сына, или позволения быть рабою одного господина, и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом обещает выкупить сына кормилицы и, наконец, по княжескому обычаю,— забывает обещание. Но мать помнит, что у нее отторжено от сердца детище, и, как азиатка, умышляет жестокую месть. Она идет в лес, призывает Дели,

злых духов Грузии, и составляет адский союз на пагубу рода своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляет Дели вселить любовь к офицеру в питомице своей, дочери князя. Она уходит с любовником из родительского дома. Князь жаждет мести, ищет любовников и видит их на вершине горы св. Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но Дели несут пулю в сердце его дочери. Еще не совершилось мщение озлобленной кормилицы! Она требует ружье, чтобы поразить князя, и убивает своего сына. Бесчеловечный князь наказан небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью. Они гибнут в отчаянии 〈...〉 Грибоедов читал нам наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина» (Восп-1929. С. 35—36). Сцена духов исследователями сближается со сценой ведьм в «Макбете» (см.: АН. Т. 1. С. 303) и заклинаний Жанны д'Арк в «Генрихе VI» Шекспира (см.: «Шекспир и русская культура». М.; Л., 1965. С. 137—138). 1. С т. 33. *Ксань* (Ксани) — река в Грузии, левый приток Куры. С т. 118. *Чекал* — шакал. 2. С т. 6. *Али* (букв.: пламень) — духи зла в грузинских народных поверьях. В комментариях Д. А. Смирнова к «Грузинской ночи» приведена характеристика духов Али, извлеченная из статьи о грузинской медицине, в которой говорится: «По народному поверью, Али — дух женского пола 〈...〉 Зубы словно кабаньи клыки, а коса во весь рост, и говорит-то она хотя и языком человеческим, но все наоборот, и вся она создана будто наизнанку, и все члены у ней будто выворотные 〈...〉 Уверяют, что она невольно делается рабою того, кто отрежет у ней косу, а так как Али часто расчесывает свои волосы на пустынном берегу реки, то это можно сделать при известных условиях» (Берзенов И. О грузинской медицине//«Кавказский календарь на 1857 год». Отд. 4. «Лит. прибавления». Тифлис. 1856. С. 409).

СТИХОТВОРЕНИЯ

* **От Аполлона.** СО. 1815, № 45 (ц. р. 29 ноября 1815), с подп.: NN, в составе рецензии Н. И. Греча (без подп.): «„Урок кокеткам, или Липецкие воды. Комедия в пяти действиях, в стихах. Соч. кн. А. А. Шаховского“». Авторство Грибоедова указано: Соч.-1860. С. 306, со ссылкой на свидетельство Греча; РВ. 1873, № 9. С. 236, в статье В. Родиславского «Неизданные пьесы А. С. Грибоедова»; ИВ. 1909, № 4. С. 160, под загл.: «Приказ Феба», с вариантом в ст. 6 в публикации «К биографии А. С. Грибоедова (Из неизданных материалов Д. А. Смирнова)», со ссылкой на свидетельство С. Н. Бегичева. Комедия Шаховского, впервые поставленная в петербургском драматическом Малом театре 23 сентября 1815 г., вызвала журнальную полемику, главным образом в связи с образом «балладника» Фиалкина, под именем которого был выведен В. А. Жуковский. Статья Греча имела своей целью завершить споры, ведшиеся и на страницах издававшегося им СО (см.: СО. 1815, № 40, 42, 46). Он писал: «Наслышавшись об этой комедии очень много, я хотел было, при объявлении о выходе ее в свет, порядочно разобрать ее 〈...〉 Вдруг раздался за мной громкий грозный голос: «Здравия желаю!» Хотя я журналист, следственно человек полувоенный, но, признаюсь, вздрогнул от неожиданного приветствия, оборотился и увидел вошедшего в комнату гренадера 〈...〉 Он держал в руке большой пакет. «К вам, сударь!» — сказал он, подавая его мне. «От кого?» — «Не велено

сказывать» 〈...〉 Нечего было делать! Я взял послание «К „Сыну Отечества“» и расписался 〈...〉 Распечатываю пакет и нахожу следующий приказ: «От Аполлона» (приводится текст эпиграммы. *Ред.*). Что прикажете писать после этого?» *Парнасский... народ* — здесь: писатели. О том же писал Жуковский: «Теперь страшная война на Парнасе 〈...〉 Город разделился на две партии, и французские волнения забыты при шуме парнасской бури» (РА. 1864, стб. 459).

* **Лубочный театр.** СП. 1837, 15 июня, № 131, ст. 42—53, в статье Ф. В. Булгарина «Заочная болтовня, или — по-школярному — Colloquium cum absentibus. Статья вторая», подп. Ф. Б.--Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета. 1860. Вып. 2, в статье Л. Н. Майкова «Заметки об А. С. Грибоедове», по автографу письма Грибоедова к П. А. Катенину от 19 октября 1817 г.--РС. 1874, № 5, в статье «Александр Сергеевич Грибоедов (1795—1829)», по автографу из архива Ф. В. Булгарина, с примеч. и вариантами из письма к Катенину, не вполне точно.--Печ. по автографу ПД (архив РС, из архива Ф. В. Булгарина, впервые — Избр-1978-ХЛ). Автограф представляет собой беловую рукопись, в которой учтены стилистические и автоцензурные поправки, перечисленные в письме к Катенину (см. ниже), и сделано исправлениe в ст. 41. В публикации РС (с. 159) сообщается, что архив Булгарина с материалами Грибоедова «обязательно предоставлен в распоряжение редакции «Русской старины» Болеславом и Владиславом Фаддеевичами Булгариными при посредстве Т. А. Сосновского (псевдоним П. П. Каратыгина.— *Ред.*)». Ст.-ние, по заявлению публикаторов, приведено «в том виде, в каком, переписанное рукою самого Грибоедова, оно сохранилось в бумагах Ф. В. Булгарина», однако в тексте публикации не везде соблюдена грибоедовская пунктуация и неточно указан вариант в ст. 41. «Лубочный театр» является откликом на критику М. Н. Загоскиным комедии «Молодые супруги» (см. примеч. к этому произведению, с. 483). По этому поводу Грибоедов писал Катенину 19 окт. 1817 г.: «Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахинею. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этим оскорбляться, и я сперва, как прочел, рассмеялся, но после чем больше об этом думал, тем больше злился. Наконец не вытерпел, написал сам фасесию и пустил по рукам 〈...〉 Я тебе ее посылаю, покажи Бегичеву; — покажи кому хочешь, впрочем. Воля твоя, нельзя же молчаньем отделываться, когда глупец жужжит об тебе дурачества». В письме приведен текст, предназначенный для распространения «по рукам». Здесь же указаны поправки для печати: «Вместо Загоскина: *Вот вам Михайло Моськин.* А в другом листе: *Вот Моськин — Наблюдатель.* А стих: *Княгини* и пр. и пр. вот как раздробить:

Княгини и
Княжны
Князь Фольгин и
Князь Блесткин».

В статье РС говорится: «При всем желании автора эти стихи не были в свое время напечатаны, но Грибоедов распространил их сам во множестве списков» (с. 160). Известно сообщение С. Н. Бегичевым В. К. Кюхельбекеру отрывка (ст. 42—45) из «Лубочного театра» (см.: РС. 1875, № 7. С. 378). По свидетельству Жандра в записи Смирнова, Грибоедов читал друзьям другой вариант ст-ния, «короче, сжатей и живее. Не было, например, указания на «Проказника», комедию Загоскина, и некоторых других мест» (Восп-1980. С. 232). Эпиграф из сатиры

французского писателя Н.-Ж.-Л. Жильбера (1751—1780) «Mon apologie» («Моя апология»). В РС примеч. к нему: «„Кто музою своей зевоту нагоняет, зачем откликнулся, коль имя он скрывает?“ — Таков в вольном переводе смысл эпиграфа, автором не переведенного. Ред.» (с. 159). Ст. 7. *Тороватый* — великодушный, щедрый. Ст. 11. *Михайло Моськин* — М. Н. Загоскин. Ст. 15—16. *Князь Фóльгин* и *Князь Блёсткин* — персонажи пьесы Загоскина «Комедия против комедии, или Урок волокитам» (первое представление 4 ноября 1815). Ст. 20. *Проказник* — комедия Загоскина, с которой он без успеха дебютировал на петербургской сцене 15 декабря 1815 г. Ст. 29. *Богатонов* — персонаж комедии Загоскина «Господин Богатонов, или Провинциал в столице» (поставлена 27 июля 1817), напоминавший зрителям *Транжирина* (ст. 31) из комедии А. А. Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр» (1808). Ст. 36. *Буйный Сосед* — Буянов, персонаж ирои-комической поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (1811). Ст. 40. *Вот Моськин — Наблюдатель.* Имеется в виду участие Загоскина в СН. Ст. 41. *А вот другой чудак, с ним вечный состязатель.* Имеется в виду полемика критиков Ювенала Прямосудова (псевдоним В. И. Соца в СО) и Ювенала Беневольского (псевдоним Загоскина или П. А. Корсакова в СН), см. об этом: Соч-1951. С. 295; Избр.-1978-ХЛ. С. 413. Ст. 42—45. *Один напишет вздор* и т. д. Кюхельбекер повторил эти строки по памяти с некоторыми изменениями в дневнике от 2 августа 1833 г., отнеся их к спорам Загоскина и А. А. Измайлова (см.: Восп-1980. С. 260).

〈Эпитафии доктору Кастальди〉. Сб ОРЛС, публикация А. Станкевича, по автографу в письме Грибоедова к Н. А. Каховскому от 3 мая 1820 г. (ГИМ). Печ. по этому автографу. В АН (т. 3) и во всех последующих публикациях — неверное чтение ст. 2 первой эпитафии: «Рок неведомый сюда его привел» вм. *недоведомый* (церк.-слав.) — непостижимый (см.: Сл.-1847. Т. 2). В письме Грибоедова о смерти Кастальди говорится: «На днях мы хоронили Кастальди 〈...〉 плачевники, хоронильщики, зрители, полуравнодушные, полурастроганные, мы были и наши товарищи европейцы: французы, англичане, италиянцы, и какое же разнообразие вер и безверия! 〈...〉 Очень пестро, а право, не лгу. М〈азарович〉 сочинил эпитафию по-латыни, я русскую (приводится текст первой эпитафии.— *Ред.*). Длинно и дурно, но, чтоб не вычеркивать, заменю ее другою, в ней же заключается историческая истина (следует текст второй эпитафии.— *Ред.*)». *Кастальди* — служащий русской дипломатической миссии в Персии. В архивном деле имеются сведения, что «итальянский врач Кастальди прибыл в 1818 г. из Трапезонда в Тифлис для врачевания больных, а в 1819 г. бежал из Тифлиса в Персию» (АН. Т. 3. С. 314), там был принят на службу при поверенном в делах С. И. Мазаровиче, который, будучи по происхождению «венецианским дворянином», окружал себя итальянцами.

* **Давид.** Мнемозина. Ч. 1. 1824 (ц. р. 17 янв. 1824), по автографу с поправками В. К. Кюхельбекера (ЦГАЛИ), с разночтениями, подп.: А. Г.--БП-1967, по автографу ЦГАЛИ, без учета правки Кюхельбекера, с факсимиле. Печ. по автографу ЦГАЛИ с учетом правки Кюхельбекера и с добавлением восклицательного знака в ст. 7 по Мнемозине. Список с датой 17 дек. 1823 — в альбоме В. И. Ланской (ЦГАЛИ). На обороте автографа в записке по-французски, адресованной сестре поэта М. С. Грибоедовой (в зам. Дурново), об этом ст-нии говорится: «Chère Marie, j'ai passé une nuit de souffrance. Veuiller envoyer cette production de mon insomnie á Kuchelbekker» («Дорогая Мари, я провел мучительную

ночь. Будьте добры отправить этот продукт моей бессонницы Кюхельбекеру» — БП-1967. С. 506). Ст-ние является переложением 151-го псалма Давида («Мал бех в братии моей...»), имеющего большое количество обращений в русской литературной традиции. В 1821—1822 гг. на Кавказе Грибоедов и Кюхельбекер вместе изучали Священное писание (см.: Восп-1980. С. 257), Кюхельбекер обратился к теме этого псалма в поэме «Давид» (1826—1829). О самостоятельности версии Грибоедова см.: Избр-1978-ХЛ. С. 415. Е. П. Соковнина вспоминает, что зимой 1823 г. Грибоедов учил ее «понимать высокопоэтические достоинства псалмов Давида, заставляя переводить некоторые из них» (Восп-1980. С. 19). А. Ф. Воейков сочувственно откликнулся на «Давида» в рецензии на альманах «Мнемозина» в «Новостях литературы» (1824. Кн. 8. С. 23). Иная оценка в сатире А. И. Писарева (см. о нем с. 495) «Певец на биваках у подошвы Парнаса» (1825): «Давиду перевод его Страшнее Голиафа!» (БЗ. 1859, № 20. Стб. 617). *Давид* (ок. 1010—975 до н. э.) — легендарный царь Израиля, согласно Библии, пророк и поэт, автор лирических песнопений — псалмов. Ст. 6. *Псалтырь* (псалтерион) — древнеиудейский струнный музыкальный инструмент.

⟨Куплеты и романсы из оперы-водевиля «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом»⟩. Основные публикации оперы-водевиля «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом»: Отрывки — Родиславский В. Неизданные пьесы А. С. Грибоедова//РВ. 1873, № 9, (вошли № 1, 2, 3, 5 наст. изд.). Полностью — ПСС-1889.--АН. Т. 1.--Верстовский.--БП-1967 (все публикации по двум спискам ГТБ 1824 г. с вариантами).--Избр-1978-ХЛ (по списку ГБЛ 1823 г. и цензурному списку ГТБ 1824 г.).

Оперу-водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» на музыку А. Н. Верстовского Грибоедов писал в соавторстве с П. А. Вяземским, который впоследствии, в 1873 г., вспоминал, что условился с Грибоедовым «в некоторых основных началах»: Грибоедов «брал на себя всю прозу, расположение сцен, разговор и проч. Я брал всю стихотворную часть, то есть все, что должно быть пропето. Грибоедову принадлежит только один куплет: *Любит обновы Мальчик Эрот* и пр.» (Восп-1980. С. 81). Это утверждение требует уточнений. Еще К. Полевой в предисловии к ГоУ-1839 писал о «нескольких куплетах и ариях, написанных Грибоедовым для водевиля», что подтверждается и другими данными, прежде всего обследованием источников полного литературного текста водевиля. Из них наиболее авторитетны московский авторизованный суфлерский список ГБЛ 1823 г. и два петербургских: цензурный список ГТБ 1824 г. и копия с него того же года. В обеих редакциях первоначальное загл. «Кто брат, кто сестра, или Обман [один из тысячи]». Суфлерский список ГБЛ 1823 г. датируется, по всей вероятности, декабрем м-цем, т. к. в это время Грибоедов пишет А. Н. Верстовскому о продолжении работы с Вяземским и пересылает текст куплетов «Любит обновы...», вошедший в этот список, а 7 января Вяземский уже пишет А. И. Тургеневу: «Я жду водевиль из театральной цензуры» (Верстовский. С. 9). В этом списке содержится первоначальная редакция водевиля с правкой разных лиц, в том числе Грибоедова и Вяземского, которые подвергли текст редактированию перед постановками в Москве, состоявшимися 24, 29 янв. и 15, 16 февр. 1824 г. Он послужил источником для петербургского цензурного списка ГТБ 1824 г. и, возможно, пересылался в Петербург для переписки, судя по надписи на обложке: «По сей суфлируют. Потребно для сцены. 2 подорожные». Цензурный список ГТБ 1824 г. изготовлен для представления в цензуру и одобрен 10 янв.

1824 г., затем подвергся переработке для сценических постановок в Петербурге, состоявшихся 1, 11, 17 сентября 1824 г. Исправления многочисленных погрешностей этого списка в основном принадлежат другим лицам, рукой Грибоедова, возможно, сделаны лишь несколько поправок (в то же время не исправленными остались некоторые грубые искажения текста). Тексты романсов «Любви туман и сумасбродство...» и «Неу́жли никогда в ней кровь...» вписаны не полностью. Целиком они представлены в копии этого списка, которая затем снова подверглась правке одновременно с ним. Обе эти рукописи содержат тексты, отсутствующие в московской редакции и добавленные специально для петербургской сцены с целью создать полноценную вокальную партию для актрисы Монруа, исполнявшей роль Юлии (см.: Верстовский. С. 22). Это куплеты «Стократ счастли́в, кто разум свой...» (явл. 10), «Любви туман и сумасбродство...» (явл. 22) и романс «Неу́жли никогда в ней кровь...» (явл. 22), которые могли принадлежать только перу Грибоедова, так как Вяземский не принимал участия в работе над петербургской редакцией. Однако вопрос о разграничении авторства по отношению к стихотворному тексту водевиля до сих пор не решен окончательно. И. Н. Медведева не исключает возможность принадлежности Грибоедову текста романса Верстовского «Когда в вас сердце признает...» (явл. 17), «напечатанного в «Мнемозине» (1826, ч. 1, с. 185) без указания авторства (тогда как тексты романса М. Ю. Виельгорского, напечатанные в ч. 2, обозначены как принадлежащие П. А. Вяземскому)» (БП-1967. С. 499). С. А. Фомичев на основании обстоятельного анализа автографа Вяземского с перечнем стихотворных текстов водевиля, а также авторизованных списков ГБЛ 1823 г. и ГТБ 1824 г. приписывает Грибоедову первые шесть стихов «Жизнь скучным трактом вам казалась!..» (явл. 1) и куплеты «Ручаться можно ли за что?..», «Ваш лазарет я прикатил...» (явл. 17) (см.: РЛ. 1977. № 2. С. 75—76; ТБТ. С. 198—201). В наст. изд. включены лишь тексты, атрибутируемые на основании палеографических данных. Они помещены в порядке расположения в водевиле.

1. **«Стократ счастли́в, кто разум свой...»** РВ. 1873, № 9, в составе пересказа Родиславским сюжета водевиля. Печ. по цензурному списку ГТБ 1824 г. Вошло в явл. 10 петербургской редакции вместо куплетов Вяземского «Любил бы, может быть, и я...», записано тем же почерком и на такой же бумаге, как романс «Неу́жли никогда в ней кровь...» (см.: Верстовский. С. 22).

* 2. **«Любит обновы...»** ВЕ. 1824, № 5, как самостоятельное произведение, в иронической заметке «Особая переписка» (подп.: Бывший журнальный Клеврет), без указания авторства Грибоедова.--АН. Т. 1, в составе водевиля, но по автографу ГЦТМ в письме к А. Н. Верстовскому.--Избр-1978-ХЛ, в составе водевиля. Печ. по автографу ГЦТМ в письме к А. Н. Верстовскому, б. д. ⟨декабрь 1823⟩. Вошло в явл. 17 и 18. Предназначалось первоначально для явл. 18 с ремаркой: «*[Хор, мазурка краковская]*», затем помещено также в явл. 17, где записаны первые 2 ст., перед ними ремарка: «*Темпо мазурки*» вм. зачеркнутого: (*За кулисами слышен хор*), т. е. первоначально в явл. 17 предполагался другой текст. Грибоедовым подсказана и музыкальная тема номера: «А вот темпо мазурки, которое я прибавил, что поется везущим тележку, когда встречают его прочие» (письмо к А. Н. Верстовскому).

* 3. **«Крылами порхая, стрела́ми звеня...»** «Оберточный листок». 1860. № 2, с примеч.: «Это одно из тех стихотворений, которые писаны А. С. Грибоедовым в альбом А. Н. Верстовского», однако с разночтением в ст. 1 по сравнению с текстом альбома (возможно, опечатка).--АН. Т. 1,

по автографу из альбома А. Н. Верстовского, с факсимиле. Печ. по автографу ГЦТМ (архив А. Н. Верстовского), ранее находившемуся в альбоме композитора. По сообщению Родиславского, предназначалось для явл. 17 или 18 взамен куплетов «Любит обновы...» (см.: РВ. 1873, № 9. С. 257), но в водевиль не вошло.

4. **«Любви туман и сумасбродство...»** ПСС-1889, в составе водевиля. Печ. по копии цензурного списка ГТБ 1824 г. В цензурном списке ГТБ 1824 г. неполный текст (ст. 1—8). Вошло в явл. 22 петербургской редакции взамен куплетов Вяземского «Не правда ли? уж нас не посетят...»

* 5. **«Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных...»** МТ. 1831, № 11.--«Пантеон русского и всех европейских театров». 1840, № 7.--АН. Т. 1, с факсимиле. Все публикации под загл. «Романс». Печ. по автографу ГЦТМ (архив А. Н. Верстовского). Списки — ЦНБ (в авторизованной партитуре композитора 1831 г.), ГПБ (архив В. Ф. Одоевского); многочисленные списки в альбомах и рукописных сборниках разных лиц — ЦГАЛИ, ГБЛ, ПД и др. архивохранилища. Предназначался для явл. 22, в списке ГБЛ 1823 г.— под загл. «Романс», заклеен текстом «Скажите, точно ль нежной власти...», принадлежащим Вяземскому (см.: Избр-1978-ХЛ. С. 406), в цензурном списке ГТБ 1824 г.— текстом романса Грибоедова «Неужли никогда в ней кровь...». В окончательный текст водевиля не вошел. Положен на музыку Верстовским как самостоятельное произведение (см.: Верстовский. С. 157). В предисловии издателя (К. или Н. Полевого) к первой публикации говорится: «Романс, который мы помещаем в «Телеграфе», писан Грибоедовым для театральной пьесы, в которой он участвовал 〈...〉 А. Н. Верстовский сочинил для него прелестную музыку» (с. 312). На партитуре романса имеется помета Верстовского: «Куплет из оперы-водевиля «Брат и сестра», *не петый* f-moll, текст Грибоедова» (Верстовский. С. 24). Музыкальная форма романса, по утверждению А. В. Войновой, отступает от принятого в водевиле принципа куплетности и свидетельствует о том, что «романс на текст Грибоедова написан в более позднее время» (Верстовский. С. 25), т. е. в 1831 г., когда газета «Молва» объявила о возобновлении водевиля «в числе любимых публикою пьес», а издатели МТ намеревались напечатать помимо грибоедовского текста и ноты Верстовского, но не осуществили своего намерения. В том же году романс был переложен для фортепьяно Одоевским и предложен им в «Лирический альбом на 1832 г.» (где были напечатаны и два вальса Грибоедова — C-moll и AS-dur), но отклонен издателями из-за того, что «слова им показались слишком, как бы сказать, *горячими* для книжки, которая назначается для девушек» (письмо В. Ф. Одоевского Верстовскому от 6 нояб. 1831 г.//Верстовский. С. 25). Положено на музыку также А. А. Алябьевым (см.: «Альбом любителям пения, изданный А. Миллером», М., 1837. С. 6).

6. **«Неýжли никогда в ней кровь...»** ПСС-1889, в составе водевиля. Печ. по копии цензурного списка ГТБ 1824 г. В цензурном списке ГТБ 1824 г. неполный текст, записан тем же почерком и на такой же бумаге, как № 1, 4. Вошло в явл. 22 взамен романса «Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных...». Впервые атрибутировано Грибоедову Н. К. Пиксановым, указавшим, что этот романс является «особой редакцией» романса «Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных...». (см.: АН. Т. 1. С. 279). Музыка Верстовского к этому романсу имеется в двух вариантах, взятых готовыми из других произведений композитора — опер-водевилей «Дом сумасшедших» и «Карантин» (см.: Верстовский. С. 22).

⟨Эпиграммы на М. А. Дмитриева и А. И. Писарева⟩. Эпиграммы Грибоедова на его литературных противников Михаила Александровича Дмитриева (1796—1866) и Александра Ивановича Писарева (1803—1828) создавались в марте — мае 1824 г. в связи с полемикой по поводу оперы-водевиля «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (см. примеч. к этому произведению, с. 492) и статьи П. А. Вяземского «Разговор между издателем и классиком» (вышла 10 марта 1824 г. в качестве предисловия к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина). Статьи Дмитриева в ВЕ и водевиль Писарева «Учитель и ученик, или В чужом пиру похмелье» (поставлен 24 апреля 1824 г.) вызвали целый ряд эпиграмматических ответов, из которых большинство принадлежало Вяземскому (см.: РЭ. С. 281—282) и несколько — Грибоедову. Из них два (см. ниже) достоверно атрибутированы Грибоедову в статье М. И. Гиллельсона «Неизвестная эпиграмма Грибоедова», где напечатаны (с факсимиле) по списку ЦГАЛИ рукой Вяземского под общим загл. «Эпиграммы Грибоедова» (см.: Вестник ЛГУ. № 14. Сер. истории, языка и литературы. 1957, вып. 3. С. 160). В списке Вяземского эпиграмма 2 разделена на две самостоятельные (ст. 1—2 и ст. 3—6), вероятнее всего, по ошибке Вяземского (см.: Соч-1959. С. 686). Грибоедову в разное время и с разной степенью достоверности приписывались и другие эпиграммы, напр. «Эпитафия М. А. Дмитриеву» (ГПБ, список в арх. П. П. Пекарского), «Важное приобретение» (см. примеч. к этому произведению, с. 503). Списки эпиграмм Грибоедова и приписываемых ему — ГБЛ, ГИМ, ГПБ, ПД, ЦГАЛИ и другие архивохранилища. Ответные эпиграммы Дмитриева и Писарева см.: РЭ. С. 357, 366—368.

1. **«Как распложаются журнальные побранки!..»** РА. 1892. Кн. 1, под загл. «Старинное стихотворение», неполностью, без указания автора. Печ. по списку ЦГАЛИ с исправлением ст. 15 по списку С. Д. Полторацкого (ГБЛ): ⟨*вас*⟩ вместо *их*. Ст. 5—7. *И будто Фаусту вложил* и т. д. Имеется в виду реальное лицо — Иоганн Фауст (Фуст, XV в.), соперник Гутенберга в изобретении книгопечатания. Отождествление его с чернокнижником Фаустом отмечено в работе: Жирмунский В. История легенды о Фаусте//«Легенды о докторе Фаусте». М.; Л., 1958. С. 432.

* 2. **Надпись к портретам сочинителя Михайлы Дмитриева и переводчика Писарева.** ГоУ-1839, в статье К. Полевого «О жизни и сочинениях А. С. Грибоедова», без загл. и двух последних ст., вм. которых строка точек.--ГоУ-1875, в статье И. Д. Гарусова «Печатные издания комедии „Горе от ума“» (в сокращенном варианте этой статьи разночтение в ст. 6, вероятно испорченный текст, см.: РС. 1874, № 8. С. 720).-- Полевой К. А. Записки. Спб., 1888. Печ. по списку ЦГАЛИ рукой П. А. Вяземского. Список с текстом, дословно соответствующим списку Вяземского, б. д., с карандашной пометой: «Эпиграмма князя Вяземского, переписана К. Ф. Калайдовичем» — ПД. Вяземский писал В. А. Жуковскому 21 апреля 1824 г. об эпиграмме Грибоедова «Надпись к портретам двух журнальных клевретов», имея в виду, вероятно, данную эпиграмму (см.: РЭ. С. 723). Сам Вяземский одновременно сочинил эпиграмму «К журнальным близнецам» («Цып! цып! сердитые малютки...») и сообщил ее Пушкину, который 7 июня 1824 г. отвечал ему: «Давно бы так! Критики у нас, чувашей, не существует, палки как-то неприличны; о поединке и смех и грех было и думать. Пришли мне эпиграмму Грибоедова» (Пушкин. Т. 13. С. 96). Ст. 1. *И сочиняют — врут, и переводят — врут!* Дмитриев и Писарев были известны как авторы едких эпиграмм и куплетов (см.: Полевой К. Записки. Спб., 1888.

С. 102), Писарев переводил и переделывал с французского языка водевили. Ст. 3. *Шалите рифмами, нанизывайте стопы.* Ср. отзыв Н. А. Полевого о стихах Дмитриева: «Видно, как автор нащупывал стих к стиху и рисовал узоры мыслей, определенных квадратцами канвы» (цит. по: БП-1967. С. 507). Ст. 6. *Студенческая кровь! Казенные бойцы!* и т. д. К. А. Полевой пояснил это выражение: «В «Вестнике Европы» приверженцы Каченовского порицали все, что отличалось в современной словесности вкусом и дарованием. Тогдашние студенты, особливо казеннокоштные, иногда грубые и малообразованные, бранились с особенным пылом. «Казенные бойцы» и «студенческая кровь» вошли у нас в поговорку» (Полевой К. А. Записки. Спб., 1888. С. 410).

Отрывок из Гёте. Полярная звезда на 1825 г., подп.: Грибоедов. Датируется на основании того, что издатели «Полярной звезды» планировали выход книжки к 1 января 1825 г. и определили ее состав в конце 1824 (см.: СО. 1825, № 1. С. 111). Вольный перевод «Театрального вступления» из трагедии Гёте «Фауст». В русском тексте отсутствуют последние четыре монолога: Весельчака, Поэта, Весельчака, Директора. Некоторые строки добавлены или изменены. О сатирическом переосмыслении Грибоедовым гётевского оригинала в духе обличительных монологов Чацкого см.: Жирмунский В. Гёте в русской литературе. Л., 1981. С. 119—120. Печатается иногда среди драматических произведений (см. с. 443). По замечанию С. А. Фомичева, «„Отрывок из Гёте“ представляет собой законченное лирическое произведение в диалогической форме, подобно стихотворению Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом», в котором, так же как у Грибоедова, варьируется тема „Пролога в театре“ из „Фауста“» (РЛ. 1977, № 2. С. 68). Из письма Н. М. Языкова от февраля 1825 г. видно, что Грибоедов намеревался продолжать работу над переводом «Фауста»: «Очень радуюсь, что Грибоедов переводит «Фауста»; желаю и надеюсь успеха, но могу сказать утвердительно, что он переведет его не для печати: я даже не знаю, какую сцену может пропустить цензура» (Письма Языкова. С. 156). В докладе цензора Н. Гилярова-Платонова Московскому цензурному комитету от 8 февр. 1857 г. есть указание на попытки цензуры при переизданиях урезать опубликованный отрывок: «Причиной неодобрения служило явно недоразумение цензора и предположение в словах дурного смысла, какого в них нет. Так например, в «Отрывке из Гёте» из стихов, которыми поэт отвечает на требование директора театра, выпущены были следующие (цитируется ст. 126—128.— *Ред.*)» (РО. 1896, № 11. С. 455).

Телешовой в балете «Руслан и Людмила», где она является обольщать витязя. СО. 1825, № 1 (ц. р. 18 нояб. 1824), подп.: Грибоедов. *Телешова* Екатерина Александровна (1804—1850) — балерина петербургского Большого театра, которой в РТ дана следующая характеристика: «Сия юная питомица Терпсихоры, отличная в трудном искусстве пантомимы ⟨...⟩ подает еще бо́льшие надежды привязанностью своею к драматическому искусству и постепенным стремлением к усовершенствованию» (РТ. С. IX). Исполняла роль Зломиры в балете «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника» (на сюжет поэмы Пушкина по либретто А. П. Глушковского с музыкой Фр. Шольца), поставленном 8 декабря 1824 г. в бенефис танцовщика А. Л. Огюста (см.: Арапов. С. 363). Грибоедов писал С. Н. Бегичеву 4 января 1825 г. о своем увлечении Телешовой: «Насчет любви моей будь беззаботен; я расхолодел, хотя моя Людмила час от часу более ко мне жмется. «Сын отечества» разгадал тебе загадку ⟨...⟩ Т⟨елешова⟩ до такой сте-

пени в три недели нашей симпатии успела... в танцах, что здесь не могли ей надивиться, всякий спрашивал ее, от чего такая прелестная перемена? такое совершенство? А я, одаль стоя, торжествовал; наконец, у меня зашлось рифмами, которые ты, вероятно, читал. Представь себе, с тех пор я остыл, реже вижусь, чтоб не разочаровываться. Или то меня с ног сшибло, что теперь все так открыто, завеса отдернута, сам целому городу пропечатал мою тайну, и с тех пор радость мне не в радость». Ст. 1. *Харита* (греч. миф.) — одна из богинь красоты, радости, олицетворение женской прелести; иносказательно — красавица, обладающая всеми совершенствами. Ст. 2—3. *Пери, Эдем.* В СО имеется примеч. издателя: «Эдем зороастров, жилище пери, воображаемых восточными народами существ, которых парси и даже мусульманы представляют себе в цветах радуги и в бальзамических испарениях роз и ясминов». Ст. 5. *И вдруг — как ветр ее полет!* и т. д. Подражание строфе XX из гл. первой «Евгения Онегина», посвященной балерине Е. И. Истоминой (впервые опубликована в «Литературных листках». 1824, № 4, февраль. С. 148—149. См. об этом Избр.-1978-ХЛ. С. 418).

* **Хищники на Чегеме.** СП. 1826, 30 ноября, подп.: А. Грибоедов. -- РСл. 1859, № 5, по ЧТ, под загл. «Дележ добычи».--РС. 1874, № 6, в редакционной статье «Александр Сергеевич Грибоедов (1795—1829)», по автографу из архива Ф. В. Булгарина. - - Печ. по автографу ПД (арх. РС, из архива Ф. В. Булгарина, впервые — Избр-1978-ХЛ). Списки: ГИМ, ГПБ, ЦГАЛИ. Автограф ПД — беловая рукопись под загл. «Хищники на Чегеме», имеет отметку об издании в РС и подстрочные примечания: к загл.— «Горная река при северном склонении Кавказа», к ст. 26 — «Эльборус», к ст. 52 — «Джигит — удалец» (первое и третье помечены: *Изд.*). Примеч., правка, дата, подпись и нумерация стихов принадлежат Булгарину. Характер правки позволяет предположить, что она сделана по указанию автора или с его согласия, поэтому она учитывается в наст. изд., за исключением ст. 17, 18, где характерные для грибоедовской пунктуации восклицательные знаки внутри фразы заменены в автографе запятыми. Загл. приписано, по всей вероятности, позднее. Список ГИМ — в дневнике А. Кожевникова за 1829 г. Список ГПБ на бумаге с водяным знаком 1821 г., с неисправным текстом и примеч.: к загл.— как в автографе ПД, к ст. 56 — как в СП. Список ЦГАЛИ (рукой А. А. Бестужева?), на бумаге 1820-х гг., с исправлениями рукой переписчика, вероятно, по тексту СП, неточно (указано в БП-1957. С. 508). На полях записаны два четверостишия и прозаический текст, позднее послужившие эпиграфами к гл. 6, 4, 5 повести А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (см.: РЛ. 1968, № 3. С. 222). Первая публикация — с цензурным изъятием строфы 9, без нумерации строф, с вар. в ст. 12, 25, 55, с примеч. к загл., ст. 26 и 52 — как в автографе ПД, к ст. 56 — «Вообще магометане стараются обращать в свою веру пленных, особенно юношей. Ложная мысль о невредимости стана истреблена победами русских». В пространном примеч. столь же официозного толка, сопровождающем все ст-ние, есть сведения об обстоятельствах его создания: «...написано во время похода противу горцев в октябре 1825 года, в становище близ каменного моста на реке Малке». В РСл — первоначальный черновой вариант с опечаткой в ст. 32 (*свиенный* вм. *свиенной*), ст. 63 заменен строкой точек, на с. 115 указаны варианты первопечатного текста. Публикация РС осуществлена по автографу Булгарина с правкой в ст. 23—25, искажающей смысл, приведены примеч. автографа к ст. 26 и 52 (со ссылкой на Булгарина: *Ф. Б.*). Там же указано наличие варианта в ст. 61 (не разобран публикаторами) и приписка Булгариным подписи Грибоедова. Сообще-

ние Грибоедова в письме к А. А. Бестужеву от 22 ноября 1825 г. о каком-то оставленном им замысле относится, возможно, к этому ст-нию: «На Малке я начал что-то поэтическое, по крайней мере самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остыл». О теме ст-ния имеется сообщение Е. Г. Вейденбаума: «На рассвете 29 сентября 1825 года, при сильном тумане и дожде, партия кабардинцев и закубанских черкесов, в числе до двух тысяч всадников, прорвавшись сквозь казачьи посты, напала на станицу Солдатскую и разгромила ее ⟨...⟩ Пока тревога распространилась по ближайшим станицам, хищники успели скрыться со своею добычей в ущелии р. Чегема. Получив известия о набегах, Вельяминов принял немедленно меры к преграждению хищникам возможности уйти безнаказанно за Кубань, в пределы непокорных горцев. Из Константиногорска Вельяминов выехал 4 октября, в сопровождении Грибоедова, и в тот же день прибыл на р. Малку в укрепление Каменный мост ⟨...⟩ Разного рода распоряжения задержали Вельяминова на Малке около девяти дней. Здесь набросал Грибоедов свое стихотворение „Хищники на Чегеме"» (АН. Т. 1. С. 282). О связи данного ст-ния со ст-нием Бестужева-Марлинского «Слава нам! Смерть врагу! (Песнь обреченных на смерть горцев)» см.: там же. *Хищники* — разбойники, грабители; название «немирных» горцев, совершавших набеги на русские войска. *Чегем* — река на Кавказе, приток Малки, берет начало в ледниках северного склона Эльбруса. Ст. 3. *Твержа* — твердь; твердыня, укрепление. Ст. 51. *Панцирный* — одетый в панцирь, доспехи; воин. Ст. 52. *Уздень* — у горских народов представитель высшего слоя. Ст. 54. *Кадий* — мусульманский духовный судья. Ст. 66. *Буза* — хмельной напиток.

* **«По духу времени и вкусу...»** РС. 1872, № 3, в воспоминаниях П. А. Каратыгина «Александр Сергеевич Грибоедов: Из моих записок» (два варианта — Каратыгина и по рукописи П. А. Ефремова). - - ГоУ-1875, в статье И. Д. Гарусова «Печатные издания комедии „Горе от ума"». - - Каратыгин П. А. Записки. Спб., 1880 (в другом изд.— вариант в ст. 3, по-видимому, опечатка). - - ИВ. 1909, № 3, в публикации Н. В. Шаломытова: «К биографии А. С. Грибоедова (Из неизданных материалов Д. А. Смирнова)». - - НМ. 1938, № 4, в статье М. А. Цявловского «Экспромт Грибоедова», два варианта: по записной книжке Н. В. Путяты (Мурановский музей) и по списку 1848 г. в альбоме Е. П. Ростопчиной (ЦГАЛИ). - - РЭ. С. 724, по списку ГПБ (архив П. П. Пекарского). Печ. по Восп-1980, где воспроизведен текст ИВ по записи Смирновым воспоминаний С. Н. Бегичева. Многочисленные списки с вариантами в разных архивохранилищах, в том числе — в качестве эпиграфа на экземплярах ГоУ-1833. В НМ в качестве второй строфы приведен текст четверостишия, приписывавшегося в разных редакциях также Пушкину, впервые отнесенного Грибоедову С. А. Соболевским (см.: Пушкин: Летописи Гос. лит. музея. Кн. 1. М., 1936. С. 513). Н. М. Лонгинов указал, что «это отрывок из более длинной пьесы, но не Пушкина, а Грибоедова» (НМ. С. 278). В альбоме Ростопчиной — с пометой: «Как Грибоедов определил о себе мненье московских дам». Устойчивая традиция передачи текста близкими друзьями Грибоедова в составе одного четверостишия ставит под сомнение атрибуцию ему второй части. В одном из вариантов «Записок» Каратыгин говорит: «Грибоедов, сидя в главном штабе, написал четырехстишие, которое нам после читал смеючись» (цит. по: НМ. С. 276). В записной книжке Н. В. Путяты (где приведен испорченный текст с нарушением размера в ст. 3) дано пояснение об обстоятельствах создания экспромта: «Грибоедов, подозревав-

шийся в принадлежности к тайному обществу, был потребован в следственную комиссию по делу 14 декабря 1825 г.— Его привезли с фельдъегерем в Петербург и посадили в дом Главного штаба, против Зимнего дворца. Там, под арестом, он начертил чем-то на стене или на оконной раме следующее четверостишие» (там же). *Притянуть к Иисусу* — привлечь к допросу; подвергнуть наказанию (см.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Т. 2).

А. О⟨доевскому⟩. РСл. 1859, № 5, по ЧТ, с примеч. Д. А. Смирнова: «На одной из страниц поэмы «Кальянчи» написано небольшое стихотворение, всего в восемь стихов, над которым стоят буквы: А. О.». С. Н. Бегичев в письме к Смирнову от 15 февраля 1858 г. предположил, что ст-ние посвящено Александру Одоевскому. Датируется временем между приговором Одоевскому (июль-авг. 1826 г.) и передачей Бегичеву ЧТ (1828 г.). *О⟨доевский⟩* Александр Иванович (1802—1839) — поэт, декабрист, родственник и друг Грибоедова. В 1826 г. был осужден в каторжные работы. Единственное известное письмо Грибоедова к Одоевскому от июня 1828 г. сходно по настроению с данным ст-нием. Грибоедов хлопотал о смягчении участи Одоевского. 3 декабря 1828 г. он писал жене А. А. Жандра В. С. Миклашевич: «Александр мне в эту минуту душу раздирает. Сейчас пишу к Паскевичу, коли он и теперь ему не поможет, провались все его отличия, слава и гром побед, все это не стоит избавления от гибели одного несчастного, и кого!!!» В тот же день он просил И. Ф. Паскевича помочь в смягчении участи «несчастного Александра Одоевского», но безрезультатно. Только в 1836 г. Одоевский был переведен из Восточной Сибири в Тобольскую губернию. Ст. 2. *Гений* (римск. миф.) — дух, божество, покровитель человека и его деятельности.

Домовой. РСл. 1859, № 5, по ЧТ, с примеч. Д. А. Смирнова: «Я помещаю это стихотворение, или, правильнее, начало стихотворения, первым потому, что нельзя определить, к какому именно оно относится году ⟨...⟩ Продолжения не было: за этими шестью стихами — целая белая четвертка бумаги» (с. 75). Датируется временем передачи ЧТ С. Н. Бегичеву. О содержании Смирнов писал: «Все, от мысли стихотворения до формы его, до самых оборотов речи, так проникнуто чисто русским элементом, что можно со всей основательностью предполагать, что, будь это стихотворение кончено, из него вышло бы нечто вроде типически русских баллад Пушкина ⟨...⟩ Люди с очень образованным эстетическим вкусом ⟨...⟩ находили, что даже в таком виде, в каком оно существует ⟨...⟩ оно представляет нечто полное, оконченное и что-то такое, что можно назвать чисто русским антологическим стихотворением» (РСл. 1859, № 4. С. 14).

*** Прости, отечество!** РСл. 1859, № 5, по ЧТ, с ошибочным чтением некоторых строк. - - АН. Т. 1, с частичной расшифровкой зачеркнутых вариантов, с факсимиле. Печ. по черновому автографу ГПБ. Автограф ГПБ — листок, извлеченный из ЧТ и вклеенный в обложку с надписью рукой Д. А. Смирнова: «Автограф А. С. Грибоедова. От племянника его Дим. Алек. Смирнова». Листок содержит тройную пагинацию: черными чернилами, более бледными (совпадающими по цвету с записью текста) и красными. На обеих сторонах — первоначальный черновой набросок не до конца отделанного произведения. Вопросы его чтения, степени завершенности и самостоятельности являются предметом дискуссии. Новое

прочтение отдельных строк и толкование общего смысла ст-ния предложено В. Н. Орловым (Соч.-1959. С. 691), С. А. Фомичевым (РЛ. 1977, № 2. С. 83—84), М. В. Строгановым (РЛ. 1978, № 2. С. 108—110), В. С. Баевским (РЛ. 1980, № 2. С. 127). В наст. изд. предпринята попытка самостоятельного прочтения текста (см. основной текст, ст. 10, 13 и «Варианты»). Зачеркнутые строки в нескольких местах составляют связный текст первоначальных вариантов.

Строфа 2, перед ст. 10:

Но скоро бросим кисть и прочь
Бежим от радужной палитры.

Ст. 14—18:

Вот старый опыт мы прошли,
Утомлены, но мудры стали,
Ногой измерили пять стоп,
В душе создали темный гроб
И в нем живых себя хороним.

Ст. 19—23:

а Вот опытность! ее урок:
Принять ярмо чужих властей,
Надежды заложить в могилу,
И вера в собственную силу,
И дружба, честь, любовь — всё тлен.

б Вот жизни гроб и плод ее:
Принять ярмо чужих властей,
Надежды заложить в могилу,
И веру в собственную силу
И дружбу, честь, любовь, и все...

Ст. 24—27:

а Согреем душу тем, что было,
Когда мы весело шли в бой,
И дружбы памятью, и тем,
Что так обманчиво и мило!

б Одушевимся былью давной,
Когда мы весело шли в бой,
И вера в нас ⟨жила?⟩, и то,
Что так обманчиво и мило!

Расположение строк, рифмовка и характер правки показывают, что обработка ст-ния не завершена. В первой публикации сопровождается примечанием Д. А. Смирнова: «„Прости отечество!“ я отношу ко времени первого выезда Грибоедова из России, т. е. к 1819 году, и,

конечно, не потому, что листок, на котором оно написано, переплетен в „Черновой“ между листами путевого, в 1819 году веденного дневника от Тифлиса до Тагерана, но потому, что Грибоедов в это время чрезвычайно тосковал по родине, покинутой почти что насильно» (с. 75). Датировку Смирнова нельзя признать убедительной, так как листы ЧТ подшиты, по его же свидетельству, в большом беспорядке, содержание же и тон ст-ния позволяют отнести его скорее к более позднему периоду (впервые указано И. А. Шляпкиным — ПСС-1889. Т. 2. С. 519). По предположению И. Н. Медведевой, загл., возможно, «является лишь пометой покинувшего родину Грибоедова, сделанной на листе, где находится набросок» (БП-1967. С. 511). Автограф, однако, не дает оснований для такого предположения. По другой гипотезе — «Прости, отечество!» означает не прощание, а просьбу о прощении, так как связано с последекабристскими настроениями поэта (см.: РЛ. 1978, № 2. С. 108—110).

Отрывок из поэмы «Кальянчи». СОиСА. 1838. № 1, с опечаткой в ст. 46 (*цененный* вм. *ценинный*), с указанием автора: «(А. С. Грибоедова)». Имеется свидетельство Д. А. Смирнова, дающее основание предположить, что первая и последующие публикации (в собр. соч.) соответствовали автографу ЧТ: «Черновая тетрадь Грибоедова начинается небольшой поэмой «Кальянчи», которую я не привожу здесь потому, что она была уже несколько раз напечатана» (РСл. 1859, № 5. С. 74). О расположении в ЧТ см. примеч. к ст-нию «А. О⟨доевскому⟩», с. 499). Датируется временем передачи ЧТ С. Н. Бегичеву. По замечанию А. Л. Гришунина, из пометы Д. А. Смирнова в ЧТ «можно заключить, что „Кальянчи“ написано раньше, чем „А. О⟨доевскому⟩“» (Соч-1985. С. 426). Возможно, является отрывком незавершенной и несохранившейся поэмы, которую упоминает В. К. Кюхельбекер в примечаниях к строкам из своего ст-ния «Памяти Грибоедова» (1829): «Певца, воспевшего Иран, И — ах! сраженного Ираном!» — «Относится к поэме Грибоедова, схожей по форме своей с «Чайльдом-Гарольдом»: в ней превосходно изображена Персия. Этой поэмы, нигде не напечатанной, не надобно смешивать с драмой, о которой упоминает Булгарин» (Кюхельбекер В. К. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 1. М.; Л., 1967. С. 222). «Ce rapporte à un charmant poëme *Путник* ou *Странник*, dans le genre de Child-Harold (mais sans la morgue et la misantrophie de Byron) dans lequel il avait imprimé» (фр. «Это относится к прелестной поэме: *Путник* или *Странник*, вроде Чайльд-Гарольда (но без надменности и мизантропии Байрона), в которой он изобразил Персию; эта поэма никогда не была напечатана» (там же. С. 631). См. также примеч. к ст-ниям «Освобожденный», «Восток», с. 502, 503. Тема произведения навеяна, возможно, происшествием, очевидцем которого был Грибоедов в 1820 г.; о нем докладывал глава дипломатической миссии в Персии С. И. Мазарович: «Двое бродяг ⟨...⟩ вывели в здешний базар на продажу ⟨...⟩ похищенного ими мальчика-грузина Татия. Я представил здешнему правительству о беззаконности такого поступления ⟨...⟩ Служащий при миссии ⟨...⟩ по моему приказанию силою извлек из шахзадинского дворца маленького несчастливца, которого я ныне с караваном отправляю в Карабах» («Новые материалы о Грибоедове»//«Заря Востока», 1949, 7 августа). *Кальянчи* — мальчик, подающий курительный прибор кальян, который упоминается в «Путевых записках» Грибоедова со следующим примеч. Смирнова: «Кальян для восточных народов служит предметом роскоши. Нужен особый слуга, чтобы его носить, чистить, приготовлять и возить его в дороге» (РСл. 1859, № 4. С. 65). Ст. 3. *Эйзед* (изид, вост. миф.) — доб-

рый дух. Ст. 4. *Пери* — дух, фея. *Джинний* (джинн, вост. миф.) — дух зла, демон, порожденный пламенем и бурей. Ст. 11. *Чинар* (чинара) — дерево, платан. Ст. 13. *Ширазский лист* — листовой табак, применяемый для кальяна. Ст. 19. *Дервйш* — мусульманский странствующий монах. Ст. 34. *Джейран* — газель, косуля. Ст. 36. *Эдем* — рай (см. примеч. к ст-нию «Телешовой...», с. 496). Ст. 39. *Рион* (Риони) — река в Имеретии. Возможно, что упомянута ошибочно вм. Иора (река в Кахетии, приток Куры) (см.: Избр-1978-ХЛ. С. 421). Ст. 46. *Цен⟨и⟩нный* — фарфоровый, фаянсовый, покрытый эмалью. Ст. 52. *Ага* — почетный титул в Персии; господин, начальник. Ст. 64. *Зелье* — порох. Ст. 80. *Бодец* — колющее оружие; заостренная палка; шпора. Ст. 90. *Картвела* — древнее название Грузии.

Освобожденный. РСл. 1859, № 5, по ЧТ. - - АН. Т. 1. Печ. по первой публикации, где сопровождено примеч. Д. А. Смирнова: «Вот стихотворение, которое принадлежит не иначе, как ко времени знакомства Грибоедова с нашим юго-востоком: оно, очевидно, навеяно его природой и впечатлениями; да и, кроме того, стих «Там, где вьется Алазань» (главная река Кахетии) и весь второй куплет так ясно указывают на местность, на которой, так сказать, выросло, возникло это стихотворение, что сомнения на этот раз не может быть никакого» (с. 76). В АН напечатано по тексту РСл, но в качестве двух самостоятельных произведений — «Освобожденный» и «Там, где вьется Алазань», также публиковалось во всех последующих изданиях. Вновь объединено в БП-1967, где высказано предположение (поддержанное позднее С. А. Фомичевым — см.: РЛ. 1977, № 2. С. 82), что отрывок (или отрывки — «два куплета», по определению Смирнова) представляет собой вместе с «Кальянчи» фрагменты «эпического произведения, возможно, что одной из глав поэмы «Странник» ⟨...⟩, которая, видимо, писалась в разные годы ⟨...⟩ Отдельные главы, или песни, имея внутреннюю самостоятельность, видимо, обладали особыми заглавиями: «Кальянчи» и др.» (БП-1967. С. 512). См. также примеч. к ст-нию «Восток», с. 503. Фомичев предлагает для связи всех трех отрывков («Кальянчи», «Луг шелко́вый, мирный лес!..» и «Там, где вьется Алазань...»), поменять местами первые два, а также исправляет по смыслу ст. 9: *Будто сладостью душистой.* Он же считает загл. «Освобожденный» принадлежащим Смирнову. Эти толкования представляются не бесспорными, и в настоящем издании текст публикуется в соответствии с единственным дошедшим до нас источником. Датируется предположительно временем передачи С. Н. Бегичеву ЧТ. Возможно, относится ко времени возвращения Грибоедова на Кавказ в 1825 г. Навеяно, по-видимому, воспоминаниями о ссыльных декабристах — В. К. Кюхельбекере (см.: Избр-1978-ХЛ. С. 442) или А. И. Одоевском (см.: БП-1951). Ст. 22. *Алазань* (Алазани) — река в Грузии, приток Куры. На берегу Алазани в Кахетинской долине находилось имение Цинондали, принадлежавшее кн. А. Г. Чавчавадзе, у которого часто гостил Грибоедов (см.: Ениколопов И. А. А. С. Грибоедов в Грузии и Персии. Тифлис, 1929. С. 31).

Стихотворения, приписываемые Грибоедову

«Полком окружали...». Сб. ОЛРС, публ. А. Станкевича, не вполне исправно. - - АН. Т. 3. Обе публикации — по автографу в письме Грибоедова к Н. А. Каховскому от 3 мая 1820 г. (ГИМ), в 1820-х гг. офицеру лейб-гвардии егерского полка, сопровождавшего русскую миссию в Персии. В обеих публикациях ст-ние не отмечено как грибоедовское, в АН не выделено в разд. стихотворных произведений. Возможно, Грибоедов цитирует ст-ние другого автора. В письме говорится о приеме, оказанном шахскими войсками отряду, сопровождавшему миссию, после текста ст-ния добавлено: «Этой порубежной фарсы недоставало, чтоб в мыслях ваших утвердить без того уже выгодное мнение, которое вы приобрели об их Иране». Ст. 3. *Присошка* — подпорка для ружья. *Пищаль* — старинное огнестрельное оружие, вид ружья. Ст. 5. *Хан, бек* — титулы феодальных правителей в мусульманских странах. Ст. 9. *Ньюкер* — конюх, телохранитель, слуга. *Дуст* — представитель ближайшего окружения, свиты.

Важное приобретение. ВЛ. 1958, № 1, в статье М. Медведева «Два новых стихотворения А. С. Грибоедова», по списку ЦГАЛИ в письме П. И. Шаликова к П. А. Вяземскому. В письме Шаликова сопровождено словами: «Вестник и ваше Последнее слово посылаются с просьбою не задержать *последнего* и с дополнением к эпиграммам Грибоедова». Имеются в виду ВЕ (1824, № 7) со статьей М. А. Дмитриева «Ответ на статью „О литературных мистификациях"», датированной 15 апреля, и статья Вяземского «Мое последнее слово», напечатанная позднее в «Дамском журнале» Шаликова (1824, № 9. С. 115). Не исключено, что эпиграмма принадлежит самому Шаликову. Об эпиграмматической полемике Грибоедова и Вяземского с Дмитриевым и Писаревым см. примеч. к «Эпиграммам», с. 495. *Германской музою пиита вдохновленный.* Речь идет о русском романтизме, связанном с немецкой романтической школой, как утверждал Вяземский в предисловии к «Бахчисарайскому фонтану». *От Славы имя получил.* Игра слов: архангел Михаил — предводитель небесного воинства и покровитель героев, прославивших отечество. *Михайлом прежде слыл, а ныне Михаил!* После эпиграммы Грибоедова «Надпись к портретам...», где Дмитриев назван *Михайло*, последний демонстративно подписал свою статью «О литературных мистификациях»: *Михаил Дмитриев.*

Элегия. Перевод элегии французского поэта Н.-Ж. Леонара (1744—1793) «Les plaisirs du rivage». «Радуга на 1830 год»: Лит.-музыкальный альманах. М., 1830 (ц. р. 10 дек. 1829), подп.: А. Г-в (в оглавлении: А. С. Г-в). Впервые приписано Грибоедову в Соч-1860 (возражения против этой атрибуции см.: РЛ. 1977, № 2. С. 71).

Душа. БдЧ. 1835, т. 8, подп.: Грибоедов. Список 1832 г. в тетради со списком Гоу — ПД, по тексту соответствует публикации О. И. Сенковского и, возможно, является ее источником. Издатель БдЧ Сенковский, опубликовавший это и след. ст-ния, хорошо знал и высоко ценил творчество Грибоедова, утверждал, что «лично был дружен» с ним (ГоУ-1946. С. 161), однако не исключена возможность его ошибки.

Восток. БдЧ. 1836, т. 14, подп.: А. Грибоедов. Об авторстве см. предыдущее примеч. И. Н. Медведева предполагает связь этого

ст-ния с «Кальянчи» и «Освобожденный» как частей какого-то единого эпического замысла (см.: БП-1967. С. 514). С. А. Фомичев указывает на возможную ошибку публикатора, уничтожившую рифму в ст. 53,— *отчий дом* вм. *отчий кров* (см.: РЛ. 1977, № 2. С. 86). В наст. изд. печатается в точном соответствии с источником текста. Ст. 3. *Покручать* — снарядить, собрать. Ст. 60. *Персть* — прах, земля; перен.: плоть в противоположность духу. Ст. 62. *Корпеть* — бдеть, бодрствовать.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Материалы к «Горю от ума»

Характер моего дяди. РА. 1874, № 6, в статье А. Н. Веселовского «Очерк первоначальной истории „Горя от ума"», по черновому автографу Грибоедова, переданному семьей Д. А. Смирнова в ОЛРС, позднее утраченному; с примеч. Веселовского: «Характеристика набросана начерно Грибоедовым в позднейшие годы». Набросок содержит характеристику Алексея Федоровича Грибоедова (р. 1769), дяди поэта со стороны матери, которого называли прототипом Фамусова (см.: ЛП. С. 370). Возможно, является заготовкой к работе над характером Фамусова или наброском предисловия к комедии.

〈По поводу «Горя от ума»〉. РА. 1874, № 6, в статье А. Н. Веселовского «Очерк первоначальной истории „Горя от ума"», отрывок, по черновому автографу Грибоедова (см. предыдущее примеч.). -- Соч-1875, загл.: «Драматический писатель и публика. Черновой набросок не для печати по поводу „Горя от ума"», принадлежащее, по-видимому, публикатору. Относится ко времени хлопот Грибоедова об издании ГоУ.

〈Ответ Катенину по поводу «Горя от ума»〉. «Всемирный труд». 1868. Кн. 2. - - АН. Т. 3, с факсимиле. Обе публикации с некоторыми погрешностями. - - Печ. по автографу ГЦТМ, где является началом незаконченного письма к П. А. Катенину от середины января 1825 г. (впервые БП-1967). В следующем письме 14 февраля 1825 г. Грибоедов пишет Катенину: «Те две страницы посылаю тебе недописанные. Они уже месяц как начаты, и что я хотел прибавить, не помню, но, вероятно, о себе: итак, благодарю мою память, что она мне на сей раз изменила. Ты говоришь, что замечания твои останутся между нами. Нет, мой друг, я уже давно от всяких тайн отказался и письмо твое на другой же день сообщил с кем только встретился: Дельвигу, между прочим, которого два раза в жизни видел, Булгарину, Муханову, Наумову, Одоевскому, Каратыгину и тогда же вечером Варваре Семеновне, Жандру и всем, кто у них на ту пору случился. Вероятно, еще многим, но кто же теперь всех их упомнит?» Письмо Катенина с замечаниями от ГоУ до нас не дошло, но его мнение известно из письма к Н. И. Бахтину (см. с. 457).

Наброски и планы незавершенных драм

Юность Вещего. РСл. 1859, № 5, по ЧТ. Этот краткий конспект задуманной Грибоедовым драмы о юности М. В. Ломоносова, по свидетельству

Д. А. Смирнова, сопровождал черновой вариант стихотворного отрывка с тем же названием (см. с. 347). Так как в перебеленном варианте отрывка конспект отсутствует, есть основание рассматривать его как самостоятельный прозаический набросок неосуществленного драматического произведения.

⟨1812 год⟩. РСл. 1859, № 5, по ЧТ, с многоточием в «Эпилоге» (вероятно, текст, не прочитанный или исключенный по цензурным соображениям публикатором). Датируется приблизительно по связи с драматическим отрывком ⟨1812 год⟩ (см. с. 350), предположительно представляет собой план неосуществленной стихотворной драмы, по теме примыкающей к этому отрывку, и традиционно объединяется с ним во всех публикациях, хотя сюжет отрывка не отражен в данном плане, а, по свидетельству Д. А. Смирнова, они были расположены в разных местах ЧТ и, возможно, не имели друг к другу прямого отношения. *Собор Архангельский* — собор в Кремле, построенный в XVI в. как усыпальница правителей русского государства и посвященный архангелу Михаилу, вождю небесного воинства и покровителю русских войск. Как считал О. Ф. Миллер, «в числе «усопших исполинов» не оказывается Димитрия Донского — может быть, под влиянием того фальшивого воспроизведения его у Озерова, на которое Грибоедов отозвался пародией» (цит. по: ПСС-1899. Т. 2. С. 520). Имеются в виду трагедия В. Озерова «Димитрий Донской» (1807) и не дошедшая до нас «шутотрагедия» Грибоедова «Димитрий Дрянской». *Выспрь* (церк.-слав.) — ввысь. *Терем царей в Кремле* — «Царский двор», резиденция правителей Руси, был занят Наполеоном, вошедшим в Москву. *Позняков* П. А.— известный московский театрал (см. с. 472), «в доме коего на Никитской французы дали 11 представлений, под дирекцией Боссе, во время занятия Москвы» (ПСС-1889. С. 525).

Родамист и Зенобия. РСл. 1859, № 5, по ЧТ, с примеч. Д. А. Смирнова: «Эта статейка-проект написана Грибоедовым на двух с половиной вместе, т. е. рядом находящихся в «Черновой» листах, но с таким множеством там и сям существующих пропусков, вставок и выносок, что едва можно было привести ее в такой вид, чтобы она представляла собой нечто последовательное» (с. 115). В тексте, вероятно, ошибочно переданы имена: *Родамист* вм. *Радамист, Вагаршан* вм. *Вагаршак, Ассюд* вм. *Ашод*; опечатка: *в мире* вм. *о мире*. Возможно, что Смирновым допущены и другие неточные прочтения. В наст. изд. сохраняется транскрипция собственных имен по источнику. Датируется не ранее возвращения Грибоедова на Кавказ осенью 1826 г. и не позднее июня 1828 г.— даты передачи ЧТ С. Н. Бегичеву. Сюжет истории Радамиста и Зенобии из «Анналов» Тацита (кн. 12, гл. 44 и след.) использован французским драматургом П. Кребийоном (1674—1762) в одноименной стихотворной драме, переведенной на русский язык С. Висковатовым и поставленной впервые 13 декабря 1809 г. («Радамист и Зенобия. Трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Кребильона». Спб., 1810). Перевод вызвал резко отрицательный отзыв В. А. Жуковского, который заявил, что «Кребильонов Радамист ожидает еще искусного переводчика» (ВЕ. 1810, № 22. С. 120). Можно предполагать, что Грибоедов намеревался создать стихотворную драму на этот сюжет, используя также «Историю Армении» Моисея Хоренского (перевод на русский язык — Спб., 1809) и другие материалы по истории Востока (см.: АН. Т. 1. С. 301). Тема произведения относится к истории Грузии и Армении I в. Действующие лица — царь Иверии (Грузии) *Фарасман*, его младший брат правитель Армении

Митридат, сын *Родамист* (Радамист), жена Родамиста *Зенобия*. Акт. 1. *Парфы* (парфяне) — объединение народов, основавших царство на северо-востоке Иранского плоскогорья. *Деций* Публий Мус (IV в. до н. э.) — римский консул, пожертвовал собою в битве с латинами во имя победы своего войска. *Албанского происхождения*. Албания — древнее название Азербайджана. *Орлоносец* — высокий титул при дворе армянских правителей. *Зендавеста* (Авеста) — священная книга зороастризма, содержит основные религиозные догматы и отголоски древнеиранских сказаний.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. А. С. Грибоедов. Гравюра Н. Уткина. 1829. С акварельного портрета Е. Эстеррайха (1825). ПД.
2. *С. 154*. «Горе от ума». Список, принадлежавший А. А. Жандру (ЖСп, д. IV, явл. 14, ст. 494—505). Писарская рукопись с авторской правкой. ГИМ.
3. *С. 157*. «Горе от ума». Автограф ранней редакции (МА, акт I, сц. 1, ст. 1—7). ГИМ.
4. *С. 196*. «Горе от ума». Автограф ранней редакции (МА, акт II, сц. 11, ст. 495—508).

5—13. *Между с. 224 и 225*.

А. С. Грибоедов в отроческие годы. Фотокопия портрета работы неизвестного художника. ПД.

А. С. Грибоедов. Акварельный портрет работы В. Мошкова. 1827. ГЛМ.

А. С. Грибоедов. Портрет работы Горюнова. 1820-е годы. Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград).

А. С. Грибоедов. Литография П. Бореля (1858) по рисунку П. А. Каратыгина. 1828. ПД.

А. С. Грибоедов. Рисунок А. С. Пушкина на полях рукописи второй главы «Евгения Онегина». 1823. ПД.

А. С. Грибоедов. Портрет работы И. Крамского. 1873. Гос. Третьяковская галерея.

Свидание И. Ф. Паскевича с Аббас-Мирзой. 21 июля 1827 г. Грибоедов — пятый. К. Беггров с оригинала В. Мошкова. Оригинал 1828 г. Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград).

Заключение Туркманчайского договора. 10 февраля 1828 г. К. Осокин с оригинала В. Мошкова. Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград).

А. С. Грибоедов. С акварельного портрета Е. Эстеррайха (1825). Портрет пастельными карандашами работы И. Робильяра. Вделан в переплет Булгаринского списка (1852) ГПБ.

14. *С. 362.* «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». Театральный список (титульный лист с цензурным разрешением). 1824. ГТБ.
15. *С. 364.* «Крылами порхая, стрелами звеня...» Автограф. 1823. ГИМ.
16. *С. 375.* «Хищники на Чегеме». Строфа 10. Автограф. 1825. ПД.
17. *С. 418.* «Горе от ума». Театральный список с передачей реплики графини внучки Наталье Дмитревне (д. III, явл. 17, ст. 468—475). ГТБ.
18. *С. 421.* «Горе от ума». Список, принадлежавший Ф. В. Булгарину (БСп, титульный лист с надписью А. С. Грибоедова). ГПБ.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения, приписываемые Грибоедову

ПРИЛОЖЕНИЯ

Материалы к «Горю от ума»

Наброски и планы незавершенных драм

Грибоедов А.

Г 11 Сочинения в стихах/Вступ. статья В. П. Мещерякова, сост., подг. текста и примеч. Д. М. Климовой.— Л.: Сов. писатель, 1987.— 512 с., 8 ил., 1 л. портр.— (Б-ка поэта. Большая сер.).

В настоящее издание вошла бо́льшая часть известных нам стихотворных произведений А. С. Грибоедова: комедия «Горе от ума» (в двух редакциях), ранние комедийные опыты (в том числе полупрозаический водевиль «Проба интермедии»), отрывки незавершенных драматических произведений, лирические стихотворения и сатирические эпиграммы. В приложении приводятся заметки Грибоедова, относящиеся к созданию «Горя от ума», и планы неосуществленных произведений.

$Г \frac{4702010100-026}{083(02)-87}$ 426—86 **ББК 84. Р1**

Александр Сергеевич Грибоедов

СОЧИНЕНИЯ В СТИХАХ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1987 г., 512 стр.
План выпуска 1986 г. № 426

Художник *В. В. Еремин*

Худож. редактор *Б. А. Комаров*

Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*

Корректоры *Е. Я. Лапинь и Е. А. Омельяненко*

ИБ № 5139

Сдано в набор 26.03.86. Подписано к печати 23.01.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 27,40. Уч.-изд. л. 24,54. Тираж 50 000 экз. Заказ № 333. Цена 2 р. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.